

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

LSoc 3977.44(7)

Uchenyia zapiski Imp. Moskovs-
kago Universiteta. Otdel istoriko-
filologicheskii

L Soc 3977.44 (7)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

1

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ.

ВЫПУСКЪ СЕДЬМОЙ.

МОСКВА.

1891.

66988

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ.

ВЫПУСКЪ СЕДЬМОЙ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульв.
1891.

△

L Soc 3977-44 (7)

60*2

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Московскаго Университета.

ГРЕЧЕСКІЕ СОФИСТЫ,

И Х Ъ

МИРОВОЗЗРѢНІЕ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ОБЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИЕЙ ГРЕЦИИ.

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ

А. Н. Гилярова.

*Sedulo curavi humanas actiones non
ridere, non lugere, neque detestari, sed
intelligere.*

Spinoza.

*Ehre dem Geschichtschreiber, welcher
den eitlen Schein vom Wesen zu trennen
versteht, und gleich dem Richter der
Unterwelt, die Seelen nackt und alles
Pompes und Gepränges entkleidet vor
seinen Richterstuhl zieht.*

Böckh.

THE PRINCIPLES OF

THE PRINCIPLES OF

THE PRINCIPLES OF

THE PRINCIPLES OF

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе	Стран. I—II
-------------------	----------------

Г Л А В А I.

Литературныя указанія. — Измѣнчивая судьба софистовъ. — Старое и новое мнѣніе о нихъ. — Взглядъ Грота на софистовъ и Сократа. — Свидѣтельства Платона. — Заблужденія новыхъ историковъ философіи по Гроту. — Софистическій характеръ Гротовой защиты. — Задачи предстоящаго труда	1— 10
---	-------

Г Л А В А II.

Исторія слова софистъ. — Значеніе его у древнѣйшихъ историковъ, поэтовъ, философовъ. — Враждебная ассоціація, связанная съ нимъ, и причины этой ассоціаціи. — Колебанія въ употребленіи этого слова. — Софисты какъ учителя различныхъ искусствъ. — Отношеніе современниковъ къ этимъ учителямъ. — Исторія словъ близко родственныхъ со словомъ софистъ. — Отзвы о софистахъ — Сократа, Ксенофонта, Платона, Аристотеля, Исократы, Анита, Калликла. — Выводы	11— 38
--	--------

Г Л А В А III.

Лица, извѣстныя въ исторіи подъ именемъ софистовъ. — Единство ихъ направленія. — Политическія причины, вызвавшія это направленіе. — Ростъ гражданскаго субъективизма въ Афинахъ. — Единство духовной жизни. — Субъективизмъ въ религіи, музыкѣ, поэзіи, какъ соотвѣтствіе субъективизму гражданскому. — Связь драматическаго искусства съ софистикой. — Воспитательное значеніе поэзіи. — Кругъ въ исторіи афинскаго субъективизма. — Безсиліе противодѣйствующихъ теченій	39—100
--	--------

Г Л А В А IV.

Аналогія между гражданскимъ и философскимъ субъективизмомъ и объективизмомъ. — Непосредственность раннихъ проявленій философскаго объективизма и субъективизма. — Древнѣйшіе представители объективизма въ греческой философіи — Фалесъ, Анаксимандръ, Анаксименъ, Пифагоръ. — Общая характеристика ихъ направленія примѣнительно къ современному имъ нравственному мировоззрѣнію. — Ученія Гераклита и Елейцевъ въ связи съ софи-	
--	--

стикой.—Попытки выдти из затрудненій, созданныхъ Гераклитомъ и Елейцами.—Ученія Эмпедокла, Анаксагора и Демокрита.—Ростъ философскаго субъективизма.—Мѣсто софистовъ въ исторіи греческой философіи..... 101—155

Г Л А В А V.

Психологическія причины, вызвавшія появленіе софистовъ.—Значеніе себялюбивыхъ волненій въ исторіи.—Рознь и борьба на всѣхъ ступеняхъ роста общественнаго организма.—Эгоизмъ отдѣльныхъ лицъ, семьи, рода, племени, государства.—Соотвѣтствіе идеаловъ воспитанія средствамъ борьбы.—Аѳинская исторія — совершеннѣйшее воплощеніе общенсторическаго типа.—Воспитательные идеалы въ Аѳинахъ до и послѣ половины V вѣка.—Судебная и законодательная борьба, ея мотивы и цѣли.—Подпольная борьба партій.—Риторика и еристика какъ средства борьбы.—Связь еристики съ судебной и законодательной практикой.—Кораксъ и Тизій—первые представители практической еристики.—Положеніе безоружныхъ въ демократической борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ.—Аѳины идеальныя и дѣйствительныя.—Послѣднее слово о практическомъ значеніи софистовъ ..... 156—207

Дополненія, поправки и опечатки..... I—III

Настоящее изслѣдованіе составляетъ третью часть предпринятаго мною труда о греческихъ софистахъ. Изъ множества вопросовъ, „которыми софисты ограждаютъ себя отъ изслѣдователя“, оно пытается рѣшить во всей полнотѣ только два: о томъ, кто были греческіе софисты, и о связи ихъ міровоззрѣнія и дѣятельности съ общей политической и культурной исторіей Греціи. Вторая часть будетъ содержать критику источниковъ, подробное обзорѣніе всего того, что намъ извѣстно о каждомъ софистѣ въ отдѣльности, и критическую оцѣнку софистическихъ теорій. Въ третьей я изложу исторію философскаго служенія Сократа, имя и дѣятельность котораго неразрывно связаны съ именами и дѣятельностью софистовъ.

Для знающихъ, что въ данномъ случаѣ требуется отъ критика, должно быть вполне ясно, почему я, хотя и ссылаюсь въ настоящей части на источники, не начинаю съ ихъ критики, а отношу ее къ началу второй части. Свидѣтельства главнаго повѣствователя о софистахъ, Платона, возбуждаютъ въ критикахъ недобвѣріе въ особенности вслѣдствіе недоброжелательныхъ, вызванныхъ будто бы исключительно его личною философскою точкой зрѣнія, замѣчаній объ аѣинской демократіи, служителями которой были софисты. Пока мы не узнаемъ, какова была въ дѣйствительности эта демократія, мы не будемъ въ состояніи судить и о томъ, правильны или нѣтъ Платоновы сужденія о ней. Въ настоящемъ изслѣдованіи я даю характеристику аѣинской демократіи на основаніи разнообразныхъ источниковъ. Каково бы ни было мнѣніе объ этой характеристикѣ, она покажетъ во всякомъ случаѣ, что все то, что Платонъ говоритъ о нравственныхъ идеалахъ, одушевлявшихъ аѣинянъ время охлократіи, подтверждается и всѣми другими современными ему писателями—историками, риториками, поэтами и философами. Въ слѣдующей части рядомъ доводовъ я постараюсь поставить внѣ сомнѣнія, что вполне согласны съ исторической истиной и во всякомъ случаѣ ей не противорѣчатъ свидѣтельства Платона и объ упоминаемыхъ и выводимыхъ имъ въ діалогахъ историческихъ лицахъ и что у него не было никакой причины клеветать на однихъ только софистовъ. Изъ приведенныхъ въ настоящемъ

изслѣдованіи различныхъ отзывовъ о софистахъ всякій можетъ убѣдиться, что отзывы Платона и Аристотеля менѣе недоброжелательны, чѣмъ всѣ остальные.

Не много мнѣ нужно словъ и для оправданія, почему я вхожу въ подробности современнаго софистамъ греческаго быта. Софисты были общественные дѣятели: для того, чтобы понять значеніе и смыслъ ихъ дѣятельности, необходимо знать среду этой дѣятельности. Слѣдуя Платону, я стараюсь доказать, что софисты были лишь выразители общественной нравственности своего времени; самая задача моего изслѣдованія такимъ образомъ требовала, чтобы я представилъ возможно полную и яркую картину этой нравственности. Главное правило, которымъ я при этомъ руководствовался—говорить какъ можно меньше самому и какъ можно больше словами первоисточниковъ. Но сообщаемыя послѣдними бытовыя особенности не могутъ быть понятны безъ комментарія лицамъ, мало знакомымъ съ греческою стариною. Вотъ причина, по которой я счелъ нужнымъ пояснить примѣчаніями приводимые мною отрывки изъ Аристофана.

Съ презрѣніемъ посмотреть на эти отрывки и на эти примѣчанія, какъ и вообще на весь мой чисто историческій методъ изслѣдованія, тѣ изъ философовъ, которые привыкли считать достоверными только доводы отвлеченной мысли и не придавать значенія свидетельству опыта—въ особенности „низменнаго“. Но на мой взглядъ имѣеть цѣну лишь та философія, которая 'объясняетъ жизнь, и при томъ не произвольно, а на основаніи того, что дается самою жизнью. Среди этихъ данныхъ ничтожная на первый взглядъ мелочь способна пролить свѣта больше, чѣмъ глубокомысленное, но неимѣющее подъ собою почвы житейскаго опыта разсужденіе. Про Лейбница разсказываютъ, что онъ съ любовью бралъ съ вѣтки наскромое и, разсмотрѣвъ подъ микроскопомъ, бережливо относилъ назадъ, благодарный за то знаніе, которое оно ему доставило. Не вижу причины, почему бы подробности челоѳческаго быта могли интересовать философа меньше, чѣмъ подробности строенія наскромаго.

Кіевъ, 16 апрѣля 1888 г.

I.

Литературныя указанія. — Измѣнчивая судьба софистовъ.. — Старое и новое мнѣніе о нихъ. — Взглядъ Грота на софистовъ и Сократа. — Свидѣтельства Платона. — Заблужденія новыхъ историковъ философіи по Гроту. — Софистическій характеръ Гротовой защиты. — Задачи предстоящаго труда.

Въ исторіи философіи не найдется другаго примѣра такой измѣнчивой судьбы, какую испытали греческіе софисты ¹⁾. Встрѣченные

¹⁾ Главнымъ источникомъ для исторіи софистовъ служатъ діалоги Платона, затѣмъ — сочиненія Аристотеля, Исократы, Ксенофонта, Диогена Лаэртія, Секста Емпирика, Филострата, Цицерона, Квинтиліана, Авла Геллія и др. Въ настоящемъ изслѣдованіи сдѣланы ссылки на слѣдующія изданія этихъ авторовъ: *Platonis opera ex rec. Hirschigii*, Paris 1846—1873; *Aristotelis opera, ex rec. Imm. Bekkeri*, ed. Acad. Regia Borussia, Berolini, 1831—1870; *Xenophontis scripta quae supersunt*, ed. Didot, Paris 1853; *Isocratis orationes, recogn. Fr. Blass*, Lips. 1882; *Diogenis Laertii de clarorum philosophorum vitis*, rec. C. Cobet, Paris, 1872; *Sexti Empirici opera*, ed. A. Fabricius, Lips. 1841; *Fl. Philostrati quae supersunt*, ed. C. L. Kayser, Tur. 1853; *Ciceronis scripta quae manserunt omnia*, rec. R. Klotz., Lips. 1851—1856; *Quintiliani Institutiones oratoriae*, rec. Bonnel, Lips. 1882; *Auli Gellii Noctium atticarum libri XX*, rec. M. Hertz, Lips. 1853. Изъ новыхъ трудовъ я пользовался слѣдующими: *Cresoli-thesaurum veterum rhetorum, oratorum, declamatorum, quos in Graecia nominabant σοφιστῶν* expositum libris V. (Thesaurus graecarum antiquitatum contextus et designatus a Gronovio, vol. X, Lugd. Batav. 1701, p. 1—247); Geel, *Historia critica sophistarum, qui Socratis aetate Athenis floruerunt*, Utrecht, 1823; Spengel, *Συναγωγή τεχνῶν* Stuttg. 1828; Roller, *die Griechischen Sophisten zu Socrates und Platons Zeit und ihr Einfluss auf Beredsamkeit und Philosophie*, Stuttg. 1832; Baumhauer, *quam vim Sophistae habuerint Athenis ad aetatis suae disciplinam, mores ac studia immutanda*, Traj. Bat. 1844; Wecklein, *die Sophisten und die Sophistik nach den Angaben Platon's*, Würzb. 1865; Schanz, *Beiträge zur vorsokratischen Philosophie aus Platon*, I Heft. Die Sophisten, Götting. 1867; Blass, *Attische Beredsamkeit*, I, Leipz. 1868; Funck Brentano, *Les sophistes grecs et les sophistes contemporains*, Paris, 1879; Siebeck, *das Problem des Wissens bei Socrates und der Sophistik*, Halle, 1870; того же автора: *Ueber Socrates Verhältniss zur Sophistik*, Halle, 1873 (Untersuchungen zur Philosophie der Griechen, I); Bethe, *Versuch einer sittlichen Würdigung der sophistischen Redekunst*, Stade, 1876. Meiners, *Histoire de l'origine, des progrès et de la décadence des sciences dans*

при первомъ своемъ появленіи съ восторгомъ ¹⁾, они почти вслѣдъ за тѣмъ навлекли на себя позоръ ²⁾, который тяготѣлъ надъ ними болѣе двадцати двухъ столѣтій. За исключеніемъ небольшого числа ихъ сторонниковъ во времена упадка классической древности — нѣсколькихъ риторовъ и грамматиковъ ³⁾— всѣ остальные привыкли за все это время на нихъ смотрѣть какъ на людей нравственно-презрѣнныхъ, а на ихъ философскія воззрѣнія какъ на легкомысленную, хотя и блестящую, игру ума, несогласную ни съ достоинствомъ науки, ни съ истиной ⁴⁾. Но съ конца прошлаго вѣка судьба ихъ снова измѣняется. На защиту ихъ выступаютъ передовые люди науки, знаменитые философы. Сначала беретъ ихъ подъ свое покровительство Бар-

la Grèce, trad. par Laveaux, t. III, p. 113—312; Tenneman, Geschichte der Philosophie, 1-r B., Leipz. 1798, S. 344—402; Hegel, Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie, her. v. Michelet, 2-r Th., 2-te Aufl. B. XIV, S. 35—39; Ritter, Geschichte der Philosophie alter Zeit, 1-r Th., 2-te Aufl., Hamb. 1836, S. 576—659; Hermann, Geschichte und System der Platonischen Philosophie, Heid. 1838, S. 179—217; Brandis, Handbuch der Griechisch-römischen Philosophie, 1-r Th., Berl. 1835, S. 516—548; того же автора: Geschichte der Entwicklungen der griechischen Philosophie, 1-te Hälfte, Berl. 1862, S. 205—219; Strümpell, Geschichte der theoretischen Philosophie der Griechen, Leipz. 1854, S. 92—100; того же автора Geschichte der practischen Philosophie der Griechen, Leipz. 1861, S. 23—72; Zeller, Philosophie der Griechen, 1-r Th., 1-te Abth., 4-te Aufl., S. 932—1041; Schwegler, Geschichte der griechischen Philosophie, herausg. v. Köstlin, 3-te Aufl., Freib. 1882, S. 101—115; Ziegler, Geschichte der Ethik. I, Bonn, 1881, S. 38—53; Ueberweg, Grundriss der Geschichte der Philosophie, 1-r Th. 7-e Aufl., Berl. 1886, S. 92—104; Lewes, History of Philosophy, 5-th ed. London, 1880, I, p. 106—126; Grote, History of Greece, a new ed. 1869, vol. V, Ch. LXVI, p. 257—262, vol. VI, Ch. LV, p. 305—310, vol. VIII, Ch. LXVII, p. 150—204; Plato and the other Companions of Socrates, 3-d ed., Lond. 1875; Aristotle, 3-d ed. London, 1883; Benn, The greecs Philosophers, London, 1882, I, p. 53—107; Grant, The Ethics of Aristotle, 4-th ed. London, 1885, I, p. 105—155; Blackie, Horae Hellenicae, Lond. 1874, p. 197—216; Bénard, La philosophie ancienne I, Paris, 1885, p. 248—365; ср. того же автора: Platon Gorgias, précédé d'une étude philosophique sur Gorgias et suivi d'un essai sur la sophistique et les sophistes, Paris, 1865; Frei, Beiträge zur Geschichte der griechischen Sophistik, Rhein. Mus., N. F., VII, 1850, S. 527—554, VIII, 1853, S. 268—279; Vitringa, de Sophistarum scholis, quæ Socratis ætate Athenis floruerunt, Mnemosyne, II, 1853, S. 223—237; T. Comperz, die griechischen Sophisten, Deutsche Jahrb., VII, 1858; Sidgwick, The Sophists, Journal of Philology, IV, 1872, p. 288—306. О. Коршъ, Критическое обозрѣніе, Москва, 1880, «Евтидежъ, діалогъ Платона» стр. 27—41. Остальная литература, касающаяся частныхъ вопросовъ въ исторіи софистовъ, будетъ приведена на своемъ мѣстѣ.

¹⁾ Plato, Apol. 19, E; Protag. 310, B, сл.; Менo, 91, D, сл.; Hipp. Maj. 282, B, сл.; De Rep. 600, C, сл. и др.

²⁾ Ср. приведенные въ слѣдующей главѣ отзывы о софистахъ.

³⁾ См. ниже, стр. 7, пр. 3.

⁴⁾ Сводъ различныхъ мнѣній о софистахъ въ древности и въ новое время (весьма, впрочемъ, поверхностный и неполный) у Bénard, Philosophie ancienne.

телеми ¹⁾, затѣмъ возстановляетъ въ правахъ Гегель ²⁾, наконецъ прославляютъ во имя справедливости Льюисъ и Гротъ ³⁾. Приговоръ вѣровъ отмѣненъ какъ несостоятельный; всѣ обвинения съ софистовъ сняты, не только доброе имя ихъ возстановлено, но они возвеличены какъ никогда прежде. Ради спасенія ихъ чести воспроизведены враждебные отзывы древней критики о Платонѣ, какъ всеобщемъ клеветникѣ и насмѣшникѣ ⁴⁾; его свидѣтельства о нихъ приравнены тому, что говоритъ Аристофанъ о Сократѣ ⁵⁾; замѣчанія Аристотеля о софистахъ объявлены лишены философскаго смысла ⁶⁾. Не менѣе ошибочнымъ оказывается и прежнее мнѣнiе о Сократѣ. Онъ вовсе не былъ противникомъ софистовъ и еристиковъ, какъ обычно-

¹⁾ Barthelemy, Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, 3-me éd. Paris, 1790. Этотъ ученый изъ новыхъ первый, ссылаясь на авторитетъ враждебной Платону древней критики, объявилъ его свидѣтельства о софистахъ насмѣшками, t. 4, p. 284, sq.

²⁾ Гегель видитъ въ софистахъ явленiе не случайное, но необходимое въ исторiи каждаго народа въ извѣстный моментъ его жизни (Hegel, Vorles. üb. die Geschichte der Philosophie, II, S. 19, 32; Encyclopädie, hsg. v. Henning, 2-te Aufl., Berl. 1843, S. 248); предостерегаетъ отъ злоупотребленія враждебнымъ значенiемъ слова «софистъ» (Vorles. S. 7); указываетъ на заслуги софистовъ и въ особенности на то, что Греція обязана своимъ образованiемъ и просвѣщенiемъ (Bildung, Aufklärung) именно софистамъ (ibid S. 8); называетъ ихъ спекулятивными философами и глубокими мыслителями (ibid. 39). Ср. также Hegel, Philosophie der Geschichte, II, 328, f. Подробно о взглядѣ Гегеля на софистовъ у Bénard, Philosophie ancienne, p. 252—278.

³⁾ Первое изданiе Гегелевыхъ «Vorlesungen» вышло въ 1833 г. (онѣ обнимаютъ собою курсы 1806—1831 годовъ); Гротова «History of Greece» появилась между 1846 и 1855 годами; Льюисъ вмѣняетъ себѣ въ заслугу то, что онъ на пять лѣтъ предупредилъ Грота, выставивъ новый взглядъ на софистовъ (Lewes, History of Philosophy, I, p. 106). Главу о софистахъ Льюисъ начинаетъ словами: The Sophists are a much calumniated race. That they should have been so formerly is not surprising; that they should be so still, is an evidence that historical criticism is yet in its infancy. In raising our voices to defend them we are aware of the paradox; but looked at nearly, the violation of probability is greater on the side of those who credit and repeat the traditional account. In truth, we know of few charges so unanimous yet so improbable as that brought against the Sophists. Ср. Grote, History of Greece, VIII, p. 150: If ever there was need to invoke this rare sentiment of candour, it is when we come to discuss the history of the persons called Sophists, who now for the first time appear as of note, the practical teachers of Athens and of Greece, misconceived as well as misesteemed.

⁴⁾ См. ниже, стр. 7, пр. 3.

⁵⁾ Lewes, History of Philosophy, I, p. 106, sq.: It is as if mankind had consented to judge of Socrates by the representation of him in «The Clouds». The caricature of Socrates by Aristophanes is quite as near the truth as the caricature of the Sophists by Plato; with this difference, that in the one case it was inspired by political, in the other by speculative antipathy. Grote, Plato, I, p. 527, 536, 549.

⁶⁾ Grote, Plato, I, p. 542. Ср. также Aristotle, p. 382 sq.; 394 sq.

венно полагали; наоборот—онъ былъ софистомъ изъ софистовъ ¹⁾ и эристикомъ изъ эристиковъ ²⁾. Все, что Платонъ говоритъ о софистахъ, скорѣе всего относится къ Сократу ³⁾; вмѣсто безсмысленнаго слова софистика слѣдуетъ говорить сократика ⁴⁾. Единственная разница между софистами и Сократомъ въ томъ, что первые были люди практичные и учили за плату, а Сократъ смотрѣлъ на торговлю мудростью какъ на недостойное и рабское дѣло, и потому не бралъ денегъ за свои бесѣды ⁵⁾; во всемъ остальномъ Сократъ, если смотрѣть на софистовъ какъ на вражью силу, былъ среди нихъ тѣмъ же, чѣмъ между дьяволами Вельзевулъ ⁶⁾. Но предразсудокъ, заставлявшій Сократа не брать съ учениковъ денегъ, имѣлъ въ исторіи софистовъ роковое значеніе. Онъ былъ вполне усвоенъ Платономъ, который, какъ великій теоретикъ и социалистъ ⁷⁾, шелъ къ тому же въ разрѣзъ съ господствовавшими нравственными убѣжденіями и потому вдвойнѣ возненавидѣлъ платныхъ наставниковъ въ ходячей добродѣтели ⁸⁾. Для названія особенно выдающихся между ними онъ счелъ наиболѣе подходящимъ слово софистъ, обозначавшее умственную знаменитость въ связи съ ненавистной ассоціаціей ⁹⁾. „Блестящій геній, продолжительное вліяніе и частая полемика Платона (говоритъ главный защитникъ софистовъ—Гротъ ¹⁰⁾), заклеили этимъ именемъ лицъ, противъ которыхъ онъ писалъ, какъ будто это было ихъ признанное, законное, имъ только принадлежащее обозначеніе; хотя достовѣрно то, что еслибы среди Пелопоннесской войны какой-нибудь афинянинъ былъ спрошенъ, кто главные софисты въ вашемъ городѣ, онъ прежде всего бы назвалъ Сократа, такъ какъ Сократъ былъ въ одно и то же время выдающимся учителемъ и лично непопуляренъ; а именно таковѣ было сочетаніе качествъ, которое обыкновенная публика естественно

¹⁾ Grote, History of Greece, V, p. 260; VIII, p. 155. (См. слѣд. стр.). Plato II, p. 428—431.

²⁾ Grote, Plato, I, p. 534—536; III, 479: Socrates the most persevering and acute Eristic of his age. Index, p. 65: Socrates the greatest Eristic of his age.

³⁾ Grote, Plato, II, p. 428—431.

⁴⁾ Ibid. I, p. 260: Instead of unmeaning abstract «Sophistik» given by Zeller and others, we ought properly to insert the word «Sokratik», if we are to have any abstract term at all.

⁵⁾ Grote, History of Greece, VIII, p. 153; Plato, II, 431.

⁶⁾ Grote, Plato, I, 395: Critics... do not like to see Socrates employing sophistry against the Sophists: that is, as they think, casting out devils by the help of Beelzebul.

⁷⁾ Grote, History of Greece, VIII, p. 204.

⁸⁾ Ibid. p. 158.

⁹⁾ Ibid. p. 155.

¹⁰⁾ Ibid. p. 155.

выражала словомъ софистъ. Платонъ не только изъяслялъ это имя изъ общаго употребленія, чтобы закрѣпить специально за своими противниками, учителями изъ-за платы, но также связалъ съ нимъ крайне безчестные атрибуты, которые вовсе не входили въ его первичное признанное значеніе, и были совершенно различны отъ неопредѣленнаго чувства нелюбви, связаннаго съ этимъ словомъ, хотя и были привиты къ этому чувству. Аристотель, слѣдуя примѣру своего учителя, далъ слову софистъ опредѣленіе въ сущности тождественное съ тѣмъ, которое оно имѣетъ въ современныхъ языкахъ— „софистъ— это обманщикъ, имѣющій притязаніе на знаніе, человѣкъ употребляющій то, что ему извѣстно за ложь, ради обмана и приобрѣтенія денегъ“. „Вторая половина V вѣка до Р. Х. (читаемъ мы далѣе у Грота ¹⁾) обыкновенно обозначается въ исторіи философіи какъ вѣкъ Сократа и софистовъ. О софистахъ говорили какъ о новомъ классѣ людей или иногда въ такихъ выраженіяхъ, которыя подразумевали новую ученую доктрину или школу, какъ будто софисты тогда въ первый разъ появились въ Греціи—чванные шарлатаны, лстящіе и обманывающіе богатыхъ юношей ради своей личной выгоды, подкапывающіе въ Афинахъ общественную и частную нравственность и поощряющіе своихъ учениковъ къ безсовѣстному потворству честолюбію и жадности. Сократа, напротивъ, обыкновенно изображали какъ святаго человѣка, борющагося съ этими лжепророками и избличающаго ихъ, какъ неутомимаго поборника нравственности противъ ихъ коварныхъ уловокъ. Но хотя появленіе человѣка, столь сильно оригинальнаго, какъ Сократъ, было новымъ фактомъ невыразимой важности, появленіе софистовъ вовсе не было новымъ фактомъ: что было новаго, такъ это особое употребленіе стараго слова, которое Платонъ лишилъ его обычнаго значенія (took out of its usual meaning) и укрѣпилъ за выдающимися платными учителями Сократова вѣка“. Несмотря однако на то, что о такъ-называемыхъ софистахъ мы знаемъ главнымъ образомъ изъ свидѣтельствъ ихъ „отъявленнаго врага“ Платона, даже и его свидѣтельства, если ихъ построить правильно и взять въ цѣломъ, не могутъ уполномочить къ тѣмъ обвиненіямъ въ безнравственномъ ученіи, ложномъ притязаніи на мудрость и т. д., которыя современные историки философіи громкимъ хоромъ возводятъ на софистовъ ²⁾. У этихъ историковъ вошло въ обычай „переводить изъ Платона и выставлать вражью силу подъ названіемъ „софистика“ (dress up the fiend called „Die Sophistik“), которая, по ихъ

¹⁾ Ibid. p. 156.

²⁾ Ibid. p. 164.

увѣренію, совращающимъ ученіемъ отравила и деморализовала аѳинскій нравственный характеръ, такъ что онъ сталъ испорченнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ былъ во время Мильтіада и Аристида. Но, чтобы абстракція „софистика“ могла получить какое-нибудь опредѣленное значеніе, мы должны имѣть доказательства того, что люди, именуемые софистами, имѣли какіе-нибудь доктрины, принципы или методы, общіе имъ всѣмъ и отличающіе ихъ отъ другихъ. Такое предположеніе не вѣрно: не существовало общихъ принадлежавшихъ имъ доктринъ, принциповъ или методовъ ¹⁾. Даже имя, подъ которымъ они извѣстны, принадлежало имъ не больше, чѣмъ Сократу и другимъ; у нихъ не было ничего общаго, кромѣ ихъ профессіи платныхъ учителей, подготавливавшихъ молодыхъ людей „мыслить, говорить и дѣйствовать“ ради пріобрѣтенія къ себѣ довѣрія среди гражданъ. Но и эта общность профессіи не подразумѣвала въ то время такого аналогичнаго характера, какъ теперь, когда путь обученія пробить въ широкую и торную большую дорогу съ размѣренными разстояніями и установленными промежутками ²⁾. Еслибы поѣтому и было справедливо, что въ періодъ отъ 480 г. и до конца Пелопоннесской войны произошло большое нравственное ухудшеніе въ Аѳинахъ и вообще въ Греціи, то мы должны искать для этого иной причины помимо измышленной абстракціи, именуемой софистикой“. На самомъ же дѣлѣ Аѳины въ концѣ Пелопоннесской войны были не только не болѣе развращены, чѣмъ Аѳины въ дни Мильтіада и Аристида, но даже стали въ нравственномъ и политическомъ отношеніи лучшими ³⁾, и этимъ улучшеніемъ онѣ обязаны главнымъ образомъ софистамъ. Софисты отвлекали молодыхъ людей отъ праздної жизни и борьбы партій, обогащали ихъ умъ самыми хорошими идеями и чувствами, знакомили съ общими обязанностями человѣка и гражданина, раскрывали

¹⁾ Въ доказательство Гротъ приводитъ то, что «Платонъ, въ своемъ діалогѣ «Протагоръ», гдѣ выведены Протагоръ, Продикъ и Гиппій, надѣляетъ каждого изъ нихъ особымъ типомъ характера и особымъ методомъ, не безъ сильной примѣси взаимной ревности между ними; между тѣмъ какъ Фразимахъ, въ «Государствѣ», и Евемдемъ, въ діалогѣ этого имени, опять изображены каждый своеобразными красками, отличающими ихъ отъ всѣхъ трехъ вышеупомянутыхъ». «Мы не знаемъ», говоритъ Гротъ, «насколько Горгій былъ согласенъ съ мнѣніемъ Протагора, что человѣкъ мѣра всѣхъ вещей, но мы можемъ заключить даже изъ самого Платона, что Протагоръ воспротивился бы взглядамъ, выраженнымъ Фразимахомъ въ первой книгѣ «Государства». (Grote, History of Greece, VIII, p. 175).

²⁾ Ibid. p. 174—175.

³⁾ Ibid. p. 178: It is my belief that the people had become both morally and politically better.

зерна нравственности, положенныя въ древнихъ легендахъ, оживляли чувства всееллинскаго братства и т. д.¹⁾ Однимъ словомъ, въ исторіи мало характеровъ, съ которыми бы обходились столь жестоко, какъ съ такъ-называемыми софистами: они несутъ наказаніе за свое имя въ его современномъ значеніи²⁾.

Своеобразность, смѣлость и кажущаяся убѣдительность этого новаго мнѣнія³⁾, которое выступаетъ у Грота во всеоружіи самой широкой учености и увлекательнаго краснорѣчія, сдѣлали то, что оно многими считается послѣднимъ словомъ науки, безповоротнымъ приговоромъ исторіи⁴⁾. И дѣйствительно, только слѣпая приверженность старинѣ можетъ не признать, что Гротъ горячимъ разоблаченіемъ крайностей стараго мнѣнія не мало способствовалъ болѣе правильному взгляду на софистовъ. Но, читая внимательно составленную Гротомъ съ великимъ ораторскимъ искусствомъ рѣчь на защиту софистовъ, нельзя не замѣтить, что онъ нерѣдко прибѣгаетъ въ ней къ тѣмъ самымъ приемамъ, которые сдѣлали изъ слова софистъ позор-

¹⁾ Ibid. p. 203—204.

²⁾ Ibid. p. 164.

³⁾ Называя мнѣніе Грота новымъ, необходимо оговориться, что слово новый слѣдуетъ понимать въ этомъ случаѣ въ ограниченномъ смыслѣ. Большую часть того, что Гротъ говоритъ о софистахъ, говорили другіе раньше его. Такъ мнѣніе, что софисты существовали въ Греціи издревле, было высказано Протагоромъ (см. ниже, стр. 13, прим. 2); что Сократъ былъ софистомъ изъ софистовъ, на это указывалъ Аристофанъ въ «Облакахъ» и Андротіонъ (Aristid. XLVI, p. 407, Dind.: Ανδροτίων... προσείρηκε... Σωκράτη σοφιστήν τοῦτον ἴδον πάνυ; ср. также Aeschin, c. Timarch. 173); что слово софистъ имѣло къ древности не вполне опредѣленное значеніе и поэтому могло давать поводъ къ произвольнымъ обобщеніямъ и классификаціямъ,—это ставили на видъ Платонъ (въ «Софистѣ»), Исократъ (см. ниже, стр. 15, прим. 5), Аристидъ (l. c. p. 407, 408, 409); что Платонъ былъ отъявленнымъ врагомъ софистовъ и клеветалъ на нихъ—это мы слышимъ отъ Аэинэя и Аристида (Ath. XI, p. 505, sq.; Aristid. l. c.); послѣдній кромѣ того высказалъ мысль, которой Гротъ придаетъ такое большое значеніе,—что слово софистъ стало враждебнымъ благодаря стараніямъ Платона. (Aristid. l. c. p. 408: Πλάτων ὁ μάλιστα ἀνταρήμενος τοῦτου τοῦ προσρήματος... ἐπεὶ καὶ τὸν σοφιστὴν δοκεῖ μὲν πῦς κακίσειν αἰεὶ, καὶ ὁ γὰρ δὴ μάλιστα ἐπαναστάς τῷ ὀνόματι Πλάτων εἶναι μοι δοκεῖ). Новизна мнѣнія Грота состоитъ въ томъ, что онъ извлекъ изъ прежнихъ мнѣній и объединилъ все выгодное для софистовъ и невыгодное для Платона, и что онъ первый сталъ восхвалять великую добродѣль софистовъ, тогда какъ прежніе ихъ заступники скромно о ней умалчивали.

⁴⁾ Ср. наприм. Mahaffy, History of Classical Greek Literature, Lond. 1880, II, p. 57: Grote was the first to dispel the cloud of misconception which had been diffused about the Sophists by ancient calumny and modern dulness, nor is there any part of his monumental history of Greece more enduring in value than the famous sixty—seventh and sixty—eighth chapters on this subject. Ср. также Sidgwick, Journal of Philology, vol. IV, № 8, 1872, p. 289.

ное имя ¹⁾). Невольно приходитъ поэтому на мысль, что быть можетъ дѣло софистовъ не всегда такъ право, какъ хочетъ доказать ихъ име-

---

¹⁾ Доказательства будутъ приведены не одинъ разъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Въ настоящемъ случаѣ достаточно указать на главнѣйшія противорѣчія, парадоксы и софизмы:

1) Не смотря на то, что слово софистъ было во времена Платона въ общемъ употребленіи для обозначенія платныхъ учителей (Grote, History of Greece VIII, p. 153: Now when, in the period succeeding 450 B. C., the rhetorical and musical teachers came to stand before the public at Athens in such increased eminence, they of course as well as other men intellectually celebrated, became designated by the appropriate name of Sophists; *ibid.* p. 155: for Socrates was at once eminent as an intellectual teacher, and personally unpopular... and this was the precise combination of qualities, which the general public naturally expressed by a Sophist; *ibid.* 157: Protagoras, Gorgias and the rest... gained a distinction such as none of their predecessors had attained, were prized all over Greece, travelled from city to city with general admiration and obtained considerable pay. While such success, among men personally strangers to them, attests unequivocally their talent and personal dignity; of course it also laid them open to increased jealousy, as well from inferior teachers, as from the lovers of ignorance generally; such jealousy manifesting itself... by a greater readiness to stamp them with the obnoxious title of Sophists), Платонъ изъясъ это слово изъ общаго употребленія, чтобы закрѣпить за платными учителями (*ibid.* p. 155: Plato... stole the name out of general circulation in order to fasten it spacially upon his opponents the paid teachers, *ср.* также всю выписку изъ Грота на стр. 4 и 5).

2) Софисты не имѣли никакихъ общихъ стремленій (tendencies, *ibid.* p. 175), но въ тоже время всѣ ставили одну и ту же цѣль—подготовлять молодыхъ людей къ дѣятельной жизни по правиламъ ходячей нравственности (*ibid.* p. 158—159 и др.); у софистовъ была общая профессія, но они не были классомъ (*см.* выше, стр. 5; *ср.* также Grote, Plato, I, 544; II, 115, 463; III, 163, 533); впрочемъ на стр. 204 History of Greece Гротъ соглашается, что софисты были «профессіей или классомъ».

3) Взглядъ софиста Пола на жизнь тиранна какъ на самую счастливую былъ взглядомъ всѣхъ аѳинянъ (History of Greece, p. 188: Polus... maintains no arguments which justify the charge of immorality against himself or his fellow-teachers. He defends the tastes and sentiments common to every man in Greece, and shared even by the most estimable Athenians—Periclès, Nikias and Aristocratès—въ этомъ Гротъ вполне согласенъ съ Платономъ (Gorg., 472, A; *ср.* также *ibid.* 511, B); тѣмъ не менѣе софисты не могли проводить деспотическихъ воззрѣній, такъ какъ эти воззрѣнія были возмутительны для демократическаго чувства (*ibid.* 189—196). Они не могли дѣлать этого еще и потому, что ихъ ученіе было въ высшей степени публично (History of Greece, p. 191: We know, that the teaching of the latter (i. e. Sophists) was public in the highest degree; publicity was pleasing as well as profitable to them); но черезъ нѣсколько страницъ мы читаемъ (p. 213), что all teachers (въ противоположность Сократу) either took money for their lessons, or at least, gave them apart from the multitude in a private house or garden, to special pupils with admissions and rejections at their own pleasure.

4) Въ доказательство того, что Аѳины послѣ Пелопоннесской войны стали въ политическомъ и нравственномъ отношеніи лучшими, Гротъ приводитъ слѣдующіе доводы (p. 176—178):

нитый защитникъ, и что быть можетъ, защищая ихъ, онъ руководствовался не однимъ только чувствомъ справедливости, но и другими

а) Во всей афинской исторіи нельзя найти дѣйствій, которыя бы въ такой мѣрѣ свидѣтельствовали о добродѣтели и разсудительности всего народа, какъ дѣйствія афинянъ послѣ Четырехсотъ и Тридцати: современники Мильтіада едва ли (пог до I believe) могли проявить такой героизмъ; *сомнительно*, чтобы они могли быть такими самоотверженными въ храненіи и тратѣ общественныхъ денегъ, какъ афиняне во время и послѣ Пелопоннесской войны.

б) Если афиняне время Мильтіада не совершали такихъ жестокостей (въ родѣ напр. избіенія Мелосцевъ), какъ афиняне время Пелопоннесской войны, то это объясняется не высшимъ принципомъ гуманности на сторонѣ первыхъ, но просто тѣмъ, что не представлялось случая къ подобнымъ искушеніямъ.

с) Если бы судъ надъ побѣдителями при Аргинузскихъ островахъ происходилъ въ 490 г., то приговоръ былъ бы вынесенъ гораздо скорѣе и безцеремоннѣе, чѣмъ какъ это было въ 406 г., такъ какъ въ тотъ ранній періодъ не существовало ни псефизмы Каннона, ни графѣ паравошув, ни опредѣленнаго песочными часами времени для защиты подсудимыхъ и т. д.

д) Наконецъ, больше всего свидѣтельствуетъ о строгой и хорошей нравственности (strict and decorous morality) афинянъ во время Пелопоннесской войны ихъ чрезвычайное уваженіе къ благочестивому Никію, которое повело къ катастрофѣ Сицилійской экспедиціи.

Если подъ доказательствомъ подразумѣвать то умственное дѣйствіе, посредствомъ котораго мы утверждаемъ достовѣрность менѣе извѣстнаго на основаніи болѣе извѣстнаго, то очевидно, что первые три довода, какъ предположительные и сомнительные, не имѣютъ никакой логической цѣны. Упоминаніе о псефизмѣ Каннона служитъ не къ подтвержденію, а къ опроверженію мнѣнія Грота: полководцевъ судили не каждаго порознь, какъ слѣдовало бы согласно съ этой псефизмой, а всѣхъ вмѣстѣ, вопреки ей, т. е. противозаконно (Xen. Hist. Graeca, I, 7, 20, 34; Memorab. I, 1, 18). Послѣдній доводъ не имѣетъ значенія потому, что противорѣчитъ исторической истинѣ. Предпринимаемая Сицилійскую экспедицію, афиняне послушались не «благочестиваго» Никія, который ее горячо отговѣтывалъ, но «безбожнаго» Алкивиада (См. Thuc. VI, 8 сл.; Grote, History of Greece, VI, p. 418 sq.). Неудачно кончилась экспедиція дѣйствительно отчасти по винѣ Никія; по эта вина состояла въ его малодушіи и малоспособности, а не въ благочестіи. Если Гротъ, говоря о благочестіи Никія, намекаетъ на то, что онъ въ роковую ночь 27 августа 413 г. отложилъ отплытіе изъ-за религиозныхъ соображеній, вызванныхъ случившимся въ эту ночь луннымъ затменіемъ, то всякій, кто прочтетъ объ этомъ обстоятельстве и объ ему предшествовавшихъ у Фукидида и даже у самого Грота (Thuc. VII, 47, слѣд.; Grote, History of Greece, VII, 148 sq.), убѣдится, что желаніе остаться вслѣдствіе этого затменія было общимъ и что религиозныя соображенія только утвердили Никія уже въ предпріятомъ рѣшеніи. Едва ли нужно говорить, что и первый доводъ не согласенъ со свидѣтельствомъ исторіи.

б) Свидѣтельства Платона заслуживаютъ довѣрія въ тѣхъ случаяхъ, когда оправдываютъ взгляды Грота (напр. свидѣтельства о великой славѣ софистовъ, о томъ, что они примѣнялись къ ходячимъ воззрѣніямъ, отличались одинъ отъ другаго различными особенностями и т. д.), но оказываются недостовѣрными, какъ скоро противорѣчатъ этимъ взглядамъ (напр. въ томъ, что Платонъ разсказываетъ о Фразимахѣ, Еввидемѣ и Діонисодорѣ).

посторонними побужденіями. Эти побужденія угадать не трудно: стоить только обратить вниманіе на то, съ какимъ сочувствіемъ онъ относится къ утилитаризму вообще ¹⁾ и къ утилитарному направленію софистовъ въ особенности ²⁾, съ какимъ увлеченіемъ говоритъ о дѣятельности и ученіи Протагора ³⁾, съ какой, наконецъ, горячностью отстаиваетъ свободу всякаго мнѣнія ⁴⁾, чтобы убѣдиться, какъ ему трудно было признать нравственно презрѣннымъ или ничтожнымъ какое бы то ни было философское направленіе, а тѣмъ болѣе то, которое раздѣляетъ онъ самъ. Изъ того, что Гротъ старался оправдать софистовъ съ извѣстной философской точки зрѣнія, не слѣдуетъ, конечно, что эта послѣдняя не вѣрна и что прежнее мнѣніе о софистахъ правильно; но Гротъ и съ вѣрной точки зрѣнія могъ смотрѣть на дѣло узко и односторонне и крайности стараго мнѣнія могъ замѣнить другими, противоположными. Истина о софистахъ лежитъ въ серединѣ между крайностями этихъ двухъ мнѣній. Софисты были въ Греціи и до V вѣка, но эти древніе софисты были совершенно отличны отъ тѣхъ, которые появились со второй половины этого вѣка; Сократъ былъ софистомъ въ древнемъ смыслѣ этого слова, но не былъ софистомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ назывались софистами Протагоръ, Горгіи и другіе; софисты V и IV вѣковъ не составляли школы или секты, но были разрядомъ или классомъ; каждый изъ нихъ имѣлъ нѣкоторыя особенности, но всѣ они слѣдовали одному и тому же направленію, извѣстному подъ именемъ софистики; у нихъ были нѣкоторыя хорошія стороны, но были и крупныя недостатки; не они внесли ядъ разлвнн въ аѣинскую жизнь, но этотъ ядъ въ аѣинской жизни V и IV вѣковъ существовалъ и они (вмѣстѣ съ другими) повинны въ его распространенію; Платонъ былъ косвеннымъ виновникомъ ихъ дурной славы (такъ какъ мы знаемъ о нихъ преимущественно изъ его сочиненій), но не былъ ихъ отъявленнымъ врагомъ, не клеймилъ ихъ позорнымъ именемъ, не клеветалъ и не лжесвидѣтельствовалъ на нихъ. Все это надѣюсь я доказать въ предстоящемъ изслѣдованіи, цѣль котораго самостоятельнымъ изученіемъ источниковъ и беспристрастною оцѣнкою чужихъ мнѣній способствовать рѣшенію труднаго и сложнаго вопроса о софистахъ.

¹⁾ Подробно развиваетъ Гротъ свой этический взглядъ въ анализѣ діалога «Протагоръ» (Plato, II, p. 81—82).

²⁾ Доказательствомъ служитъ вся глава LXVII его «History of Greece» и всѣ тѣ мѣста «Plato», въ которыхъ онъ говоритъ о софистахъ.

³⁾ Ср. изложеніе діалоговъ «Протагоръ» и «Феэтегъ» (Grote, Plato, II, p. 45, sq.; 325, sq.).

⁴⁾ Ср. превосходныя замѣчанія Грота о положеніи самостоятельнаго мыслителя въ обществѣ. Plato, I, p. 250—265; II, p. 140—145.

II.

Исторія слова софистъ.—Значеніе его у древнѣйшихъ историковъ, поэтовъ, философовъ.— Враждебная ассоціація, связанная съ нимъ, и причины этой ассоціаціи.—Колебанія въ употребленіи этого слова.—Софисты какъ учителя различныхъ искусствъ.—Отношеніе современниковъ къ этимъ учителямъ.—Исторія словъ близко родственныхъ со словомъ софистъ.—Отзывы о софистахъ—Сократа, Ксенофонта, Платона, Аристотеля, Исократы, Анита, Каликля.—Выводы.

Въ настоящее время подъ словомъ софистъ обыкновенно подразумеваютъ обманщика, прибѣгающаго къ различнаго рода уловкамъ, чтобы доказать завѣдомо ложную мысль. Но первоначально слово это значило тоже, что мудрецъ ¹⁾, и было почетнымъ наименованіемъ ²⁾ людей съ выдающимися способностями, познаніями, навыками, сноровками — служило для обозначенія законодателей, поэтовъ, философовъ, музыкантовъ, врачей и т. д. Такъ, Геродотъ называетъ софистами знаменитаго законодателя Солона ³⁾, философа Пифагора ⁴⁾, вѣщателя Мелампа ⁵⁾. Современникъ Геродота, философъ Діогенъ изъ Аполлоніи, этимъ именемъ обозначалъ всѣхъ вообще философовъ, занимающихся изслѣдованіемъ природы ⁶⁾. Пиндаръ и комикъ Кра-

¹⁾ Diog. Laert., Prooem. 12: οἱ σοφοὶ καὶ σοφισταὶ ἐκαλοῦντο.

²⁾ Themist. XXIII, 286. (См. ниже, стр. 13, пр. 2). Ср. также Isocr. De Permutat., 318: οὐκ οὖν ἐπὶ γε τῶν προγόνων οὕτως εἶχεν, ἀλλὰ τοὺς μὲν καλουμένους σοφιστὰς ἐθαύμαζον καὶ τοὺς συνόντας αὐτοῖς ἐζήλουν.

³⁾ Herod. I, 29: ἀπικνέονται ἐς Σάρδις ἀκμάζουσαι πλοῦτῳ ἄλλοι τε οἱ πάντες ἐκ τῆς Ἑλλάδος σοφισταί... καὶ δὴ καὶ Σόλων ἀνὴρ Ἀθηναῖος.

⁴⁾ Ibid. IV, 95: τὸν Σάλμοξιν... οἷα Ἑλλησὶ τε ὀμιλήσαντα καὶ Ἑλλήνων οὐ τῷ ἀσθενεστάτῳ σοφιστῇ Πυθαγόρῃ.

⁵⁾ Ibid. II, 49: Ἑλλησὶ γὰρ δὴ Μελάμπους ἐστὶ ὁ ἐξηγησάμενος τοῦ Διονύσου τὸ τε οὔνομα καὶ τὴν θυσίην... ἀτρεκέως μὲν οὐ πάντα συλλαβῶν τὸν λόγον ἔφηνε, ἀλλ' οἱ ἐπιγενομένοι τούτῳ σοφισταὶ μεζόνως ἐξέφηναν... ἐγὼ μὲν νῦν φημί Μελάμποδα γενόμενον ἄνδρα σοφόν... Изъ этихъ словъ Геродота нельзя не видѣть, что онъ не различалъ софисты отъ софосъ.

⁶⁾ Simplic. in Phys, 32, v, 35: ἰστέον ὡς γέγραπται πλείονα τῷ Διογένηι τούτῳ συγγράμματα, ὡς αὐτὸς ἐν τῷ Περί φύσεως ἐμνήσθη, καὶ πρὸς φυσιολόγους ἀντειρηκεῖναι λέγων οὐς καλεῖ καὶ αὐτὸς σοφιστὰς. Ср. Tim. Phī. ap. Diog. Laert. IX, 112 (fr. 1 M.) и Pollux Onom. IX, 42: законъ противъ τῶν φιλοσοφούντων или τῶν σοφιστῶν.

тинъ называютъ софистами поэтовъ ¹⁾, Эсхиль — музыкантовъ ²⁾, Софокль — избобрѣтательныхъ людей ³⁾. Но уже весьма рано съ этимъ словомъ сталъ соединяться непріязненный смыслъ — вслѣдствіе того, что высокоразвитыя умственныя качества, напр. пронизательность, смѣтливость, изворотливость, ловкость и т. д. весьма часто граничатъ съ хитростью (или скрытымъ примѣненіемъ ума для достиженія своеобразныхъ цѣлей) ⁴⁾; вслѣдствіе зависти, которая неизмѣнно ползетъ за сильнымъ ⁵⁾, вслѣдствіе нерасположенія толпы ко всякому самостоятельному проявленію мысли ⁶⁾, однимъ словомъ, вслѣдствіе естественнаго опасенія людей слабого ума передъ людьми сильнаго ума ⁷⁾. Изъ дошедшихъ до насъ писателей слово софистъ во враждебномъ смыслѣ встрѣчается впервые у Эсхила въ „Скованномъ Прометѣѣ“ — въ значеніи измудрившагося человѣка, хитреца ⁸⁾. Въ такомъ же при-

¹⁾ Pind. Isthm. IV, 34, слѣд.: μελέταν δὲ σοφισταῖς... πρόσβαλον... Οἰνεῖσαι κρατεροί, гдѣ подъ σοφισταί очевидно подразумѣваются поэты. Clem. Alex. I, 280 (Meineke, Fragmenta Comicorum graecorum, Berol. 1839, II, 2, p. 16): Κρατῖνος γοῦν ἐν τοῖς Ἀρχιλόχοις ποιητὰς καταλέξας ἔφη

οἶον σοφιστῶν σμῆνος ἀνεδιφρήσετε.

Ср. также собранныя Мейнеке въ посленіе къ этому стиху параллельныя мѣста.

²⁾ Athen. XIV, c. 32, 632, C (fr. 320D): καὶ πάντας τοὺς χρωμένους τῇ τέχνῃ ταύτῃ (μουσικῇ) σοφιστὰς ἀπεκάλουν, ὡσπερ καὶ Αἰσχύλος ἐποίησεν

εἴτ' οὖν σοφιστὴς καλὰ παραπαίων χέλυν.

Ср. также Hesych. s. v. σοφιστής: σοφιστὰς ἔλεγον τοὺς περὶ μουσικὴν διατρίβοντας καὶ τοὺς μετὰ κιθάρας ἄδοντας и Meineke, l. c.

³⁾ Soph. ap. Stob. Flor. III, 8 (fr. 88D):

ψυχὴ γὰρ εὐνοῦς καὶ φρονούσα τοῦνδικον
κρείσων σοφιστοῦ παντός ἐστὶ εὐρέτις.

⁴⁾ См. гл. V; см. также прим. 8 и на слѣд. стр. пр. 1.

⁵⁾ Soph. Aj. 157. Ср. Plato, Euthyd. 3, D и на слѣд. страницѣ прим. 2.

⁶⁾ Eurip. Medea, 299—302:

σκαίοισι μὲν γὰρ καινὰ προσφέρων σοφὰ
δόξεις ἀχρεῖος καὶ σοφὸς πεφικέναι
τῶν δ' αὖ δοκούντων εἰδέναι τι ποικίλον
κρείσων νομισθεὶς λυπρὸς ἐν πόλει φανεῖ.

Ср. Pind. Pyth. III, 29—33.

⁷⁾ Ср. Eurip. fr. 262 (D):

αἶψα γὰρ ἄνδρα σκαῖον ἰσχυρὸν φύσει
ἦσον δέδοικα τὰσθενοῦς τε καὶ σοφοῦ.

⁸⁾ Aesch. Prometh. Desm. 61—62. Гермесь обращается къ Силѣ съ просьбой — καὶ τήνδε (τὴν χεῖρα) νῦν πόρπασον ἀσφαλῶς, ἵνα μάθῃ σοφιστὴς ὦν Διὸς νωθέστερος,

гдѣ σοφιστής очевидно значить хитрецъ (въ презрительномъ смыслѣ). Еще яснѣе враждебный смыслъ этого слова въ ст. 946 сл. той же трагедіи. Гермесь говоритъ Прометѣю:

σὲ τὸν σοφιστὴν τὸν πικρῶς ὑπέρπικρον,
τὸν ἔξαμαρτόντ' εἰς θεοὺς ἐφημέροισ
πορόντα τιμάς, τὸν πυρὸς κλέπτῃν λέγω.

близительно значеніи употребляетъ это слово и Еврипидъ ¹⁾). Навсегда укрѣпился за словомъ софистъ враждебный смыслъ съ тѣхъ поръ, какъ оно стадо ходячимъ для обозначенія различныхъ учителей, въ особенности же послѣ того, какъ, по примѣру Протагора, его присвоили себѣ учителя добродѣтели ²⁾). Уже въ исторіи Фукидида замѣтны слѣды враждебнаго отношенія къ этимъ послѣднимъ ³⁾); еще замѣтнѣе оно въ Аристофановыхъ „Облакахъ“, гдѣ софистъ, на ряду съ значеніемъ хитреца, имѣетъ также и то, которое связывается въ настоящее время съ этимъ словомъ ⁴⁾). Со второй половины V вѣка до

¹⁾ Eurip. Hippol. 934—935:

δεινὸν σοφιστὴν (хитреца) εἶπες, ὅστις εὖ φρονεῖν
τοὺς μὴ φρονοῦντας δυνατὸς ἐστ' ἀναγκάσαι.

Срав. также Rhés. 927—928, гдѣ σοφιστής употреблено въ дурномъ смыслѣ:

δεινὴ σοφιστὴ Ἑλληνί, κάτωφλώσαμεν
Θάμυριν, ὃς ἡμῶν πόλλ' ἐδένησεν τέχνην

и Heraclid. 996: πολλῶν σοφιστῆς πημάτων ἐπιγνόμην (=измыслилъ разнообразныя муки). Въ известномъ фрагментѣ (897D.):

μισῶ σοφιστὴν, ὅστις οὐχ αὐτῷ σοφός

слово σοφιστής употреблено въ значеніи «мудреца» съ презрительнымъ отнѣнкомъ.

²⁾ Plato, Protag. 316, D, Протагоръ говоритъ: ἐγὼ δὲ τὴν σοφιστικὴν τέχνην φημί μὲν εἶναι παλαιάν, τοὺς δὲ μεταχειριζομένους αὐτὴν τῶν παλαιῶν ἀνδρῶν φοβουμένους τὸ ἐπαχθὲς αὐτῆς πρόσχημα ποιεῖσθαι καὶ προκαλύπτεσθαι τοὺς μὲν ποιήσιν, οἷον Ὅμηρον τε καὶ Ἡσίοδον καὶ Σιμωνίδην, τοὺς δ' αὖ τελετάς τε καὶ χρησιμφῶδίας, τοὺς ἀμφὶ τ' Ὀρφέα καὶ Μουσαῖον, ἐνίοις δὲ τινὰς ἡσθημαὶ καὶ γυμναστικῆν, οἷον Ἴκκος θ' ὁ Ταράντιος καὶ ὁ νῦν ἐτι ὦν οὐδενὸς ἦττων σοφιστῆς Ἡρόδικος ὁ Σηλυβριανός, τὸ δ' ἀρχαῖον Μεγαρεὺς. μουσικὴν δ' Ἀγαθοκλῆς θ' ὁ ὑμέτερος πρόσχημα ἐποίησατο, μέγας ὦν σοφιστής, καὶ Πυθοκλείδης ὁ Κείος καὶ ἄλλοι πολλοί. οὗτοι πάντες, ὡς περ λέγω, φοβηθέντες τὸν φθόνον ταῖς τέχνησι ταύταις παραπετάσμασιν ἐχρήσαντο.. Themist. XXIII, 286: ὅτι πάλα τοῦτομα τοῦτο ὁ σοφιστῆς σεμνὸν τε ἦν καὶ ἐπ' ἀξιώσει καὶ ὅτι Σόλωνα σοφιστὴν ἠνόμαζον οἱ τότε ἀνθρώποι καὶ Πυθαγόραν, ἀπειροκάλου ἀν εἶη κωμωδοποιῶν ἡμᾶς ὑπομνησκειν καὶ συγγραφῶν... ἀλλὰ τοῦ ὀνόματος ὡς περ νομίσματος μετέπεσεν ἡ δύναμις κατὰ τοὺς ὕστερον χρόνους, ἐξ οὗ. Πρωταγόρας τε αὐτοῦ ἠμφισβῆται καὶ Πρόδικος καὶ Γοργίας, οἱ ὡς περ ἄλλο τι τῶν ἠνίων χρημάτων ἐκέρυττον τὴν σοφίαν καὶ ἐπράττοντο πολὺ ἀργύριον τοὺς προσφοιτῶντας. Изъ этихъ свидѣтельствъ очевидно, во первыхъ, что слово софистъ еще во времена Протагора употреблялось широко и неопредѣленно для обозначенія всѣхъ вообще мудрыхъ людей; во вторыхъ, что имъ назывались преимущественно тѣ изъ нихъ, которые имѣли то или другое отношеніе къ воспитательной дѣятельности (поэмы Гомера и Гезіода и стихотворенія Симонида заучивались въ школахъ); въ третьихъ, что уже современники Протагора относились къ этимъ воспитателямъ враждебно, и въ четвертыхъ, что главными виновниками дурной славы софистовъ были сами софисты.

³⁾ Thus. III, 38. Клеонъ презрительно говоритъ афинянамъ: ἀπλῶς τε ἀκοῆς ἡδονῆς ἡσώμενοι καὶ σοφιστῶν θεαταῖς ἐοικότες καθήμενοις μᾶλλον ἢ περὶ πόλεως βουλευσαμένοις.

⁴⁾ Въ ст. 331 — 333 «Облаковъ», на замѣчаніе Стрепсиада, что облака по его мнѣнію не что иное, какъ туманъ, роса и дымъ — Сократъ возражаетъ: Οὐ νῆψ, κλη-

Р. X. это послѣднее значеніе становится преобладающимъ, но не утрачивается окончательно и исконное. Ксенофонтъ, извѣстный своимъ рѣзкимъ приговоромъ противъ софистовъ ¹⁾, называетъ этимъ именемъ безъ всякой неприязни всѣхъ вообще мудрыхъ людей и въ особенности философовъ, занимающихся изслѣдованіемъ небесныхъ явленій ²⁾, а въ „Киропадіи“, очевидно намекая на судьбу Сократа, приводитъ трогательный рассказъ о томъ, какъ былъ невинно умерщвленъ по

нусь Зевсомъ, будь увѣренъ, что они питаютъ множество софистовъ — вѣщателей изъ Θυρίи, врачей, бездѣльниковъ съ длинными волосами, съ отпущенными ногтями и кольцами на рукахъ, загибателей хороводовъ съ пѣснями, вралей о воздушномъ:

οὐ γάρ, μὰ Δι', ἀλλ' ἴσθ' ὅτι πλείστους αὐταὶ βόσκουσι σοφιστὰς
Θουριομάντιες, ἰατροτέχνας, σφραγίδωνχαρτοκομήτας,
κυκλίων τε χορῶν ἄσματοκμίπτας, ἀνδρας μετεωροφένακας.

Въ стихѣ 359 сл. той же комедіи Аристофанъ смѣется надъ Сократомъ и Продикомъ, какъ надъ метеороσοφισταί. Въ стихѣ 1095 Сократъ говоритъ Стрепсиаду про его сына Фидиппида: ἀμέλει, κοιτεῖ τοῦτον σοφιστὴν δεξιόν, т.-е. будь покоенъ, ты получишь его локтемъ софистомъ. На это Фидиппидъ возражаетъ: ὡχρόν μὲν οὖν, οἶμαι γέ, καὶ κακοδαίμονα, т.-е. ужь конечно блѣднымъ и злополучнымъ. Наконецъ въ пѣснѣ хора (1285—1300) слово софистъ примѣнено къ Стрепсиаду въ смыслѣ человека, который пускается на различныя ухищренія, чтобы обмануть своихъ кредиторовъ, а софистическое искусство его сына Фидиппида представлено какъ изворотливость говорить противное справедливости:

ὁ γάρ
γέρων δὲ' ἐρασθεῖς
ἀποστερήσαι βούλεται
τὰ χρήμαθ' ἀδανείσατο
κοῦκ ἔσθ' ὅπως οὐ τήμερον
λήψεται τι πράγμ' ὃ τοῦ—
τον ποιήσει τὸν σοφιστὴν
ἀνθ' ὧν πανουργεῖν ἤρξατ' ἑξαίφνης κακὸν λαβεῖν τι.
οἶμαι γάρ αὐτὸν αὐτίχ' εὐρήσειν ὅπερ
πάλαι ποτ' ἐζήτη
εἶναι τὸν υἱὸν δεινὸν οἱ
γνώμας ἐναντίας λέγειν
τοῖσιν δίκαιος, ὥστε νικ—
ἂν ἀπαντας οἷσπερ ἂν
εὐγγένηται κἄν λέγῃ παμπόνηρα.

¹⁾ См. ниже, отзывъ Ксенофонта.

²⁾ Говоря (Метог. IV, 2, 1) о нѣкоемъ Евондемѣ, собравшемъ множество книгъ различнаго содержанія, Ксенофонтъ называетъ ихъ γράμματα πολλά... ποιητῶν τε καὶ σοφιστῶν τῶν εὐδοκίμησάτων. Въ этомъ мѣстѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Гротъ (History of Greece, VIII, p. 152), слово σοφιστῶν употреблено въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ въ Мет. I, 6, 14 слово σφῶν: τοὺς θησαυροὺς τῶν πάλαι σοφῶν ἀνδρῶν, οὗς ἐκεῖνοι κατέλιπον ἐν βιβλίοις γράψαντες. Въ другомъ мѣстѣ Мет. I, 1, 11 Ксенофонтъ называетъ софистами философовъ, занимающихся изслѣдованіемъ небесныхъ явленій. Сократъ—говоритъ въ этомъ мѣстѣ Ксенофонтъ—не занимаясь изслѣдованіемъ того, ὅπως ὁ καλούμενος ὑπὸ τῶν σοφιστῶν κόσμος ἔχει.

навѣту въ развращеніи юноши благородный и честный мудрецъ—софистъ¹⁾. У Платона, это слово встрѣчается для обозначенія „великаго благодѣтеля“ бога Плутона, искуснаго художника, геометровъ²⁾. Исократъ, быть можетъ самый ревностный противникъ исторически извѣстныхъ софистовъ³⁾, находить тѣмъ не менѣе подходящимъ назвать софистами Солона и другихъ шесть мудрецовъ, учителя музыки Дамона, философа Анаксагора⁴⁾ и наконецъ самого себя⁵⁾. Точто такъ

¹⁾ Xenoph. Cyrop. III, 1, 14—38.

²⁾ Plato, Cratyl. 408, E: ὁ θεὸς οὗτος (Ἄιδης, Πλούτων) τέλειος σοφιστής τε καὶ μέγας εὐεργέτης. De Rep. 566, D. Meno 85, B: καλοῦσί γε ταύτην διάμετρον σοφισταί.

³⁾ См. ниже, отзывъ Исократа.

⁴⁾ Isocr. De Permut. 235—236: ὥστε Σόλων μὲν τῶν ἑπτὰ σοφιστῶν ἐκλήθη καὶ ταύτην ἔσχε τὴν ἐπωνυμίαν τὴν νῦν ἀτιμαζομένην καὶ κρινομένην παρ' ὑμῖν, Περικλῆς δὲ δυοῖν ἐγένετο μαθητής, Ἀναξαγόρου τε τοῦ Κλαζομένου καὶ Δάμωνος τοῦ κατ' ἐκείνον τὸν χρόνον φρονιμωτάτου δόξαντος εἶναι τῶν πολιτῶν. Ο Σολωνὲς ср. ibid. 818; οὗς Анаксагорῆς—Diod. XII, 39: Ἀναξαγόραν τὸν σοφιστὴν, διδάσκαλον ὄντα Περικλέους καὶ Ath. V, с. 62, p. 220, B; ο Дамонѣ—Plutarch., Pericles, IV, гдѣ однако Плутархъ употребляетъ ο Дамонѣ слово σοφιστής во враждебномъ смыслѣ: ὁ δὲ Δάμων εἰοικεν, ἄκρος ὦν σοφιστής, καταδύεσθαι μὲν εἰς τὸ τῆς μουσικῆς ὄνομα, πρὸς τοὺς πολλοὺς ἐπικρυπτόμενος τὴν δεινότητα. Въ той же рѣчи (268—269) Исократъ говорить о τερατολογία παλαιῶν σοφιστῶν Εμπεδοκля, Ιονα, Αλκмеона, Παρμενίδα, Μελισσα, которыхъ онъ ставитъ на ряду съ Горгіемъ: τοὺς λόγους τοὺς τῶν παλαιῶν σοφιστῶν, ὧν ὁ μὲν ἄπειρον τὸ πλῆθος ἔφησεν εἶναι τῶν ὄντων, Ἐμπεδοκλῆς δὲ τέτταρα καὶ νεῖκος καὶ φιλίαν ἐν αὐτοῖς, Ἴων δ' οὐ πλείω τριῶν, Ἀλκμῶν δὲ δύο μόνα, Παρμενίδης δὲ καὶ Μέλισσος ἐν, Горγίας δὲ παντελῶς οὐδέν ἠγοῦμαι γὰρ τὰς μὲν τοιαύτας τερατολογίας ὁμοίας εἶναι ταῖς θαυματοποιαῖς ταῖς οὐδέν μὲν ὠφελούσας, ὑπὸ δὲ τῶν ἀνοήτων περιστάτοις γιγνομένης καὶ т. д. Ср. также ibid. 285: τὰς δὲ τῶν παλαιῶν σοφιστῶν τερατολογίας ἀγαπῶντας φιλοσοφεῖν φασιν καὶ Helene 2, сλѣх.: νῦν δὲ τίς ἐστιν οὕτως ὀψιμαθῆς, ὅστις οὐκ οἶδε Πρωταγόραν καὶ τοὺς κατ' ἐκείνον τὸν χρόνον γενομένους σοφιστάς, ὅτι καὶ τοιαῦτα καὶ πολλὰ τούτων πραγματωδέστερα συγγράμματα κατέλιπον ἡμῖν; πῶς γὰρ ἂν τις ὑπερβάλοιτο Горγίαν τὸν τολμήσαντα λέγειν, ὡς οὐδέν τῶν ὄντων ἐστιν, ἢ Ζήνωννα τὸν ταῦτὰ δυνατὰ καὶ πάλιν ἀδύνατα πειρώμενον ἀποφαίνειν, ἢ Μέλισσον, ὃς ἄπειρων τὸ πλῆθος πεφυκότων τῶν πραγμάτων ὡς ἐνὸς ὄντος τοῦ παντὸς ἐπεχείρησεν ἀποδείξει εὐρίσκειν. Изъ сопоставленія этихъ мѣстъ ясно колебаніе слова σοφιστής между почетнымъ и презрительнымъ названіемъ.

⁵⁾ Isocr. De Permut. 215—220: Παυσάμενος οὖν τούτων ἐπ' ἐκείνους τρέφομαι τοὺς οὐ καταφρονοῦντας μὲν τῆς φιλοσοφίας, πολὺ δὲ πικρότερον κατηγοροῦντας αὐτῆς, καὶ μεταφέροντας τὰς πονηρίας τὰς τῶν φασκόντων μὲν εἶναι σοφιστῶν, ἄλλο δέ τι πραττόντων ἐπὶ τοὺς οὐδέν τῶν αὐτῶν ἐκείνοις ἐπιτηδεύοντας. ἐγὼ δ' οὐχ ὑπὲρ ἀπάντων τῶν προσποιουμένων δύνασθαι παιδεύειν ποιοῦμαι τοὺς λόγους, ἀλλ' ὑπὲρ τῶν δικαίως τὴν δόξαν ταύτην ἐχόντων... Πρῶτον μὲν οὖν ὀρίσασθαι δεῖ, τίνων ὀρεγόμενοι καὶ τίνος τυχεῖν βουλόμενοι τολμῶσί τινες ἀδικεῖν; ἦν γὰρ ταῦτα καλῶς περιλάβωμεν, ἀμεινον γνώσεσθε τὰς αἰτίας τὰς καθ' ἡμῶν (= τῶν σοφιστῶν) λεγομένας, εἴτ' ἀληθεῖς εἰσιν εἴτε ψευδεῖς; ἐγὼ μὲν οὖν ἠδονῆς ἢ κέρδους ἢ τιμῆς ἔνεκα φημι πάντας πάντα πράττειν. ἔξω γὰρ τούτων οὐδεμίαν ἐπιθυμίαν ὀρώ τοῖς ἀνθρώποις ἐγγιγνομένην. εἰ δὴ ταῦθ' οὕτως ἔχει, λοιπὸν ἐστὶ σκέψασθαι, τί τούτων ἂν ἡμῖν (— τοῖς σοφισταῖς) γίγνοιτο

же и Аристотель называет этимъ именемъ семь мудрецовъ ¹⁾). Тому же словоупотребленію слѣдуютъ и другіе писатели ²⁾). Употреблялось иногда безъ враждебнаго оттѣнка слово софистъ и въ новомъ значеніи ³⁾, но вообще къ концу V вѣка это наименованіе стало позорнымъ ⁴⁾ и сопоставлялось со словами: болтунъ ⁵⁾, фокусникъ,

διαφθείρουσι τοὺς νεωτέρους... οἶμαι, γὰρ δῆπου τοῦτο γε πάντας γινώσκειν, ὅτι σοφιστῆ μισθὸς κάλλιστός ἐστι καὶ μέγιστος ἦν τῶν μαθητῶν τινες καλοὶ κάγαθοὶ καὶ φρόνιμοι γένωνται καὶ παρὰ τοῖς πολίταις εὐδοκίμουντες.

¹⁾ Etymol. Magn., p. 722, 16 (fr. 7, 1475a, 31): ὁ Ἀριστοτέλης σοφιστὰς λέγει τοὺς ἐπτὰ σοφούς.

²⁾ Напр. Pseudo-Demosth. Erot., 50: ἐπ' οὐδενὶ μᾶλλον ἐσπούδασεν ἢ τῶν ἐπτὰ σοφιστῶν ὅπως γένηται. Aristid. XLVI, p. 407 (Dind.): Ἀνδρῶτιων τοὺς ἐπτὰ σοφιστὰς προσείρηκε. Aristarch. ap. Plut. De frat. am. I, 648W.: πάλαι... ἐπτὰ σοφιστὰς. Iambli. Vita Pythag. c. 18, 83: ἐστὶ δὲ αὕτη ἢ αὕτῃ τῇ τῶν ἐπτὰ σοφιστῶν γενομένη σοφία. Euphro (ap. Ath. IX, c. 23, p. 379, E) 11—12:

οὔτοι μετ' ἐκείνους τοὺς σοφιστὰς τοὺς πάλαι
γεγόνασιν ἡμῶν ἐπτὰ δεῦτεροι σοφοί.

Подъ οὔτοι Евфронъ подразумѣваетъ, какъ видно изъ словъ предшествующихъ приведеннымъ стихамъ, поваровъ. Точно также въ значеніи поварь встрѣчается слово σοφιστῆς у Алексѣя. Alexis (ap. Ath. IX, c. 23, p. 379, B), 14: εἰς τοὺς σοφιστὰς τὸν μάγειρον ἐγγράφω. Ср. также Pollux, Onom. 6, 7: ὀσποιοητικῆς πραγματείας σοφισταί. Старинное значеніе слова софистъ сохранилось также у Эліама въ выраженіяхъ: ἰπτεία σοφισταί, ἱερῶν μελῶν σοφισταί. (Ael. H. An. 11, 1; 13, 9).

³⁾ Plato, Tim. 19, E. См. ниже отзывъ Платона въ «Тимѣѣ»; ср. также выше, стр. 15, пр. 1. Аристотель (Metaph. 2, 996a, 32) называетъ софистомъ ученика Сократа Аристиппа несомнѣнно потому, что онъ за свои бесѣды бралъ деньги (Diog. Laert. IV, 66).

⁴⁾ Ср. приведенные ниже отзывы Сократа, Ксенофонта, Платона (въ «Протагорѣ»), Исократы, Анита и Калликла. Ср. также Plato, Phaedr. 257, D: Ἐφαίνεται γάρ, ὡ Σώκρατες, καὶ συνοισθὰ τε καὶ αὐτὸς, ὅτι οἱ μέγιστον δυνάμεοί τε καὶ σεμνότατοι ἐν ταῖς πόλεσι αἰσχύνονται λόγους τε γράφειν καὶ καταλείπειν συγγράμματα ἑαυτῶν, δόξαν φοβούμενοι τοῦ ἔπειτα χρόνου, μὴ σοφισταὶ καλῶνται. Laches, 197, D: καὶ γὰρ πρέπει ὡ Σώκρατες, σοφιστῆ τὰ τοιαῦτα μᾶλλον κομψεύεσθαι ἢ ἀνδρὶ, δὴ ἢ πόλις ἀξιοὶ αὐτῆς προϊστάναι. Xenoph. Cyrop. IV, I, 41: νῦν τοῦτο πεφιλοσόφηκα μετὰ τοῦ ἀδίκου σοφιστοῦ τοῦ Ἔρωτος. Sympos. IV, 1: καὶ ἀνάσχου μέντοι, ὦ σοφιστὰ, ἐλεγχόμενος. Lysias, Olymp. 3: σοφιστῶν ἔργα λίαν ἀχρήστων καὶ σφόδρα βίου δεομένων. Ср. с. Aesch. ap. Ath. XIII, c. 95, p. 612. Demosth. De falsa legatione, 246: λογογράφους τοῖνυν καὶ σοφιστὰς ἀποκαλῶν τοὺς ἄλλους, καὶ ὑβρίζειν πειρώμενος, αὐτὸς ἐξελεγθήσεται τούτοις ἂν ἔνοχος. Ibid. 250: εἶτ' οὐ σὺ σοφιστῆς καὶ πονηρὸς γε; οὐ σὺ λογογράφος καὶ θεοῖς ἐχθρὸς; (Pseudo) Demosth. c. Lacrit. 39: οὕτως οὔτοι κακοῦργοι σοφισταὶ καὶ ἀδικοὶ ἄνθρωποι. Aesch. c. Ctesiph. 16: οὐ προσδέχεσθε κακοῦργον σοφιστὴν οἰόμενον ῥήμασι τοὺς νόμος ἀναιρήσειν.

⁵⁾ Plato, Politic. 299, B: ἀδολεσχὴν τινὰ σοφιστὴν. Eupolis, Meineke, Fragmenta Comicorum graecorum II, 1, p. 553: ἀδολεσχεῖν αὐτὸν ἐκδίδαξον, ὦ σοφιστὰ.

колдунъ ¹⁾, клеветникъ, воръ ²⁾. Слова, близкія по происхожденію слову софистъ, имѣли подобную же судьбу ³⁾.

Мы бы ожидали, что непріязненное отношеніе къ софистамъ вызвано (кромѣ другихъ причинъ) въ известной мѣрѣ ихъ личными дурными качествами. Но мы уже знаемъ взглядъ Грота, что софисты, безъ всякой вины съ ихъ стороны, несутъ наказаніе за клеимо позора, положенное

¹⁾ Plato, Sympos., 204, D: δεινός γόης και φαρμακεύς και σοφιστής. Polit. 291, C: τὸν πάντων τῶν σοφιστῶν μέγιστον γόητα. Ibid. 303, C: μεγίστους δ' ὄντας μιμητὰς και γόητας μεγίστους γίγνεσθαι τῶν σοφιστῶν σοφιστὰς. Leges 908, D: σοφιστῶν ἐπικαλουμένων μηχανά. Demosth. De Corona 276: δεινὸν και γόητα και σοφιστὴν και τὰ τοιαῦτ' ὀνομάζων.

²⁾ Aristot., Top. IV, 5, 126a, 31: σοφιστὴν ἢ διάβολον ἢ κλέπτην.

³⁾ Σοφιστής происходитъ отъ σοφίζομαι. Ни этотъ глаголъ, ни происходящее также отъ него слово соφισма первоначально не имѣли дурнаго значенія. Такъ у Геродота въ Ἔργα και ἡμέραι ст. 648, 649 читаемъ:

δείξω δὴ τοι μέτρα πόλυφλοίσβοιο θαλάσσης
οὔτε τι ναυτιλῆς σεσοφισμένος οὔτε τι νηῶν,

гдѣ сеσοφισμένος очевидно значить *связующій*. Пиндаръ въ Olym. 13, 24 говоритъ объ ἀρχαῖα σοφίσματα, подъ которыми онъ, какъ видно изъ слѣдующихъ за этими словами стиховъ, подразумѣваетъ искусство слагать двиврамбы, укрощать коней, украшать храмы боговъ и т. д. Эсхилъ въ «Скованномъ Прометѣѣ» ст. 457 говоритъ объ искусствѣ счета, какъ объ ἔξοχον σοφισμάτων. У Ксенофонта въ Vita Hieronis 1, 23 слово соφισма употреблено для обозначенія изысканно приготовленнаго кушанья. Но уже у Геродота слово σοφίζομαι всегда обозначаетъ хитряться (при чемъ нравственное значеніе хитрости остается неопредѣленнымъ). Ср. напр. Her. I, 80; II, 66; VIII, 27. Ср. также Soph. Phil. 77; Eurip. Vaschae, 200 Aristoph. Equ. 299, 718. Точно также и соφισма весьма рано стало обозначать хитрость. Напр. у Эсхила въ «Скованномъ Прометѣѣ» ст. 460, 1001. Ср. также Herod II, 66; III, 85, (гдѣ соφισма отождествляется съ σοφία, откуда видно, что и σοφία употреблялось для обозначенія хитрости); Ib. 152; VIII, 27; Thuc. VI, 77; Soph. Philoct. 15; Arist. Nub. 206; Plut. 160; Ran. 17, 871, 1102. У Платона σοφίζομαι постоянно значить мудрить, умствовать. Ср. Hipp. Maj. 283, A; Gorg. 497, A; Polit. 299, B; Phaedr. 299, C; De Rep. 509, D. Соφισма у Платона всегда означаетъ хитрость, уловка, хитрое измышленіе: Sympos. 214, A; Lach. 183, D; De Rep. 496, A. Значеніе софизма соφισма получило у Аристотеля: Top. 162 a, 12—16: Ὅταν δ' ἀπόδειξις ἢ τινός ὁ εἰρημένος λόγος, εἴ τί ἐστιν ἄλλο πρὸς τὸ συμπέρασμα μηδὲ μὴς ἔχον, οὐκ ἔσται περὶ ἐκείνου συλλογισμός· ἀν δὲ φαίνεται, соφισма ἔσται, οὐκ ἀπόδειξις, ἔστι δὲ φιλοσόφημα μὲν συλλογισμός ἀποδεικτικός, ἐπιχείρημα δὲ συλλογισμός διαλεκτικός, соφισма δὲ συλλογισμός ἐριστικός, ἀπόρημα δὲ συλλογισμός διαλεκτικός ἀντιφάσεως. Въ другихъ мѣстахъ у Аристотеля соφисма значить хитрость, уловка. Ср. Polit. 1297 a, 14; 1307 b, 40; 1308 a, 2; 1322 a, 21. Соφίζομαι Аристотель употребляетъ то въ значеніи строить софизмы, заниматься софистическими тонкостями и т. п. (Soph. Elench. XVII, 776 b, 23; Hist. Animal. 582 a, 35), то въ значенія хитрить, прибѣгать къ хитрости (напр. Pol. 1287 a, 14; 1319 b, 25). У ораторовъ соφисма и σοφίζομαι обыкновенно обозначаютъ первое—увертку, ухищреніе съ цѣлью сдѣлать что-нибудь дурное, второе—хитрить, изощряться ради чего-нибудь безчестнаго. Напр. Dem., 29, 28; 35, 2 и др.

на ихъ имя чужими руками — въ особенности руками Платона и Аристотеля ¹⁾). Любопытно поэтому, прежде чѣмъ имѣть дѣло съ самими софистами, ознакомиться съ ними по отзывамъ этихъ двухъ философовъ. Но эти отзывы мы можемъ правильно оцѣнить лишь въ томъ случаѣ, если сопоставимъ ихъ со всѣми другими, намъ извѣстными. Я приведу поэтому мнѣнія людей самыхъ противоположныхъ направленій—философовъ, риторовъ, политиковъ — по возможности ближе придерживаясь подлинника. Эти отзывы важны еще потому, что они дадутъ намъ возможность въ точности опредѣлить, съ кѣмъ собственно изъ большаго числа лицъ, носившихъ имя „софистъ“, намъ придется имѣть дѣло.

Первый опредѣленный отзывъ объ исторически извѣстныхъ софистахъ мы слышимъ изъ устъ Сократа.

Однажды (рассказываетъ Ксенофонтъ ²⁾) софистъ Антифонтъ, разговаривая съ Сократомъ, сказалъ: „Сократъ, я конечно тебя считаю справедливымъ, но мудрымъ несколько; да, мнѣ кажется, ты и самъ это сознаешь: по крайней мѣрѣ, ты не берешь денегъ за свои бесѣды. И однакоже, ты никому не отдашь бы, я не говорю уже даромъ, ни одежды, ни дома, ни другаго какого имущества, такъ какъ ты считаешь эти вещи стоящими денегъ, но даже не взялъ бы за нихъ меньше того, чѣмъ сколько онѣ стоятъ. Очевидно, стало-быть, что если бы ты и свою бесѣду считалъ чего-нибудь стоящею, то и за нее сталъ бы брать не меньше, чѣмъ сколько она стоитъ. Быть-можетъ, конечно, ты и справедливъ, такъ какъ не обманываешь изъ жадности, но ты не можешь считаться мудрымъ, такъ какъ не знаешь ничего цѣннаго. Сократъ на это отвѣтилъ: У насъ, Антифонтъ, считается, что красотою и мудростью можно располагать одинаково хорошо и дурно. Такъ, если кто продаетъ свою красоту всякому желающему, то такого человѣка называютъ развратникомъ; а если кто сдѣлаетъ своимъ другомъ того, кого знаетъ за своего хорошаго и честнаго приверженца, то мы такого человѣка считаемъ нравственнымъ. Точно также тѣхъ, которые продаютъ мудрость всякому желающему, называютъ софистами, какъ бы развратниками; напротивъ, кто дѣлаетъ своимъ другомъ человѣка, за которымъ признаетъ хорошія природныя способности, и учить его всему хорошему, чѣмъ самъ владѣетъ, тотъ, по нашему мнѣнію, поступаетъ такъ, какъ прилично честному и благородному гражданину“.

Въ другомъ мѣстѣ Ксенофонтъ рассказываетъ ³⁾, что Сократъ

¹⁾ См. выше, стр. 4 и 5.

²⁾ Xenoph. Memorab. I, 6, 11—14.

³⁾ Ibid. I, 2, 6—8; ср. также ibid. 5, 6.

называлъ продажными душами людей, берущихъ за свои бесѣды плату, такъ какъ эти люди вынуждены разговаривать съ тѣми, кто даетъ имъ деньги, и удивлялся, что объявляя себя учителями добродѣтели, они не только не надѣются приобрѣсти своими бесѣдами лучшую награду— вѣрныхъ друзей, но даже опасаются, что тѣ, которые станутъ чрезъ нихъ людьми во всѣхъ отношеніяхъ хорошими, не отблагодарятъ ихъ за это величайшее благодѣяніе величайшею благодарностью.

Взглядъ Сократа на мудрость, какъ на нѣчто священное, стоящее выше торговыхъ расчетовъ, былъ вполнѣ усвоенъ Ксенофонтомъ. Но отзывъ послѣдняго о софистахъ рѣзче, чѣмъ отзывъ Сократа. Сократъ не отрицалъ великихъ дарованій, которыми были награждены отъ природы нѣкоторые изъ софистовъ ¹⁾, цѣнилъ ихъ знанія ²⁾, охотно называлъ себя ихъ ученикомъ ³⁾ и отсылалъ къ нимъ тѣхъ изъ своихъ слушателей, для которыхъ его бесѣда могла быть менѣе полезною, чѣмъ бесѣда съ „практическими учителями мудрости“ ⁴⁾. Ксенофонтъ произносилъ огульный приговоръ надъ всѣми софистами своего времени.

„Относительно такъ называемыхъ софистовъ, говоритъ онъ ⁵⁾, мнѣ удивительно то, что большинство изъ нихъ общаются вести юношей къ добродѣтели, а ведутъ къ противоположному; я еще не видалъ ни одного человѣка, котораго бы теперешніе софисты сдѣлали хорошимъ. Да и сочиненій у нихъ нѣтъ, отъ которыхъ люди могли бы сдѣлаться хорошими; но у нихъ много написано о пустякахъ, доставляющихъ юношамъ пустое удовольствіе, а не добродѣтель. Чтеніе этихъ сочиненій служитъ празднымъ препровожденіемъ времени для тѣхъ, которые понапрасну надѣются поучиться изъ нихъ, мѣшаютъ занятію полезнымъ и научаютъ дурному. Всего больше я укоряю софистовъ за самое главное: за то, что, когда они пишутъ о чемънибудь, выраженія у нихъ изысканы, но нигдѣ нѣтъ правильныхъ мнѣній, которыми могли бы воспитываться юноши въ добродѣтели. Я самъ человѣкъ простой, но я полагаю, что всего лучше учиться добру у самой природы, а за тѣмъ—скорѣе у тѣхъ, которые на самомъ дѣлѣ знаютъ что-нибудь хорошее, чѣмъ у тѣхъ, которые занимаются искусствомъ обманывать. Быть-можетъ, я не говорю умудренными сло-

¹⁾ Ср. напр. разговоры Сократа съ Гиппиемъ (Plato, Hipp. Major и Minor). Пѣтуочный тонъ этихъ разговоровъ нельзя принимать за издѣвательство. (См. «Критику источниковъ»).

²⁾ Тамъ же. Ср. также Xenoph. Memor. IV, 4, 6 и Conviv. IV, 62.

³⁾ Plato Meno, 96, D; Protag. 341, A.

⁴⁾ Plato, Theaet. 151, B.

⁵⁾ Xenoph. Cyneget., XIII, 1—9.

вами, да я этого и не желаю; но я желаю говорить то, о чемъ имѣю истинное знаніе, и то, что нужно для людей правильно воспитанныхъ въ добродѣтели. Вѣдь слова не могутъ воспитать, но мысли, если онѣ правильны. Многіе и другіе укоряютъ теперешнихъ софистовъ, не философовъ—что они мудрость свою полагаютъ въ словахъ, а не въ мысляхъ. Впрочемъ, я не скрываю отъ себя, что для меня писать стройно—дѣло хорошее, такъ какъ иначе софистамъ тотчасъ же представится случай упрекнуть меня въ неправильности; однако же мое сочиненіе написано такъ, чтобы оно было истинно и дѣлало людей не софистическими, но мудрыми и хорошими: я желаю не того, чтобы мои мысли казались, но чтобы онѣ были полезными и неопровержимыми на вѣчное время. А между тѣмъ софисты говорятъ и пишутъ съ цѣлью обмана ради своихъ собственныхъ выгодъ и никому не приносятъ никакой пользы. Никто изъ нихъ не мудръ и не былъ мудрымъ, но для каждаго изъ нихъ достаточно называться софистомъ, что считается за позоръ у людей благомыслящихъ. И такъ, я совѣтую относиться осторожно къ обѣщаніямъ софистовъ, но не пренебрегать внушеніями философовъ. Софисты гоняются за богатыми и молодыми, а философы всѣмъ одинаково друзья; они не почитаютъ, но и не презираютъ людское счастье“.

Платонъ говоритъ о софистахъ во многихъ діалогахъ, но его личное мнѣніе можно всего лучше прослѣдить по пяти діалогамъ: „Протагору“, „Горгію“, „Государству“, „Софисту“ и „Тимею“.

Въ Протагорѣ Платонъ передаетъ разговоръ Сократа съ Гиппократомъ—молодымъ человѣкомъ, страстно желавшимъ научиться мудрости у Протагора. Разговоръ этотъ любопытенъ какъ потому, что разъясняетъ взглядъ Сократа на софистовъ, такъ и потому, что даетъ нѣкоторые указанія для опредѣленія слова софистъ.

Желая испытать Гиппократа, рассказываетъ отъ лица Сократа Платонъ ¹⁾, я сказалъ ему: „Еслибы кто-нибудь, видя, что мы такъ рвемся къ Протагору, спросилъ насъ: Скажите мнѣ, Сократъ и Гиппократъ, кѣмъ вы считаете Протагора, которому хотите платить деньги? Чтобы мы отвѣтили? Какимъ другимъ именемъ обыкновенно называютъ Протагора? Про Фидію говорятъ, что онъ ваятель, про Гомера, что онъ поэтъ. Что же мы слышимъ о Протагорѣ?—Его, Сократъ, называютъ софистомъ...—Но если тебя еще спросятъ: Кѣмъ же ты самъ желаешь быть, что идешь къ Протагору?—Гиппократъ покраснѣлъ... и сказалъ: Если судить по сказанному раньше, то очевидно я иду для того, чтобы сдѣлаться софистомъ.—А ты, ради боговъ, не постыдился бы

¹⁾ Plato, Protag. 311 D—313 E.

среди эллиновъ выступить софистомъ?—Клянусь Зевсомъ, Сократъ, постыдился бы, если нужно сказать то, что я думаю.—Быть-можетъ, впрочемъ, Гиппократъ, ты не такую надѣешься приобрѣсти науку у Протагора, но въ родѣ тѣхъ, которыя ты усвоилъ отъ грамматика, киеариста и гимнаста. У нихъ ты учился не съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать изъ своего знанія ремесло, но ради воспитанія, какъ подобаеть частному свободному человѣку.—Мнѣ всего скорѣе кажется, что именно такая наука у Протагора...—Ты намѣренъ ввѣрить попеченіе о своей душѣ человѣку, котораго называешь софистомъ; а между тѣмъ я бы удивился, еслибы ты зналъ, что такое софистъ. Если же это тебѣ неизвѣстно, то ты не знаешь и того, хорошо или дурно то, чему отдаешь душу.—Я, по крайней мѣрѣ, думаю, что знаю.—Въ такомъ случаѣ, скажи, что такое, по твоему мнѣнію, софистъ?—Судя по названію, я считаю его знатокомъ мудрыхъ вещей...—Но еслибы насъ спросили: Въ какихъ мудрыхъ вещахъ знатокъ софистъ и въ какомъ искусствѣ наставникъ? Что бы мы отвѣтили?—Мы бы сказали, Сократъ, что онъ наставникъ въ искусствѣ ловко говорить.—Быть-можетъ, мы сказали бы и правду, но все же не вполне удовлетворительно. Отвѣтъ нашъ требуетъ еще вопроса: о какихъ вещахъ софистъ дѣлаетъ ловкими говорить? Игрокъ на киеарѣ, напримѣръ, дѣлаетъ ловкими говорить о томъ, о чемъ онъ знаетъ... а софистъ о чемъ дѣлаетъ ловкими говорить? Не явно ли, о томъ, что онъ знаетъ.—Надо полагать.—Но что же это такое, въ чемъ софистъ самъ свѣдущъ и дѣлаетъ свѣдущимъ ученика?—Клянусь Зевсомъ, не могу тебѣ сказать.—... Не есть ли, Гиппократъ, софистъ разнощикъ и продавецъ товаровъ, которыми питается душа? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, онъ кажется такимъ.—Чѣмъ же, Сократъ, питается душа?—Очевидно, что знаніями. Но смотри, мой другъ, какъ бы софистъ, расхваливая то, что продаетъ, не обманулъ насъ, какъ это дѣлаютъ разнощики и продавцы, торгующіе тѣлесной пищей. Вѣдь и эти не знаютъ того, какіе изъ развозимыхъ ими товаровъ хороши и какіе дурны для тѣла, а хвалятъ все, что продаютъ; не знаютъ этого и тѣ, которые у нихъ покупаютъ, за исключеніемъ развѣ гимнаста или врача. Точно также и люди, развозящіе по городамъ знанія, продающіе ихъ всякому желающему и барышничающіе ими, хотя и расхваливаютъ все, что продаютъ, быть-можетъ не всѣ знаютъ, что изъ продаваемаго ими для души хорошо и что дурно; не знаютъ этого и тѣ, которые покупаютъ у нихъ, за исключеніемъ развѣ врача души“.

Въ діалогъ „Горгій“ Платонъ опредѣляетъ отношеніе между софистами и риторамъ. Его основная мысль та, что рассчиты-

вать на успѣхъ можетъ только тотъ риторъ, который говоритъ слушателямъ удобное, и при томъ не притворно, но всѣмъ существомъ раздѣляя ихъ мысли, убѣжденія и чувства ¹⁾). Точно тоже слѣдуетъ сказать и о софистахъ, задача которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы воспитывать раторовъ. Поэтому риторикѣ и софистикѣ Платонъ относитъ къ одному и тому же роду—къ споровкѣ льстить. Риторы—говорить Платонъ—руководствуются не искусствомъ, но безотчетной споровкой, ставятъ главною цѣлью не пользу, но удовольствіе и лесть ²⁾). На пользу тѣла и на пользу души существуютъ по два искусства: на пользу тѣла—гимнастика и врачеваніе, на пользу души—законодательство и судебная дѣятельность ³⁾). Подъ каждое изъ этихъ четырехъ полезныхъ искусствъ поддѣлалось искусство льстивое, заботящееся о пріятномъ, не о полезномъ, и представляющееся неразумію наилучшимъ: подъ гимнастику—искусство прихорашиваться, подъ врачеваніе—искусство поваренное; подъ судебную дѣятельность риторика, подъ законодательство—софистика ⁴⁾). Какъ поваренное искусство относится къ врачеванію, такъ риторика—къ судебной дѣятельности, и какъ искусство прихорашиваться—къ гимнастикѣ, такъ софистика—къ законодательству ⁵⁾). Впрочемъ, между софистами и ри-

¹⁾ Plato, Gorg. 513 B—C: εἰ δὲ σοὶ οἶεὶ ὄντινον ἀνθρώπων παραδῶσειν τέχνην τινὰ τοιαύτην, ἥτις σε ποιήσει μέγα δύνασθαι ἐν τῇ πόλει τῆδ' ἀνόμοιον ὄντα τῇ πολιτείᾳ εἴτ' ἐπὶ τὸ βέλτιον εἴτ' ἐπὶ τὸ χεῖρον, ὡς ἐμοὶ δοκεῖ, οὐκ ὀρθῶς βουλευεῖ, ὡς Καλλικλείς· οὐ γὰρ μμητὴν δεῖ εἶναι, ἀλλ' αὐτοφυῶς ὅμοιον τοῦτοις, εἰ μέλλεις τι γνήσιον ἀπεργάζεσθαι εἰς φιλίαν τῷ Ἀθηναίων δήμῳ... ὅστις οὖν σε τοῦτοις ὁμοίωσιν ἀπεργάσεται, οὗτός σε ποιήσει, ὡς ἐπιθυμοῦμεν πολιτικός εἶναι, πολιτικὸν καὶ ῥητορικόν. τῷ αὐτῶν γὰρ ἤθει λεγομένων τῶν λόγων ἕκαστοι χαίρουσι, τῷ δ' ἄλλοτρίῳ ἀχθονται.

²⁾ Ibid. 462, C: Ἄρ' ἐρωτᾶς ἦντινα τέχνην φημι εἶναι.—Ἐγωγε. — Οὐδεμία ἐμοίγε δοκεῖ, ὡς Πάλε, ὡς γε πρὸς σέ ἀληθῆ εἰρησθαι.—Ἀλλὰ τί σοι δοκεῖ ἡ ῥητορικὴ εἶναι;—Πράγμα, ὃ φῆς σὺ ποιῆσαι τέχνην ἐν τῷ συγγράμματι, ὃ ἐγὼ ἔναγχος ἀνέγνων.—Τί τοῦτο λέγεις;—Ἐμπειρίαν ἐγωγέ τινα.—Ἐμπειρία ἄρα σοι δοκεῖ ἡ ῥητορικὴ εἶναι.—Ἐμοίγε, εἰ μὴ τι σὺ ἄλλο λέγεις.—Τίνος ἐμπειρία;—Χαρίτος τίνος καὶ ἡδονῆς ἀπεργασίας. Ibid. 463, B: Δοκεῖ τοίνυν μοι, ὡς Γοργία, εἶναι τι ἐπιτήδευμα τεχνικὸν μὲν οὐ, ψυχῆς δὲ στοχαστικῆς καὶ ἀνδρείας καὶ φῶσει δεινῆς προσομιλεῖν τοῖς ἀνθρώποις· καλῶ δ' αὐτοῦ ἐγὼ τὸ κεφάλαιον κολακεῖαν. ταύτης μοι δοκεῖ τῆς ἐπιτηδεύσεως πολλὰ μὲν καὶ ἄλλα μόρια εἶναι, ἐν δὲ καὶ ἡ ὀψοποιική· ὃ δοκεῖ μὲν εἶναι τέχνη, ὡς δ' ὁ ἐμὸς λόγος, οὐκ ἔστι τέχνη, ἀλλ' ἐμπειρία καὶ τριβή. ταύτης μόριον καὶ τὴν ῥητορικὴν ἐγὼ καλῶ καὶ τὴν γε κομμητικὴν καὶ τὴν σοφιστικὴν, τέτταρα ταῦτα μόρια ἐπὶ τέτταροι πράγμασιν.

³⁾ Ibid. 464 B.

⁴⁾ Ibid. 464 C—465 B.

⁵⁾ Ibid. 465, C: ὅτι δ κομμητικὴ πρὸς γυμναστικὴν, τοῦτο σοφιστικὴ πρὸς νομοθετικὴν, καὶ ὅτι δ ὀψοποιική πρὸς ἰατρικὴν, τοῦτο ῥητορικὴ πρὸς δικαστικὴν. Подъ νομοθετικὴ Платонъ подразумѣваетъ въ данномъ случаѣ законодательство въ широкомъ

торами нѣтъ большой разницы: тѣ и другіе занимаются почти однимъ и тѣмъ же¹⁾, но софистика лучше риторики, точно такъ же какъ законодательство лучше судебной дѣятельности и гимнастика лучше врачеванія²⁾.

Въ концѣ діалога Платонъ указываетъ на несообразность, которую, по его мнѣнію, допускаютъ софисты, требуя за наставленія въ добродѣтели денегъ и обвиняя, въ случаѣ неблагодарности, учениковъ въ несправедливости и испорченности. Добродѣтель (разсуждаетъ вмѣстѣ съ Сократомъ Платонъ) сама собою обязываетъ къ благодарности. Получивъ какое нибудь другое благодѣяніе, человѣкъ можетъ не отблагодарить своего благодѣтеля, такъ какъ люди бываютъ неблагодарными не вслѣдствіе какихъ либо иныхъ качествъ, а исключительно вслѣдствіе несправедливости; но недѣло предположить, чтобы ученикъ, ставшій благодаря наставленіямъ въ добродѣтели изъ худшаго лучшимъ, могъ допустить противъ наставника несправедливость, которую этотъ послѣдній изъ него извлекъ и замѣнилъ справедливостью. Поэтому, тогда какъ брать деньги за всякіе другіе совѣты нисколько не постыдно, требовать плату за наставленія въ добродѣтели считается позорнымъ. Обвиняя воспитанниковъ въ неблагодарности, софисты произносятъ приговоръ противъ самихъ себя: если у тѣхъ, которые воспитываютъ въ справедливости, ученики оказываются несправедливыми, то виноваты въ этомъ не ученики, а воспитатели³⁾.

Въ „Государствѣ“ Платонъ болѣе обстоятельно развиваетъ мысль, высказанную въ „Горгіи“, — что софисты, какъ воспитатели юношества, по самымъ условіямъ своей дѣятельности вынуждены сообразоваться съ мнѣніями и настроеніемъ большинства, и ставить на видъ неосновательность предрассудка, будто главный и единственный источникъ общественнаго разврата кроется въ софистахъ, а не въ самомъ большинствѣ, котораго мнѣнія проводятъ софисты. „Или и ты — спрашиваетъ Сократъ у Главкона⁴⁾ — полагаешь, что юношей развращаютъ

смыслъ — не только изданіе гражданскихъ законовъ, но и установленіе правилъ нравственности. Νόμος по-гречески значить и «законъ» и «обычай». Послѣдній создается между прочимъ и нравственнымъ воспитаніемъ. Въ этомъ именно смыслъ Платонъ и сопоставляетъ дѣятельность софистовъ съ νομοθετικῆς. О взглядѣ софистовъ на законодательную дѣятельность въ тѣсномъ смыслѣ ср. ниже, стр. 32, прим. 3.

¹⁾ Ibid. 465, С: ὅπερ μέντοι λέγω, διέστηκε μὲν οὕτω φύσει, ἅτε δ' ἐγγύς ὄντων, φύρονται ἐν τῷ αὐτῷ καὶ περὶ ταῦτα σοφισταὶ καὶ ῥήτορες, Ср. также 520, А: ταῦτόν, ἢ μακάρι', ἐστὶ σοφιστῆς καὶ ῥήτωρ, ἢ ἐγγύς τι καὶ παραπλήσιον.

²⁾ Ibid. 520, В: τῆ δ' ἀληθείᾳ κάλλιον ἐστὶ σοφιστικῆ ῥητορικῆς, ὅσπερ νομοθετικῆ δικαστικῆς καὶ γυμναστικῆ ἰατρικῆς.

³⁾ Plato, Gorg. 519 C—521 A.

⁴⁾ Plato, De Rep. 492 B—493 E.

софисты и что частныя лица, называемыя этимъ именемъ, способны развратить въ чѣмъ нибудь, достойномъ вниманія, а не тѣ величайшіе софисты, которые говорятъ это, такъ какъ они сами воспитываютъ отъ начала до конца молодыхъ и стариковъ, мужчинъ и женщинъ, и дѣлаютъ ихъ такими, какими захотятъ.—Когда же это? спрашиваетъ Главконъ. — Когда, засѣдая полнымъ сборомъ въ народныхъ собраніяхъ, судилищахъ, театрахъ, военныхъ станахъ или въ другомъ какомъ-нибудь общественномъ мѣстѣ, они съ великимъ шумомъ одни изъ рѣчей и дѣлъ порицаютъ, другія хвалятъ, то отвергая громкимъ крикомъ, то одобряя рукоплесканіемъ, а скалы вокругъ и то мѣсто, гдѣ они засѣдаютъ, откликомъ усугубляютъ шумъ порицанія и похвалъ. При такомъ положеніи, что по твоему дѣлается съ сердцемъ юноши? Или какое частное воспитаніе можетъ быть настолько сильнымъ, чтобы при бурѣ этихъ порицаній и похвалъ не вырваться изъ души юноши и не унести туда, куда несетъ общій потокъ? Не станеть ли пѣтомецъ называть похвальнымъ и постыднымъ тоже, что они, заниматься тѣмъ же, чѣмъ они, и не сдѣлается ли самъ такимъ же?— По всей необходимости, Сократъ.—Однако же, мы еще не сказали о самой главной необходимости.—О какой?—О той, которую эти воспитатели и софисты прилагаютъ на дѣлѣ, если не убѣдятъ словомъ. Или ты не знаешь, что непослушныхъ они караютъ безчестіемъ, лишеніемъ имущества и смертью?—Даже очень знаю.—И такъ, какой же другой софистъ или какія частныя убѣжденія, противорѣча имъ, будутъ имѣть силу?—Я думаю, что никакой.—Подумай также вотъ о чѣмъ. Всѣ тѣ наемныя частныя лица, которыхъ эти люди называютъ софистами и считаютъ своими соперниками по ремеслу, воспитываютъ не въ чѣмъ другомъ, но во мнѣніяхъ толпы, которая она постановитъ, когда соберется, и называютъ это мудростью. Софисты поступаютъ совершенно также, какъ еслибы кто-нибудь сталъ изучать чѣмъ радуется и чѣмъ гнѣвается большой, сильный и откормленный звѣрь,—какъ слѣдуетъ подойти къ нему и какъ прикоснуться, когда и отчего онъ приходитъ въ ярость или становится кроткимъ, какіе въ каждомъ случаѣ онъ привыкъ издавать звуки и при какихъ, произносимыхъ другими, звукахъ онъ укрощается и свирепѣеть,—и изучивъ все это черезъ обхожденіе и долгую привычку, назвалъ бы свою опытность мудростью, составилъ въ видѣ руководства и обратился къ преподаванію; на самомъ дѣлѣ онъ не зналъ бы, что изъ этихъ мнѣній и желаній похвально и постыдно, хорошо и дурно, справедливо и несправедливо, но все сталъ бы опредѣлять мнѣніями огромнаго животнаго, считая благомъ то, чѣмъ оно радуется, и зломъ то, чѣмъ оно печалится; никакого другаго отчета

въ этомъ дать онъ не былъ бы въ состояніи, но сталъ бы называть необходимое справедливымъ и прекраснымъ, а какъ велика на самомъ дѣлѣ разница между природой добра и природой необходимости, онъ и самъ бы не видѣлъ, да и другому разъяснить не былъ бы въ состояніи. Такой воспитатель не кажется ли тебѣ страннымъ?—Конечно.— Думаешь ли ты, что отъ него отличается тотъ, кто полагаетъ мудрость въ знаніи того, что вызываетъ гнѣвъ и удовольствіе въ людяхъ всякаго сброда относительно живописи, музыки или политики? Если человѣкъ, въ обхожденіи съ толпой, будетъ себя подчинять ей больше чѣмъ необходимо въ поэзіи, ремеслѣ или служеніи государству, то очевидно, что онъ будетъ поставленъ въ такъ-называемую Діомедову необходимость дѣлать то, что толпа хвалить; а что это поистинѣ хорошо и прекрасно, слышалъ ли ты, чтобы кто-нибудь изъ такихъ людей приводилъ доказательство, которое не было бы смѣшнымъ?—Нѣтъ, не слышалъ, да, думаю, и не услышу“.

Въ „Софистъ“ Платонъ сравниваетъ софистовъ съ ловчими, охотящимися за знатными юношами по лугамъ, изобильнымъ богатствомъ и молодостью ¹⁾, называетъ ихъ продавцами и разнощиками душевныхъ товаровъ—изготовленныхъ ими самихъ знаній о добродѣтели ²⁾, которыя они продаютъ за безцѣнокъ ³⁾—видитъ наиболѣе знаменательную черту ихъ дѣятельности въ умѣнны противорѣчить и вообще въ еристикѣ или искусствѣ спорить обо всемъ—о

¹⁾ Plato, Soph. 221, D; Ibid. 223, E: νέων πλουσίων και ἐνδόξων γιγνομένη θήρα προσρητέον... σοφιστική. Ibid. 231, D: φέρε, ὅποσα ἡμῖν ὁ σοφιστής πέφανται; δοκῶ μὲν γὰρ τὸ πρῶτον εἰρέθη νέων και πλουσίων ἔμμισθος θηρευτής.

²⁾ Plato, Soph. 223, A: Τὸ δ' ἐπαγγελόμενον μὲν ὡς ἀρετῆς ἕνεκα τὰς ὁμιλίας ποιούμενον, μισθὸν δὲ νόμισμα πραττόμενον, ἀρ' οὐ τοῦτο τὸ γένος ἐτέρῳ προσεῖπεν ἄξιον ὀνόματι;... Τίτι δὴ τοῦτω; πειρῶ λέγειν.—Δῆλον δὴ τὸν γὰρ σοφιστὴν μοι δοκοῦμεν ἀνευρηκέναι. Ibid. 224, C—E: ἴθι δὴ νῦν συναγάγωμεν αὐτό, λέγοντες ὡς τὸ τῆς κτητικῆς, ἀγοραστικῆς, μεταβλητικῆς, ἐμπορικῆς, ψυχερπορικῆς περὶ λόγους και μαθήματα ἀρετῆς πωλητικὸν δεύτερον ἀνεφάνη σοφιστική... Τρίτον δὲ γ' οἶμαι σε, κὰν εἴ τις αὐτοῦ καθιδρυμένος ἐν πόλει, τὰ μὲν ἰνούμενος, τὰ δὲ και τεκταινόμενος αὐτὸς μαθήματα περὶ ταῦτά ταῦτα και πωλῶν, ἐκ τούτου τὸ Ζῆν προὔταξάτο, καλεῖν οὐδὲν ἄλλο πλὴν ὅπερ νῦν δὴ... Καὶ τὸ κτητικῆς ἀρ' ἀγοραστικὸν, μεταβλητικὸν, καπηλικὸν εἴτ' αὐτοπωλικὸν, ἀμφοτέρως, ὅ τί περ ἀν ἢ περὶ τὰ τοιαῦτα μαθηματοπωλικὸν γένος, ἀεὶ σὺ προσερεῖς, ὡς φαίνει, σοφιστικόν. Ibid. 231, D: Τὸ δὲ γε δεύτερον ἔμπορος τις περὶ τὰ τῆς ψυχῆς μαθήματα... Τρίτον δ' ἀρ' οὐ περὶ ταῦτά ταῦτα κάπηλος ἀνεφάνη;—Ναί. και τέταρτόν γ' αὐτοπώλης περὶ τὰ μαθήματα ἡμῖν. Ср. также Protag. 313, D. (См. выше, стр. 21).

³⁾ Plato, Soph. 231, A: Ἐλεать сравниваетъ софиста, общающаго научить всему, съ человѣкомъ, общающимся сълать все, и продолжаетъ: και τοῖνον και ταχύ ποιήσας αὐτῶν ἕκαστα πάνυ μικροῦ νομίσματος ἀποδίδοται.—Παιδιὰν λέγεις τίνα.—Τί δαί; τὴν τοῦ λέγοντος ὅτι πάντ' οἶδε και ταῦθ' ἕτερον ἀν διδάξειεν ὀλίγου και ἐν ὀλίγῳ χρόνῳ, μῶν οὐ παιδιὰν νομιστέον.

умѣющій говорить такъ, что подражаніе принимается за истину, что малое становится большимъ, легкое труднымъ, и наоборотъ ¹⁾). Онъ пестрый и многоголовый звѣрь ²⁾), удивительно изворотливо и замысловато ускользающій въ самыя недоступныя мѣста ³⁾) и ограждающій себя безчисленными загадками ⁴⁾), такъ что его возможно изловить только при помощи самыхъ трудныхъ и отвлеченныхъ изслѣдованій ⁵⁾). При поискахъ за нимъ невозможно миновать діалектики и не встрѣтятся съ философomъ ⁶⁾), но тогда какъ послѣдній, соприкасаясь мыслью въ свѣтлыхъ областяхъ бытія съ истинно сущимъ, трудно зримъ вслѣдствіе яркости свѣта, первый, съ своимъ искусствомъ про-

ἔτι, μὴ περὶ ὄσωνπερ ἀντιλέγειν δοκεῖ δυνατός εἶναι, περὶ τοσοῦτων καὶ τὰς ἐπιστήμας ἀληθῶς ἔχων τυγχάνει;—Καὶ πῶς ἂν, ὦ ξένε; ἀλλὰ σχεδὸν ἤδη σαφές ἐκ τῶν εἰρημένων, ὅτι τῶν τῆς παιδείας μετεχόντων ἐστὶ τις εἷς.—Γόητα μὲν δὴ καὶ μιμητὴν ἄρα θετέον αὐτόν τινα. Ср. ниже 236, В: θαυματοποιῶν τις εἷς.

¹⁾ Ibid. 234 C—E: Τί δὲ δὴ; περὶ τοὺς λόγους ἄρ' οὐ προσδοκῶμεν εἶναι τιν' ἄλλην τοιαύτην τέχνην ἢ δυνατόν αὐ τυγχάνειν τοὺς νέους καὶ ἔτι πόρρω τῶν πραγμάτων τῆς ἀληθείας ἀφρεστώτας διὰ τῶν ὥτων τοῖς λόγοις γοητεῦναι δεικνύοντας εἰδωλα λεγόμενα περὶ πάντων, ὥστε ποιεῖν ἀληθῆ δοκεῖν λέγεσθαι καὶ τὸν λέγοντα δὴ σοφώτατον πάντων ἅπαντ' εἶναι;.. Τοὺς πολλοὺς οὖν, ὦ Θεαίτητε, τῶν τότε' ἀκούοντων ἄρ' οὐκ ἀνάγκη, χρόνου τ' ἐπελεθόντος αὐτοῖς ἰκανοῦ καὶ προϊούσης ἡλικίας, τοῖς τ' οὖσι προσπίπτοντας ἐγγύθεν καὶ διὰ παθημάτων ἀναγκαζομένους ἐναργῶς ἐφάπτεσθαι τῶν ὄντων μεταβάλλειν τὰς τότε γενομένας δόξας, ὥστε σμικρὰ μὲν φαίνεσθαι τὰ μεγάλα, χαλεπὰ δὲ τὰ ῥάδια, καὶ πάντα πάντη ἀνατετράφθαι τὰν τοῖς λόγοις φαντάσματα ὑπὸ τῶν ἐν ταῖς πράξεσιν παραγενομένων ἔργων; Ср. также Phaedr. 267, В: τὰ τ' αὐ σμικρὰ μεγάλα καὶ τὰ μεγάλα σμικρὰ φαίνεσθαι ποιοῖσι διὰ ῥύμην λόγου, καινὰ τ' ἀρχαίως τὰ τ' ἐναντία καινῶς ἢ Isocr. Paneg. 8: οἱ λόγοι τοιαύτην ἔχουσι τὴν φύσιν ὥσθ οἷόν τ' εἶναι περὶ τῶν αὐτῶν πολλαχῶς ἐξηγήσασθαι καὶ τὰ τε μεγάλα ταπεινὰ ποιῆσαι καὶ τοῖς μικροῖς μέγεθος περιθεῖναι, καὶ τὰ τε παλαιὰ καινῶς διελεῖν καὶ περὶ τῶν νεωστὶ γεγενημένων ἀρχαίως εἰπεῖν.

²⁾ Plato, Soph. 240, C: ὁ πολυκέφαλος σοφιστής. Ibid. 226, A: ἀληθῆ λέγεται τὸ ποικίλον εἶναι τοῦτο τὸ θηρίον (ὁ σοφιστής). Ibid. 235, В. Ср. также Euthyd. 297, C, гдѣ Платонъ уподобляетъ софистичеу гидрѣ, а софиста раку.

³⁾ Plato, Soph. 236, D. Ср. также Ibid. 239 C. Въ Ἐвондемѣ (288, C.) Платонъ сравниваетъ софиста съ Протеємъ: ἀλλ' οὐκ ἐθέλετον ἡμῖν ἐπιδειξασθαι σπουδάζοντε, ἀλλὰ τὸν Πρωτέα μιμεῖσθον τὸν Αἰγύπτιον σοφιστὴν γοητεύοντε ἡμᾶς.

⁴⁾ Plato, Soph. 261, A.

⁵⁾ Ibid. 236, D: Ὅντως, ὦ μακάριε, ἐσμέν ἐν παντάπασι χαλεπῇ σκέψει Впрочеμъ, доказательствомъ служить весь діалогъ «Софистъ».

⁶⁾ Ibid. 253, D: ἢ πρὸς Διὸς ἐλάθομεν εἰς τὴν τῶν ἐλευθέρων ἐμπεσόντες ἐπιστήμην, καὶ κινδυνεύομεν ζητοῦντες τὸν σοφιστὴν πρότερον ἀνευρηκέναι τὸν φιλόσοφον;... Τὸ κατὰ γένη διαρεῖσθαι καὶ μήτε αὐτὸν εἶδος ἕτερον ἡγήσασθαι μήθ' ἕτερον ὄν ταυτόν, μῶν οὐ τῆς διαλεκτικῆς φήσομεν ἐπιστήμης εἶναι; Ibid. 253 E: Ἄλλὰ μὴν τὸ γε διαλεκτικόν οὐκ ἄλλω δώσεις, ὡς ἐγῶμαι, πλὴν τῷ καθαρῶς τε καὶ δικαίως φιλοσοφοῦντι.

изводить призраки и кажущіяся подобія ¹⁾, постоянно укрывается въ темныя страны небытія и трудно распознаваемъ вслѣдствіе густоты мрака ²⁾).

Подражательное искусство, которымъ занимается софистъ, имѣеть два вида: можно подражать, зная то, чему подражаешь, и можно подражать, не зная того, чему подражаешь ³⁾. Къ подражателямъ послѣдняго рода относятся между прочимъ тѣ, которые, хотя и считаютъ себя знающими, но не знаютъ на самомъ дѣлѣ, что такое справедливость и вообще добродѣтель, и стараются, подражая добродѣтели и справедливости въ рѣчахъ и дѣлахъ, показать видъ, будто они обладаютъ той и другой ⁴⁾. Одни изъ этихъ подражателей простодушно увѣрены въ томъ, что знаютъ въ дѣйствительности то, въ чемъ считаютъ себя знающими; другіе вертятся въ рѣчахъ туда и сюда и вслѣдствіе этого внушаютъ сильное опасеніе и подозрѣніе, что не знаютъ того, въ чемъ передъ другими принимаютъ видъ свѣдущихъ ⁵⁾. Послѣдняго рода подражатели могутъ быть названы проницескими ⁶⁾. Одни изъ нихъ проявляютъ свою иронію всенародно, обращаясь къ толпѣ съ длинными рѣчами; другіе—въ частной бесѣдѣ заставляютъ собесѣдниковъ путемъ краткихъ рѣчей (вопросовъ и отвѣтовъ) противорѣчить самимъ себѣ ⁷⁾. Человѣкъ, принадлежащій къ подражателямъ, произносящимъ всенародно длинныя рѣчи, не есть истинный государствен-

¹⁾ Ibid. 235 B: σοφιστικῆ... εἰδωλοποιικῆ. 236, C: φανταστικῆ. 226, D: εἰδωλο-
υργικῆ и др.

²⁾ Ibid. 251, A: Τὸν μὲν δὴ φιλόσοφον ἐν τοιοῦτῳ τινὶ τόπῳ καὶ ὄν κἀπει-
ἀνευρήσομεν, εἰς ζητῶμεν, ἰδεῖν μὲν χαλεπὸν ἐναργῶς καὶ τοῦτον, ἕτερον μὴν τρόπον
ἢ τε τοῦ σοφιστοῦ χαλεπότης ἢ τε τοῦτου.... Ὁ μὲν ἀποδιδράσκων εἰς τὴν τοῦ μὴ
δντος σκοτεινότητα τριβὴ προσαπτόμενος αὐτῆς διὰ τὸ σκοτεινὸν τοῦ τόπου κατανοῆ-
σαι χαλεπός.... Ὁ δὲ γε φιλόσοφος, τῆ τοῦ δντος ἀεὶ διὰ λογισμῶν προσκείμενος ἰδέει,
διὰ τὸ λαμπρὸν αὐτῆς τῆς χώρας οὐδαμῶς εὐπετῆς ὀφθῆναι· τὰ γὰρ τῆς τῶν πολλῶν
ψυχῆς ὄμματα καρτερεῖν πρὸς τὸ θεῖον ἀδύνατα.

³⁾ Ibid. 267, B.

⁴⁾ Ibid. 267, C: τί δὲ δικαιοσύνης τὸ σχῆμα καὶ ὀλης ἔυλλήβδην ἀρετῆς; ἀρ'
οὐκ ἀγνοοῦντες μὲν, δοξάζοντες δὲ πη, σφόδρα ἐπιχειροῦσι πολλοὶ τὸ δοκοῦν σφίσι
τοῦτο ὡς ἐνὸν αὐτοῖς προθυμεῖσθαι φαίνεσθαι ποιεῖν, ὃ τι μάλιστα ἔργοις τε καὶ λό-
γοις μιμούμενοι;

⁵⁾ Ibid. 268, A: ὁ μὲν γὰρ εὐήθης αὐτῶν ἐστίν, οἰόμενος εἰδέναι ταῦτα ἃ δοξά-
ζει· τὸ δὲ θατέρου σχῆμα διὰ τὴν ἐν τοῖς λόγοις κυλίνδρῳ ἔχει πολλὴν ὑποψίαν καὶ
φόβον ὡς ἀγνοεῖ ταῦτα ἃ πρὸς τοὺς ἄλλους ὡς εἰδῶς ἐσηματίσται.

⁶⁾ Ibid.: Οὐκοῦν τὸν μὲν ἀπλοῦν μιμητὴν τινα, τὸν δὲ εἰρωνικὸν μιμητὴν θή-
σομεν;

⁷⁾ Ibid. 268, B: καὶ μοι διττῶ καταφαίνεσθόν τινα· τὸν μὲν δημοσίᾳ τε καὶ μακ-
ροῖς λόγοις πρὸς πλήθη δυνατὸν εἰρωνεύεσθαι καθορῶ, τὸν δὲ ἰδίᾳ τε καὶ βραχεῖσι λό-
γοις ἀναγκάζοντα τὸν προσδιαλεγόμενον ἐναντιολογεῖν αὐτὸν αὐτῷ.

ный мужъ, но народный ораторъ, а принадлежащій къ подражателямъ, ведущимъ частныя бесѣды безъ дѣйствительнаго знанія, не есть мудрый человекъ, но лишь подражатель мудраго человека или софистъ ¹⁾).

Въ „Тимей“ Платонъ ограничивается заявленіемъ, что хотя онъ считаетъ софистовъ людьми, знающими много хорошихъ рѣчей и опытными въ другихъ вещахъ, но опасается, что они, какъ люди переходящіе изъ города въ городъ и неимѣющіе постояннаго мѣстожителства, не могутъ правильно судить о томъ, что скажутъ и сдѣлаютъ философы и политики ²⁾).

Аристотель софистомъ называетъ человека, живающаго деньгами призрачною мудростью ³⁾, и замѣчаетъ, что тогда какъ отношенія между людьми занимающимися сообца философией измѣряются не деньгами, но дружбою и посильною признательностью, софисты вслѣдствіе несоотвѣтствія между обѣщаніями и исполненіемъ обѣщаній вынуждены брать съ учениковъ деньги впередъ ⁴⁾. Онъ раздѣляетъ взглядъ Платона ⁵⁾, что софистика логически неотдѣлима отъ еристики ⁶⁾, имѣетъ дѣло съ небытіемъ ⁷⁾, близка къ философіи и со-

¹⁾ Ibid. 268, B: Τίνα οὖν ἀποφαινόμεθα τὸν μακρολογώτερον εἶναι; πότερα πολιτικὸν ἢ δημολογικόν;—Дημολογικόν.—Τί δὲ τὸν ἕτερον ἐροῦμεν; σοφὸν ἢ σοφιστικόν;—Τὸ μὲν που σοφὸν ἀδύνατον, ἐπεὶ περ οὐκ εἰδότα αὐτὸν ἔθεμεν· μιμητῆς δ' ὦν τοῦ σοφοῦ δῆλον ὅτι παρωνύμιον αὐτοῦ τι λήψεται, καὶ σχεδὸν ἤδη μεμάθηκα, ὅτι τοῦτον δεῖ προσεῖπεν ἀληθῶς αὐτὸν ἐκείνον τὸν παντάπασιν ὄντως σοφιστῆν.

²⁾ Plato, Tim. 19, E: τὸ δὲ τῶν σοφιστῶν γένος αὐ πολλῶν μὲν λόγων καὶ καλῶν ἄλλων μάλα ἔμπειρον ἤγηται, φοβοῦμαι δέ, μή πως, ἄτε πλανητῶν ὄν κατὰ πόλεις οἰκήσεις τε ἰδίας οὐδαμῆ διωκηκός, ἀστοχῶν ἅμα φιλοσόφων ἀνδρῶν ἢ καὶ πολιτικῶν, ὅσα ἂν οἶα τε ἐν πολέμῳ καὶ μάχαις πράττοντες ἔργῳ προσομιλοῦντες ἐκάστοις πράττοιεν καὶ λέγοιεν.

³⁾ Aristot. Sophist. Elench. I, 165 a, 22, 28, 32: ἔστι γὰρ ἡ σοφιστικὴ φαινομένη σοφία οὕσα δ' οὐ, καὶ ὁ σοφιστῆς χρηματιστῆς ἀπὸ φαινομένης σοφίας ἀλλ' οὐκ οὕσης· ἀνάγκη οὖν τοὺς βουλομένους σοφιστεῦσιν τὸ τῶν εἰρημένων λόγων γένος ζητεῖν.—ὅτι μὲν οὖν ἔστι τι τοιοῦτον λόγων γένος, καὶ ὅτι τοιαύτης ἐφίενται δυνάμει οὗς καλοῦμεν σοφιστάς, δῆλον. Ibid. XI, 171 b, (см. ниже стр. 31, прим. 6); Metaph. III, 1004 b, 26 (см. ниже, стр. 30 прим. 1).

⁴⁾ Aristot. Eth. Nic. X, 1, 1164 a, 27—33: οἱ δὲ προλαβόντες τὸ ἀργύριον, εἴτα μηδὲν ποιοῦντες ὡν ἔφασαν διὰ τὰς ὑπερβολὰς τῶν ἐπαγγελιῶν, εἰκότως ἐν ἐγκλήμασι γίνονται· οὐ γὰρ ἐπιτελοῦσιν ἢ ὡμολόγησαν. τοῦτο δ' ἴσως ποιεῖν οἱ σοφισταὶ ἀναγκάζονται διὰ τὸ μηδένα ἂν δοῦναι ἀργύριον ὡν ἐπίστανται. οὗτοι μὲν οὖν ὡν ἔλαβον τὸν μισθόν, μὴ ποιοῦντες εἰκότως ἐν ἐγκλήμασιν εἰσίν. Ibid. 1164 b, 1—5.

⁵⁾ См. выше, стр. 26 прим. 1.

⁶⁾ См. ниже, стр. 30, прим. 7 и стр. 31, прим. 6.

⁷⁾ Arist. Metaph. VI, 1, 1026 b, 14, 15: διὸ Πλάτων τρόπον τινὰ οὐ κακῶς τῆν σοφιστικὴν περὶ τὸ μὴ ὄν ἔταξεν. Ср. ibid. XI, 8, 1064 b, 29, 30: διὸ Πλάτων οὐ κακῶς εἴρηκε φήσας τὸν σοφιστῆν περὶ τὸ μὴ ὄν διατρίβειν.

прикасается съ діалектикой ¹⁾); но точно такъ же, какъ Платонъ ²⁾, отличаетъ софистику и отъ философiи и отъ діалектики. Философія ставитъ цѣлью познаніе истины ³⁾, идетъ путемъ доказательствъ отъ однихъ неопровержимыхъ положеній къ другимъ ⁴⁾; діалектика только пытается подойти къ истинѣ: она выставляетъ философскія апорiи и основываетъ свои силлогизмы не на безспорномъ, но на вѣроятномъ ⁵⁾, на томъ, что кажется всѣмъ людямъ или большинству людей, или же, что принято людьми мудрыми, всѣми или многими, или нѣкоторыми особенно знаменитыми ⁶⁾; софистика либо выводитъ ложныя заключенія изъ вѣроятнаго, либо строитъ (правильныя или ложныя) силлогизмы на томъ, что только кажется вѣроятнымъ, но на самомъ дѣлѣ невѣроятно ⁷⁾. Діалектика руководится правилами логики ⁸⁾, софистика различными ухищреніями, основанными на скрытомъ отступленіи отъ правилъ логики ⁹⁾. Впрочемъ, главная разница діалектики отъ софистики не въ приемахъ и средствахъ, а въ цѣляхъ ¹⁰⁾. Діалектика

¹⁾ Arist. Metaph. III, 1004 b, 15 — 26: οὕτω καὶ τῷ ὄντι ἢ ὄν ἐστὶ τινὰ ἴδια, καὶ ταῦτ' ἐστὶ περὶ ὧν τοῦ φιλοσόφου ἐπισκέψασθαι τάληθές, σημεῖον δέ· οἱ γὰρ διαλεκτικοὶ καὶ σοφισταὶ ταῦτὸν μὲν ὑποδύονται σχῆμα τῷ φιλοσόφῳ, διαλέγονται δὲ περὶ πάντων, κοινὸν δὲ πᾶσι τὸ ὄν ἐστίν. διαλέγονται δὲ περὶ τούτων δῆλον ὅτι διὰ τὸ τῆς φιλοσοφίας εἶναι ταῦτ' οἰκεία. περὶ μὲν γὰρ τὸ αὐτὸ γένος στρέφεται ἡ σοφιστικὴ καὶ ἡ διαλεκτικὴ τῆς φιλοσοφίας, ἀλλὰ διαφέρει τῆς μὲν τῷ τρόπῳ τῆς δυνάμεως, τῆς δὲ τοῦ βίου τῆ προαιρέσει. ἐστὶ δὲ ἡ διαλεκτικὴ πειραστικὴ περὶ ὧν ἡ φιλοσοφία γνωριστικὴ, ἡ δὲ σοφιστικὴ φαινομένη, οὕσα δ' οὐ. Ср. также Soph. Elench. XXXIV, 183 a, гдѣ Аристотель говоритъ о сохѣдствѣ софистики (τῆς σοφιστικῆς γειτνίαςις) съ діалектикой.

²⁾ См. выше, стр. 27, прим. 6.

³⁾ Aristot. Met. 992 a, 30: ἡ περὶ τῆς ἀληθείας θεωρία.

⁴⁾ Arist. Anal. post. I, 2, 71 b, 19: ἀνάγκη καὶ τὴν ἀποδεικτικὴν ἐπιστήμην ἐξ ἀληθῶν τ' εἶναι καὶ πρώτων καὶ ἀμέσων. Ср. также данное Аристотелемъ опредѣленіе слову философiя (см. выше, стр. 17, прим. 3).

⁵⁾ Aristot. Top. I, 1, 100 a, 29, 30: διαλεκτικὸς δὲ συλλογισμὸς ὁ ἐξ ἐνδόξων συλλογιζόμενος. О діалектическихъ апорiяхъ см. ниже, стр. 31, прим. 1 и выше, стр. 17, прим. 3 (опредѣленіе слова ἀπόρημα).

⁶⁾ Ibid. 100 b, 21 — 23: ἐνδόξα δὲ τὰ δοκοῦντα πᾶσιν ἢ τοῖς πλείστοις ἢ τοῖς σοφοῖς, καὶ τούτοις ἢ πᾶσιν ἢ τοῖς πλείστοις ἢ τοῖς μάλιστα γνωρίμοις καὶ ἐνδόξοις.

⁷⁾ Ibid. 100 b, 23: ἐριστικός δ' ἐστὶ συλλογισμὸς ὁ ἐκ φαινομένων ἐνδόξων, μὴ ὄντων δέ, καὶ ὁ ἐξ ἐνδόξων καὶ φαινομένων ἐνδόξων φαινόμενος. Софистическій силлогизмъ не отличается отъ еристическаго. Ср. Soph. Elench. XI, 1716, 8: καὶ συλλογισμὸς ἐριστικός καὶ σοφιστικός ἐστὶ νεῖς μὲν ὁ φαινόμενος συλλογισμὸς... Ср. также стр. 31 прим. 6.

⁸⁾ Въ этомъ именно и состоитъ вѣдшее отличие діалектики отъ софистики.

⁹⁾ Arist. Soph. Elench. XI, 171 b, 22: ὡσπερ γὰρ ἡ ἐν ἀγῶνι ἀδικία εἶδος τι ἔχει καὶ ἐστὶν ἀδικομαχία τις, οὕτως ἐν ἀντιλογίᾳ ἀδικομαχία ἡ ἐριστικὴ ἐστίν· ἐκεῖ τε γὰρ οἱ πάντως νικᾶν προαιρούμενοι πάντων ἀπτονται καὶ ἐνταῦθα οἱ ἐριστικοί.

¹⁰⁾ См. выше, прим. 1. Ср. также Arist. Rhetor. I, 1, 1355 b, 17—21: ἡ γὰρ σοφιστικὴ οὐκ ἐν τῇ δυνάμει ἀλλ' ἐν τῇ προαιρέσει· πλὴν ἐνταῦθα μὲν ἔσται ὁ μὲν κατὰ

имѣть цѣль въ себѣ самой: она нужна для того, чтобы приобрести навыкъ въ умозаключеніяхъ, опытность въ оцѣнкѣ мнѣній, способность къ изслѣдованію философскихъ истинъ ¹⁾); софистика преслѣдуетъ цѣль чисто внѣшнюю: она ради тщеславной наживы ²⁾ учить, какъ сбивать людей съ толку ³⁾. Косвенно, черезъ обнаруженіе того, чего должно избѣгать въ философіи, софистика (во всякомъ случаѣ полезная для людей тщеславныхъ) можетъ принести ту же пользу, что и діалектика ⁴⁾), но основная цѣль софистики — приобретение денегъ призрачною мудростью ⁵⁾. Стремленіемъ къ наживѣ софистика отличается и отъ діалектики и отъ простой любви къ спору или еристике въ собственномъ значеніи этого слова, для которой главное — побѣда надъ противникомъ ⁶⁾.

τὴν ἐπιστήμην ὃ δὲ κατὰ τὴν προαίρεσιν ῥήτωρ, ἐκεῖ δὲ σοφιστὴς μὲν κατὰ τὴν προαίρεσιν, διαλεκτικὸς δὲ οὐ κατὰ τὴν προαίρεσιν ἀλλὰ κατὰ τὴν δύναμιν.

¹⁾ Arist. Top. I, 2, 101, 25—35: 'Ἐπόμενον δ' ἂν εἴη τοῖς εἰρημένοις εἰπεῖν πρὸς πόσα τε καὶ τίνα χρῆσιμος ἡ πραγματεία. ἔστι δὴ πρὸς τρία, πρὸς γυμνασίαν, πρὸς τὰς ἐντεῦξεις, πρὸς τὰς κατὰ φιλοσοφίαν ἐπιστήμας. ὅτι μὲν οὖν πρὸς γυμνασίαν χρῆσιμος, ἔξ αὐτῶν καταφανές ἐστι· μέθοδον γὰρ ἔχοντες ῥῆον περὶ τοῦ προτεθέντος ἐπιχειρεῖν δυνασόμεθα. πρὸς δὲ τὰς ἐντεῦξεις, διότι τὰς τῶν πολλῶν καθηριθμημένοι δόξας οὐκ ἐκ τῶν ἀλλοτρίων ἀλλ' ἐκ τῶν οἰκείων δογμάτων ὁμιλήσομεν πρὸς αὐτοῦς, μεταβιβάζοντες ὅτι ἂν μὴ καλῶς φαίνωνται λέγειν ἡμῖν. πρὸς δὲ τὰς κατὰ φιλοσοφίαν ἐπιστήμας, ὅτι δυνάμενοι πρὸς ἀμφοτέρω διαπορῆσαι ῥῆον ἐν ἐκάστοις κατοψόμεθα τὰληθές τε καὶ τὸ ψεῦδος.

²⁾ См. выше, стр. 29 прим. 3 и ниже, прим. 6.

³⁾ Arist. Soph. Elench. III, 165 b, 12—21: Πρῶτον δὴ ληπτέον πόσων στοχάζονται οἱ ἐν τοῖς λόγοις ἀγωνιζόμενοι καὶ διαφιλονεικούντες. ἔστι δὲ πέντε ταῦτα τὸν ἀριθμὸν, ἔλεγχος καὶ ψεῦδος καὶ παράδοξον καὶ σολοικισμὸς καὶ ἐμπικτον τὸ ποῆσαι ἀδολεσχησαι τὸν προσδιαλεγόμενον (τοῦτο δ' ἐστὶ τὸ πολλακίς ἀναγκάζεσθαι ταῦτὸ λέγειν) ἢ τὸ μὴ ὄν, ἀλλὰ τὸ φαινόμενον ἕκαστον εἶναι τούτων. μάλιστα μὲν γὰρ προαιροῦνται φαίνεσθαι ἐλέγχοντες, δεύτερον δὲ ψευδόμενόν τι δεικνύναι, τρίτον εἰς παράδοξον ἀγειν, τέταρτον δὲ σολοικίζειν ποιεῖν (τοῦτο δ' ἐστὶ τὸ ποιῆσαι τῇ λέξει βαρβαρίζειν ἐκ τοῦ λόγου τὸν ἀποκρινόμενον)· τελευταῖον δὲ τὸ πλεονάκεις ταῦτὸ λεγειν.

⁴⁾ Ibid. XVI, 175 a, 5—16: χρήσιμοι μὲν οὖν εἰσὶ (οἱ ἐν ταῖς ἀγωνιστικαῖς διατιριβαῖς λόγοι. Ibid. 175 a, 2): πρὸς μὲν φιλοσοφίαν διὰ δύο. πρῶτον μὲν γὰρ ὡς ἐπὶ τὸ πλὴν γινόμενοι παρὰ τὴν λέξιν ἀμεινον ἔχειν ποιοῦσι πρὸς τὸ ποσακῶς ἕκαστον λέγεται, καὶ ποῖα ὁμοίως καὶ ποῖα ἐτέρως, ἐπὶ τε τῶν πραγμάτων συμβαίνει καὶ ἐπὶ τῶν ὀνομάτων. δεύτερον δὲ πρὸς τὰς καθ' αὐτὸν ζητήσεις· ὃ γὰρ ὑφ' ἐτέρου ῥαδίως παραλογιζόμενος καὶ τοῦτο μὴ αἰσθανόμενος κἂν αὐτὸς ὑφ' αὐτοῦ τοῦτο πάθοι πολλακίς. τρίτον δὲ καὶ τὸ λοιπὸν ἔτι πρὸς δόξαν, τὸ περὶ πάντα γεγυμνάσθαι δοκεῖν καὶ μὴ δενὸς ἀπειρωσ ἔχειν· τὸ γὰρ κοινωνοῦντα λόγων ψέγειν λόγους, μηδὲν ἔχοντα διορίζειν περὶ τῆς φαυλότητος αὐτῶν, ὑποψίαν δίδωσι τοῦ δοκεῖν δυσχεραίνειν οὐ διὰ τὰληθές ἀλλὰ δι' ἀπειρίαν.

⁵⁾ См. выше, прим. 2.

⁶⁾ Arist. Soph. Elench., XI, 171 b, 24—34: οἱ μὲν οὖν τῆς νίκης αὐτῆς χάριν τοιοῦτοι ἐριστικοὶ ἄνθρωποι καὶ φιλέριδες δοκοῦσιν εἶναι, οἱ δὲ δόξης χάριν τῆς εἰς χρημα-

Изъ опредѣленія, даннаго Аристотелемъ софистикѣ, видно, что софисты могли примѣнять свое искусство ко всѣмъ вопросамъ жизни и знанія. Но Аристотель, подробно останавливаясь на формальной сторонѣ софистики, только вскользь упоминаетъ о главномъ занятіи софистовъ — объ ихъ дѣятельности въ области политическаго воспитанія. Несмотря на то, что одни только софисты объявляютъ себя учителями политики, они, на взглядъ Аристотеля, всего менѣе на это пригодны, такъ какъ не имѣютъ ни практической опытности ¹⁾, ни даже самыхъ основныхъ теоретическихъ знаній ²⁾.

Изъ риториковъ о софистахъ особенно обстоятельно говорить Исократъ. Его отзывъ обращаетъ на себя вниманіе потому, что Исократъ самъ называлъ себя софистомъ ³⁾ и смотрѣлъ на дѣло съ чисто практической стороны.

„Еслибы всѣ, которые берутся за воспитаніе“—говоритъ онъ въ рѣчи „Противъ софистовъ“ ⁴⁾—„желали говорить правду и не дѣлали большихъ обѣщаній, чѣмъ сколько могутъ исполнить, то они не были бы въ дурной славѣ у частныхъ лицъ. А теперь люди, позволяющіе себѣ слишкомъ неосмотрительно хвастаться, довели до того, что кажется лучшимъ совѣтоваться съ тѣми, кто избралъ для себя праздную жизнь, чѣмъ съ тѣми, кто занимается философіей. Кто бы, въ самомъ дѣлѣ, не возненавидѣлъ и не сталъ презирать прежде всего тѣхъ, которые занимаются спорами и хотя дѣлаютъ видъ будто ищутъ истины, но тотчасъ же, въ началѣ своихъ заявленій, принимаютъ говорить ложь. Вѣдь, я думаю, всѣмъ ясно, что знать напередъ будущее не въ нашей природѣ... А между тѣмъ эти люди дошли до крайней наглости: они пытаются убѣждать юношей въ томъ, что если сблизятся съ ними, то будутъ знать, какъ имъ нужно поступать, и вслѣдствіе этого знанія будутъ счастливыми. И, выставя себя учителями и господами столь великихъ благъ, они не стыдятся просить

τισμὸν σοφιστικῶν· ἢ γὰρ σοφιστικὴ ἐστίν, ὡς περ εἶπομεν, χρηματιστικὴ τις ἀπὸ σοφίας φαινομένης, διὰ φαινομένης ἀποδείξεως ἐφίενται. καὶ τῶν λόγων τῶν αὐτῶν μὲν εἶον οἱ φιλέριδες καὶ σοφισταί, ἀλλ' οὐ τῶν αὐτῶν ἕνεκεν. καὶ λόγος ὁ αὐτὸς μὲν ἔσται σοφιστικὸς καὶ ἐριστικὸς, ἀλλ' οὐ κατὰ ταῦτόν, ἀλλ' ἢ μὲν νίκης φαινομένης, ἐριστικὸς, ἢ δὲ σοφίας, σοφιστικὸς· καὶ γὰρ ἢ σοφιστικὴ ἐστὶ φαινομένη σοφία τις ἀλλ' οὐκ οὐσα.

¹⁾ Arist. Eth. Nic. XI, 10, 1180, b 35: τὰ δὲ πολιτικὰ ἐπαγγέλλονται μὲν διδάσκειν οἱ σοφισταί, πράττει δ' αὐτῶν οὐδεὶς.

²⁾ Ibid. 1181 a, 12—17: τῶν δὲ σοφιστῶν οἱ ἐπαγγελλόμενοι λίαν φαίνονται πόρρω εἶναι τοῦ διδάξαι· ὅλως γὰρ οὐδὲ ποῖόν τι ἐστὶν ἢ περὶ ποῖα ἴσασιν· οὐ γὰρ τὴν αὐτὴν τῇ ῥητορικῇ οὐδὲ χεῖρω ἐτίθεσαν, οὐδ' ἂν ψοντο ῥάδιον εἶναι τὸ νομοθετῆσαι συναγαθόντι τοῖς εὐδοκμοῦντας τῶν νόμων.

³⁾ См. выше, стр. 15, прим. 5.

⁴⁾ Or. XIII.

за нихъ три или четыре мины. Еслибы они что нибудь изъ другаго имущества продавали за безцѣногъ сравнительно съ дѣйствительною стоимостью, они не могли бы имѣть притязанія на благоразуміе; ¹⁾ а между тѣмъ, цѣна всю добродѣтель и счастье столь малыми деньгами, ²⁾ они требуютъ, чтобы ихъ считали разсудительными учителями другихъ. Они говорятъ, что вовсе не нуждаются въ деньгахъ, презрительно называютъ богатство серебромъ и золотцемъ, и, стремясь къ небольшой выгодѣ, обѣщаются сдѣлать ближнихъ чуть ли не безсмертными. Но всего смѣшнѣе то, что они не довѣряютъ тѣмъ, отъ кого имъ слѣдуетъ получить деньги, т. е. тѣмъ, кому обѣщаютъ передать справедливость, а за учениковъ дѣлаютъ поручителями людей, которыхъ учителями никогда не бывали; старательно заботясь о своей обезпеченности, они дѣлаютъ противное обѣщанію. Воспитывающимъ въ чемъ нибудь другомъ слѣдуетъ обезпечить себя въ дѣлахъ спорныхъ, такъ какъ ничто не мѣшаетъ сильнымъ въ другихъ вещахъ быть нечестными въ сдѣлкахъ. Но людямъ, вселяющимъ добродѣтель и скромность, не безмысленно ли меньше всего вѣрить собственнымъ ученикамъ? Вѣдь, конечно, эти послѣдніе, будучи для всѣхъ остальныхъ хорошими и справедливыми, не погрѣшаютъ противъ тѣхъ, черезъ которыхъ стали такими ³⁾. Когда, такимъ образомъ, частныя лица, взвѣсивъ все это, увидятъ, что учащіе мудрости и преподающіе счастье хотя во многомъ нуждаются сами, но съ учениковъ получаютъ немного, противорѣчія въ рѣчахъ подстерегаютъ, а въ дѣлахъ не замѣчаютъ, да сверхъ того выдаютъ себя за знающихъ будущее, между тѣмъ какъ о настоящемъ не могутъ ни сказать, ни посовѣтовать ничего должнаго, и что больше между собою согласны и правильнѣе поступаютъ люди, руководствующіеся мнѣніями, чѣмъ тѣ, которые объявляютъ себя обладающими наукой,—естественно думаю я, они станутъ презирать и считать такія занятія болтовнею и пустяками, а не заботой о душѣ.

„Не только этихъ, но и обѣщающихъ обучать политическимъ рѣчамъ стоить упрекнуть: и они объ истинѣ совсѣмъ не заботятся, но видятъ искусство въ томъ, чтобы малостью вознагражденія и величиною обѣщанія привлечь учениковъ какъ можно больше и сумѣть взять съ нихъ что нибудь. Настолько не наблюдательны и сами они, да и другихъ считаютъ такими же, что, составляя рѣчи хуже, чѣмъ

¹⁾ Ср. Xenop. Memorab. I, 6, 11—13. См. выше, стр. 18.

²⁾ Ср. Plato, Soph. 234, A. См. выше стр. 25, прим. 3.

³⁾ Ср. Plato, Gorg. 519, C—521, A (выше, стр. 23 и прим. 3).

нѣкоторыя изъ простыхъ лицъ безъ всякаго приготовленія, они тѣмъ не менѣе обѣщаютъ учениковъ сдѣлать такими ораторами, которые ничего не упустятъ въ дѣлахъ. И изъ этой способности они ничего не удѣляютъ ни опытности, ни природнымъ дарованіямъ ученика, но говорятъ, что науку о рѣчахъ передадутъ такъ же, какъ науку о буквахъ; не разсѣдывая свойствъ той и другой, они думаютъ, что громадностью обѣщаній возбудятъ удивленіе къ себѣ и воспитанію въ рѣчахъ придадутъ болѣе достойный видъ, плохо зная, что великими дѣлаютъ искусства не тѣ, которые нагло хвастаются ими, но тѣ, которые могутъ найти все то, что заключается въ каждомъ изъ нихъ.

„Я бы предпочелъ многимъ деньгамъ, еслибы философія имѣла такую силу, какую утверждаютъ эти люди; но когда на самомъ дѣлѣ это не такъ, то я желалъ бы, чтобы болтуны замолчали, такъ какъ я вижу, что дурная молва распространяется не о тѣхъ только, кто ведетъ дѣло неправильно, но что также клеветуютъ на всѣхъ другихъ, занимающихся тѣмъ же дѣломъ. Про недавно народившихся и только что принявшихся за хвастовство софистовъ я хорошо знаю, что, хотя они теперь и въ большемъ ходу, про всѣхъ нихъ будутъ говорить тоже самое. Остаются еще бывшіе до насъ и дерзнувшіе написать такъ называемыя „руководства“. Ихъ также нельзя отпустить безъ упрека, такъ какъ они обѣщали научить судиться—выбравъ самое ненавистное изъ именъ, которое было бы пристойно говорить завистникамъ, а не представителямъ этого воспитанія, и при томъ выбравъ для занятія, которое, поскольку изучимо, способно принести не меньшую пользу въ рѣчахъ судейскихъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ. Но эти люди были хуже занимающихся спорами тѣмъ, что послѣдніе хотя и изслѣдовали такіе пустяки, что если остаться имъ вѣрнымъ въ дѣлахъ, тотчасъ же окажешься въ безисходномъ положеніи, все же внушали добродѣтель и скромность, а тѣ, которые побуждали къ политическимъ рѣчамъ, пренебрегая связанными съ этими рѣчами благами, становились учителями суетливости и жадности“.

Въ другомъ мѣстѣ (въ „Еленѣ“) Исократъ, разсуждая о безполезности теоретической философіи вообще, укоряетъ въ особенности еристиковъ, которымъ, по его словамъ, нѣтъ ни до чего дѣла, кромѣ наживы съ молодыхъ людей, и ставитъ на видъ, что выдающіе себя за воспитателей должны посвящать себя не никуда негоднымъ занятіямъ, въ родѣ превознесенія жизни нищихъ и бѣглецовъ, прославленія смелей, соли и т. п., но ознакомленію учениковъ съ такими дѣ-

лами, изъ которыхъ слагается общественная жизнь. Тѣ, которые имѣютъ притязаніе на мудрость и объявляютъ себя софистами, должны отличаться отъ простыхъ людей и превосходить ихъ не тѣмъ, чѣмъ всѣ пренебрегаютъ, но тѣмъ, въ чемъ всѣ соперничаютъ ¹⁾).

Еще суровѣе отзываются о софистахъ государственные люди Аѳинъ. Платонъ сохранилъ намъ отзывы двухъ политиковъ—консерватора Анита и радикала Калликла.

Въ діалогѣ „Менонъ“ ²⁾ Сократъ спрашиваетъ у Анита, къ кому, по его мнѣнію, послать Менона, который стремится къ политической мудрости и доблести. „Не ясно-ли, говоритъ Сократъ, что надо послать его къ тѣмъ, которые объявляютъ себя учителями добродѣтели для всѣхъ эллиновъ, желающихъ у нихъ учиться за извѣстную плату.—Какихъ же людей ты подразумѣваешь? спрашиваетъ Анитъ.—Я думаю и тебѣ извѣстно, отвѣчаетъ Сократъ, что это тѣ самые, которыхъ называютъ софистами.—О, Гераклъ, восклицаетъ Анитъ, не сквернословъ, Сократъ; пусть ни на одного изъ моихъ родственниковъ, близкихъ и друзей, пусть ни на одного гражданина и чужестранца не найдеть такое безуміе, чтобы идти къ этимъ людямъ и оскверниться, такъ какъ очевидно, что эти люди скверна и язва для всѣхъ, кто съ ними имѣетъ дѣло.—Неужели же правда, Анитъ, что только одни софисты изъ всѣхъ тѣхъ, которые выдаютъ себя за способныхъ принести пользу, такъ мало похожи на остальныхъ, что не только не улучшаютъ какъ другіе то, что имъ поручаютъ, но даже наоборотъ портятъ, и за это еще открыто требуютъ денегъ? Я не знаю какъ тебѣ вѣрить. А мнѣ извѣстенъ одинъ человекъ, по имени Протагоръ, который такую мудростью нажилъ больше денегъ, чѣмъ Фидій, дѣлавшій такія великолѣпныя и прекрасныя вещи, и вмѣстѣ съ Фидіемъ десять другихъ ваятелей. Да и странное ты говоришь; вѣдь если бы люди, занимающіеся починкой старой обуви и зашиваньемъ стараго платья, возвращали платья и обувь въ худшемъ состояніи, чѣмъ какъ получили, то они не могли бы скрыть этого

¹⁾ Helene (X), 1—14. Кроме того Исократъ говоритъ о софистахъ въ *Rapath.* (XII), 5, 17—20 (разсказъ о томъ, какъ старались всячески повредить Исократу нѣкоторые изъ тѣхъ *ἀγελαιῶν σοφιστῶν καὶ πάντα φασκόντων εἰδέναι καὶ ταχέως πανταχοῦ ὑγρονέειν*), 271; *De Legat.* (XV), 2, 4, 136, 147—148, 155, 157, 169, 197—198, 203, 221, 237; *Paedag.* (IV), 4, слѣд., 28; *Phil.* (V), 12.

²⁾ Plato, Meno, 91, A—92, E. Несмотря на заявленіе самого Анита, что онъ не имѣлъ лично дѣла съ софистами (*οὐ συγγέγονε*), все же его отзывъ имѣетъ значеніе, такъ какъ о стоящихъ на виду общественныхъ дѣятеляхъ можно знать и безъ личнаго знакомства съ ними.

даже и въ теченіе одного мѣсяца, и если бы поступали такимъ образомъ, то скоро бы умерли съ голоду, а между тѣмъ Протагоръ скрывалъ отъ всей Еллады больше сорока лѣтъ, что развращаетъ учениковъ и отсылаетъ ихъ худшими, чѣмъ принялъ. Вѣдь онъ, думаю я, умеръ недавно семидесяти лѣтъ отъ роду, послѣ того какъ занимался своимъ искусствомъ сорокъ лѣтъ; и въ теченіе всего этого времени, до сегодняшняго дня, нисколько не потерялъ своей славы. Да и не одинъ только Протагоръ; много и другихъ, изъ которыхъ иные жили раньше его, а иные еще и до сихъ поръ живутъ. Такъ должны-ли мы согласно съ твоимъ мнѣніемъ сказать, что они сознательно обманываютъ и оскверняютъ молодыхъ людей, или же, что они дѣлаютъ это сами того не зная? И можемъ-ли мы признать, что до такой степени безумствуютъ тѣ, которыхъ нѣкоторые считаютъ мудрѣйшими изъ людей?—Да они вовсе и не безумствуютъ, Сократъ; но скорѣе тѣ изъ молодыхъ людей, которые даютъ имъ деньги, а еще больше безумствуютъ города, которые допускаютъ ихъ въ свои предѣлы и не выгоняютъ,—иностранца-ли, собственнаго-ли гражданина, какъ скоро онъ начинаетъ дѣлать чтонибудь подобное.—Обидѣлъ что ли, Анитъ, тебя кто изъ софистовъ, что ты такъ сердитъ на нихъ?—О нѣтъ, клянусь Зевсомъ, я никогда не имѣлъ съ ними дѣла, да и не позволилъ бы этого никому изъ моихъ.—Такъ, значить, ты совсѣмъ не знаешь этихъ людей?—Да и знать не хочу.—Какъ же ты, чудной человѣкъ, можешь знать объ этомъ дѣлѣ, хорошо оно или нѣтъ, если оно тебѣ совсѣмъ неизвѣстно?—Да очень просто. Ужъ про этихъ то людей я знаю, знакомъ я съ ними или нѣтъ.—Можетъ быть, Анитъ, ты прорицатель, такъ какъ, судя по твоимъ словамъ, было бы удивительно, какъ иначе ты можешь знать объ этихъ людяхъ. Впрочемъ, вѣдь мы ищемъ не тѣхъ, отъ которыхъ Менонъ сталъ бы дурнымъ; такими людьми, если ты желаешь, пусть будутъ софисты. Но ты назови намъ другихъ и окажи благодареніе этому гостю твоего отца; скажи ему, къ кому долженъ онъ идти въ такомъ большомъ городѣ, чтобы ему быть чегонибудь стоящимъ въ добродѣтели?—А ты отчего ему самъ этого не сказалъ?—Я уже указалъ, кого я считалъ учителями въ этомъ дѣлѣ; но по твоему выходить, что я не сказалъ ничего путнаго. Быть можетъ, ты и правъ; но теперь ты ему въ свою очередь скажи, къ кому изъ аѳинянъ ему идти. Назови имя, чье хочешь.—Да къ чему слышать имя одного человѣка; съ кѣмъ бы изъ хорошихъ аѳинянъ онъ ни встрѣтился, всякій скорѣе сдѣлаетъ его лучшимъ, чѣмъ софисты, если только онъ захочетъ слушаться“.

Не меньшимъ пребрѣніемъ дѣлать и отзывъ. Называя. Называя
заявляетъ просто, что о софистахъ не стоитъ говорить, такъ какъ они
люди ничего не стоящіе ¹⁾).

Какъ изъ только-что приведенныхъ отзывовъ, такъ и изъ всего
того, что было нами сказано объ исторіи слова софистъ, мы можемъ
сдѣлать слѣдующіе выводы, которые вѣдѣмъ проверять въ дальнѣй-
шемъ изслѣдованіи:

1) Въ Греціи со второй половины V в. существовалъ особый
профессиональный разрядъ или классъ учителей, называвшихся со-
фистами. Софисты были платные учителя добродѣтели (въ греческомъ
значеніи этого слова), т.-е. необходимыхъ для успѣха въ практической
жизни знаній и умственной ловкости или изворотливости, занимав-
шіеся философией и слѣдовавшіе въ своей философской и воспита-
тельной дѣятельности общему ходячему въ то время направленію,
(субъективизму, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ).

2) Всѣ софисты преподавали искусство ловко говорить, но одни изъ
нихъ занимались преимущественно теоретической и практической ра-
ботной общихъ правилъ риторики, другіе руководили въ составленіи
политическихъ и судебныхъ рѣчей, третьи учили вести споры. (были
еристиками).

3) Уже въ древности различали два поколѣнія софистовъ: стар-
шихъ и младшихъ.

4) О софистахъ мы не слышимъ ни одного сочувственнаго отзыва,
ни отъ теоретиковъ, ни отъ практиковъ; тѣ и другіе ставятъ на видъ
недобросовѣстность, хвастливость, корыстолюбіе софистовъ; но от-
зывы практиковъ суровѣе, чѣмъ отзывы теоретиковъ. Наименѣе не-
благопріятные для софистовъ отзывы—Платона и Аристотеля. Платонъ
(устаами Сократа) не только не присоединяется къ суровымъ отзывамъ
практиковъ, но даже защищаетъ софистовъ противъ изводимыхъ на
нихъ практиками обвиненій.

5) Въ отзывахъ Ксенофонта, Платона и Аристотеля свозить
взглядъ Сократа на торгъ мудростью какъ на дѣло позорное; въ отзы-
вахъ Платона и Аристотеля мы, сверхъ того, встрѣчаемся съ другимъ
взглядомъ Сократа, что добродѣтель сама обявываетъ къ благодар-
ности и что поѣтому требовать деньги за наставленія въ ней негѣпо;
но эти взгляды не составляютъ ни главнаго, ни единственнаго осно-
ванія этихъ отзывовъ. Основанія этого слѣдуетъ искать въ одномъ и
томъ же убѣжденіи, которое въ большей или меньшей степени про-

¹⁾ Plato, Gorg. 519, E—520; A: Οὐκοῦν ἀκούεις τοιαῦτα λεγόντων τῶν φιλοσόφων
παῖδεῖν ἀνθρώπους εἰς ἀρετὴν; — Ἐγώ γε, ἀλλὰ τί ἄν λέγοις ἀνθρώπων περὶ οὐδενὸς
ἀξίον;

глядываешь во всѣхъ отзывахъ (не исключая отзывовъ Сократа и Исократъ),—что софисты не знали надлежащимъ образомъ того, чего объявляли себя преподавателями; а рѣшительный тонъ, которымъ Платонъ и Исократъ, не смотря на различіе точекъ зрѣнія, единогласно указываютъ на несообразные поступки софистовъ ¹⁾, уполномочиваешь предположить, что эти указанія имѣли за себя не унаследованное отъ Сократа мнѣніе, но дѣйствительные факты.

6) Въ Платоновомъ опредѣленіи софистики замѣчается двойственность: неизмѣнно называя софистовъ учителями добродѣтели, Платонъ въ „Протагоръ“ и „Горгія“ видитъ основную черту софистическаго искусства въ риторикѣ, а въ „Софистъ“—въ еристикѣ. Аристотель при опредѣленіи софистики стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, на какой Платонъ въ „Софистъ“. Такъ какъ „Софистъ“ написанъ Платономъ несомнѣнно позднѣе „Протагора“ и „Горгія“ ²⁾ и такъ какъ Аристотель ничего не говоритъ о риторической дѣятельности еристиковъ, то можно предположить, что старшіе софисты были по преимуществу риторы, а изъ младшихъ большинство по преимуществу еристыки. Объ еристикѣ, точно также, какъ о софистикѣ вообще, наименѣе суровъ отзывъ Платона; самый непріязненный объ еристикѣ отзывъ Исократъ.

7) До второй половины V вѣка всѣ вообще мудрые, ловкіе, искусные люди назывались софистами. Нѣкоторые изъ нихъ занимались преподаваніемъ искусствъ и вообще имѣли то или другое отношеніе къ воспитательной дѣятельности, но ни объ этихъ преподавателяхъ, ни о другихъ мудрыхъ людяхъ до второй половины V вѣка мы не слышимъ, чтобы они объявляли себя платными учителями добродѣтели, преподавали искусство ловко говорить, приводили свою практическую дѣятельность въ связь съ философскими теоріями. Древніе софисты не имѣли поэтому съ софистами, появившимися со второй половины V вѣка, ничего общаго, кромѣ имени и извѣстной степени умственныхъ дарованій.

8) Слово софистъ было въ V и IV вѣкахъ ходячимъ для обозначенія платныхъ учителей. Оно въ этомъ значеніи встрѣчается у нѣсколькихъ писателей, современныхъ Платону. Поэтому несправедливо мнѣніе Грота, что Платонъ изыалъ слово софистъ изъ общаго употребленія и закрѣпилъ за платными учителями.

---

¹⁾ См. выше, стр. 23, 33. Подлинныя слова Платона и Исократъ слѣдующія. Gorg., 519, C: καὶ γὰρ οἱ σοφισταὶ, τὰλλα σοφοὶ ὄντες, τοῦτ' ἀτοκὸν ἐργάζονται πρᾶγμα φάσκοντες γὰρ ἀρετῆς διδάσκαλοι εἶναι πολλὰκις κατηγοροῦσι τῶν μαθητῶν, ὡς ἀδικοῦσι σφᾶς ἢ τ. д. Isocrt. XIII, 5: τὸ δὲ πάντων καταγελαστότατον, ὅτι παρὰ μὲν ὦν δεῖ αὐτοὺς λαβεῖν, τοῦτοις μὲν ἀπιστοῦσιν, οἷς μέλλουσι τὴν δικαιοσύνην παραδῶσειν ἢ т. д.

²⁾ По языку и отсутствію драматической живости «Софистъ» примыкаетъ къ безспорно позднѣйшимъ Платоновымъ діалогамъ—«Филебу», «Тимэю», «Законамъ», «Епи-

III.

Лица, известныя въ исторіи подъ именемъ софистовъ. — Единство ихъ направленія. — Политическія причины, вызвавшія это направленіе. — Ростъ гражданскаго субъективизма въ Аѳинахъ. — Единство духовной жизни. — Субъективизмъ въ религіи, музыкѣ, поэзіи, какъ соотвѣтствіе субъективизму гражданскому. — Связь драматическаго искусства съ софистикой. — Воспитательное значеніе поэзіи. — Кругъ въ исторіи аѳинскаго субъективизма. — Безсиліе противодѣйствующихъ теченій.

Подъ опредѣленіе, данное въ предыдущей главѣ, подходятъ слѣдующія лица, известныя въ древности подъ именемъ софистовъ: Протагоръ изъ Абдеры, Продикъ изъ Юлиды, Горгій изъ Леонтинъ, Гиппій изъ Елиды, Фравимахъ изъ Халкидона, Полъ изъ Агригента, Евемидемъ и Діонисидоръ изъ Хіуса, Антифонъ изъ Аѳинъ, Алкидамантъ изъ Елеи, Евенъ изъ Пароса и Ликофронъ (мѣсто рожденія этого софиста неизвѣстно ¹). Всѣ эти лица, какъ мы видѣли изъ различныхъ отзывовъ о нихъ и какъ убѣдимся изъ непосредственнаго знакомства съ ними, были вмѣстѣ общественными дѣятелями и философами. Знаменитѣйшій между ними, Протагоръ, выставилъ положеніе (которое доказывалъ психологической теоріей объ условности и относительности всѣхъ духовныхъ состояній), что человекъ — мѣра всѣхъ вещей ²(, и это положеніе выражало общую всѣмъ софистамъ точку

номісъ», «Критію», тогда какъ «Протагоръ» и «Горгій» несомнѣнно принадлежать къ группѣ «сократическихъ» діалоговъ, т. е. написанныхъ частью при жизни, частью вскорѣ послѣ смерти Сократа. Ср. Campbell, *The Sophistes and Politicus of Plato*, Oxford, 1867, p. XIX sq.

¹) Обыкновенно (Zeller, *Philosophie der Griechen*, I, 961 f., Ueberweg, *Grundriss* I, 103 и другіе) причисляютъ къ софистамъ тиранна Критія (одного изъ Тридцати), политика Каликла (извѣстнаго намъ исключительно изъ Платонова «Горгія») и скептика Ксеніада (о которомъ мы знаемъ только изъ Секста Емпирика — *Adv. Math.* VII, 48. 53. 388. 399. VIII, 5. *Pyrrh.* II, 18), такъ какъ всѣ эти лица слѣдовали софистическому направленію. Но ни Критій, ни Каликлъ, ни Ксеніадъ не были учителями добродѣтели и потому не могутъ быть причислены къ софистамъ. Каликлъ не только не былъ софистомъ, но, какъ мы уже знаемъ (см. выше, стр. 37), презиралъ софистовъ. Изъ того, что всѣ эти лица держались софистическаго направленія слѣдуетъ не то, что они были софистами, но то, что софистическое направленіе было принадлежностью не однихъ только софистовъ (какъ это и будетъ доказано въ настоящей главѣ). Исократъ, хотя самъ называетъ себя софистомъ, не можетъ быть причисленъ къ софистамъ потому, что не слѣдовалъ субъективному направленію и не приводилъ своей дѣятельности въ связь съ какой-либо философской теоріей. Объ ученикахъ софистовъ Протархѣ, Антимерѣ и др. будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

²) Plato, *Theaet.* 152, A: φησὶ γάρ που (Πρωταγόρας) πάντων χρημάτων μέτρον ἄνθρωπον εἶναι, τῶν μὲν ὄντων ὡς ἔστι, τῶν δὲ μὴ ὄντων, ὡς οὐκ ἔστιν. *Ibid.* 160,

зрѣнія. Продикъ стоялъ на ней въ ученіи о вѣншихъ благахъ,— что „каковы пользующіеся вещами люди, таковы и самыя вещи“— и въ натуралистическомъ объясненіи религіозныхъ мнѣовъ²⁾, Горгій—въ безусловномъ, отвергавшемъ возможность всякаго бытія и знанія скептицизмъ, примыкавшемъ къ сходному съ Протагоровымъ взгляду на духовныя состоянія, какъ безусловно индивидуальныя³⁾; Антифонъ—въ отрицаніи реальности содержанія духовныхъ состояній⁴⁾; Гиппій, Фразимахъ, Полъ, Алкидамантъ, Ликофронъ—въ теоріяхъ нравственнаго субъективизма: Гиппій—во взглядѣ на законъ, какъ на тиранна, заставляющаго людей дѣлать противное ихъ природѣ⁵⁾, Фразимахъ—въ ученіи о справедливости, какъ о томъ, что полезно для сильнаго⁶⁾, Полъ—въ прославленіи своеволія и тиранин⁷⁾, Ликофронъ и Алкидамантъ—въ отрицательномъ отношеніи къ установленнымъ обычаямъ сословнымъ различіямъ (первый считалъ вымысломъ знатность⁸⁾, второй—не признавалъ рабства⁹⁾; объ Евенѣ мы знаемъ только, что онъ былъ платный учитель добродѣтели, поэтъ, риторъ и философъ¹⁰⁾.

C; Cratyl. 385, E; Aristot. Metaph. X, 1, 1053a, 35 и др. Психологическая теорія Протагора у Plato, Theaet. 156, A сл. См. ниже, стр. 141, пр. 3; стр. 146, пр. 8; стр. 148, пр. 4.

²⁾ (Pseudo) Plato Eryxias, 397, D: ὅποιοι ἄν τις ἐσιν οἱ χρώμενοι, τοιαῦτα καὶ τὰ πράγματα αὐτοῖς ἀνάγκη εἶναι. О натурализмѣ Продика см. ниже, стр. 143, пр. 9.

³⁾ (Pseudo) Aristot. De Melisso, с. 5: οὐκ εἶναι φησιν (ὁ Γοργίας) οὐδέν. εἰ δ' ἔστιν, ἄγνωστον εἶναι· εἰ δὲ καὶ ἔστι καὶ γνωστόν, ἀλλ' οὐ δηλωτὸν ἄλλοις. Ibid. с. 6: φαίνεται δ' οὐδ' ὁ αὐτὸς οὐτῷ ὁμοίᾳ αἰσθανόμενος ἐν τῷ αὐτῷ χρόνῳ ἀλλ' ἕτερα τῇ ἀκοῇ καὶ τῇ ὄψει καὶ νῦν τε καὶ πάλαι διαφόρως ὡστε σχολῇ ἄλλῃ πάν ταῦτο αἰσθαιτό τις.

⁴⁾ Fr. 97 (Muller.): ταῦτα δὲ γνοῦς εἰς ἓν τε οὐδέν αὐτῷ οὔτε ἦν ὄψει ὀρθὰ μακρότητα οὔτε ἦν γνώμη γινώσκει ὁ μακρότητα γινώσκων. То, что справедливо о маκρότης, должно быть справедливымъ и относительно всѣхъ другихъ духовныхъ состояній. О принадлежности книги 'Αλήθεια, изъ которой сохранился этотъ фрагментъ, софисту Антифону (а не Рамнузійскому) свидѣтельствуеетъ Hermogenes, Περί ἰδεῶν, Rhetores graeci, II, ed. Spengel. Lips., 1854, p. 414.

⁵⁾ Plato, Protag. 337, D: ὁ δὲ νόμος τύραννος ὦν τῶν ἀνθρώπων πολλὰ παρὰ τὴν φύσιν βιάζεται. Ср. Xen. Memor. IV, 4, 14.

⁶⁾ Plato, De Rep. 388, C: φημι γάρ ἐγὼ εἶναι τὸ δίκαιον οὐκ ἄλλο τι, ἢ τὸ τοῦ κρείττονος συμφέρον.

⁷⁾ Plato, Gorg. 470, C, срѣх.

⁸⁾ Plat. De Nobil. XVIII, 650W: ἔστιν εὐγένεια... καθάπερ Λυκόφρων ὁ σοφιστῆς ἔτραπεν κενὸν τι πάμπαν; ἐκεῖνος γάρ ἀντιπαραβάλλων ἑτέροις ἀγαθοῖς αὐτὴν, εὐγενείας μὲν οὖν, φησὶν, ἀφανές τὸ κάλλος, ἐν λόγῳ δὲ τὸ σεμνόν.

⁹⁾ Fr. 1 (Muller.): ἐλευθέρους ἀφήκε πάντας θεός, οὐδένα δοῦλον ἢ φύσις πεποίηκεν.

¹⁰⁾ Объ Евенѣ см. Plato, Apol. 20, A, сл.; Phaedo 60, D, сл.; Phaedr. 267, A.

Двоякая дѣятельность софистовъ была вызвана и двоякаго рода причинами: внѣшними и внутренними. Между тѣми и другими взаимодѣйствіе: жизнь общественная слагается такъ или иначе между прочимъ вслѣдствіе тѣхъ или другихъ духовныхъ особенностей народа, а эти послѣднія въ свою очередь въ известной мѣрѣ обусловлены средою. Дѣятельность каждаго человѣка стоитъ въ зависимости отъ причинъ ему внѣшнихъ; но своей дѣятельностью человѣкъ способенъ вносить въ среду такіа измѣненія, которыя могутъ стать причинами той или другой дѣятельности какъ его самого, такъ и другихъ лицъ. Люди обыкновенные идутъ по стезѣ, проложенной другими, люди выдающіеся могутъ (по вызову причинъ внѣшнихъ) вносить въ жизнь новыя начала. Причины, обуславливающія ихъ духовную жизнь, тѣже, что и причины, обуславливающія духовную жизнь простыхъ людей; но, дѣйствуя черезъ среду своеобразной умственной организаціи, онѣ производятъ и своеобразныя явленія, которыя могутъ стать движущей силой общественной жизни, если для ихъ дѣйствія подготовлена почва. Вѣкъ софистовъ и Сократа былъ, какъ увидимъ, вѣкомъ разцвѣта личнаго самосознанія въ Греціи; субъективизмъ со второй половины V вѣка царилъ во всѣхъ проявленіяхъ греческой жизни — въ политикѣ, искусствѣ, религіи, философій. Не софисты и не Сократъ создали это направленіе; наоборотъ, и софисты и Сократъ были имъ созданы. Взглядъ на человѣка, какъ на мѣру всѣхъ вещей, скептицизмъ, противопоставленіе законнаго естественному, теоретическое признаніе права сильнаго — воѣ эти и имъ подобныя формы субъективизма были уже въ большей или меньшей степени частью сознательнымъ, частью безсознательнымъ достояніемъ грековъ въ то время, когда софисты дали этимъ формамъ законченное выраженіе; были точно также заложены основанія и для своеобразной философской дѣятельности Сократа. Но тогда какъ софисты вмѣстѣ съ другими передовыми людьми того времени ¹⁾ были лишь наиболѣе видными представителями ходячаго субъективизма, Сократъ указалъ субъективизму новое направленіе — отъ сенсуализма къ рационализму, отъ себялюбія къ дружелюбію, отъ скептицизма въ религіи и нравственности къ положительному нравственному и религіозному міровоззрѣнію. Субъективная сторона дѣятельности Сократа способствовала размноженію еристиковъ (вызвала появленіе еристиковъ обличителей ²⁾); объективная способствовала появленію Платона. Напротивъ, значеніе софистовъ (какъ цѣлаго разряда) исключительно въ томъ, что они возвели въ теорію то, чѣмъ руководствовалась практическая жизнь, и приложили эту теорію къ дѣлу воспитанія.

¹⁾ Напр. Критіемъ, Каликломъ, Еврипидомъ (см. ниже).

²⁾ См. главу V.

Этимъ ихъ положеніемъ объясняется отношеніе къ нимъ современниковъ. Какъ теоретики, они возбудили къ себѣ презрѣніе практиковъ¹⁾; какъ практики, они не встрѣчали сочувствія въ теоретикахъ²⁾; какъ наставники въ практическомъ примѣненіи субъективизма, они были ненавистны всѣмъ нравственно неиспорченнымъ; шарлатанствомъ и другими дурными личными качествами они увеличили общее противъ себя негодованіе. Впрочемъ, говоря о софистахъ, мы должны дѣлать различіе между именитыми родоначальниками софистическаго искусства—Протагоромъ, Продикомъ, Горгіемъ, Гипсіемъ, ихъ младшими современниками—Поломъ, Фразимахомъ и др., и тѣми безъименными учителями добродѣтели, которыхъ Исократъ называетъ стадными софистами, всезнающими и повсюду быстро поспѣвающими³⁾. Первые были рѣзкими выразителями субъективизма только въ теоретической философіи, а въ нравственной области проводили субъективизмъ не столько въ теоріи, сколько на дѣлѣ; вторые слѣдовали субъективизму одинаково рѣзко какъ теоретически, такъ и практически; третьи не заявили себя ничѣмъ самостоятельнымъ и были лишь послушными орудіями чужаго субъективизма. Первые и вторые были люди даровитые и сумѣли кромѣ ненависти стяжать къ себѣ и уваженіе; третьи—(на сколько мы можемъ судить по отзывамъ о нихъ) не только сами не были уважаемы никѣмъ, но усилили ненависть и къ своимъ знаменитымъ предшественникамъ. Прилагая ими разработанную теорію на практикѣ, софисты усиливали субъективное теченіе, и такъ какъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ практическомъ примѣненіи субъективизмъ равносильенъ отрицанію нравственности, то нельзя отрицать и того, чего не хотѣлъ признать Гротъ, но въ чемъ согласны всѣ другіе историки философіи, что софисты расшатывали нравственные устои греческой жизни. Въ настоящей главѣ я укажу, какимъ образомъ субъективное направленіе слагалось въ Греціи исторически. Я начну съ изложенія причинъ политическихъ, такъ какъ, гдѣ бы въ общемъ ходѣ всемірной исторіи ни крылось начало, руководящее судьбами народовъ—въ сознательной ли дѣятельности духа, или въ силѣ внѣшней необходимости, въ ранней исторіи Греціи безспорно не столько умственная жизнь указывала пути жизни внѣшней, сколько наоборотъ—внѣшняя давала направленіе жизни умственной.

Софисты, жизнь и ученіе которыхъ мы будемъ излагать, были уроженцами различныхъ греческихъ городовъ. Но входитъ въ подроб-

¹⁾ См. отзывъ Калликла (на стр. 37).

²⁾ Напр. Платона. Платонъ не былъ врагомъ софистовъ, но и не сочувствовалъ имъ.

³⁾ См. выше, стр. 33, прим. 3.

ности исторіи каждаго изъ этихъ городовъ нѣтъ ни возможности, ни необходимости. Мы знаемъ обстоятельно только исторію Аѳинъ и Спарты (исторія послѣдняго государства впрочемъ не имѣетъ къ исторіи софистовъ никакого прямого отношенія); о другихъ городахъ мы имѣемъ лишь отрывочныя историческія свѣдѣнія. Эти свѣдѣнія однако уполномочиваютъ насъ заключить, что политическія судьбы почти всѣхъ греческихъ городовъ были въ общихъ чертахъ одинаковы. Во всѣхъ городахъ мы видимъ первоначально царскую власть, возникшую на почвѣ родовыхъ отношеній; во всѣхъ городахъ эту власть ограничиваетъ родовая знать, и царство уступаетъ въ концѣ мѣсто олигархіи; въ большинствѣ городовъ возникаетъ въ половинѣ VII и въ началѣ VI в. тираннія; наконецъ, во всѣхъ городахъ въ V и IV в. мы замѣчаемъ колебанія между демократіей и олигархіей¹⁾. Общій смыслъ исторіи всѣхъ этихъ городовъ одинъ и тотъ же. Но о немъ мы будемъ говорить, когда изложимъ исторію Аѳинъ. Знать эту послѣднюю намъ необходимо не только потому, что софисты избирали главнымъ поприщемъ своей дѣятельности именно Аѳины и должны были поэтому сообразовать свои воззрѣнія съ тамошнею жизнью, но также и потому, что съ половины V в. этотъ городъ, стоявшій къ тому времени во главѣ нѣсколькихъ сотъ городовъ, сдѣлался пританеемъ греческой мудрости²⁾, образцомъ и воспитателемъ всей Греціи³⁾.

Политическую исторію Аѳинъ⁴⁾ можно назвать исторіей возникновенія и развитія аѳинской демократіи до охлократіи. Эта исторія начинается съ тѣхъ поръ, какъ вокругъ акрополя объединились подъ именемъ Аѳинъ нѣсколько дотогѣ самостоятельныхъ общинъ, носившихъ различныя названія. Населеніе этихъ общинъ состояло изъ благородныхъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ и было подраздѣлено на

¹⁾ Hermann, Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer, 5-te Aufl., 2-te Ausg. Freib. 1884, S. 218—270.

²⁾ Такъ называлъ Аѳины софистъ Гиппій. Plato, Protag. 337, D.

³⁾ Thuc. II, 37: χρώμεθα γὰρ πολιτεία οὐ ζηλοῦσιν τοὺς τῶν πέλας νόμους, παράδειγμα δὲ μᾶλλον αὐτοὶ ὄντες τινὶ ἢ μιμούμενοι ἑτέρους. Ibid. 41: ἔυνεμένον τε λέγω τήν τε πάσαν πόλιν τῆς Ἑλλάδος παιδεύειν εἶναι и т. д. (То и другое мѣсто изъ рѣчи Перикла).

⁴⁾ Пособіями при составленіи настоящаго историческаго очерка служили нѣ слѣдующіе труды: Grote, History of Greece, vs. I—VIII, Lond. 1869; Duncker, Geschichte des Alterthums, Erste Folge, B. V — VII, 5-te Aufl., Leipz. 1881 — 1882; Neue Folge, B. I—II, Leipz. 1884—1886; Curtius, Griechische Geschichte, 5-te Aufl., Berlin, 1878; Hertzberg, Geschichte von Hellas und Rom, her. v. Oncken, I, Berl. 1876; Ranke Weltgeschichte, I, 1881; Hermann, Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer (см. выше прим. 1); того же автора Geschichte und System der Platonischen Philosophie, Heidelberg, 1838; Gilbert, Handbuch der griechischen Staatsalterthümer, I, Leipz. 1881. Röscher, Aristophanes und sein Zeitalter, Berlin, 1827.

четыре родовые союза или филы; каждая фила обнимала собою три фратрии, каждая фратрия тридцать родовъ. Члены филы были связаны между собой частью кровными узами, частью общими религиозными обрядами. Во главѣ родовъ, фратрій и филъ стояли благородные. Представители филъ носили названіе царей филъ и отправляли священныя обязанности отъ имени государства. Верховная власть находилась въ рукахъ царя и была наследственной въ родѣ ¹⁾. Но постепенно эта власть въ борьбѣ съ родовою знатью теряетъ одно преимущество за другимъ. Сначала дѣлають ее отвѣтственной передъ совѣтомъ благородныхъ, въ концѣ первой половины VIII вѣка ограничиваютъ десятилѣтнимъ срокомъ; въ концѣ VIII вѣка объявляютъ принадлежностью всѣхъ благородныхъ, а въ началѣ VII вѣка дѣлятъ между ежегодно избираемыми десятью сановниками. Первый изъ нихъ, подъ именемъ архонта, былъ предсѣдателемъ правительства; второй сохранилъ имя и священныя обязанности царя; третій — полемархъ — завѣдывалъ войсками; остальные шесть — еесмоеты — блюли и создавали право и судили вмѣстѣ съ царемъ. Совѣщательная власть находилась въ рукахъ совѣта трехсотъ благородныхъ; послѣдній вѣдалъ кромѣ того уголовныя дѣла ²⁾.

Уже во второй половинѣ VII вѣка противъ этого олигархическаго устройства начинается (вслѣдствіе притѣсненія бѣдныхъ богатыми) демократическое движеніе. Къ этому времени образовались въ афинской области три партіи—партія долины или крупныхъ землевладѣльцевъ, партія приморскихъ или богатыхъ купцовъ и промышленниковъ и партія нагорныхъ или независимыхъ крестьянъ. Первая—правящая—стремилась къ сохраненію олигархіи; вторая желала смѣшаннаго правленія, средняго между демократіей и олигархіей; третья—независимые землевладѣльцы—требовала полной демократіи ³⁾. Въ борьбѣ противъ олигарховъ приморскіе соединились съ нагорными, совместно требуя участія въ высшемъ правительствѣ. Послѣ долгихъ смуть правящіе уступили: въ 637 г. было рѣшено, чтобы четыре архонта выбирались изъ благородныхъ, три—изъ крестьянъ и два—изъ ремесленниковъ ⁴⁾. Но эта уступка показалась правящимъ слишкомъ тяжелою и скоро была взята назадъ. Тогда, съ цѣлью ограничить

¹⁾ Grote, History of Greece III, 49, sq.; Duncker, Gesch. des Althertums, V, 453 f.; Gilbert, I, 101 f.; Curtius, Griechische Geschichte, I, 292 f.; Hermann, Lehrbuch 361, f.

²⁾ Duncker, V, 458 f.; Curtius, I, 295 f.; Gilbert, I, 115 f.; Hertzberg, I, 87 f.

³⁾ Plut. Solon XIII; Duncker VI, 447; Gilbert, I, 126 f.; Hermann, Lehrbuch, 399 f.

⁴⁾ Duncker, VI, 125 f.; Gilbert, I, 123 f.

произволь правящихъ, крестьяне и ремесленники потребовали писанныхъ законовъ. Правящіе согласились и въ 621 году поручили составленіе законовъ первому архонту—Дракону. Законы Дракона обыкновенно называютъ вровавыми; но жестокость ихъ сказывалась не столько въ тяжкихъ наказаніяхъ за преступленія уголовныя (въ этомъ случаѣ Драконъ только закрѣпилъ обычное въ то время право), сколько въ суровыхъ постановленіяхъ противъ несостоятельныхъ должниковъ. Займодавецъ имѣлъ право не только на все имущество должника, но и на его личную свободу, могъ сдѣлать несостоятельнаго должника рабомъ и продать въ неволю ¹⁾. Судьба бѣдныхъ людей отъ такихъ законовъ не могла улучшиться. Снова начались смуты. Общимъ недовольствомъ задумалъ воспользоваться одинъ изъ благородныхъ, Килонъ, чтобы при содѣйствіи неимущихъ учредить тираннію. Съ помощью войскъ своего зятя, мегарскаго тирана Феагена, ему удалось захватить акрополь; однако, онъ не только не встрѣтилъ поддержки среди населенія, но земледѣльцы толпами устремились къ агрополю, чтобы выгнать оттуда иноземцевъ вмѣстѣ съ тиранномъ. Килонъ съ немногими близкими спасся бѣгствомъ; изъ остальныхъ его приверженцевъ одни погибли голодною смертью, другіе были, по приказанію перваго архонта того года, Мегакла, изъ рода Алкмеонидовъ, вѣроломно умерщвлены у алтарей Евменидъ въ то время, какъ молили о пощадѣ ²⁾. По общему убѣжденію, гнѣвъ боговъ за это вѣроломное убійство не могъ не разразиться надъ оскверненнымъ городомъ. Опасеніе скоро оправдалось: зять Килона, въ отмщеніе за убійство близкихъ своего родственника, сталъ опустошать войсками Аттику и отнялъ у Аѣинъ Саламинъ. Потеря этого острова была одинаково тяжела какъ для приморскихъ, такъ и для нагорныхъ и мелкихъ ремесленниковъ. По всему западному берегу Аттики морская торговля остановилась; прекратились вмѣстѣ съ тѣмъ и подвозъ хлѣба въ малоплодородную аѣинскую область. Хлѣбъ поднялся въ цѣнѣ; богатые землевладѣльцы еще больше стали тѣснить мелкихъ собственниковъ и ремесленниковъ. Вскорѣ вся аѣинская область покрылась каменными столбами съ именами займодавцевъ и обозначеніемъ взятой подъ землю ссуды; неимущіе были обращены въ рабовъ; ихъ жены и дѣти проданы въ чужія земли. Между тѣмъ попытки возвратить Саламинъ оказались тщетными; государство настолько было изнурено

¹⁾ Duncker, VI, 126 f.; Curtius, I, 301 f.; Grote, III, 76, sq.; Hertzberg, I, 118; Ranke, I, 186; Gilbert, I, 127 f.; Hermann, Lehrbuch, 383 f.

²⁾ Duncker, VI, 132 f.; Curtius, I, 303 f.; Grote, III, 82 sq.; Gilbert, I, 128 и др.

войною съ Мегарой, что правящие назначили смертную казнь всякому, кто будет возбуждать народъ къ походу на Саламинъ. Видные приняли угрожающее положеніе противъ своихъ притѣвителей; къ довершенію бѣдствій, жрецы предсказали появленіе язвы ¹⁾. Изъ этого крайняго положенія вывелъ своихъ соотечественниковъ Солонъ изъ знатнаго рода Медонтидовъ ²⁾. Онъ отвоевалъ Саламинъ (который однако былъ вскорѣ снова потерянъ и возвращенъ окончателно лишь около 570 г.) и способствовалъ примиренію государства съ богами: по его совѣту надъ Мегалою и ея сторонниками былъ наряженъ судъ, изгнавшій Алкмеонидовъ изъ Атики, и приглашенъ изъ Крита извѣстный благочестіемъ и мудростью Клинидъ, который различными обрядами очистилъ оскверненную святиню. Въ признательность за эти заслуги Солонъ въ 594 году былъ избранъ первымъ архонтомъ, посредникомъ между богатыми и бѣдными и законодателемъ. Посредничество Солона состояло въ тѣхъ называемой сиссактій, т. е. освобожденіи отъ долговъ тѣхъ, которые не имѣли недвижимой собственности, и облегченіи условій уплаты для собственниковъ. Всѣ обращенные въ рабство несостоятельные должники были освобождены; проданные за долги въ неволю въ чужіе края выкуплены; изданъ законъ, объявлявшій заемъ подъ личную свободу недействительнымъ и грозившій смертью всякому, кто станеть продавать соотечественника въ чужую страну; съ цѣлью предотвратить захватъ благородными земли у бѣдныхъ была опредѣлена наивысшая мѣра для земельной собственности; наконецъ, чрезъ уменьшеніе на одну четверть вѣса монеть при сохраненіи номинальной цѣны, была увеличена стоимость денегъ.

Эти мѣры сначала вызвали общее неудовольствіе, но затѣмъ вскорѣ были признаны полезными, справедливыми и безпристрастными. Когда въ слѣдующемъ году, по истеченіи законнаго срока, Солонъ добровольно сложилъ свою высшія права, не смотря на то, что его съ различныхъ сторонъ побуждали захватить въ руки власть, онъ снова былъ избранъ архонтомъ и законодателемъ. Въ основаніе своихъ политическихъ преобразованій Солонъ положилъ взглядъ, что права должны уравниваться повинностями. Онъ раздѣлил все населеніе приблизительно къ количеству доходовъ съ земельной собственности на пять разрядовъ. Къ первому разряду были отнесены крупныя землевладѣльцы, получавшіе 500 медимновъ хлѣба или 500

¹⁾ Duncker, VI, 136 f.; Grote, III, 99 sq.; Gilbert, I, 123 f. и др.

²⁾ О дѣятельности Солона см. Duncker, VI, 132—240; Curtius, I, 206 ff.; Grote, III, 82 sq.; Gilbert, I, 129, f.; Hertzberg, I, 121 f.; Ranke, I, 186 f.; Hermann, Leirbach, 399 f.

метретовъ вина или масла, ко второму—собственники, имѣвшіе дохода меньше 500, но больше 300 медимновъ или метретовъ, къ третьему—крестьяне, доходъ которыхъ былъ меньше 300, но больше 150 медимновъ или метретовъ, къ четвертому — все остальное населеніе—мелкіе владѣльцы, купцы, ремесленники, поденщики и т. д. Собственникамъ первыхъ трехъ разрядовъ принадлежали извѣстныя преимущества, которымъ соотвѣтствовали опредѣленныя обязанности; четвертый классъ не имѣлъ никакихъ особыхъ преимуществъ, но не несъ за то никакихъ повинностей. Изъ перваго разряда избирались архонты; изъ перваго, втораго и третьяго — члены совѣта четырехсотъ, которымъ Солонъ замѣнилъ старый совѣтъ знати. Высокія преимущества собственниковъ перваго разряда уравновѣшивались тяжелыми обязанностями: эти собственники не только были обязаны нести службу въ войскѣ, но также снаряжать корабли и участвовать въ расходахъ по устройству различныхъ празднествъ. Собственники втораго разряда обязаны были появляться на войну въ полномъ вооруженіи и на конѣ; собственники третьяго разряда несли повинность только какъ тяжеловооруженные. Четвертый разрядъ не былъ обязанъ никакою службою государству, однако ему вмѣстѣ съ остальными было предоставлено право выбирать архонтовъ и членовъ совѣта четырехсотъ, право голоса въ народномъ собраніи и учрежденномъ Солономъ народномъ судѣ или геліэѣ. Архонты и члены совѣта избирались всенародно всѣми четырьмя разрядами, выборъ членовъ совѣта производился по филамъ, по 100 изъ каждой. Избирателемъ могъ быть всякій полноправный гражданинъ, свыше двадцати лѣтъ отъ роду, избраннымъ въ совѣтъ — всякій полноправный гражданинъ свыше тридцати лѣтъ; въ архонты избирались тѣ, которые сами заявляли желаніе занять эту высокую, но расходную и отвѣтственную должность. Народное собраніе (состоявшее изъ всѣхъ гражданъ свыше 20 лѣтняго возраста) имѣло право выражать согласіе или несогласіе на ту или другую мѣру, предложенную архонтами и одобренную совѣтомъ, и рѣшительный голосъ въ вопросахъ о войнѣ и мирѣ; кромѣ того передъ нимъ были обязаны отчетностью всѣ государственные сановники по истеченіи срока ихъ службы. Въ народномъ судѣ имѣли право участвовать всѣ граждане свыше 30 лѣтъ; къ этому суду можно было въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращаться съ жалобой на рѣшеніе судебной исполнительной власти, т.-е. шести архонтовъ—еесмоетовъ. Отношенія гражданъ другъ къ другу, къ родителямъ, дѣтямъ, женамъ, правила воспитанія, размѣръ отвѣтственности за проступки и преступленія,—все это опредѣлялъ Солонъ особыми зако-

нами, которые были вырваны на деревянных досках, поставленных на виду в акрополи. За исполнением этих законов должен был наблюдать ареопаг — стародавнее, освященное различными религиозными преданиями учреждение, первоначально вѣдавшее одни только уголовныя дѣла, но в государственномъ устройствѣ Солона — высшій государственный совѣтъ, передъ которымъ отвѣтственны какъ частныя, такъ и государственныя люди, но самъ отвѣтственный только передъ своею совѣстью ¹⁾). Ареопагъ состоялъ изъ архонтовъ, безупречно окончившихъ службу. Высшее учреждение государства находилось такимъ образомъ въ рукахъ надежнѣйшихъ изъ высшаго сословія и было поэтому строго охранительнымъ. На случай государственнаго переворота Солонъ былъ изданъ весьма характерный для того времени законъ, принуждавшій, подъ страхомъ потери права гражданства, всякаго гражданина тотчасъ же примкнуть къ той или другой изъ борющихся партій. Законъ этотъ (поясняетъ Плутархъ) былъ изданъ съ тою цѣлью, „чтобы ни одинъ гражданинъ не относился безстрастно и безчувственно къ общегосударственному дѣлу, спрятавъ имущество въ безопасномъ мѣстѣ и прикрываясь благовиднымъ предлогомъ, что онъ не страдаетъ, но и не наноситъ государству страданія, но чтобы тотчасъ же присоединился къ тѣмъ, кто поступаетъ лучше и справедливѣе, и предпочелъ бы скорѣе подвергать себя опасностямъ и оказывать помощь, чѣмъ въ безопасности ожидать побѣды“ ²⁾).

Своими преобразованиями Солонъ надѣялся, по его собственнымъ словамъ, „прикрыть крѣпкимъ щитомъ обѣ стороны, не позволяя ни одной одерживать несправедливую побѣду“. Народу онъ далъ столько силы, сколько на его взглядъ народу было нужно; но онъ не желалъ также и ничего дурнаго богатымъ и знатымъ ³⁾). Тѣмъ не менѣе, ни бѣдные, ни богатые не были удовлетворены вполне: богатые не могли забыть потерю, понесенныхъ ими при сиссахтїи, и не могли примириться съ мыслью, что доступъ къ высшимъ государственнымъ почестямъ зависитъ отъ воли народа; бѣдные собственники надѣялись

¹⁾ См. ниже, стр. 52 прим. 2.

²⁾ Plut. Solon, XX.

³⁾ Solon, Fr. 5 (Hart.).

Δήμῳ μὲν γὰρ ἔδωκα τόσον κράτος, ὅσον ἐπαρκεί
τιμῆς οὐτ' ἀφελῶν οὐτ' ἐπορεξάμενος
οἱ δ' εἶχον δύναμιν καὶ χρήμασιν ἦσαν ἀγρητοί,
καὶ τοῖς ἐφρασάμην μηδὲν ἀεικέες ἔχειν.
ἔστην δ' ἀμφιβάλων κρατερὸν σάκος ἀμφοτέροισι·
ἡκᾶν δ' οὐκ εἶασ' οὐδετέρους ἀδικῶς.

на полное уничтоженіе долговъ. Борьба партій—жителей долины, приморскихъ и нагорныхъ, замолкшая въ первые годы по реформѣ, вскорѣ возобновилась. Во главѣ нагорныхъ сталъ одинъ изъ знати, Пизистратъ, и съ помощью бѣднаго населенія захватилъ (въ 560 г.) акрополь. Пизистратъ почти вслѣдъ за тѣмъ былъ изгнанъ знатью, но захватилъ (въ 550 г.) власть снова, былъ опять изгнанъ, но опять захватилъ власть (въ 538 г.) и на этотъ разъ такъ укрѣпился, что послѣ одиннадцатилѣтняго правленія могъ безпрепятственно передать тираннію своимъ дѣтямъ, Гиппію и Гиппарху. Время Пизистратидовъ было однимъ изъ наиболѣе блестящихъ въ исторіи Аѳинъ, но въ 514 году Гиппархъ палъ жертвой личной мести отъ руки заговорщиковъ. Гиппій только случайно не раздѣлилъ судьбу брата. Онъ сталъ вслѣдствіе этого подозрителенъ и жестокъ, возбудилъ противъ себя ненависть даже среди своихъ приверженцевъ и былъ наконецъ (510 г) свергнутъ совместными усилиями аѳинской знати, собравшейся вокругъ Исагора, и возвратившихся изъ изгнанія Алгеонидовъ съ Клисѣеномъ во главѣ ¹⁾. Между этими двумя вояжами знати тотчасъ же началась борьба изъ-за власти. Исагоръ одержалъ верхъ и былъ въ 508 году избранъ первымъ архонтомъ. Чтобы обезпечить за собой успѣхъ на будущихъ выборахъ, Клисѣенъ старался заручиться расположеніемъ народа и съ этою цѣлью провелъ новый избирательный законъ, болѣе демократичный, чѣмъ прежній ²⁾. Клисѣенъ оставилъ неприкосновеннымъ прежнее дѣленіе на четыре имущественные разряда съ соответствующими каждому разряду правами; выборы, какъ прежде, производились по филамъ; но съ цѣлью ослабить среди избирателей родовой духъ ³⁾ и освободить ихъ отъ гнета знатныхъ и богатыхъ родичей, старыя четыре родовыя филы онъ замѣнилъ десятью новыми политическими. Старыя филы были родовыми общинами, состоявшими изъ родичей, ихъ подзащитныхъ и слугъ; земли общинниковъ находились въ сосѣдствѣ одна съ другой. Новыя филы были составлены каждая изъ десяти отдѣльно лежавшихъ демосовъ, не имѣвшихъ между собой никакой родовой связи. Въ старыхъ филахъ главное политическое значеніе принадлежало крупнымъ землевладѣльцамъ, представителямъ филъ, фратрій и родовъ; въ новыхъ филахъ это значеніе перешло къ представи-

¹⁾ О Пизистратѣ и Пизистратидахъ см. Duncker, VI, 451 f., 489 f.; Curtius, I, 339 f.; Grote, III, 155 sq., IV, 29 sq. и др.

²⁾ Herod. V, 66, 69, 70. Aristot. Polit. VI, 4, 1819b, 21, сл. (см. слѣд. прим.). См. также на слѣд. стр., пр. 2.

³⁾ Что такова именно была главная цѣль Клисѣена, видно изъ свидѣтельства Аристотеля (I. c.). Для демократіи (говоритъ онъ) полезны мѣры въ родѣ тѣхъ, которыя предпринялъ въ Аѳинахъ Клисѣенъ βουλόμενος αὐξῆσαι τὴν δημοκρατίαν... φυλαί τε γὰρ ἕτεραι ποιητέαι πλείους καὶ φρατρίαι, καὶ τὰ τῶν ἰδίων ἱερῶν συνακτέον εἰς ὄλιγα καὶ κοινά, καὶ πάντα σοφιστέον ὅπως ἂν ὅτι μάλιστα ἀναμιχθῶσι πάντες ἄλλήλοις, αἱ δὲ συνήθειαι διαλευχθῶσιν αἱ πρότεραι.

телямъ отдѣльныхъ демосовъ, демархамъ, избираемымъ демотами. Съ цѣлью противопоставить благороднымъ возможно большее число простыхъ гражданъ, Клисеенъ даровалъ право гражданства многимъ иностранцамъ и рабамъ и распредѣлилъ этихъ новыхъ гражданъ по филламъ¹⁾. Изъ каждой новой филы выбиралось по пятидесяти членовъ совѣта, такъ что этотъ послѣдній состоялъ уже не изъ 400, а изъ 500 членовъ. Не были окончательно устранены Клисееномъ и старыя филы: онѣ по прежнему оставались религіозными союзами, и ихъ члены были все также связаны между собою общими религіозными преданіями и празднествами; но политическое значеніе этихъ союзовъ было уничтожено. Чтобы по возможности уменьшить и ихъ религіозное значеніе, Клисеенъ частныя празднества филъ старался замѣнить общегосударственными²⁾.

Новый избирательный законъ не устранилъ, а лишь ослабилъ господство аристократіи. Крупный собственникъ всегда могъ держать въ зависимости мелкихъ избирателей; но труднѣе становилось господство одной аристократической партіи, и еще труднѣе давленіе на выборы по сговору между нѣсколькими нерасположенными къ народу соумышленниками. Для предотвращенія тиранніи, Клисеенъ ввелъ такъ называемый остракизмъ. Народному собранію было предоставлено право одинъ разъ въ годъ, въ опредѣленный срокъ, рѣшать посредствомъ голосованія черепками предложенный совѣтомъ пятисотъ вопросовъ, не злореденъ ли какой-нибудь гражданинъ для государства, и удалять на десять лѣтъ изъ предѣловъ государства того, чье имя будетъ обозначено не менѣе чѣмъ на 6000 черепкахъ³⁾.

Пока Клисеенъ вводилъ эти реформы, на Востокѣ готовились событія, сдѣлавшія необходимымъ еще большее расширеніе правъ народа. Въ почетномъ плѣну у персидскаго царя Дарія долгіе годы томился тираннъ Милета Гистіэй. Стосковавшись по родному городу, поднялъ онъ противъ царя малоазійскихъ грековъ, въ надеждѣ такимъ путемъ найти возвратъ на родину. Аѣиане и жители евбейскаго города Еретріи откликнулись на зовъ своихъ братьевъ и послали нѣсколько кораблей на помощь. Дарій, подавивъ возстаніе, рѣшилъ наказать помогавшихъ. Первый походъ на Грецію (492) окончился неудачей, но черезъ два года царь снарядилъ новое войско. На этотъ разъ Персы черезъ Еретрію вторгнулись въ Атику, но на Мараонскомъ полѣ были разбиты на голову. Сколь

¹⁾ Aristot. Polit. III, 2, 1275b, 36.

²⁾ См. на предъд. стр. прим. 3.

³⁾ О Клисеенѣ и его реформахъ ср. Duncker, VI, 585 f.; Curtius, I, 369 f. Grote III, 33, 67; IV, 92, 103; Hertzberg, I, 136; Ranke, I, 200 f.; Hermann, Lehrbuch, 417 f.; Gilbert, I, 141.

ни великъ былъ успѣхъ этой побѣды, для всѣхъ было ясно, что она не предохранитъ Грецію отъ новаго вторженія; наблюдательные сверхъ того не могли не замѣтить, что на будущее время Аѣины могутъ успѣшно вести съ Персами борьбу лишь въ томъ случаѣ, если заведутъ большой флотъ. До Клизеена аѣинскій флотъ состоялъ изъ сорока тріеръ; Клизеенъ увеличилъ это число на десять; послѣ Марафонской битвыThemistocles предложилъ увеличить флотъ до двухсотъ тріеръ. Когда въ 480 году Ксерксъ наводнилъ своими полчищами Грецію, эти тріеры уже готовы были встрѣтить врага. НововведеніемъThemistocles въ государственной жизни Аѣинъ былъ совершенъ поворотъ къ охлократіи¹⁾. Для вооруженія двухсотъ тріеръ нужно было около 36,000 человекъ команды. Это число могло быть пополнено лишь привлеченіемъ къ службѣ неимущаго большинства изъ четвертаго разряда, который до сихъ поръ не несъ никакой государственной службы. Но и богатымъ людямъ четвертаго разряда пришлось нести государственную повинность; государство не было въ состояніи держать въ постоянной боевой готовности всѣ тріеры (что во время персидскихъ войнъ было необходимо); поэтому вошло въ обычай, чтобы стратеги (десять военачальниковъ, избравшихся по реформѣ Клизеена по одному каждой филы) назначали изъ зажиточныхъ гражданъ, безъ различія разрядовъ, ежегодно двѣсти тріерарховъ, на обязанности которыхъ лежало снаряженіе и украшеніе кораблей. Привлекая всѣхъ гражданъ къ равной службѣ, законъ по требованію, положенному Солонѣмъ въ основаніе аѣицкаго государственнаго права, чтобы повинности уравнивались соответствующими преимуществами, долженъ былъ дать всѣмъ и равныя права. Поэтому было дѣломъ столько же необходимости, сколько справедливости, когда послѣ побѣдъ при Саламинѣ и Микалѣ, одержанныхъ главнымъ образомъ морскими силами, Аристидъ провелъ законъ, предоставлявшій всѣмъ гражданамъ одинаковыя права на всѣ государственныя должности. Съ этихъ поръ выборы на должности стали производиться по жребію. Каждая партія выставяла своихъ приверженцевъ, но побѣда той или другой зависѣла отъ случайности. Наибольшій успѣхъ могла имѣть та сторона, у которой было наибольшее число кандидатовъ; аристократія при такихъ условіяхъ не могла бороться съ демократіей²⁾. Такимъ

¹⁾ Arist. Polit. V, 4, 1304a, 22 сл.: ὁ ναυτικός δῆλος γενόμενος αἴτιος τῆς περὶ Σαλαμίνα νίκης καὶ διὰ ταύτης τῆς ἡγεμονίας διὰ τὴν κατὰ θάλατταν δύναμιν τὴν δημοκρατίαν ἰσχυροτέραν ἐποίησεν. Ср. Isocr. De Pace (VIII), 64.

²⁾ Значеніе нововведеніяThemistocles обстоятельно разсмотрѣно у Duncker'a, VII, 173 f.

образомъ, чрезъ перенесеніе главныхъ военныхъ силъ съ суши на море, граждане, наполнявшіе ряды сухопутныхъ войскъ, должны были, съ теченіемъ времени, уступить въ государственной жизни первенствующее значеніе морякамъ, т.-е. землевладельцы купцамъ, ремесленникамъ и поденщикамъ ¹⁾.

Впрочемъ, и послѣ реформы Аристида до охлократіи было еще далеко: государственныя должности отправлялись безвозмездно; вслѣдствіе этого въ совѣтъ, народномъ собраніи и судѣ могли участвовать лишь немногіе изъ неимущихъ. Къ тому же цензорская власть ареопага оставалась неприкосновенной, и въ ней охранительная партія всегда могла найти оплотъ противъ излишествъ демократіи ²⁾. Къ устраненію этой власти и были теперь направлены усилія вождей демократіи. По предложенію Ефіальта (въ 460 г.), политическія права ареопага были уничтожены; древнему афинскому судилищу было оставлено только вѣдать нѣкоторыя уголовныя преступленія, а наблюдать за тѣмъ, что законно и незаконно, предоставлялось отнынѣ всякому полноправному афинянину. Новый законъ о γράφῃ παρανόμων, введенный, какъ можно думать, также Ефіальтомъ, давалъ каждому гражданину право объявлять въ народномъ собраніи и совѣтѣ незаконными тѣ предложенія (или даже состоявшіяся по нимъ рѣшенія), которыя могли казаться несоответствующими тому или другому изъ существующихъ законовъ. Объявленное незаконнымъ предложеніе (или рѣшеніе) отдавалось на судъ геліастовъ. Если послѣдніе находили обжалованіе основательнымъ, виновникъ предложенія подвергался денежному взысканію или даже смертной казни ³⁾.

Зданіе афинской демократіи завершилъ Перикль введеніемъ платы за участіе въ судѣ, народномъ собраніи и совѣтѣ. Мѣры эти были вызваны столько же личными видами Перикла на расположеніе толпы, которое ему нужно было въ борьбѣ съ противниками—вождями аристократіи Кимономъ и Фукидидомъ, сколько усложненіемъ афинской государственной жизни, требовавшей сравнительно съ прежнимъ болѣе частыхъ и продолжительныхъ народныхъ собраній для рѣшенія текущихъ политическихъ и судебныхъ дѣлъ ⁴⁾. Съ половины V вѣка Ааи-

¹⁾ О реформѣ Аристида см. Duncker, VIII (Neue Folge, I), 101 f.; Curtius II, 118 ff.; Grote, IV, 73; Gilbert, I, 146 f.; Hermann, Lehrbuch, 427 f.

²⁾ О цензорской власти ареопага ср. Isocr. (VII) Areop. 37, 45, 55.

³⁾ О реформѣ Ефіальта см. Duncker, VIII, 256 f.; Curtius, II, 161 f.; Grote, V, 211 sq.; 222; Gilbert, I, 148 f.

⁴⁾ На основаніи источниковъ нельзя доказать, что вознагражденіе законодателей введено Перикломъ. Но такъ какъ достоверно извѣстно, что онъ ввелъ жалованье войску и судьямъ и раздачу театральныхъ денегъ (Plut. Per. c. 9; Aristot. Pol. II, 12, 1274a, 8) и такъ какъ Аристофанъ (Escl. 303, см. гл. V) указываетъ на прамленіе

ны стояли во главѣ обширнаго Делосскаго союза изъ нѣсколькихъ сотъ городовъ; частью силою высшихъ обстоятельствъ, частью стараніемъ Перикла, города эти изъ зависимыхъ были сдѣланы подчиненными, и аѳинскимъ гражданамъ пришлось рѣшать дѣла не только своего города, но и союзныхъ городовъ ¹⁾. Плата за участіе въ судѣ, народномъ собраніи и совѣтѣ не только открывала въ нихъ доступъ всѣмъ желавшимъ, но и привлекала наиболее бѣдныхъ и праздныхъ. Послѣ Перикла, сумѣвшаго поставить свое личное значеніе выше народнаго собранія и править такъ, что „государственный строй въ его время былъ только по имени демократіей, а на дѣлѣ влательствомъ перваго человѣка“ ²⁾, — рѣшителями судебъ аѳинскаго государства ставившюхъ подлежаемыхъ демагогами торговцы и ремесленники — валяльщики, сапожники, плотники, мѣдники ³⁾ и т. д. — главнымъ образомъ тѣ, которые не имѣли работы. Какъ въ началѣ аѳинской исторіи богатые правили бѣдными, такъ къ концу ея разцвѣта бѣдные стали править бо-

Миронида, старшаго современника Перикла, а не на правленіе Перикла, какъ на то время, когда законодатель еще не получалъ денегъ, то надо думать, что отъ Перикла вѣдетъ начало и жалованье законодателямъ. Предполагать, что Периклъ исключилъ однихъ только законодатель — ту самую власть, чрезъ которую онъ достигъ своего положенія и проводилъ свои рѣшенія — отъ участія въ пользованіи государственными доходами за отправленіе обязанностей, значить допускать въ его политикѣ совершенно необъяснимую непоследовательность. Изъ молчанія источниковъ въ данномъ случаѣ нельзя дѣлать рѣшительныхъ выводовъ; Плутархъ, по его собственнымъ словамъ, пользовался Аристотелемъ (I. с.), а этотъ послѣдній, хотя и прославленъ за свою точность, далеко не всегда ею отличается. Свѣдѣнія, сообщаемыя позднѣйшими (Papeiomiogr. Gr. p. 437, schol. ad Arist. Escl. 102), что жалованье законодателямъ ввели Каллистратъ и Аггортій, имѣютъ за себя такіе ничтожные авторитеты, на столько сбивчивы, противорѣчивы и неправдоподобны, что заслуживаютъ развѣ только упоминанія. Ср. Duncker, IX (2-te F. 2-r B.), 148 f.; Hermann, Lehrbuch, 482 f., 516 f., 607 f.; Gilbert, I, 149, 152, 213, 325 f.; Böckh Staatshandhaltung der Athener, 3-te Aufl., Berlin, 1886, I, 278 f.

¹⁾ Аристофанъ (Vespae, 707) говоритъ, что число городовъ было 1000. Въ настоящее время насчитано по надписямъ 257, но это число меньше дѣйствительнаго, такъ какъ подъ однимъ именемъ записывалось иногда по нѣскольку мелкихъ городовъ, составлявшихъ одну податную единицу. Перечень у Böckh, II, 120 f.

²⁾ Thuc. II, 65: ἐγίγνετο τε λόγῳ μὲν δημοκρατία, ἔργῳ δὲ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρὸς ἀρχή. Ср. также слова комида Телеклида (Plut. Pericl. XVI): аѳиняне предоставили Периклу

πόλεων τε φόρους, αὐτὰς τε πόλεις, τὰς μὲν δεῖν, τὰς δ' ἀναλείπει
λαίνα τείχη τὰ μὲν οἰκοδομεῖν, τὰ δὲ αὐτὰ πάλιν καταβάλλειν,
σπανδὰς, δύναμιν, κράτος, εἰρήνην, πλοῦτόν τ', εὐδαιμονίαν τε.

³⁾ Ср. Xenoph. Memor. III, 7, 6: πότερον γὰρ τοὺς γυναικείας αὐτῶν ἢ τοὺς σκυτέας ἢ τοὺς τέκτονας, ἢ τοὺς χαλκείας ἢ τοὺς γεωργούς ἢ τοὺς ἐμπόρους ἢ τοὺς ἐν τῇ ἀγορᾷ μεταβαλλομένους καὶ φροντίζοντας ὃ τι ἐλάττονος πριάμενοι πλείονος ἐπὶ δονται αἰσχύνει; ἐκ γὰρ τούτων ἀπάντων ἢ ἐκκλησία συνίσταται,

гатыми¹⁾; какъ бы въ отмщеніе за своихъ угнетенныхъ предковъ, бѣдныя тѣснили богатыхъ и вымогали отъ нихъ деньги,—проявляя при этомъ страстность издавна равшейся къ жизни, но только что въ нее вступившей охлократіи²⁾.

Такова ви́дшая исторія аѳинской демократіи. Посмотримъ теперь на смыслъ этой исторіи. Въ основаніи демократіи лежитъ свобода, въ основаніи свободы—стремленіе къ личной самостоятельности, въ основаніи стремленія къ личной самостоятельности—сознаніе личной обособленности или субъективизмъ. Личная свобода противопоставляется стѣсненію одной личности другою, личная самостоятельность—зависимости отъ другихъ, субъективизмъ—объективизму или господству законности, какъ обязательной для каждаго воля въсѣхъ. Если аѳинская исторія была исторіей возникновенія и развитія демократіи до охлократіи, то она была также исторіей перехода отъ стѣсненія къ свободѣ, отъ зависимости къ самостоятельности, отъ господства закона къ субъективизму. Субъективизмъ есть отрицаніе объективизма; но безъ законности невозможенъ никакой порядокъ, и потому никакой государственный строй; крайняя демократія или охлократія заключаетъ въ себѣ поэтому противорѣчіе: она (какъ увидимъ) неизмѣнно кроетъ въ своихъ нѣдрахъ тираннію³⁾. Полная свобода мыслима лишь при су-

¹⁾ Aristot. Polit. IV, 5, 1293a, 4; ibid. VI, 1, 1317b, 8—10. См. гл. V.

²⁾ См. гл. V. Ср. также Plato, De Rep. 556, C—565, B. При чтеніи этихъ страницъ Платона (въ особ. 664, D—565, A), гдѣ онъ говоритъ о праздности и расточительности богатыхъ и сравниваетъ вымогающихъ отъ нихъ деньги неимущихъ демократовъ съ трутнями, изъ которыхъ одни вооружены жалами, а другіе хотя и лишены жала, но своимъ заглушающимъ противорѣчивымъ голоса мумжающимъ воздѣ ораторской трибуны помогаютъ жаламъ, невольно напрашиваются на сопоставленіе слѣдующія строки изъ трагедіи Еврипида *Ikéttides*, «die mehr als jede andere eine Zweckdichtung ist, und Alles, was in ihr geschicht, ist entweder ein Bild dessen, was damals zur Zeit ihrer Aufführung geschah und zu geschehen pflegte, oder hat den Zweck auf die Gesinnung und Handlungsweise der Athener zu wirken» (Hartung, Euripides Werke, XVIII, Einl. 5), 241—247:

τρεῖς γὰρ πολιτῶν μερίδες. οἱ μὲν ὄλβιοι
ἀνωφελεῖς τε πλείονων τ' ἐρῶσ' ἀεὶ.
οἱ δ' οὐκ ἔχοντες καὶ σπανίζοντες βίου
δεινοί, νέμοντες τῷ φθόνῳ πλείον μέρος,
ἔς τοὺς ἔχοντας κέντρ' ἀφίαισι κακά,
γλώσσαις πονηρῶν προστατῶν φηλούμενοι.
τριῶν δὲ μοιρῶν ἢ 'ν μέσῳ σὺζει πόλεις.

Это согласіе между несочувствовавшимъ аѳинской жизни Платономъ и поэтомъ этой жизни Еврипидомъ (такимъ выставляютъ Еврипида Аристофанъ и Платонъ) должно быть поучительно для тѣхъ, кто вмѣстѣ съ Гротомъ (History of Greece, VIII, p. 150 и др.) не придаетъ значенія свидѣтельствамъ Платона, ссылаясь на ихъ «полемичность».

³⁾ Plato, De Rep. 568. См. ниже, стр. 59, слѣд.

ществованіи между членами общества полного равенства; за невозможностью установить равенство дѣйствительное, демократія замѣняетъ его равенствомъ отвлеченнымъ — равноправностью всѣхъ передъ закономъ. Свободою и равенствомъ исчерпываются формальныя основанія демократіи ¹⁾).

Жизнь общественная въ ея подвижности и разнообразіи не поддается точнымъ разграниченіямъ; поэтому одинаково ошибочно было бы искать въ греческой исторіи какъ эпоху безусловнаго господства закона, такъ и эпоху безусловнаго произвола. Но если при опредѣленіи духа времени смотрѣть только на выдающіяся черты, то безошибочно можно сказать, что время до Перикла было временемъ законности ²⁾, вѣкъ Перикла — вѣкомъ законнаго произвола ³⁾, слѣдующій затѣмъ періодъ — разцвѣтомъ субъективизма ⁴⁾.

¹⁾ Plato, De Rep., 557, B: οὐκοῦν πρῶτον μὲν δὴ ἐλεύθεροι, καὶ ἐλευθερίας ἡ πόλις μεστὴ καὶ παρρησίας γίγνεται, καὶ ἐξουσία ἐν αὐτῇ ποιεῖν ὅτι τις βούλεται; Ibid. 558, C: ταῦτά τε δὴ, ἔφη, ἔχει ἀν καὶ τούτων ἄλλα ἀδελφὰ δημοκρατία καὶ εἴη, ὡς ἔοικεν, ἡδεῖα πολιτεία καὶ ἀναρχος καὶ ποικίλη, ἰσότητά τινα ὁμοίως ἴσοις τε καὶ ἀνίσοις διανεμούσα. (См. ниже стр. 59.) Aristot. Pol. VI, 2, 1317 a, 40 b, 8.: ὑπόθεσις μὲν οὖν τῆς δημοκρατικῆς πολιτείας ἐλευθερία· τοῦτο γὰρ λέγειν εἰώθασιν, ὡς ἐν μόνῃ τῇ πολιτείᾳ ταύτῃ μετέχοντας ἐλευθερίας· τούτου γὰρ στοχάζεσθαι φασὶ πᾶσαν δημοκρατίαν.... καὶ γὰρ τὸ δίκαιον τὸ δημοτικὸν τὸ ἴσον ἔχειν ἐστὶ κατ' ἀριθμὸν ἀλλὰ μὴ κατ' ἀξίαν, τούτου δ' ὄντος τοῦ δικαίου, τὸ πλῆθος ἀναγκαῖον εἶναι κύριον, καὶ ὅτι ἀν δόξῃ τοῖς πλείοσι, τοῦτ' εἶναι καὶ τέλος καὶ τοῦτ' εἶναι τὸ δίκαιον φασὶ γὰρ δεῖν ἴσον ἔχειν ἕκαστον τῶν πολιτῶν. Ibid. IV, 4, 1291 b, 34: εἴπερ γὰρ ἐλευθερία μάλιστα ἐστὶν ἐν δημοκρατίᾳ καθάπερ ὑπολαμβάνουσι τινες καὶ ἰσότης. Ср. ниже, прим. 4.

²⁾ Plato, Leges, 698, B—C: ἡμῖν γὰρ κατ' ἐκείνον τὸν χρόνον, ὅτε ἡ Περσῶν ἐπιθεσις τοῖς Ἕλλησιν, ἴσως δὲ σχεδὸν ἅπασιν τοῖς τὴν Εὐρώπην οἰκοῦσιν ἐγίγνετο, πολιτεία τε ἦν παλαιὰ καὶ ἐκ τιμημάτων ἀρχαὶ τινες τεττάρων, καὶ δεσπότις ἐνῆν τις αἰδώς, δι' ἣν δουλεύοντες τοῖς τότε νόμοις ζῆν ἠθέλομεν· καὶ πρὸς τούτοις δὴ τὸ μέγεθος τοῦ στόλου κατὰ τε γῆν καὶ κατὰ θάλατταν γενόμενον, φόβον ἀπορον ἐμβαλόν, ἔτι μείζονα ἐποίησεν ἡμᾶς τοῖς τε ἀρχουσι καὶ τοῖς νόμοις δουλεῦσαι. καὶ διὰ πάντα ταῦθ' ἡμῖν ἐυνέπεσε πρὸς ἡμᾶς αὐτοὺς σφόδρα φιλία. Thucyd., II, 37: ἀνεπαχθῶς δὲ τὰ ἴδια προσομιλοῦντες τὰ δημόσια διὰ δέος μάλιστα οὐ παρανομοῦμεν, τῶν τε αἰεὶ ἐν ἀρχῇ ὄντων ἀκροάσει καὶ τῶν νόμων, καὶ μάλιστα αὐτῶν ὅσοι τε ἐπ' ὠφελίᾳ τῶν ἀδικουμένων κείνται καὶ ὅσοι ἀγραφοὶ ὄντες αἰσχύνῃν ὁμολογουμένην φέρουσι.

³⁾ См. выше, стр. 53 прим. 3.

⁴⁾ Plato, De Rep. 557, B: οὐ γὰρ ἐξουσία, δῆλον ὅτι ἴδιαν ἕκαστος ἀν κατασκευῆν τοῦ αὐτοῦ βίου κατασκευάζοιτο ἐν αὐτῇ, ἥτις ἕκαστον ἀρέσκοι. (См. выше, стр. 59.) Aristot. Polit. V, 7, 1310 a, 28—34: δύο γὰρ ἐστὶν οἷς ἡ δημοκρατία δοκεῖ ὠρίσθαι, τῷ τὸ πλεῖον εἶναι καὶ τῇ ἐλευθερίᾳ· τὸ μὲν γὰρ δίκαιον ἴσον δοκεῖ εἶναι, ἴσον δ' ὅ τι ἀν δόξῃ τῷ πλήθει, τοῦτ' εἶναι κύριον, ἐλεύθερον δὲ καὶ ἴσον τὸ ὅ τι ἀν βούληται τις ποιεῖν· ὥστε ζῆ ἐν ταῖς τοιαύταις δημοκρατίαις ἕκαστος ὡς βούλεται. Ср. также ibid. VI, 2, 1317, b, 13—14, и Thuc. VII, 69, 3: Νικίας... πατρίδος τε τῆς ἐλευθερωτάτης ὑπομνήσκων καὶ τῆς ἐν αὐτῇ ἀνεπιτάκτου πᾶσιν ἐς τὴν δαιταν ἐξουσίας.

Политическая жизнь первой эпохи была проникнута взглядомъ что законъ царь всего ¹⁾; въ лицѣ Перикла совмѣщалась законность съ произволомъ: Периклъ управлялъ государствомъ по своей волѣ, но его воля (имѣвшая цѣлью благо государства) была закономъ для всѣхъ; послѣ Перикла жизнь общественная руководствовалась правиломъ, впервые ясно выраженнымъ Протагоромъ, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей. Въ это время истиннымъ закономъ былъ всякій свободный человѣкъ, а государственный законъ сталъ въ глазахъ людей свободныхъ тиранномъ, принуждающимъ людей дѣлать то, что противно ихъ природѣ ²⁾.

Своимъ возникновеніемъ и первоначальнымъ развитіемъ гражданскій субъективизмъ въ Аѳинахъ былъ, какъ мы видѣли, обязанъ принамъ чисто внѣшнимъ. Въ началѣ аѳинской исторіи мы видимъ царскую власть въ борьбѣ съ родовой знатью, которая отстаиваетъ свои права, какъ цѣлаго сословія. Затѣмъ, вслѣдствіе причинъ экономическихъ, возникаетъ борьба между богатой и властной знатью съ одной стороны и бѣдными и угнетенными мелкими земледѣльцами и ремесленниками съ другой. Кровавый призракъ междуусобной войны выдвигаетъ гениальную личность Солона, который даетъ государственное устройство, уравнивающее права борющихся сословій. Личная государственная дѣятельность этого выдающагося человѣка расчищаетъ поприще для дѣятельности другихъ личностей. Борьба сословій прекращается; начинается борьба между отдѣльными личностями, стоящими во главѣ партій. Къ концу VI вѣка значеніе личности настолько возрастаетъ, что Клисеенъ находитъ нужнымъ издать законъ объ остракизмѣ, дающій народу средствомъ законнымъ путемъ устранять изъ своей среды опасную для государственной жизни личность. Впрочемъ, эта мѣра была направлена съ цѣлью ослабить значеніе личности изъ рядовъ сильной знати; въ рядахъ низшаго сословія родовой духъ былъ еще настолько крѣпокъ, что для пробужденія личности къ самостоятельной политической дѣятельности, Клисеенъ вынужденъ былъ произвести переворотъ въ старинномъ устройствѣ филъ. Уничтоженіе Клисееномъ политической связи древнихъ родо-

¹⁾ Pind. I, fr. 169 (Bergck, Poetae Lyrici graeci, ed. 4, 1878, p. 439):

Νόμος ὁ πάντων βασιλεύς,
θνατῶν τε καὶ ἀθανάτων ἢ т. д.

Ср. Herod. III, 38. См. также приведенные ниже хоры изъ трагедій Эсхила и Софокла.

²⁾ Такъ называлъ законъ софистъ Гиппій. Plato, Protag. 337, D: ὁ δὲ νόμος, τύραννος ὢν τῶν ἀνθρώπων, πολλὰ παρὰ τὴν φύσιν βιάζεται.

выхъ союзовъ было первымъ важнымъ шагомъ афинскаго законодательства на проложенномъ Солономъ пути къ гражданскому субъективизму. Второй важный шагъ на томъ же пути былъ сдѣланъ Аристидомъ, уравнившимъ всѣхъ гражданъ передъ закономъ; третій и послѣдній—закономъ о γραφή παρανόμων, дозволявшимъ каждому афинянину быть судьей того, что законно и незаконно, и введенной Перикломъ мисеοφορίей (или платой за участіе въ совѣтѣ, народномъ собраніи и судѣ), сдѣлавшей практическое примѣненіе этого закона каждому доступнымъ. Къ концу V вѣка полновластнымъ господиномъ въ законодательныхъ собраніяхъ и народномъ судѣ было вольное слово демога—витія, увлекавшее народъ къ тому или другому рѣшенію, сообразно съ личными видами оратора ¹⁾).

¹⁾ Ср. Isocr. VIII, 52: ἐμπειρότατοι δὲ λόγων καὶ πραγμάτων ὄντες οὕτως ἀλογιστως ἔχομεν, ὥστε περὶ τῶν αὐτῶν τῆς αὐτῆς ἡμέρας οὐ ταῦτὰ γινώσκομεν, ἀλλ' ὡν μὲν πρὶν εἰς τὴν ἐκκλησίαν ἀναβῆναι κατηγοροῦμεν, ταῦτα συνελθόντες χειροτονοῦμεν, οὐ πολὺν δὲ χρόνον διαλιπόντες τοῖς ἐνθάδε ψηφισθεῖσιν, ἐπειδὴν ἀπίωμεν, πάλιν ἐπιτιμῶμεν προσποιούμενοι δὲ σοφίατοι τῶν Ἑλλήνων εἶναι τοιούτοις χρώμεθα συμβούλοις, ὡν οὐκ ἔστιν ὅστις οὐκ ἂν καταφρονήσειεν, καὶ τοὺς αὐτοὺς τοῦτους κυρίουσ ἀπάντων τῶν κοινῶν καθίσταμεν, οἷς οὐδεὶς ἂν οὐδὲν τῶν ἰδίων ἐπιτρέψειεν. Demosth. Olynth. 30—31: τὸ μὲν πρότερον.... αὐτὸς ὁ δῆμος δεσπότης τῶν πολιτευομένων ἦν καὶ κύριος αὐτὸς ἀπάντων τῶν ἀγαθῶν, καὶ ἀγαπητὸν ἦν παρὰ τοῦ δήμου τῶν ἄλλων ἐκάστω καὶ τιμῆς καὶ ἀρχῆς καὶ ἀγαθοῦ τινος μεταλαβεῖν· νῦν δὲ τοῦναντίον κύριοι μὲν οἱ πολιτευόμενοι τῶν ἀγαθῶν, καὶ διὰ τούτων ἅπαντα πράττεται. Ср. также Aristoph. Equ. 1106—1116:

ὦ Δῆμε, καλὴν γ' ἔχεις
ἀρχήν, ὅτε πάντες ἄν—
θρωποι δεδίασι σ' ὥσ—
περ ἄνδρα τύραννον·
ἀλλ' εὐπαράγωγος εἶ,
θωπευόμενός τε χαί—
ρεις κάξαπατῶμενος,
πρὸς τὸν τε λέγοντ' αἰεὶ
κέχηνας ὁ νοῦς δὲ σου
παρῶν ἀποδημεῖ,

и характеристику демократіи въ Ἰκέτιδες Еврипида, 406—422 (Hart):

ἐν μὲν τόδ' ἡμῖν, ὡσπερ ἐν πεσσοῖς, δίδως
κρείσσον· πόλις γάρ, ἥς ἐγὼ πάρεμι' ἀπο,
ἐνὸς πρὸς ἄνδρός, οὐκ ὄχλη, κρατύνεται
οὐδ' ἔστιν αὐτὴν ὅστις ἐκχαυνῶν λόγους
πρὸς κέρδος ἴδιον ἄλλοτ' ἄλλοσε στρέφει.
ὁ δ' αὐτίχ' ἠδύς καὶ διδοὺς πολλὴν χάριν
ἐσαοθὺς ἔβλαψ', εἶτα διαβολαῖς νέαις

Поэтическую, но снятую съ дѣйствительности, картину афинской вольности времянь охлократіи даетъ Платонъ въ своемъ „Государствѣ“¹⁾.

Въ демократическомъ государствѣ (говорить онъ) все переполнено вольностью и свободой. Каждый тамъ живетъ по своему, избираетъ образъ жизни, какой нравится. Отъ того можно тамъ встрѣтить людей всевозможныхъ обычаевъ: какъ пестрая одежда разукрашена цвѣтами, такъ демократическій городъ разивѣченъ разнообразными нравами. Подъ охраной демократической вольности находятъ себѣ пріютъ всевозможныя формы правленія; если кто желаетъ основать государство по какому-нибудь образцу, пусть придетъ въ демократическій городъ, и онъ найдетъ тамъ въ дѣйствиіи любой. Демократія не знаетъ никакого стѣсненія: нѣтъ нужды ни властвовать, ни быть

κλέψας τὰ πρόσθε σφάλματ' ἐξέδου δίκης.
 ἄλλως τε πῶς ἄν, μὴ διευθύνων λόγους,
 ὀρθῶς δύναιτ' ἄν δῆμος εὐθύειν πόλιν;
 ὁ γὰρ χρόνος μάθησιν ἀντὶ τοῦ τάχους
 κρείσσω δίδωσι. γηπόνος δ' ἄνθρω πένης,
 εἰ καὶ γένοιτο μὴ ἀμαθής, ἔργων ὑπο
 οὐκ ἄν δύναιτο πρὸς τὰ κοιν' ἀποβλέπειν.
 τὸ δ' αὖ νοσῶδες, ταῦτ' οἰς ἀμείνοσιν
 ὅταν πονηρὸς ἀείωμ' ἄνθρω ἔχη,
 γλῶσση κατασχὼν δῆμον, οὐδὲν ὦν τὸ πρῖν.

Эта характеристика бесспорно (см. выше стр. 54, прим. 1) относится къ афинской демократіи; единственная поэтическая вольность, которую допустилъ Еврипидъ, состоитъ въ томъ, что онъ, быть-можетъ по требованію метра, говорить γήπονος вмѣсто χειροτέχνης (афинское народное собраніе, какъ мы видѣли, состояло главнымъ образомъ изъ ремесленниковъ). Напротивъ то, что говорить дальше, восхваляя демократическое устройство, Фезей, 430—438:

γεγραμμένων δὲ τῶν νόμων ὁ τ' ἀσθενής
 ὁ πλούσιός τε τὴν δίκην ἴσην ἔχει,
 ἔστιν δ' ἐνισπεῖν τοῖσιν ἀσθενεστέροις
 τὸν εὐτυχόντα ταῦθ', ὅταν κλῆ κακῶς,
 νικᾷ δ' ὁ μείων τὸν μέγαν, δίκαι' ἔχων.
 τοῦλεύθερον δ' ἐκείνο· τίς θέλει πόλει
 χρηστόν τι βούλευμ' ἐς μέσον φέρειν ἔχων;
 καὶ ταῦθ' ὁ χρήζων λαμπρὸς ἔσθ', ὁ δ' οὐ θέλων
 σιγᾷ. τί τούτων ἔστ' ἰσαίτερον πόλει —

относится очевидно къ демократіи идеальной, а не той, которая существовала въ Афинахъ.

¹⁾ Plato, De Rep. 557, B—558, C, 562, E—563, D. Я даю въ этомъ случаѣ не переводъ, а изложеніе. Что эта поэтическая картина снята съ дѣйствительности, видно изъ словъ Главкѡна 558, B: καὶ μάλα γνῶριμα λέγεις и 563, D: τὸ ἐμὸν ἐμοὶ λέγεις ὄναρ.

подвластнымъ, когда не желаешь; можно не воевать, когда другіе ведутъ войну, и не быть въ мирѣ, когда остальные не нарушаютъ мира; можно, вопреки закону, быть начальникомъ и судьей—все зависитъ отъ того, какъ придетъ въ голову. Однимъ словомъ демократія самое лучшее государственное устройство: пестрое, безначальное, уравнивающее всѣхъ, равныхъ и неравныхъ. Въ каждомъ жилищѣ царить вольность и безначаліе. Отцы привыкаютъ на себя смотрѣть какъ на равныхъ сыновьямъ и испытывать передъ ними страхъ, сыновья считаютъ себя равными отцамъ и, отстаивая свою свободу, не стыдятся и не боятся родителей. Переселенцы, граждане, иностранцы—всѣ имѣютъ одинаковыя права. Въ школахъ учителя боятся учениковъ и имъ льстятъ, ученики ставятъ ни во что учителей и наставниковъ; вообще—молодые уподобляются старымъ и соревнуютъ имъ въ рѣчахъ и дѣлахъ, а старые подражаютъ молодымъ, веселятся и шутятъ, не желая показаться неприятными и деспотичными. Но высшее проявленіе свободы и равенства въ томъ, что рабы не менѣе вольны, чѣмъ господа, что мужчины и женщины одинаково свободны и равноправны. Каковы люди, таковы и живущіе съ ними звѣри. Собаки, лошади и ослы ходятъ по улицамъ демократическаго города важно и свободно и сшибаютъ съ ногъ всякаго, кто не посторонится. До того становится у гражданъ нѣжной душа, что не можетъ выносить и намека на рабство; въ концѣ они пренебрегаютъ законами писанными и неписанными, не желая надъ собою никакого господства.

Нежеланіе подчинять свою волю законамъ писаннымъ и неписаннымъ есть лишь отрицательное выраженіе гражданскаго субъективизма; положительное выраженіе состоитъ въ обратномъ, въ желаніи поставить свою волю законодательницей въ области законовъ писанныхъ и мѣриломъ въ области законовъ неписанныхъ—иначе сказать, въ утвержденіи притязаній своей единичной сильной личности. Фукидидъ говоритъ, что послѣ изгнанія Пизистратидовъ афиняне постоянно опасались возникновенія тиранніи и были въ этомъ отношеніи подозрительны ¹⁾; Алкивиадъ у того же историка оправдывается, что не стремился къ тиранніи ²⁾; Аристофанъ смѣется, что въ его время во всемъ подозрѣваютъ тираннію и заговорщиковъ. „На рынокъ (говоритъ онъ) тиранніа въ большемъ ходу, чѣмъ соленая рыба: станешь-ли покупать крупную рыбу и не захочешь взять мелкой, торговецъ мелкой рыбой тотчасъ-же скажетъ: „Этотъ жаритъ для тиранніи“; спросишь-ли чесноку въ приправу къ корюшкамъ, торговецъ

¹⁾ Thucyd. VI, 53, 3; ibid 60, 1; ср. также 27, 2.

²⁾ Ibid. VI, 89, 3. См. ниже.

зеленю смотреть искоса и говорить: „Ты требуешь чесноку—уж не для тиранніи-ли?“¹⁾ Всѣ эти указанія свидѣтельствуютъ ясно, что опасеніе видѣть тираннію было не однимъ только слѣдствіемъ пережитаго опыта, но также и того, что условія для ея возникновенія существовали. Условія эти лежали частью въ общихъ свойствахъ человѣческой природы, частью въ особенностяхъ демократіи.

„Человѣкъ, говоритъ Аристотель, есть животное политическое“²⁾, или выражаясь грубымъ, но болѣе точнымъ языкомъ естествовѣднія,—животное стадное. Какъ ни одно стадо не можетъ обойтись безъ вожака, точно также не можетъ обойтись безъ него и народная толпа. Повсюду, гдѣ существуетъ охлократія, существуетъ и вождь толпы или демагогъ. „Въ тѣхъ демократіяхъ, гдѣ законъ не имѣетъ силы“, читаемъ мы у Аристотеля³⁾, „появляются демагоги. Народъ въ этомъ случаѣ превращается въ многоголоваго монарха, такъ какъ верховная власть принадлежитъ всей толпѣ, хотя и не каждому человѣку въ отдѣльности. Какъ монархъ, такой народъ ищетъ проявить свое самодержавіе тѣмъ, что не признаетъ надъ собой никакихъ законовъ. Онъ становится такимъ образомъ деспотомъ и чтитъ льстецовъ. Въ этомъ, да и вообще народовластіе подобно тиранніи. Характеръ того и другаго правленія одинъ и тотъ же: оба притѣсняють лучшихъ; народные приговоры соотвѣтствуютъ приказаніямъ властелина, а демагоги совершенно тоже, что придворные льстецы. Льстецы и демагоги имѣють одинаковую силу: первые у тирана, вторые у толпы. Предоставляя все на усмотрѣніи толпы, демагоги бывають причиною того что рѣшающее значеніе получаютъ народные приговоры, а не законы. Дѣлають же это демагоги потому, что становятся великими, когда государемъ бываетъ народъ, а они государями его мнѣній, увлекая за собою толпу“. Какъ недалеко отъ демагогіи до тиранніи, изъ этихъ словъ Аристотеля не трудно видѣть. „Когда нараждается тираннѣ, говоритъ Платонъ⁴⁾, онъ вырастаетъ не изъ чего другаго, но изъ корня предствоятельства“.

Въ Аѣинахъ узаконилъ демагогію своимъ великимъ именемъ Периклъ. Подобно всѣмъ остальнымъ демагогамъ, Периклъ достигъ власти угожденіемъ толпѣ⁵⁾, но затѣмъ, ставъ единоличнымъ предсто-

---

¹⁾ Aristoph. *Vespaе* 488—500; ср. также *ibid.* 416, 463—470, 500—502 (грубая, но мѣткая острота) и *Aves* 1074—1075.

²⁾ Aristot. *Polit.* I, 2, 1253a, 2.

³⁾ *Ibid.* IV, 4, 1292a, 10—27; ср. *ibid.* V, 11, 1313b, 39—1314a, 10.

⁴⁾ Plato, *De Rep.* 565D; ср. *ibid.* 565C.

⁵⁾ Plutarch. *Pericl.* XI, XV.

ителемъ Аѳинъ, онъ (говорить Фукидидъ ¹⁾), сильный своимъ обаяніемъ, совершенно недоступный подкупу, правилъ народомъ независимо и не столько подчинялся его волѣ, сколько ее себѣ подчинялъ. Поддерживая свою власть не безчестными средствами, онъ не имѣлъ нужды говорить народу пріятное, но, опираясь на свое обаяніе, возражалъ даже съ гнѣвомъ. Напротивъ, его преемники, мало отличаясь по способностямъ одинъ отъ другаго, но каждый желая быть первымъ, стали вести дѣла въ угоду народу.“ Дѣлать угодное народу, значитъ угрождать однимъ въ ущербъ другимъ. Демократія въ греческихъ городахъ была, по согласному свидѣтельству Платона и Аристотеля, господствомъ бѣдныхъ и свободныхъ ²⁾. Но граница между бѣдными и богатыми весьма неопредѣлена и интересы тѣхъ и другихъ часто переплетаются. Отъ того, угождая бѣднымъ и притѣсняя богатыхъ, демагогъ навлекаетъ на себя ненависть какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ и въ концѣ можетъ поддерживать свою власть только насиліями и внушеніемъ страха. „Если предстоятель черни, замѣчаетъ съ глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца Платонъ ³⁾, имѣетъ позади себя совершенно покорную толпу, то онъ не будетъ воздерживаться отъ единоплеменной крови, но приводя, какъ это вообще бываетъ, по ложнымъ доносамъ обвиняемаго предъ судъ, станетъ оскверняться убійствомъ, отнимать у человѣка жизнь, языкомъ и нечестивыми устами пробовать родственной жертвы, изгонять въ ссылку, убивать, подстрекать къ снятію чужихъ долговъ и раздѣлу земли. Но такому человѣку необходимость и самая судьба либо погибнуть отъ враговъ, либо тиранствовать и изъ человѣка сдѣлаться волкомъ“. ⁴⁾ Периклъ не сдѣлался волкомъ частію по своему великодушію, частью вслѣдствіе того, что толпа, которую онъ принялъ, хранила еще въ себѣ уваженіе къ стародавнимъ нравственнымъ правиламъ и потому не нуждалась въ развращенномъ вождѣ. Но ядъ растлѣнія, внесенный Перикломъ въ аѳинскую жизнь лестью народному самолюбію и развитіемъ въ аѳинянахъ корысти мисѳофоріей ⁵⁾, не могъ не проявить своей разрушительной силы. Въ послѣдніе годы Периклъ на себѣ испыталъ его дѣйствіе ⁶⁾, а своимъ преемникамъ передалъ уже не на-

---

¹⁾ Thucyd. II, 65, 5—6.

²⁾ См. выше, стр. 53, прим. 5 и слѣд.

³⁾ Plato, De Rep. 565, E—566, A.

⁴⁾ Тираниія Фалариса въ Агригентѣ и французскихъ «демократовъ» Великой революціи не оправдываетъ ли это замѣчаніе Платона?

⁵⁾ Plato, Gorg. 215, E. Ср. выше стр. 53.

⁶⁾ Plat. Gorg. 516, E; Thucyd. II, 21, 3; Plut. Pericl. XXXV.

родъ, но „безстыжую маску народа, которая ни передъ чѣмъ не краснѣетъ“¹⁾). Актеръ, избирающій своею ролью одухотворять такую маску не на сценѣ, а въ жизни, самъ не можетъ не быть безстычнымъ. Демагогія третьяго послѣ Перикла демагога, Клеона, (первымъ былъ торговецъ паклей и мельникъ Евкратъ, вторымъ прасоль Лизиклъ²⁾) служить выразительнымъ подтвержденіемъ этой и безъ того очевидной истины. Если при Периклѣ аѳинское государство было только по имени демократіей, а на дѣлѣ правленіемъ перваго человека,³⁾ то, годъ спустя послѣ его смерти, оно было на дѣлѣ тиранией Клеона. Аристофанъ живо рисуетъ, какъ трепетали богатые и бѣдные передъ этимъ сильнымъ демагогомъ⁴⁾ („смертоноснымъ Тифономъ, Харибдой грабежа, подобнымъ Церберу чудовищемъ съ зубастой пастью, со свирѣпосверкающимъ взоромъ блудницы, съ головою, облизанною сотнею визжащихъ лъстецовъ, съ голосомъ подобнымъ реву гибельнаго потока, со смрадомъ коровы“),⁵⁾ который стоялъ во главѣ густой единомышленной толпы молодцовъ кожевниковъ и торговцевъ сыромъ и медомъ,⁶⁾ провѣдывалъ все, что творится въ городѣ и обо всемъ горланилъ,⁷⁾ и для обогащенія казны однихъ мучилъ, другихъ вѣшалъ, отъ третьихъ вытребывалъ, не заботясь ни о комъ изъ частныхъ лицъ, но только о томъ, какъ бы угодить народу.⁸⁾ Сколько бы мы ни относили въ этихъ показаніяхъ Аристофана къ комическимъ или даже злостнымъ преувеличеніямъ — Аристофанъ былъ лично оскорбленъ Клеономъ — нельзя не придать значенія его словамъ, обращеннымъ (во „Всадникахъ“) со сцены ко всему народу и самому Клеону, что изъ страха предъ могучимъ демагогомъ никто не рѣшился изготовить его маску⁹⁾ (вслѣдствіе чего Аристофанъ лично выступилъ въ роли Пафлагонскаго раба—Клеона,

¹⁾ Слова Аристофана, Equites, 395—397.

²⁾ Объ этихъ демагогахъ см. ниже, стр. 64, прим. 5 и 6.

³⁾ См. выше, стр. 53, прим. 3.

⁴⁾ Aristoph. Equites, 222, слѣд. ; ср. 60, слѣд.

⁵⁾ Ibid. 248, 519; Vespaе, 1031—1035; ср. Pax 737—742.

⁶⁾ Aristoph. Equites 849—851.

⁷⁾ Ibid. 858—860.

⁸⁾ Ibid. 770—773. Клеонъ говоритъ:

καὶ πῶς ἄν ἐμοῦ μᾶλλον σε φίλων ὦ Δῆμη γένοιτο πολίτης;
 δες πρῶτα μὲν, ἤνικ' ἐβούλευόν σοι, χρήματα πλείστ' ἀπέδειξα
 ἐν τῷ κοινῷ, τοὺς μὲν στρεβλῶν, τοὺς δ' ἀγῶν, τοὺς δὲ μεταίτων,
 οὐ φροντίζων τῶν ἰδιωτῶν οὐδενός, εἰ σοὶ χαριστήμην.

Ср. также ibid. 61—70; 258—265.

⁹⁾ Ibid. 230—232.

подкрасивъ свое лицо). Впрочемъ, вѣрность красокъ въ Аристофановомъ изображеніи Клеона подтверждается свидѣтельствами Фукидида. ¹⁾ Гротъ не придаетъ вѣры и этому историку, ссылаясь на то, что Фукидидъ былъ изгнанъ Клеономъ и потому могъ быть къ нему пристрастенъ (Фукидидъ написалъ свою исторію въ изгнаніи) и старается выставить Клеона въ наилучшемъ свѣтѣ. ²⁾ Но не только нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Клеонъ совершалъ возмутительныя насилія, невозможно предположить противнаго, такъ какъ въ этомъ случаѣ Клеонъ долженъ былъ бы идти противъ общаго нравственнаго и политическаго теченія, а это несомнѣннѣе съ положеніемъ демагога.

Право сильнаго, на которое опирался Клеонъ, было высшимъ закономъ всей аѳинской политики второй половины V вѣка. Это право признають представители аѳинскаго народа теоретически, то (какъ въ спартанскомъ народномъ собраніи) доказывая, что отъ вѣка такъ установлено, чтобы слабый былъ въ рукахъ у сильнаго, что поэтому, если представится случай къ пріобрѣтенію чего-нибудь силою, доводы справедливости никого не воздерживаютъ отъ преобладанія, и что заслуживаетъ похвалы уже тотъ, кто, слѣдуя естественному влеченію властвовать надъ другими, окажется справедливымъ, чѣмъ какъ требуетъ его сила ³⁾; то (какъ въ спорѣ съ мелосцами) заявляя „безъ красивыхъ словъ и околичностей“, что въ человѣческихъ расчетахъ справедливость бываетъ рѣшительницей лишь тогда, когда обѣ стороны испытываютъ одинаковое принужденіе, но что въ противномъ случаѣ сильнѣйшіе дѣлаютъ возможное, а слабѣйшіе имъ уступаютъ ⁴⁾, что какъ боги, такъ еще несомнѣннѣе люди самую природою вынуждены властвовать надъ покоренными, что этотъ законъ не они, аѳиняне, впервые ввели и не они первые примѣнили, но приняли его уже готовымъ и пользуются имъ такъ, какъ на ихъ мѣстѣ всякій этимъ закономъ воспользовался бы и какъ во всѣ времена будутъ пользоваться имъ всѣ другіе ⁵⁾; то наконецъ, (какъ въ собраніи кимаринцевъ) ссылаясь, какъ на общепризнанную истину, что для тирана или города властелина справедливо все, что полезно ⁶⁾. Это право самъ аѳинскій народъ примѣняетъ на дѣлѣ, по-

¹⁾ Thucyd. III, 36; IV, 28, 4 и др.; ср. также Plutarch. Nic. II—III, VII.

²⁾ Grote, History of Greece, VI, 257, sq.

³⁾ Thucyd. I, 76, 2—3.

⁴⁾ Ibid. V, 89.

⁵⁾ Ibid. V, 105, ср. также ibid. 111.

⁶⁾ Ibid. VI, 85.

рабошая союзные города ¹⁾, тратя на свои нужды или прихоти союзную казну ²⁾, избивая жителей возмутившихся Митигень ³⁾, поголовно умерщвляя взрослое мужское население ни въ чемъ неповиннаго Мелоса ⁴⁾. Тому же самому праву, естественно, должна была слѣдовать и чистовнутренняя политика. Заботясь исключительно о своей выгодѣ, партія болѣе численная отгвсняла менѣе численную, вожакъ болѣе сильный, хитрый и наглый брагъ верхъ надъ вожакомъ менѣе сильнымъ, хитрымъ и наглымъ, въ народномъ собраніи, совѣтѣ и судѣ болѣе искусный ораторъ побивалъ менѣе искуснаго (ὁ κρείττων λόγος τὸν ἥττω λόγον).

Если бы въ Аѣинахъ не было Клеона, то на его мѣстѣ былъ бы другой, быть можетъ еще худшій, и во всякомъ случаѣ не лучшій. Непосредственный предшественникъ Клеона, прасоль Лизиклъ, уступалъ, какъ видно изъ намековъ Аристофана, въ нравственныхъ достоинствахъ своему предшественнику, торговцу пенькой и мельнику Евкрату ⁵⁾, который отъ государственнаго кормила долженъ былъ возвратиться къ своей мельницѣ ⁶⁾. Послѣ Клеона (говорить Аристофанъ ⁷⁾ долженъ былъ бы править Аѣинами какой-нибудь колбасникъ, еще большій негодяй и нахаль, чѣмъ Клеонъ, хотя быть можетъ и меньшій воръ ⁸⁾. Вымышленный Аристофаномъ разговоръ между этимъ идеальнымъ демагогомъ—колбасникомъ и аѣинскими военачальниками Демосееномъ и Никіемъ весьма характеренъ для аѣинской демагогіи. Я привожу поэтому изъ него небольшой отрывокъ ⁹⁾.

Демосеенъ. О, счастливецъ колбасникъ, сюда, сюда, иди, любезнѣйшій, явленный спаситель государства и насъ. *Колбасникъ.* Что такое? Что вы меня зовете? *Демосеенъ.* Поди сюда, узнай какое тебѣ благополучіе, какое великое счастье. *Никій.* Поди же, поставь здѣсь свой лотокъ. Прочти, что предсказываетъ тебѣ богъ. *Демосеенъ.* Ну же, положи сначала на землю свои снаряды, а потомъ поцѣлуй землю и боговъ. *Колбасникъ.* Да что, что такое? *Демосеенъ.* О счастливецъ! О богачъ! О ты, сегодня ничто, а завтра первая величина! О счастливыя Аѣины! *Колбасникъ.* Да что ты, любезный, мѣшаешь мнѣ мыть

¹⁾ Объ этомъ см. Gilbert, I, 390 f.

²⁾ Plutarch. Pericles XII; ср. также Duncker, IX, 167 (Neue F., 2—rB.)

³⁾ Thucyd. III, 50; ср. Grote, History of Greece, VI, 28, sq.

⁴⁾ Thucyd. V, 116; Grote, History of Greece, VI, 379, sq.

⁵⁾ Aristoph. Equites 129, слѣд.; 762.

⁶⁾ Ibid. 254.

⁷⁾ Ibid. 143, слѣд., 944—945.

⁸⁾ Ibid. 1248—1249.

⁹⁾ Ibid. 147—195, 209—220.

кишки и продавать колбасы и смѣшья надо мною. *Демосвень.* Эхъ простакъ, какія кишки? Посмотри сюда. Видишь эти ряды людей? *Колбасникъ.* Вижу. *Демосвень.* Такъ вотъ, ты будешь начальникомъ надъ всѣми ими—надъ рынкомъ, надъ пристанями, надъ Пниксомъ. Ты будешь попирать ногами совѣтъ, будешь вникать стратеговъ, будешь заковычивать въ цѣпи, будешь сажать въ темницы, будешь распутничать въ пританеѣ. *Колбасникъ.* Я? *Демосвень.* Именно ты. Ты еще не все видишь. Встань на этотъ лотокъ и посмотри на эти раскинувшіеся кругомъ острова. *Колбасникъ.* Смотрю. *Демосвень.* А видишь эти пристани и корабли? *Колбасникъ.* Вижу. *Демосвень.* Да какъ же не велико твое счастье? Посмотри теперь однимъ глазомъ на Карію, а другимъ на Калхидонъ. *Колбасникъ.* Что жъ, я буду счастливымъ, если перекошу себѣ глаза? *Демосвень.* Нѣтъ, это все перейдетъ къ тебѣ. Ты сдѣлаешься, какъ говорятъ это предсказаніе, величайшимъ человекомъ. *Колбасникъ.* Скажи мнѣ, какъ же я, колбасникъ, могу сдѣлаться великимъ человекомъ? *Демосвень.* Вотъ потому ты и сдѣлаешься великимъ, что ты негодяй, что ты съ рынка, что ты нахаль. *Колбасникъ.* Да я не считаю себя достойнымъ имѣть великую силу. *Демосвень.* Эхъ, почему ты называешь себя недостойнымъ. Ты должно быть знаешь въ себѣ что нибудь хорошее. Или ты изъ людей честныхъ? *Колбасникъ.* Клянусь Зевсомъ, нѣтъ, изъ подлецовъ. *Демосвень.* Какое счастливое совпаденіе! Какимъ обладаешь ты благомъ для веденія дѣла! *Колбасникъ.* Но я ничего не смыслю въ наукахъ. Умѣю только читать и писать, да и то едва-едва. *Демосвень.* Жалко и то, что едва-едва-то умѣешь. Вѣдь теперь демагогія—достояніе не образованныхъ и честныхъ людей, но невѣждъ и негодяевъ... *Колбасникъ.* Предсказаніе льститъ моему самолюбію, но я удивляюсь, какимъ образомъ стану я управлять народомъ. *Демосвень.* Самое пустое дѣло. Продолжай свои теперешнія занятія. Перемѣшивай всѣ дѣла и приготавливай изъ нихъ колбасу¹⁾, подлаживайся подъ народъ, услажай его поварскими словечками. У тебя есть все нужное для демагога: разбойничій голосъ, дурная порода, площадныя привычки—однимъ словомъ все, необходимое для государства. Къ тому же къ тебѣ подходятъ предсказанія Пиеи.

Предсказанія Аристофановой Пиеи быть можетъ исполнилось бы съ большою точностью, если бы послѣ смерти Клеона не выдвинулась гениальная личность Алкивіада²⁾. Знатный, богатый, необычно-

¹⁾ Ср. *ibid.* 798, слѣд.

²⁾ Образцовая характеристика у Grote, *History of Greece*, VI, 301 sq. VIII, 116. sq.

венно даровитый, образованный, красивый, но въ то же время безпредѣльно распутный, безстыдный и наглый, Алкивиадъ, какъ блестящими качествами, такъ и глубиною всякаго рода пороковъ, далеко превосходилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и соперниковъ. Не тѣмъ сокрушительнѣе было его себялюбіе, что, по вѣрному замѣчанію Платона ¹⁾, какъ великое добро, такъ и великое зло можетъ происходить только отъ людей чрезвычайныхъ. Изъ государственныхъ дѣятелей Аѣинъ никто въ такой мѣрѣ не способствовалъ гибели аѣинскаго могущества, какъ этотъ плѣнительный потомокъ Зевса, носившій на щитѣ золотое изображеніе бога любви ²⁾. „Поддерживая среди гражданъ свое обаяніе, Алкивиадъ (говоритъ Фукидидъ ³⁾) давалъ своимъ страстямъ къ коневодству и всякой другой расточительности большій просторъ, чѣмъ сколько позволяло его состояніе, и это обстоятельство не мало содѣйствовало паденію государства. Большинство, опасаясь чрезмѣрной необузданности образа его жизни и высокоумныхъ помысловъ во всемъ, что онъ дѣлалъ и предпринималъ, стало относиться къ нему враждебно, подозрѣвая, что онъ стремится къ тиранніи, и не смотря на то, что онъ велъ военныя дѣла превосходно, возмущенное его поступками въ частной жизни, поручало начальство другимъ, и такимъ образомъ скоро повергло государство въ гибель“. Но Алкивиадъ былъ и прямымъ содѣйствникомъ этой гибели. снаряженіе Сицилійской экспедиціи, посылка Спартакцами Гилиппа въ Сиракузы и укрѣпленіе Декелей и, возмущеніе Хиоса и Милета, первая организациа кроваваго заговора Четырехсотъ—все это было дѣломъ Алкивиада ⁴⁾. Какъ смотрѣлъ Алкивиадъ на государственный строй своей родины, лучше всего можно судить изъ его собственныхъ словъ, что демократія—общепризнанная безсмыслица ⁵⁾. Только та чрезъ край необузданная и неугомонная сила его страстей, о которой говоритъ Фукидидъ, не дававшая покоя ни ему, ни другимъ, и бросавшая его за приключеніями изъ стороны въ сторону, помѣшала Алкивиаду сдѣлаться аѣинскимъ деспотомъ. Самъ Алкивиадъ отрицаетъ свои деспотическія стремленія. Подстрекая спартакцевъ на помощь Сиракузамъ противъ аѣинянъ, онъ заявляетъ, что подобно своимъ предкамъ всегда относился

¹⁾ Plato, De Rep. 491, E.

²⁾ Plutarch. Alcib. XVI.

³⁾ Thucyd. IV, 15, 2—3.

⁴⁾ Ср. Grote, History of Greece, VII, 389; VIII, 116.

⁵⁾ Thucyd. VI, 89, 5: ἐπεὶ δημοκρατίαν γε καὶ ἐπιγνώσκομεν οἱ φρονουτέες π, καὶ αὐτὸς οὐδενὸς ἄν χειρόν, ὄσση καὶ λοιδορήσαιμι ἀλλὰ περὶ ὁμολογουμένης ἀνοίας οὐδὲν ἄν καινὸν λέγοιτο.

враждебно къ тиранніи и если стоялъ во главѣ народа, то исключительно потому, что подъ народомъ подразумѣвается партія, противная единоличной власти¹⁾; но вся жизнь Алкивіада свидѣтельствуеъ, что это заявленіе было ничѣмъ не лучше той безпримѣрной по нахальству лжи, которою Алкивіадъ въ началѣ своей политической дѣятельности обошелъ пословъ той же Спарты, наканунѣ вклявенно увѣривъ ихъ въ одномъ, а на другой день на ихъ же глазахъ сдѣлавъ совершенно противоположное²⁾. Демократія, во главѣ которой Алкивіадъ стоялъ въ началѣ и концѣ своего политическаго поприща, и олигархія, которую онъ желалъ видѣть въ 411 году, были для него сами по себѣ безразличны³⁾. Алкивіадъ очень хорошо зналъ, какое значеніе имѣють въ глазахъ людей слова, но самъ не принадлежалъ къ числу способныхъ обольщаться призраками. Для него, какъ и для всякаго неутюманеннаго ума, было совершенно ясно, что равенство между людьми есть пустой звукъ, и что безграничный произволъ толпы неизмѣнно выдвигаетъ сильнаго для господства надъ слабымъ⁴⁾. Рѣзко и отчетливо выражаетъ этотъ взглядъ въ связи съ общимъ нравственнымъ міровоззрѣніемъ аѳинскихъ дѣятелей второй половины V вѣка у Платона Калликля, одинъ изъ молодыхъ и образованныхъ политиковъ того времени⁵⁾.

„Я думаю (говорить оцѣ), что налагатели законовъ—люди слабые и ничтожные. Поэтому, издавая законы, восхваляя одно и пори-

¹⁾ Ibid., 3—4.

²⁾ Ibid. V, 45. Grote, History of Greece, VI, 316, sq.

³⁾ Thucyd. VIII, 48, 3.

⁴⁾ Это ясно изъ (приведеннаго выше) взгляда Алкивіада на демократію и изъ того, что онъ опирался преимущественно на чернь. «По возвращеніи изъ изгнанія, Алкивіадъ (рассказываетъ Плутархъ, Alcib. XXXIV) и самъ приободрился, и поднялъ духъ войска, увѣривъ солдатъ, что они будутъ необходимы и неодолимы подъ его начальствомъ, а для людей черныхъ и бѣдныхъ былъ такимъ демагогомъ, что внушилъ сильное желаніе видѣть себя тиранномъ. Нѣкоторые подходили къ нему и уговаривали, чтобы онъ сталъ выше зависти, низвергъ постановленія, законы и болтуновъ, губящихъ государство и, сдѣлавшись единоличнымъ властелиномъ, велъ бы дѣла по своему усмотрѣнію, не опасаясь клеветниковъ». Плутархъ оканчиваетъ этотъ рассказъ замѣчаніемъ, что «какое самъ Алкивіадъ имѣлъ намѣреніе относительно тиранніи—неизвѣстно», но что сильные люди изъ страха постарались удалить его какъ можно скорѣе. Возможно ли однако сомнѣваться въ деспотическихъ намѣреніяхъ человѣка, который, по свидѣтельству самого Плутарха, не зналъ ни въ чемъ удержу, не терпѣлъ никого на своей дорогѣ, дрался и даже кусался, и въ угоду двумъ главнымъ своимъ страстямъ, честолюбію и стремленію быть вездѣ первымъ, готовъ былъ принести въ жертву все— деньги, жизнь, отечество? О деспотическихъ наклонностяхъ Алкивіада ср. также Xenoph. Memor. I, 2, 11—24.

⁵⁾ Plato, Gorg. 483, B—484, B. О мнѣніи Грота на счетъ этой рѣчи Калликля см. примѣчаніе въ концѣ настоящей главы.

ная другое, они имѣютъ въ виду себя, то есть свою личную пользу. Питая страхъ передъ людьми болѣе сильными и способными къ преобладанію, какъ бы эти люди не стали преобладать надъ ними, они говорятъ, что преобладаніе дурно и несправедливо и что именно въ стремленіи имѣть больше, чѣмъ другіе, и состоитъ несправедливость. Сами будучи худшими, они довольны, когда имѣютъ поровну. Вслѣдствіе этого законъ признаетъ несправедливымъ и дурнымъ, если одинъ человѣкъ старается имѣть больше, чѣмъ другіе; это, говорятъ, значитъ поступать несправедливо. А между тѣмъ сама природа очевидно свидѣтельствуетъ, что справедливость состоитъ въ томъ, чтобы лучший преобладалъ надъ худшимъ и болѣе сильный надъ менѣе сильнымъ. Что это такъ, явно изъ многого: для животныхъ, для людей, для цѣлыхъ городовъ и народовъ судъ справедливости одинъ и тотъ же—чтобы лучший властвовалъ и преобладалъ надъ худшимъ. Въ самомъ дѣлѣ, по какому праву Ксерксъ двинулся походомъ противъ Еллады, или отецъ его противъ скиѳовъ? Такихъ примѣровъ можно привести тысячи. Я думаю, что подобные люди дѣйствуютъ по природѣ и—влянусь Зевсомъ — по закону природы, но конечно не по тому, который лѣпимъ и постановляемъ мы, когда, овладѣвая людьми отличными и сильнѣйшими еще въ ихъ молодости, очаровываемъ ихъ волшебными своими напѣвами, какъ львовъ, и поработивъ ихъ себѣ, говоримъ: надобно всѣмъ имѣть по-ровну, въ этомъ состоитъ прекрасное и справедливое. Если же родился бы мужъ съ достаточною природою, то, страхнувъ, расторгши и прогнавъ все это, поправъ наши хартии, чары, обаянія и всѣ противные природѣ законы, онъ возсталъ бы изъ рабовъ и сдѣлался бы нашимъ господиномъ и отсюда просіяло бы право природы“. „Сдерживать себя — разсуждаетъ Калликль далѣе ¹⁾ — глупо. Можетъ ли быть счастливымъ человѣкъ, рабствующій кому-нибудь? По природѣ прекрасное и справедливое состоитъ въ томъ, на чтѣ я указываю съ полною откровенностью, — чтобы тотъ, кто хочетъ жить правильно, увеличивалъ по возможности свои желанія, оставлялъ ихъ безнаказанными и былъ способенъ служить этимъ своимъ великимъ желаніямъ отвагою и умомъ, удовлетворяя каждый разъ то, чего пожелаетъ. Для большинства однако это невозможно. Поэтому толпа порицаетъ такихъ людей изъ стыда, прикрывая этимъ собственную немощь, и называетъ необузданность порокомъ. Порабощая (какъ сказалъ я выше) людей по природѣ лучшихъ и не имѣя возможности исполнять свои удовольствія, она по

---

¹⁾ Plato, Gorg. 491.E—492.C.

малодушію хвалить скромность и справедливость. Но для тѣхъ, кому пришлось быть дѣтьми царей или же силою собственной природы приобрести себѣ какую-нибудь власть, тираннію или царство, — для такихъ людей можетъ ли быть что-нибудь хуже скромности? При полной возможности безпрепятственно наслаждаться благами, нужно ли имъ ставить надъ собою господина — людскіе законы, толки и порицанія? Какимъ образомъ они могли бы не быть несчастными, еслибы, слѣдуя хваленной справедливости и скромности, стали удѣлять друзьямъ не больше, чѣмъ врагамъ, и это — властвуя въ своемъ городѣ! Истина, къ которой ты, Сократъ, по твоимъ словамъ стремишься, вотъ въ чемъ: роскошь, необузданность, свобода, если имѣютъ подъ собою опору — вотъ добродѣтель и счастье! А все остальное — пустая прикраса, противоестественное соглашеніе, людская чепуха и притомъ ничего не стоящая. — „Не безъ благородной откровенности (отвѣчаетъ Калликль Сократъ) ты изложилъ свои мысли, Калликль; ты высказалъ ясно то, что другіе хотя и думаютъ, но говорить не хотятъ“.

Къ числу львовъ, о которыхъ говоритъ Калликль, принадлежалъ прежде всего Алкивіадъ. На вопросъ, обращенный въ Аристофановыхъ „Лягушкахъ“ Діонисомъ къ Эсхилу и Еврипиду, какого мнѣнія они объ отсутствующемъ Алкивіадѣ, „по которомъ государство тоскуетъ, котораго ненавидитъ, но въ то же время желаетъ видѣть возлѣ себя“, Еврипидъ говоритъ, что ненавидитъ гражданина, который на пользу отечества медленъ, но скоръ на великій вредъ, для себя видитъ всѣ пути, но ненаходчивъ для государства, а Эсхиль заявляетъ, что не слѣдуетъ въ городѣ воспитывать молодого льва, если же его воспитаютъ, то необходимо подчиняться его нраву¹⁾.

Въ своей исповѣди субъективизма Калликль подъ „закономъ“ подразумеваетъ (какъ не трудно замѣтить) не одни только писанные законы, но также и установленные обычаемъ правила нравственной оцѣнки. Съ замѣною объективнаго мѣрила субъективнымъ, единство этой оцѣнки должно было утратиться. На извращеніе нравственныхъ воззрѣній согласно указываютъ Фукидидъ, Платонъ и Исократъ. „Что прежде считалось надменностью (говорятъ они), то стало теперь представляться признакомъ хорошаго воспитанія; на безначаліе стали смотрѣть какъ на свободу, на расточительность какъ на великолѣпіе, на безстыдство какъ на мужество, на безразсудную отвагу какъ на безкорыстную храбрость, на предусмотрительную медлительность какъ

¹⁾ Aristoph. Ranae, 1418—1428.

на благовидную трусость, на скромность какъ на прикрытіе малодушія, на благоразуміе какъ на косность“ и т. д.¹⁾

Нравственный субъективизмъ представляетъ собою лишь одну изъ сторонъ духовной дѣятельности—проявленіе тѣхъ ссбялюбивыхъ волненій, о значеніи которыхъ для исторіи рѣчь будетъ ниже. Но между всѣми сторонами духовной жизни существуетъ тѣсная связь: каждое духовное состояніе есть явленіе сложное, но въ своей сложности единое и нераздѣльное. Не существуетъ ни ощущеній безъ отношенія къ умственной дѣятельности и волненіямъ, ни умственной дѣятельности безъ отношенія къ ощущеніямъ и волненіямъ, ни волненій безъ отношенія къ ощущеніямъ и умственной дѣятельности. Но въ каждомъ изъ духовныхъ состояній господствуетъ только одинъ изъ трехъ элементовъ. Если преобладаетъ волненіе (то-есть осложненное удовольствіе или неудовольствіе), то состояніе бываетъ мотивомъ воли, иначе сказать—ближайшей причиной, направляющей дѣятельность къ достиженію или избѣжанію чего-нибудь, смотря по тому, лежитъ ли въ основаніи волненія удовольствіе или неудовольствіе²⁾. Внѣшняя дѣйствительность (включая сюда же и состоянія организма) совмѣстно съ духовной организаціей производятъ ощущенія; ощущенія одновременно даютъ работу умственной дѣятельности (законамъ ассоціаціи, перерабатывающимъ ощущенія въ представленія, понятія и т. д.) и порождаютъ совмѣстно съ этою дѣятельностью волненія, вызывающія движенія—прямо или по ассоціаціи, и чаще всего черезъ среду идеальнаго воспроизведенія волненій, или чрезъ среду

¹⁾ Thucyd. III, 82, 3, слѣд.: καὶ τὴν εἰσθίαν ἀξίωσιν τῶν ὀνομάτων ἐς τὰ ἔργα ἀντήλλαξαν τῇ δικαιοσίῃ· τόλμα μὲν γὰρ ἀλόγιστος ἀνδρεία φιλέταρος ἐνομίσθη и т. д. Plato, De Rep. 560, E: ὄβριον μὲν εὐπαιδευσίαν καλοῦντες, ἀναρχίαν δὲ ἐλευθερίαν, ἀσωτίαν δὲ μεγαλοπρέπειαν, ἀναίδειαν δὲ ἀνδρείαν. Isocr. De Permut. (XV) 283: ἐπεὶ νῦν γ' οὕτως ἀνεστραπται καὶ συγκέχυται πολλὰ τῶν κατὰ τὴν πόλιν, ὥστ' οὐδὲ τοῖς ὀνόμασι ἐνιοὶ τινεὶς ἐτι χρῶνται κατὰ φύσιν, ἀλλὰ μεταφέρουσι ἀπὸ τῶν καλλίστων πραγμάτων ἐπὶ τὰ φαυλότατα τῶν ἐπιτηδευμάτων и т. д. Ср. также Aegorag. (VII), 20: ὥσθ' ἠγεῖσθαι τὴν μὲν ἀκολασίαν δημοκρατίαν, τὴν δὲ παρανομίαν ἐλευθερίαν, τὴν δὲ παρρησίαν ἰσονομίαν, τὴν δ' ἔξουσίαν τοῦ ταῦτα ποιεῖν εὐδαιμονίαν.

²⁾ Удовольствія и неудовольствія суть основные мотивы, но не единственные психологическія условія нашей внѣшней дѣятельности. Последняя обусловлена сверхъ того (кромѣ необходимой степени нервной энергіи и вызывающихъ волненія ощущеній) чисто умственными процессами ассоціаціи. Подъ волненіями я подразумѣваю совокупность всѣхъ психологическихъ условій нашей дѣятельности, объединяемыхъ тѣмъ или другимъ основнымъ мотивомъ. Несмотря на свою сложность, волненія представляютъ нераздѣльные образованія, и такъ какъ они фактически (хотя и не генетически) совершенно отличны и отъ умственной дѣятельности и отъ ощущеній, то ихъ можно противопоставлять какъ первой, такъ и послѣднимъ.

такъ называемыхъ желаній и отвращеній. Волненія даютъ направленіе всей нашей практической дѣятельности, но отъ нихъ зависить также въ значительной степени и направленіе умственной—тененіе того или другаго порядка идей. Одни волненія входятъ въ ассоціаціи съ другими и съ идеями; осложнившіяся такимъ образомъ волненія въ свою очередь ассоціируются съ другими волненіями и идеями; вслѣдствіе этого получаются весьма сложные мотивы ¹⁾. Еслибы волненія у человѣка всегда были одни и тѣ же, то и его дѣятельность была бы неизмѣнною. Но у людей остается неизмѣнною только господствующая склонность къ тѣмъ или другимъ волненіямъ, а сами они перецутываются и перебиваются одни другія; поэтому дѣятельность человѣка подвержена колебаніямъ, и только въ общемъ ея характерѣ наблюдается однообразіе, распространяющееся однако, вслѣдствіе единства духовной жизни, на всѣ стороны характера. Общественная дѣятельность сларается изъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ; общественный характеръ есть общее проявленіе характеровъ единичныхъ. Вслѣдствіе этого то, что справедливо о дѣятельности и характерѣ отдѣльныхъ лицъ, справедливо и объ общественной дѣятельности и характерѣ. Если настроенный извѣстнымъ образомъ человѣкъ непременно въ большей или меньшей степени проявляетъ свое настроеніе во всѣхъ сторонахъ доступной ему дѣятельности, то точно также и настроенный извѣстнымъ образомъ народъ долженъ проявлять свое настроеніе во всѣхъ сторонахъ своей жизни. Поэтому въ Аѳиннахъ въ концѣ V вѣка нравственному субъективизму долженъ былъ соответствовать субъективизмъ всѣхъ другихъ духовныхъ проявленій. Въ нравственной области субъективизмъ есть эгоизмъ или утвержденіе личной воли и противопоставленіе ея волѣ другихъ; въ теоретической—субъективизмъ есть утвержденіе личной мысли и противопоставленіе ея мысли другихъ. Отрицательной сторонѣ эгоизма или практическому непризнанію обязанности установленнаго нравственнаго мірра, соответствуетъ въ дѣятельности теоретической скептицизмъ, или теоретическое непризнаніе установленныхъ міррагъ знанія и нравственности за обязательныя; положительной сторонѣ эгоизма или проведенію въ жизнь личной воли, соответствуетъ въ теоретической области стремленіе провести свою мысль въ сознаніе другихъ. Творческой субъективизмъ сказывается въ выраженіи лич-

¹⁾ Доказывать это психологическое ученіе въ настоящемъ слудай было бы, дедъ; умѣстно. Достаточно сослаться на извѣстные труды, на основаніи которыхъ оно составлено — Bain, *The Senses and the Intellect, The Emotions and the Will, Mental Science*, Lond. 1868, 1880, 1879; Thompson, *A System of Psychology*, Lond. 1884; Sully, *Outlines of Psychology*, Lond. 1885 и др.

наго настроенія и нестѣсняемомъ никакими общепризнанными условіями (въ музыкѣ и поэзіи—установленными риѳмами, размерами, содержаніемъ и т. д., въ скульптурѣ—установленными типами и т. п.) полетѣ воображенія. Вслѣдствіе ограниченности человеческой природы, изъ единичныхъ людей никто не совмѣщаетъ въ себѣ выдающагося политика, философа, религіознаго мыслителя; музыканта, поэта и т. д. Поэтому исторія не представляетъ ни одной типичной личности, на дѣятельности которой можно было бы провѣрить справедливость только-что изложеннаго психологическаго ученія. Но если мы вообразимъ всеобъемлющаго генія съ направленіемъ Каллигла, то такой человекъ въ политикѣ не могъ бы не быть деспотомъ, въ философіи не могъ бы не признавать справедливымъ положеніе, что человекъ—мѣра всего; по своимъ теоретическимъ и практическимъ убѣжденіямъ онъ не могъ бы не относиться отрицательно къ установленнымъ правиламъ нравственности и къ установленнымъ вѣрованіямъ и потому не могъ бы не быть скептикомъ; наконецъ, въ творческой дѣятельности онъ не могъ бы не отдаваться всецѣло субъективнымъ влеченіямъ и, проявляя субъективизмъ въ содержаніи, не могъ бы не проявлять его и въ формѣ. Невозможная для отдѣльнаго человека всесторонность возможна для цѣлаго народа. Аѳинскій народъ былъ выдающимся политикомъ, великимъ философомъ, поэтомъ, музыкантомъ и т. д. Во всѣхъ этихъ проявленіяхъ своей жизни онъ былъ во второй половинѣ V вѣка тѣмъ же, чѣмъ былъ бы на его мѣстѣ Каллиглъ. Аѳинская исторія этого вѣка, интересная по разнообразію полныхъ содержанія событій и по невиданному ни раньше, ни послѣ разцвѣту художественнаго и философскаго генія, не менѣе интересна и съ точки зрѣнія психологической, такъ какъ представляетъ рѣдкій даже въ исторіи цѣлыхъ народовъ случай, гдѣ можно съ полною отчетливостью прослѣдить единство всѣхъ проявленій духовной жизни. Я остановлюсь прежде всего на субъективизмѣ въ религіи, музыкѣ и поэзіи, такъ какъ эти проявленія духовной дѣятельности стояли въ Греціи съ политической жизнью въ тѣсной и непосредственной связи.

Религіозныя отношенія въ древней Греціи (какъ и во всѣхъ государствахъ) опредѣлялись закономъ и обычаемъ. На вопросъ, какъ почитать боговъ, Писия отвѣчала: „По закону государства“¹⁾. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ государственной жизни господство законности уступило мѣсто субъективизму, установленное обычаемъ богопочтаніе въ глазахъ людей просвѣщенныхъ перестало быть обязатель-

¹⁾ Xenoph. Memor. IV, 3, 16: ὁρᾷ γάρ ὅτι ὁ ἐν Δελφοῖς θεός, ὅταν τις αὐτὸν ἐπερωτᾷ πῶς ἀν τοῖς θεοῖς χαρίζοιτο, ἀποκρίνεται, Νόμῳ πόλεως. Ср. *ibid.* I, 3, 1.

нымъ. Въ лучшихъ умахъ замѣчается отрицательное отношеніе къ мисологическимъ вѣрованіямъ ¹⁾; отъ ревнителей старины мы слышимъ насмѣшки и обвиненія, что древнія божества замѣняются новыми ²⁾. Главную опору это отрицательное отношеніе находило въ самой греческой религіи,—въ несообразностяхъ ея антропоморфизма, перемосившаго на божества свойства человѣческой природы, хорошія и дурныя безъ различія. Такъ сильно обращали на себя вниманіе эти несообразности, что первые проблески скептицизма въ Греціи были, какъ мы увидимъ, направлены именно противъ религіознаго антропоморфизма ³⁾. Греческую теогонію (говоритъ Геродотъ ⁴⁾) создали поэты—Гезіодъ и Гомеръ. Въ твореніяхъ этихъ поэтовъ, въ особенности перваго, боги порой совершаютъ безнравственныя дѣянія; несмотря на это, эпические сказанія читали религіозное чувство грековъ, такъ какъ окружали боговъ поэтической величавостью и относили ихъ дѣянія къ далекой старинѣ, всегда наполняющей сердце волненіемъ высокаго и вызывающей поэтому на идеализацію. Но съ измѣненіемъ свойствъ человѣческой природы необходимо должны измѣняться и антропоморфическія представленія о богахъ. Между богами Гомера и Гезіода и богами греческихъ трагедій и комедій V и IV вѣковъ такая же разница, какаа между греками патріархальнаго періода и греками времяя Пелопоннесской войны. Появленіе боговъ и героев на театральнй сценѣ столько же свидѣтельствовало объ упадкѣ рели-

¹⁾ См. кромѣ слѣдующаго примѣчанія приведенные ниже (стр. 75, сл.) отрывки изъ Платона, Критія и Еврипида, ученіе Демокрита (въ IV гл.) и замѣчанія Протагора и Продика о божествахъ. Sext. Empir. adv. Math. IX. 56: περί μὲν θεῶν οὐκ ἔχω εἰπεῖν (говоритъ Протагоръ), οὐτε εἴ εἰσιν, οὐθ' ὅποιοί τινές εἰσι. πολλὰ γὰρ τὰ κωλύοντα εἰδέναι, ἢ τε ἀδηλόγη, καὶ βραχύς ἦν ὁ βίος τοῦ ἀνθρώπου. О Продикѣ см. ниже, стр. 143, пр. 9. Ср. также вымышленный Аристофаномъ разговоръ между Демосфееномъ и Никіемъ. Aristoph. Equites, 32—33:

ΔΗ. ἔτεόν ἤγει γάρ θεοῦς;

ΝΙ. ἔγωγε. ΔΗ. ποῖω χρώμενος τεκμηρίω; и пр.

²⁾ Aristoph. Ranae, 887—892 (разговариваютъ Еврипидъ и Діонисъ):

ΕΥ. ἕτεροι γάρ εἰσιν οἷσιν εὐχομαι θεοῖς.

ΔΙ. ἴδιοί τινές σου, κόμμα καινόν; ΕΥ. καὶ μάλα.

ΔΙ. ἴθι δὴ προσεύχου τοῖσιν ἰδιώταις θεοῖς.

ΕΥ. αἰθῆρ, ἐμόν βόσκημα, καὶ γλώττης στρόφιγε,

καὶ εὐνεσι, καὶ μυκτῆρες ὄσφραντήριοι,

ὄρθως μ' ἐλέγχειν, ὡν ἂν ἄπτωμαι λόγων.

Эта молитва Еврипида представляетъ краткую, но мѣткую характеристику тринаго міровоззрѣнія конца V вѣка.

Plato, Apol. 24, B: Σωκράτης φησὶν ἀδικεῖν τοὺς τε νέους διαφθείροντα καὶ θεοῦς, οὓς ἢ πόλις νομίζει, οὐ νομίζοντα, ἕτερα δὲ δαιμόνια καινά.

³⁾ См. ученіе Ксенофонта (въ IV гл.)

⁴⁾ Herod. II, 53.

гознаго чувства; сколько содѣйствовало этому упадку; очарованіе сверхъестественностью мнѳологическихъ дѣятелей должно было ослабнуть, когда они стали выступать всенародно на трагической и комической сценѣ, говорить языкомъ обвиненной человѣческой страсти и выражать ходячія политическія и философскія воззрѣнія, рассчитывая на рукоплесканія зрителей; то обаяніе, которое за ними еще оставила трагедія, въ конецъ разрушалось комедіей, безпощадно издѣвавшейся надъ ихъ человѣческими слабостями. Въ созданіяхъ пластическаго искусства божества сохраняли эпическую величавость и плѣняли возвышенной красотой; но эти созданія не были простыми символами или намеками на другое болѣе совершенное существованіе, а воплѣтъ законченными художественными произведеніями личнаго генія, имѣвшими въ себѣ самихъ значеніе и плѣну. Мѣру своего величія и красоты боги такимъ образомъ находили въ личномъ творчествѣ человѣка. Наконецъ, разрушенію прежней непосредственной вѣры способствовала философія, стремившаяся замѣнить сверхъестественныя причины естественными. Для зрѣлаго ума мнѳологическіе дѣятели не могли не представляться излишними; ихъ многоличное господство въ мѣрѣ внѣшнемъ съ большимъ удобствомъ можно было замѣнить господствомъ той безличной міровой необходимости или случайности, которой въ древнемъ міровоззрѣніи были подчинены какъ смертныя, такъ и безсмертныя ¹⁾, или еще съ болѣшимъ основаніемъ — слѣпою силою всесозидающей природы ²⁾, а въ мѣрѣ человѣческихъ отношеній просвѣщенные умы второй половины V вѣка (напримѣръ Эукидидъ и Еврипидъ) видѣли руководящую силу въ личныхъ свойствахъ человѣческаго духа ³⁾. Совмѣстнымъ дѣйствіемъ всехъ этихъ причинъ, крившихся въ политикѣ, религіи, искусствѣ и философіи, выработался въ V в. (отчасти уже знакомый намъ изъ исповѣди Калликла) взглядъ, что естественное противоположно законному и что между прочимъ

¹⁾ Hom. II, VI, 458; VIII, 69; XXII, 209; Aesch. Prometh. 105 и др.

²⁾ Кроме приведеннаго ниже отрывка изъ Платоновыхъ «Законовъ» ср. также Xenoph. Memor. I, 4, 4. Потерά σοι δοκοῦσιν οἱ ἀπεργαζόμενοι εἶδωλα ἀφρονά τε καὶ ἀκίνητα ἀξιοθαυμαστότεροι εἶναι ἢ οἱ ζῶντες ἐμφρονά τε καὶ ἐνεργά;—Πολὺ νῆ Δία οἱ ζῶντες, εἴπερ γε μὴ τύχη τινί, ἀλλὰ ὑπὸ γνῶμης ταῦτα γίγνεται. Plato, Soph. 265, C: Ζῶντες δὲ πάντα θνητὰ καὶ φυτὰ, θεοὶ τ' ἐπὶ γῆς ἐκ σπερμάτων καὶ ριζῶν φύεται καὶ θεοὶ ἀψυχοὶ ἐν γῆ εὐνίσταται σώματα τηκτὰ καὶ ἄτηκτα, μὴν ἄλλου τινός ἢ θεοῦ δήμι—οὐροδοῦντος φήσομεν ὑστερον γίγνεσθαι πρότερον οὐκ ὄντα; ἢ τῶν πολλῶν δόγματι καὶ ῥήματι χράμενοι;—Ποῖον;—Τῶ τὴν φύσιν αὐτὰ γεννῆν ἀπὸ τινος ἀτίας αὐτομάτης καὶ ἀνευ διανοίας φύσεως.

³⁾ Эукидидъ при объясненіи политическихъ событій стоитъ всегда на точкѣ зрѣнія психологической. См. напримѣръ данныя имъ психологическіе анализы III, 82, 84; VI, 15 (см. выше, стр. 66), 24, 30, 31, VII, 75 и др.; объ Еврипидѣ ср. ниже, стр. 86, 92 и др.

боги существуют не по природѣ, а по искусству и законамъ, которые къ тому же въ различныхъ городахъ различны ¹⁾.

„Нѣкоторые утверждаютъ (говоритъ Платонъ), что все происходитъ, произошло и будетъ происходить частью по природѣ, частью по искусству, частью по случаю, и это ученіе большинство признаетъ за особенно мудрое. Самое важное и самое прекрасное (говоритъ это ученіе) производить природа и случай, самое маловажное—искусство, которое принимаетъ отъ природы происхожденіе вещей великихъ и важныхъ, а само образуетъ и изготовляетъ все то незначительное, что мы называемъ произведеніями искусствъ. Огонь, вода, земля, воздухъ, всѣ эти стихіи существуютъ по природѣ и случаю, и не одна изъ нихъ—по искусству; близкія къ нимъ по составу тѣла земли, солнца и луны произведены этими совершенно бездушными стихіями. Вслѣдствіе того, что каждая изъ нихъ движется силою другихъ, производящую подобающее и подходящее совпаденіе, соединяя теплое съ холоднымъ, сухое съ влажнымъ, мягкое съ жесткимъ и все другое противоположное, что перемѣшано по случайной необходимости,—вслѣдствіе этого и такимъ именно образомъ произошелъ міръ и все, что въ мірѣ—животныя, растенія, времена года; не разумъ создалъ все это, не богъ и не искусство, но природа и случай. Позднѣе и отъ болѣе поздняго произошло искусство, смертное отъ смертныхъ. Искусство произвело нѣкоторые пустяки, не имѣющіе большой доли въ истинѣ, но сродные самому искусству призраки—напримѣръ тѣ, которые пораждаетъ живопись, музыка и вспомогательныя имъ искусства. Если же какія изъ искусствъ и производятъ что-нибудь важное то не иныя, а тѣ, которыя дѣйствуютъ сообща съ природой,—напримѣръ, врачеваніе, земледѣліе, гимнастика. Политика имѣетъ лишь весьма немного общаго съ природой, но весьма много съ искусствомъ; тоже слѣдуетъ сказать и о всемъ вообще законодательствѣ, которое существуетъ не по природѣ, но по искусству; вслѣдствіе этого положенія законодательства не истинны. Боги точно также существуютъ не по природѣ, а по искусству, по нѣкоторымъ законамъ, которые къ тому же въ различныхъ мѣстахъ бываютъ различны, смотря потому, какъ согласятся между собою каждый разъ законодатели. Равнымъ образомъ и прекрасное—одно по природѣ, другое по закону. Справедливости же вовсе не существуетъ по природѣ, но люди постоянно спорятъ и мнѣютъ на счетъ справедливости свои мнѣнія. Что они положить въ данное время, то на это время и приобретаетъ господ-

---

¹⁾ Plato, Leges 888, E—890, A.

ствующее значеніе; но дѣлается это по искусству и законамъ и ни въ какомъ случаѣ не по природѣ. Всему этому молодые люди поучаются отъ людей мудрыхъ, не поэтовъ и поэтовъ, полагающихъ высшее право въ одолѣніи силой. Отсюда вселяется въ молодыхъ людей нечестивое мнѣніе, что не существуетъ тѣхъ боговъ, о какихъ повелѣвается мыслить законъ; отсюда же происходятъ возмущенія, такъ какъ эти ученія влекутъ къ правильной, согласной съ природой жизни, состоящей по истинѣ въ томъ, чтобы жить, властвуя надъ другими и не подчиняясь другимъ по закону“.

Однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей этого новаго взгляда на боговъ былъ тираннъ Критій—человѣкъ весьма большихъ дарованій и широкой образованности, дѣятельность котораго имѣла, какъ извѣстно, большое значеніе въ судьбахъ Аѣинскаго государства. Дошедшій до насъ отрывокъ изъ его трагедіи „Сизифъ“ можетъ служить лучшимъ образцомъ того критическаго духа и того стремленія свести все къ естественному, которые составляютъ характерную черту V и IV вѣковъ греческой умственной исторіи.

„Было время (поучаетъ со сцены Критій ¹⁾), когда жизнь человѣческая была неустроена, звѣроподобна и покорна одной только грубой силѣ, когда не было ни награды для добраго, ни наказанія для злаго. Но со временемъ люди ввели карательные законы, чтобы владычицею надъ людскимъ родомъ была правда, которая бы поработила надменность и наказывала тѣхъ, кто совершитъ преступленіе. Законы отвращали людей отъ открытаго насилія; но въ тайнѣ дѣлать насиліе люди не переставали. Тогда появился мудрый и изобрѣтательный человѣкъ, нашедшій средство внушать смертнымъ страхъ въ томъ случаѣ, если они будутъ тайно дѣлать, мыслить или говорить что-нибудь дурное. Онъ увѣрилъ людей, что существуетъ божество, цвѣтущее нетлѣнною жизнью, мыслящее, слышащее, видящее, чувствующее и за всѣмъ наблюдающее. Его божественная природа слышитъ все, что говорятъ смертные, и видитъ все, что они дѣлаютъ: если даже человѣкъ молчаливо задумаетъ какое-нибудь зло, то и это тайное намѣреніе не скроется отъ боговъ, которыхъ мысль на стражѣ повсюду. Говоря людямъ такія слова, этотъ человѣкъ ввелъ одно изъ самыхъ пріятныхъ ученій, прикрывши ложнымъ словомъ истину. Съ цѣлью внушить наибольшій страхъ людямъ, онъ постоянно увѣрялъ, что боги существуютъ тамъ, откуда для людей происходятъ ужасъ и несчастія въ ихъ злополучной жизни,—на воздушной высотѣ, гдѣ

¹⁾ Отрывокъ этотъ сохраненъ Секстомъ Емпирикомъ (adv. Math. IX, 54). Переводъ сдѣланъ мною по изданію Фабриція (см. стр. 1, прим. 1).

блистають молніи, раздаются страшные удары грома, и гдѣ украшено звѣздами небо, прекрасное произведение мудраго зодчаго — времени, откуда падаютъ сіяющія раскаленные звѣзды и на землю идетъ влажный дождь. Окруживъ людей такими ужасами и поселивъ ради внушенія этихъ ужасовъ бога на подходящемъ мѣстѣ, этотъ человѣкъ потушилъ беззаконіе законами“.

Но быть можетъ всего нагляднѣе переходъ отъ объективизма къ субъективизму въ исторіи музыки и поэзіи, лежавшихъ въ основаніи греческаго умственнаго воспитанія. Настолько велика была связь музыки съ государственною жизнью, что измѣненія въ музыкальныхъ мелодіяхъ и риѣмахъ могли быть косвенною причиною измѣненій въ государственномъ строѣ ¹⁾. Передавая въ своихъ звукахъ оттѣнки человѣческаго голоса, выражающіе жизнь сердца, музыка способна вызывать въ насъ разнообразныя волненія. Въ этомъ и кроется причина того, почему, говоря словами Платона, музыка проникаетъ въ душу и хватается за сердце ²⁾. Отъ частаго вызова въ годы молодости музыкальными мотивами извѣстнаго рода волненій, эти послѣднія могутъ сдѣлаться привычными и такимъ образомъ опредѣлить характеръ человѣка на всю жизнь. Вслѣдствіе большаго воспитательнаго значенія музыки, въ Лакедемонѣ и Критѣ музыкальные мотивы были опредѣлены закономъ ³⁾. Въ Аѣнахъ такого закона не существовало, но было въ обычаѣ при музыкальномъ воспитаніи держаться стародавнихъ, завѣщанныхъ отцами правилъ ⁴⁾. Къ половинѣ V вѣка, когда, по выраженію Аристотеля ⁵⁾, всякій воспитывалъ и обучалъ своихъ дѣтей по своему, какъ вздумается, эти правила считали обязательными лишь немногіе. Въ это время въ музыкѣ и лирической поэзіи царилъ полный произволъ. Свидѣтельство объ этомъ музыкальномъ субъективизмѣ и о связи его съ субъективизмомъ политическимъ мы находимъ въ слѣдующемъ любопытномъ мѣстѣ Платоновыхъ „Законовъ“ ⁶⁾:

¹⁾ Plato, De Rep. 424, C: εἶδος γὰρ καινὸν μουσικῆς μεταβάλλειν εὐλαβητέον ὡς ἐν ἄλλῳ κινδυνεύοντα· οὐδαμῶς γὰρ κινεῖνται μουσικῆς τρόποι ἀνευ πολιτικῶν νόμων τῶν μεγίστων, ὡς φησὶ τε Δάμων καὶ ἐγὼ πείφομαι.

²⁾ Ibid. 401, D.

³⁾ Plato, Leges, 660, B.

⁴⁾ Aristoph. Nubes 954: ἐντειναμένους τὴν ἁρμονίαν ἣν οἱ πατέρες παρέδωκαν. (См. ниже, гл. V).

⁵⁾ Aristot. Polit. VIII. I, 1376a, 24—26: τὴν παιδείαν μίαν καὶ τὴν αὐτὴν ἀναγκαῖον εἶναι πάντων καὶ ταύτης τὴν ἐπιμέλειαν εἶναι κοινὴν καὶ μὴ κατ' ἰδίαν, ὅν τρόπον ἕκαστος νῦν ἐπιμελεῖται τῶν αὐτοῦ τέκνων ἰδίᾳ τε καὶ μάθησιν ἰδίαν, ἣν ἂν δόξῃ, διδάσκων.

⁶⁾ Plato, Leges 700, A—701, C.

„Первоначально музыкальное искусство (говорить Платонъ) было подраздѣлено на роды и виды. Одинъ видъ пѣсни составляли молитвы богамъ, называвшіяся гимнами. Этому виду противопоставался другой видъ пѣсни, который обыкновенно называли плачемъ. Третій видъ были пѣоны, далѣе діонисово произведение—такъ называемый диѳирамбъ. Былъ и еще родъ пѣсенъ, носившій названіе самого музыкальнаго закона (νόμος) и сопровождавшійся игрою на киварѣ. При подобнаго рода распорядкѣ считалось непозволительнымъ одинъ родъ пѣсни замѣнять другимъ; а власть дѣлать на счетъ этого замѣчанія, приносить въ качествѣ знатока приговоръ и наказывать непослушныхъ принадлежала не шепоту, не невѣжественнымъ крикамъ толпы, какъ теперь, и не одобрительнымъ рукоплесканіямъ, но было постановлено, чтобы воспитатели сидѣли до конца молча, а для дѣтей, наставниковъ и толпы народа внушительницею была палка распорядителя¹⁾. Этому порядку охотно повиновались граждане, и толпа не осмѣливалась выражать свои замѣчанія шумомъ. Но со временемъ въ музыкѣ наступило беззаконіе, виновниками котораго были поэты, одаренные отъ природы поэтическимъ вдохновеніемъ, но несвѣдушіе въ законахъ и цѣляхъ музыкальнаго творчества. Одержимые вакхическимъ изступленіемъ и придавая удовольствію большее значеніе, чѣмъ слѣдуетъ, они соединили плачевные напѣвы съ гимнами, пѣоны съ диѳирамбами, стали подражать флейтѣ игрою на киварѣ и все смѣшали въ одно. Помимо своей воли и по невѣдѣнію стали они клеветать на музыку, будто въ ней нѣтъ никакихъ правилъ, но что самымъ правильнымъ мѣриломъ служить удовольствіе, испытываемое тѣмъ, кто ею наслаждается, все равно хороша этотъ человекъ, или дурень. Создавая такія произведенія и сопровождая ихъ подобнаго рода замѣчаніями, они внесли въ отношеніе толпы къ музыкѣ беззаконіе и дали ей смѣлость смотрѣть на себя какъ на способнаго судью. Вслѣдствіе этого театръ изъ безмолвнаго сталъ шумнымъ, какъ будто зрители смыслятъ, что въ музыкальномъ искусствѣ хорошо и что нѣтъ, и вмѣсто аристократіи въ немъ водворилась нѣкотораго рода жалкая театрократія. Еслибы въ немъ наступила только демократія свободныхъ людей, то это не было бы такъ печально; а теперь, начиная съ музыки, во все проникло беззаконіе и мнѣніе, будто всякій мудръ во всемъ, а за этимъ слѣдомъ наступила свобода; полагаясь на свое знаніе, люди стали безстрашными, а безстрашіе породило безстыдство... Вслѣдъ за свободой должно было появиться

¹⁾ Ср. Aristoph. Nubes 959 (см. ниже, гл. V).

желаніе не повиноваться властямъ, а за тѣмъ — склонность отказываться отъ покорности и послушанія отцу, матери и старшимъ; тѣ, которые стояли близко къ крайнему предѣлу, стали изыскивать способы не повиноваться законамъ, а тѣ, которые стояли на самомъ концѣ, стали пренебрежительно относиться къ клятвамъ, обѣщаніямъ и къ самимъ богамъ, проявляя старую титаническую природу и подражая ей¹⁾

Въ области собственно поэтического творчества переходъ отъ объективнаго міровоззрѣнія къ субъективному сказался въ томъ, что объективный эпосъ былъ смѣненъ субъективной лирикой, а эта послѣдняя уступила въ V вѣкѣ мѣсто еще болѣе субъективной формѣ поэзіи — драмѣ, сначала трагедіи, за тѣмъ комедіи. Эпическій поэтъ, не вдаваясь въ рефлексію, творитъ сказанія, внушаемыя преданіемъ; лирической — выражаетъ свое личное настроеніе; въ драмѣ дѣйствующія лица не только передаютъ другъ другу свои личные чувства и мнѣнія, но и стараются отстаивать ихъ достоинство и справедливость. Трагедія и комедія въ свою очередь прошли нѣсколько видоизмѣненій въ духѣ субъективизма. Первоначально трагедія была чисто лирическою (диэирамбомъ въ честь Діониса), затѣмъ лирическая часть пополняется діалогомъ (у Фриниха и Эсхила) и наконецъ она становится риторическою и діалектическою (наименѣе у Софокла, наиболѣе у Еврипида и Агаэона). Комедія своимъ происхожденіемъ обязана фаллическимъ оргіямъ²⁾ и уже этимъ происхожденіемъ указываетъ на свойственный ей характеръ распущенности. Поставленная на оцену, она сдѣлалась средствомъ для осмѣянія сначала отдѣльных лицъ (какъ простыхъ, такъ и стоявшихъ у власти), затѣмъ, всей вообще жизни государственной и частной въ ихъ непосредственной дѣйствительности, пока, наконецъ, къ IV вѣку не превратилась въ отвлеченную отъ дѣйствительности карикатуру жизни. Въ пору своего наивысшаго разцвѣта трагедія и комедія были вѣрнымъ зеркаломъ умственной и политической жизни Аѳинъ. По произведеніямъ трехъ великихъ трагиковъ Эсхила, Софокла и Еврипида, выражавшихъ настроеніе трехъ различныхъ эпохъ, можно въ общихъ чертахъ прослѣдить всю исторію духовнаго развитія Аѳинъ, отъ временъ господства унаслѣдованныхъ отъ предковъ вѣрованій и до временъ господства край-

¹⁾ Ср. выше, стр. 76.

²⁾ Изъ всѣхъ предположеній о происхожденіи комедіи то, которое ставитъ его въ связь съ фаллическими оргіями, кажется мнѣ наиболѣе правдоподобнымъ. Ср. Grote, *History of Greece*, VIII, p. 126, sq. Различныя свидѣтельства древнихъ грамматиковъ, касающіяся исторіи комедіи, собраны Meineke, *Historia critica comicorum graecorum*, Berol., 1839, p. 531—566.

ного субъективизма; а комедии величайшаго изъ комиковъ, Аристофана, могутъ служить лучшей картиной общей распушенности афинской жизни въ послѣднюю четверть V вѣка.

Эсхиль былъ выразителемъ тѣхъ чувствъ законности и умѣренности, которыя воодушевляли воспѣтый имъ въ „Евменидахъ“ ареопагъ. „Не хвали ни безначалія (говорить онъ ¹⁾), ни самовластія. Блюститель-богъ даетъ силу только серединамъ. Я скажу тебѣ дѣльное слово: гордыня — мать нечестья, а скромность — всеми любимаго и желаннаго счастья. Вообще тебѣ мой совѣтъ: чти жертвенникъ Правды и не попирай его ради корысти безбожными ногами: въ концѣ тебя ожидаетъ заслуженная кара. Справедливый по доброй волѣ не будетъ несчастливъ и во всякомъ случаѣ не можетъ быть на краю гибели; а дерзновенный преступникъ, наглый нарушитель правды и порядка, со временемъ опуститъ паруса, когда буря сломаетъ мачту и онъ извѣдаетъ горе. Одолѣваемый волнами, тщетно станеть онъ звать изъ пучины: ему не будутъ внимать. А богъ посмѣется, увидавъ, что надменный уже не хвалится среди неодолимаго водоворота, изъ котораго ему не выбраться. О скалу правды сокрушитъ онъ свое прежнее счастье, и самъ, никѣмъ не оплаканный, безслѣдно погибнетъ“. Но не тотъ хорошъ, кто желаетъ *казаться*, а тотъ, кто желаетъ *быть* справедливымъ, у кого есть въ душѣ глубокая борозда, изъ которой вырастаютъ честные помыслы ²⁾. Эсхиль цѣнитъ силу убѣжденія и спора, если они имѣютъ цѣлью общее благо; но молить боговъ, чтобы въ государствѣ никогда не шумѣлъ мятежъ, чтобы прахъ никогда не пилъ кровь гражданъ, чтобы всѣ жили душа въ душу, одно и тоже любили и ненавидѣли. ³⁾

Софокль точно также стоитъ на почвѣ строгой законности, но его грустный взглядъ на жизнь свидѣтельствуетъ, что онъ смотрѣлъ на нее не какъ простой наблюдатель, подобно Эсхилу, а съ точки зрѣнія сознающей разладъ между дѣйствительностью и идеаломъ рефлексіи. „Легкомысленъ тотъ (говорить онъ ⁴⁾) кто, пропустивъ умѣренный срокъ, желаетъ долгой жизни. Чѣмъ дальше идутъ дни,

¹⁾ Aeschyl. Eumenid. 497—530. Всѣ ссылки на трагиковъ сдѣланы мною по изданіямъ Hartung'a, фрагменты указаны по Wagner'у.

²⁾ Aeschyl. Septem ap. Theb. 549—551:

οὐ γὰρ δοκεῖν δίκαιος, ἀλλ' εἶναι θέλει,
βαθείαν ἄλοκα διὰ φρενὸς καρπούμενος,
ἔξ ἧς τὰ κενὰ βλαστάνει βουλευμάτων.

³⁾ Aeschyl. Eumen. 921, слѣд.

⁴⁾ Soph. Oedip. ap. Col. 1193—1218.

тѣмъ ближе ведутъ они къ скорби, и если проживешь больше, чѣмъ слѣдуетъ, не увидишь радости нигдѣ. Въ концѣ является общій всѣмъ помощникъ: безъ пѣнія, безъ звуковъ лиры, безъ пляски, сводитъ всѣхъ въ преисподнюю смерть. Не родиться — первое благо; а тому, кто увидѣлъ свѣтъ, всего лучше какъ можно скорѣе вернуться туда, откуда пришелъ. Лишь только переступишь отъ дѣтскихъ безпечныхъ игръ къ полной трудовъ жизни—какихъ горестей не придется извѣдать? Убійства, мятежи, раздоры, битвы, зависть ¹⁾). Последній удѣлъ—безсилая, презираемая, избѣгаемая, нелюбимая старость, въ которой соединено все дурное“. Великолѣпный хоръ въ „Эдипъ Царь“ служить вмѣстѣ нравственную исповѣдь Софокла и предостереженіемъ нарождающемуся политическому своеволію. „О если бы мнѣ, (говорится въ этомъ хорѣ ²⁾), выпало на долю хранить благочестіе и святость во всѣхъ рѣчахъ и дѣлахъ, какъ повелѣваютъ верховные небесные, насажденные по ээиру, законы! Отецъ ихъ одинъ только Олимпъ, не порождены они смертною природою людей, не повергнетъ ихъ въ сонъ забвеніе, великъ въ нихъ богъ и не старится! Гордыня насаждаетъ тиранна; гордыня, переполнившись черезъ край множествомъ непристойнаго, пустаго и ничтожнаго, восходитъ на высочайшую крутизну и оттуда низвергается въ пучину злополучія, гдѣ ей уже не встать на ноги. Но молю бога, чтобы не оставались тщетными благіе для государства замыслы; я никогда не перестану слѣдовать за богомъ, своимъ руководителемъ. А того, кто высококомѣренъ въ дѣлахъ или рѣчахъ, кто не боится правды и не почитаетъ обители боговъ, пусть постигнетъ за злополучную распущенность жестокая судьба: его корысть несправедлива, онъ не сторонится безчестнаго и не воздерживаетъ рукъ отъ неприкосновеннаго“.

¹⁾ Изъ этихъ словъ Софокла очевидно, что его грусть была вызвана несогласіемъ дѣйствительности съ его нравственными и идеалами.

²⁾ Soph. Oedip. Rex. 818—843. Cp. Antig. 444—454:

οὐ γάρ τί μοι Ζεὺς ἦν ὁ κηρύξας τάδε (μὴ θάπτειν τὸν ἀδελφόν)
οὐδ' ἢ εὐνοϊκὸς τῶν κάτω θεῶν Δίκη,
οἳ τοὺς ἐν ἀνθρώποισιν ὤρισαν νόμους,
οὐδὲ σθένειν τοσοῦτον ψόμην τὰ σά
κηρύγμαθ', ὥστ' ἄγραπτα κάσφαλῆ θεῶν
νόμιμα δύνασθαι θνητὸν ὄνθ' ὑπερδραμεῖν.
οὐ γάρ τι νῦν τε κάχθές, ἀλλ' αἰεὶ ποτε
ζῆ ταῦτα, κοῦδεὶς οἶδεν ἔξ ἔστου φάνη·
τούτων ἐγὼ οὐκ ἔμελλον, ἀνδρὸς οὐδενός
φρόνημα δεῖσασ', ἐν θεοῖσι τὴν δίκην
δῶσαι.

Совѣтъ инымъ духомъ вѣтъ изъ трагедій Еврипида. На ряду съ восхваленіемъ благочестія, умѣренности, скромности, уваженія къ законамъ и всякой вообще добродѣтели ¹⁾, на ряду съ заповѣдью быть справедливымъ не на словахъ только, а на дѣлѣ ²⁾ и ясно выраженнымъ негодованіемъ противъ лицемернаго и лукаваго краснорѣчія ³⁾, на ряду съ порицаніемъ гордыни, налещества, тиранинн ⁴⁾, на ряду, однимъ словомъ, съ воззваніемъ ко всѣмъ тѣмъ „отеческимъ вѣрованіямъ, которыя приобрѣтаются отъ рожденія и не могутъ быть низвергнуты никакими разсужденіями даже самаго находчиваго остроумія“ ⁵⁾,—мы встрѣчаемся съ прямо противоположными воззрѣніями, оскорблявшими своею дерзкою откровенностью даже не очень разборчивое религіозное и нравственное чувство современниковъ Еврипида ⁶⁾. Вопреки заповѣди быть истинно справедливымъ, мы слышимъ совѣтъ „принять только личину справедливости, а дѣлать всяческія дѣла, отъ которыхъ можно получить корысть“ ⁷⁾, и оправданіе влятвопреступленія тѣмъ, что „языкъ поклялся, не душа“ ⁸⁾; вопреки словамъ, что живущіе на эѳирной высотѣ боги видятъ всѣ человѣческія

¹⁾ Напр., Med. 122, 635 слѣд.; Hippol. 419, слѣд.; Bacchae 975, 995, 1138, слѣд.; Helene 183, Hecub. 767; Suppl. 311, Iph. Aul. 976, слѣд. и во фрагментахъ весьма часто.

²⁾ Hecab. 1131, слѣд.

³⁾ Med. 580, слѣд.; Hipp. 479, слѣд.; Orest. 881, слѣд., Bacchae 266, слѣд., 514 слѣд. (см. ниже, стр. 84 прим. 1); Hecabe 1131 слѣд.; fr. 442.

⁴⁾ Med. 119, слѣд.; Hipp. 995, слѣд. Ion 631, слѣд. Suppl. 426, слѣд. и др.

⁵⁾ Bacchae 201—203:

πατρίους παραδοχὰς ἅς τ' ὀμήλικας χρόνῳ
κεκτήμεθ' οὐδεὶς αὐτὰ καταβαλεῖ λόγος,
οὐδ' εἰ δι' ἄκρων τὸ σοφὸν εἴρηται φρενῶν.

⁶⁾ Напр., приведенныя ниже (прим. 8) слова Ипполита, за которыя, по свидѣтельству Аристотеля (Rhetor. II, 15, 1416a, 28, слѣд.), Еврипидъ былъ вытребованъ передъ судъ.

⁷⁾ Fr. 425:

τοῦ μὲν δικαίου τὴν δόκησιν ἄρυσσο,
τὰ δ' ἔργα τοῦ πάντων δρώντος, ἔνθα κερδανεῖς.

⁸⁾ Hippol. 592. На слова кормилицы Фэдры (591):

ὦ τέκνον, δοκούς μηδαμῶς ἀτιμάσεις,

Ипполитъ отвѣчаетъ:

ἢ γλωσσ' ὀμώμοχ', ἢ δὲ φρήν ἀνώμοτος.

дѣла ¹⁾), что мудрствованіе о не человѣческомъ не есть мудрость, ²⁾ что самое лучшее слѣдовать мнѣнію простыхъ людей ³⁾),—отношеніе къ народнымъ вѣрованіямъ совершенно отрицательное ⁴⁾), вопреки, наконецъ, порицанію надменной силы и тиранніи возмутительное ихъ оправданіе ⁵⁾). „Говорятъ (слышимъ мы отъ Еврипидова Беллерофонта, ⁶⁾) будто существуютъ боги. Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ. Кто говоритъ о богахъ, тотъ какъ бы не оказался глупцомъ, повторяющимъ старую сказку. Вдумайтесь въ самое дѣло, не въ мои только слова. Я говорю, что тиранны убиваютъ и лишаютъ имущества множество людей, нарушаютъ клятвы и разрушаютъ города и что, поступая такъ, они гораздо счастливѣе людей благочестивыхъ, живущихъ спокойно изо дня въ день. Я знаю также, что малые, но благочестивые города покорны власти большихъ, но менѣе благочестивыхъ, такъ какъ побѣждены силою большаго войска“. „Еслибы всѣмъ людямъ казалось одно и то же прекраснымъ и мудрымъ—(разсуждаетъ

¹⁾ Bacchae, 394—395.

²⁾ Ibid. 395—401:

τὸ σοφὸν δ' οὐ σοφία,
τὸ τε μὴ θνητὰ φρονεῖν
βραχύς αἰών· ἐπὶ τούτῳ
δέ τις ἄν μεγάλα διώκων
τὰ παρόντ' οὐχὶ φέροι· μαί—
νομένων οἶδε τρόποι καὶ
κακοβούλων παρ' ἔμοιγε φωτῶν·

³⁾ Ibid. 428—429:

τὸ πλῆθος δτι τὸ φαυλότερον
ἐνόμισε, χρηστὸν τότε τοὶ λέγοιμ' ἄν.

⁴⁾ Hel. 698, слѣд.; Iph. in Aul. 845, слѣд. (взглядъ, что искусство предсказателей—обманъ); ibid. 1277, слѣд.; Ion. 450, слѣд., Iphig. in Taur. 366, слѣд.; 541, слѣд. (обвиненіе боговъ въ различныхъ порокахъ); Orest. 400, Iph. in Aul. 923, слѣд. (сомнѣніе въ существованіи боговъ); Hecab. 480, слѣд., Hel. 1086, слѣд. (сомнѣніе, не править-ли всѣмъ случай); ср. fr. 1013:

Πολλάκι μοι πραπίδων δῆλθε φροντίς
εἶτε τύχα εἶτε δαιμον
τὰ βρότεια κρίνει.
παρὰ τ' ἐλπίδα καὶ παρὰ δίκαν
τοὺς μὲν ἀπ' οἴκων ἀναπίπτοντας
ἄτερ βίου, τοὺς δ' εὐτυχοῦντας ἀγει.
Πῶς οὖν τάδε εἰσορῶντες ἢ θεῶν γένος
εἶναι λέγωμεν ἢ νόμοισι χρώμεθα;

⁵⁾ Кромѣ приведенныхъ ниже отрывковъ ср. также Ion 1038, слѣд.; Hipp. 494, слѣд.; Hecab. 815, слѣд.; Orest. 469, слѣд.

⁶⁾ Fr. 293.

въ трагедіи „Финивіянки“ Етеоклъ въ отвѣтъ на замѣчаніе несправедливо лишеннаго имъ власти брата, что слова истины просты и что правда одна и та же для людей мудрыхъ и для простыхъ ¹⁾—то среди людей не было бы споровъ и пререканій. Но теперь люди согласны только въ словахъ, а то, что обозначается словами, всякій понимаетъ по своему. Я скажу съ полною откровенностью, что поднялся бы, еслибы могъ, до звѣздъ и опустился бы въ преисподнюю земли, лишь бы обладать величайшей богиней—Тиранией. Я не могу предпочитать, чтобы это благо перешло къ другому, а не осталось у меня. Я ни за что не соглашусь быть рабомъ, когда у меня въ рукахъ власть. Пусть идетъ въ дѣло огонь, пусть идутъ въ дѣло ножи, запрягайте коней, наполняйте поля боевыми колесницами, но я ни за что не уступлю брату свою власть. Если ужъ нужно поступать несправедливо, то всего превосходнѣе поступать несправедливо изъ-за тиранніи, а во всемъ остальномъ можно быть честнымъ ²⁾. „Среди людей нѣтъ никакого равенства (слышимъ мы отъ другихъ Еврипидовыхъ героев). Судьба незамѣтная и колеблемая не должна ничего значить, а видная должна идти въ гору. Кто силой присвоить себѣ первенство, потрясая ли лукомъ или одолѣвая въ битвѣ копьемъ, тому и слѣдуетъ владычествовать надъ болѣе слабыми ³⁾“. „Счастье распредѣляется между людьми не по благочестію, а все захватывается и изловляется смѣлостью и превосходствомъ силы“ ⁴⁾. „Посмотри, корысть хорошее дѣло и у боговъ: въ почетъ тотъ, у кого въ храмъ особенно много золота. Что же тебѣ мѣшаетъ захватить богатство, которое у тебя подъ рукой, и сравняться съ богомъ“ ⁵⁾? Подобныхъ разсужденій можно привести изъ трагедій Еврипида не мало ⁶⁾. Мы не знаемъ, съ полною отчетливостью, каковы были личныя убѣжденія этого „сценическаго философа“ ⁷⁾. Платонъ, имѣвшій, безъ сомнѣнія, гораздо большія, чѣмъ мы, основанія судить о міровоззрѣніи Еврипида, называетъ его ревностнымъ хвалителемъ тиран-

¹⁾ Phoeniss. 487—497, 507—513.

²⁾ На эти сильныя слова Етеокла хоръ не находитъ сказать ничего, кромѣ общаго и неопредѣленнаго замѣчанія (514—515):

οὐκ εἶ λέγειν χρῆ μὴ' πὶ τοῖς ἔργοις καλοῖς,
οὐ γὰρ καλὸν τόδ', ἀλλὰ τῇ δίκῃ πικρόν.

³⁾ Fr. 868.

⁴⁾ Fr. 434.

⁵⁾ Fr. 784.

⁶⁾ См. выше стр. 83, прим. 3.

⁷⁾ Такъ Еврипида называли въ древности. Ср. Sext. Empir. Adv. Math. I, 287. и сдѣланныя Фабрициемъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту ссылки на другихъ писателей

ніи ¹⁾). Важно во всякомъ случаѣ то, что подобныя приведеннымъ воззрѣніямъ проповѣдывались трагическими героями Еврипида безнаказанно ²⁾).

¹⁾ Plato, 568, A—B: Οὐκ ἐτός, ἦν δ' ἐγώ, ἢ τε τραγῳδία δῶς σοφὸν δοκεῖ εἶναι καὶ ὁ Εὐριπίδης διαφέρων ἐν αὐτῇ... Καὶ ὡς ἰσόθεόν τ' ἔφη, τὴν τυραννίδα ἐγκωμιάζει καὶ ἕτερα πολλά, καὶ οὗτος καὶ οἱ ἄλλοι ποιηταί. Ср. ниже, стр. 97.

²⁾ Гартунгъ, желая примирить противорѣчивыя воззрѣнія въ трагедіяхъ Еврипида, даетъ слѣдующую характеристику этого поэта (Eurip. Werke, VII, 6): «Мы имѣемъ цѣлью дать читателю возможность стать на точку зрѣнія нашего поэта, который добродѣтель любилъ, но чуждался всякой гордости добродѣтели; который чтилъ всякую вѣру, но нетерпимо громилъ нетерпимость; который имѣлъ и перечиталъ всѣ сочиненія древнихъ (его библиотека была въ славі, а за свои одинокія ученныя занятія онъ былъ часто осмѣивъ), и однакоже признавалъ священнымъ все, что одобрено предками и современниками и что срослось съ народной жизнью, и принималъ господствующее направление лучшихъ умовъ и голосъ народа (но не толпы) за гласъ божій; который признавалъ самообладаніе и господство разума надъ страстями за главное условіе добродѣтели и житейскаго счастья, и однако же выше всего уважалъ требованія природы,.. который наконецъ считалъ всегда и вездѣ достойною отверженія и высшаго наказанія мудрость, ставящую себя внѣ общепризнанной религіи и нравственности и мнящую о себѣ какъ о чемъ-то особенномъ, такъ какъ всякое подобное обособленіе и возвышеніе надъ сочеловѣкомъ, хотя бы и было основано на уваженіи къ идеалу, само по себѣ безнравственно, вслѣдствіе естественно и необходимо соединеннаго съ нимъ высокомерія, того порока, который христіанскимъ сказаніемъ признается за причину паденія злыхъ духовъ». Мнѣ кажется правдоподобнѣе объяснить двойственность въ мировоззрѣніи Еврипида тѣмъ, что ходячія нравственныя и религіозныя воззрѣнія имѣли въ его глазахъ чисто внѣшнее значеніе. Самъ онъ ихъ не раздѣлялъ, но желалъ оставаться имъ вѣрнымъ на дѣлѣ и на словахъ, такъ какъ зналъ, что бороться противъ нихъ не только бесполезно, но и пагубно: первое потому, что ихъ не опровергнетъ никакое разсужденіе (см. выше, стр. 82, прим. 5). второе потому, что они составляютъ самое дорогое достояніе людей, и тотъ, кто посягаетъ на нихъ, неминуемо долженъ за это посягательство дорого поплатиться. Эту мысль — разладъ между требованіями ума и сердца — Еврипидъ развиваетъ (какъ мнѣ кажется) въ «Вакханкахъ» (одной изъ гениальнѣйшихъ трагедій древности, на мой взглядъ). Пенеей дерзнулъ посмотрѣть на оргіи Вакха съ точки зрѣнія холоднаго и трезваго разсудка, но эта точка зрѣнія (наглядно изображенная Еврипидомъ въ видѣ высокой, хватающей до небесъ сосны, на которую посадилъ Пенеея Діонисъ, 1046, слѣд.) оказалась слишкомъ высокомерною и потому гибельною. Пенеей былъ съ нею сбитъ вакханками (олицетворяющими жизнь сердца) и тотчасъ же растерзанъ. Его мать, Агава, первая подавала во всемъ прижѣръ остальнымъ вакханкамъ. Растерзавъ вмѣстѣ съ ними своего сына, она торжественно понесла на ѳерсѣ его голову въ городъ. Еврипидъ заканчиваетъ этотъ (въ высшей степени художественный и патетическій разсказъ) замѣчаніемъ (1138—1140):

τὸ σφραγεῖν δὲ καὶ σέβειν τὰ τῶν θεῶν
κἀλλιστόν οἶμαι δ' αὐτὸ καὶ σοφώτατον
θνητοῖσιν εἶναι χρῆμα τοῖσι χρημένοισι.

Но что этотъ совѣтъ (подобно другимъ того же рода, напр. стр. 81, пр. 9) не былъ вызванъ живою вѣрою самого Еврипида и имѣлъ въ его глазахъ только цѣну практическаго ука-

Разница въ поэтическомъ міровоззрѣніи трехъ великихъ трагиковъ не менѣе характерна, чѣмъ разница въ міровоззрѣніи нравственномъ. У Эсхила (я привожу мѣтку характеристику изъ „Исторіи Греціи“ Грота ¹⁾) идеальность принадлежитъ столько же дѣйствию, сколько дѣйствующимъ лицамъ; страсти, къ которымъ поэтъ взываетъ, мужественны и сильны, Афродита и ея внушенія не находятъ мѣста ²⁾; фигуры широки и величественны, но представляются только въ полусвѣтѣ и неясныхъ очертаніяхъ; рѣчь исполнена смѣлыхъ метафоръ и рѣзкихъ переходовъ (велерѣчивъ даже до дурнаго, замѣчаетъ Квинтиліанъ) и часто скорѣе приближается къ восточной неопредѣленности, чѣмъ къ греческой отчетливости. У Софокла очевидно болѣе тѣсное сближеніе съ дѣйствительностью и обычной жизнью; объемъ волненій болѣе разнообразенъ, фигуры видны яснѣе и дѣйствіе разработано полнѣе и отчетливѣе. Не только мы замѣчаемъ у него болѣе выработанное драматическое построеніе, но также болѣе широкій діалогъ и сравнительную простоту рѣчи, подобную рѣчи живыхъ грековъ; мы находимъ также нѣкоторую примѣсь риторической декламации среди величайшей поэтической красоты, которой когда-либо достигла греческая драма. Но когда мы приступаемъ къ Еврипиду, этотъ риторическій элементъ становится болѣе выдающимся и болѣе развитымъ. Сверхъестественная возвышенность легендарныхъ характеровъ исчезаетъ: къ любви и состраданію обращенія до такой степени сильны, что Эсхиль счелъ бы ихъ несомвѣстными съ достоинствомъ героическаго лица; сверхъ того встрѣчаются воззванія къ разуму и сопровождаемые доказательствами споры, на которые этотъ велерѣчивый поэтъ посматрѣлъ бы съ презрѣніемъ, какъ на мелкія площадныя ухищренія. И что всего хуже, если судить съ точки зрѣнія

анія, ясно видно изъ словъ, обращенныхъ въ той же трагедіи (333—334) Кадмомъ къ «свободному мыслителю» Пенею:

καὶ μὴ γὰρ ἔστιν ὁ θεὸς οὗτος, ὡς οὐ φῆς,
παρὰ σοὶ λεγέσθω· καὶ καταψεύδου καλῶς κ. т. д.

¹⁾ Grote, History of Greece, VIII, p. 123, sq.

²⁾ Эти слова Грота, который въ данномъ случаѣ повторяетъ Аристофана (Ranae 1046) не слѣдуетъ понимать такъ, будто бы муза Эсхила не была вовсе знакома съ внушеніями Афродиты: Agam. 375—380, Dan. 941—948 и Choeph. 562—605 свидѣлствуютъ о противномъ. Но Эсхиль въ противоположность Софоклу (въ «Антигонѣ» и «Трахинянахъ») и Еврипиду (въ «Медѣ» и «Ипполитѣ») чуждъ лирической рефлексіи этого чувства. Разницу между изображеніями любви у Эсхила, Софокла и Еврипида легко видѣть, сравнивъ Эсхильовъ хоръ о силѣ любви (Choeph. 562—615) съ Софокловымъ подражаніемъ этому хору (769—791) и съ хоромъ въ «Ипполитѣ» Еврипида (518—551).

Эсхила, замѣтна нѣкоторая новостъ спекуляціи, внушеніе сомнѣнія въ существующихъ мнѣніяхъ и видъ научной утонченности часто въ ущербъ поэтическому дѣйствию“.

Сколь ни сильно проглядывалъ въ трагедіяхъ Еврипида скептицизмъ, по духу отрицанія Еврипида превзошелъ его младшій современникъ, комикъ Аристофанъ. Произведенія этого поэта могутъ служить нагляднымъ примѣромъ того, какъ порою человѣкъ, несмотря на искреннее желаніе, бываетъ не въ силахъ идти противъ общаго теченія. Аристофанъ желалъ быть представителемъ стараго добраго времени, выразителемъ тѣхъ нравственныхъ правилъ, въ которыхъ воспитаны были воины при Марафонѣ ¹⁾). Въ качествѣ общественнаго обличителя, Аристофанъ выступаетъ между прочимъ и противъ Еврипида, котораго выставляетъ чуть ли не главнымъ развратителемъ своего вѣка. Онъ порицаетъ Еврипида за внушеніе безбожія ²⁾, за изображеніе въ трагедіяхъ развратныхъ характеровъ (распутницъ Фѣдры и Сѣнобѣи ³⁾), за внесеніе въ аѳинскую жизнь умничанья, ⁴⁾ болтовни, неповиновенія властямъ ⁵⁾ и т. д. Но самъ Аристофанъ былъ выразителемъ общественной разнузданности въ несравненно большей мѣ-

¹⁾ Aristoph. Nubes, 971, слѣд. (См. ниже, гл. V).

²⁾ Aristoph. Thesmoph. 457—458:

νῦν δ' οὗτος ἐν ταῖσιν τραγωδίαις ποιῶν
τοὺς ἀνδρας ἀνεπέπεικεν οὐκ εἶναι θεούς.

³⁾ Aristoph. Ranae, 1041; ср. ibid. 1706, слѣд.

⁴⁾ Ibid. 969—976: Еврипидъ говоритъ:

τοιαῦτα μέντοι σφερωνεῖν
τούτοισιν εἰσηγησάμην,
λογισμὸν ἐνθεῖς τῇ τέχνῃ
καὶ σκέψιν, ὡστ' ἤδη νοεῖν
ἅπαντα, καὶ διειδέναι
τά τ' ἄλλα, καὶ τὰς οἰκίας
οἰκεῖν ἄμεινον ἢ πρὸ τοῦ,
κάνασκοπεῖν, πῶς τοῦτ' ἔχει и т. д.

⁵⁾ Ibid. 1067—1071. Эсхиль укоряетъ Еврипида:

εἶτ' αὖ λαλιὰν ἐπιτηδεῦσαι καὶ στρωμυλίαν ἐδίδαξας,
ἢ ἔκενῶσεν τὰς τε παλαιστράς καὶ τὰς πυγὰς ἐνέτριψε
τῶν μεираκίων στρωμυλλομένων, καὶ τοὺς παράλους ἀνέπεισεν
ἀνταγορεύειν τοῖς ἀρχουσιν. καίτοι τότε γ', ἠνίκ' ἐγὼ ἔζων
οὐκ ἠπίσταντ' ἄλλ' ἢ ἔμαζαν καλέσαι καὶ ῥυπαπαὶ εἰπεῖν.

Ср. также ibid. 773 слѣд., 952, гдѣ самъ Еврипидъ говоритъ: ἔπειτα τούτους ἰδαλεῖν ἐδίδαξα, 890, слѣд. (см. выше, стр. 73, пр. 1).

рѣ, чѣмъ Еврипидъ. Ни въ древности, ни въ новое время не было поэта, который бы такъ безпощадно издѣвался надъ всѣми хорошими и дурными, безъ различія, проявленіями народной жизни—надъ религіозными воззрѣніями; надъ поэтическими произведеніями, надъ политическими учрежденіями, и который бы такъ рѣзко нападалъ на стоящихъ у власти лицъ, какъ Аристофанъ въ своихъ комедіяхъ „Ахарняне“, „Всадники“, „Птицы“, „Осы“, „Лягушки“ и др. Беззастѣнчивость въ выборѣ средствъ возбуждать смѣхъ со сцены превосходила порой мѣру свойственнаго комедіи своеволія и пристойности даже въ кругу такихъ зрителей, которые не говорить и не дѣлать все, что думаешь и желаешь, считали достойнымъ только раба ¹⁾). Приводить образцы Аристофановой распущенности нѣтъ возможности; достаточно замѣтить, что только отборныя мѣста изъ современной порнографической литературы могутъ сравняться съ остротами Аристофана, направленными къ тому же нерѣдко противъ боговъ, не исключая и Зевса ²⁾). Многія изъ этихъ остротъ, безспорно, очень мѣткі и справедливы, но безспорно и то, что направлять на путь истинный развратителей аѳинской нравственности такъ, какъ это дѣлалъ Аристофанъ, значило только усиливать общій развратъ.

Я намѣренно остановился съ такою подробностью на міровоззрѣніи знаменитыхъ представителей греческаго драматическаго искусства. Театръ въ Аѳинахъ имѣлъ громадное воспитательное значеніе въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Периклъ (черезъ введеніе такъ называемаго *θεωρικών* или раздачи бѣднымъ денегъ для посѣщенія театра) сдѣлалъ въ него входъ всѣмъ открытымъ. „Что для дѣтей учитель — замѣчаетъ Аристофанъ—то для взрослыхъ драматическій поэтъ“ ³⁾). Мысли и чувства, которыя поэтъ выражалъ на сценѣ, въ одно и тоже время были отраженіемъ настроенія однихъ изъ зрителей и воспринимались какъ руководительныя житейскія правила сознаніемъ другихъ. Театръ былъ поэтому проводникомъ въ жизнь всякаго рода воззрѣній — нравственныхъ, религіозныхъ, философскихъ.

¹⁾ Ср. Eurip. Phoen. 351:

δούλου τόδ' εἶπας, μὴ λέγειν, ἃ τις φρονεῖ
и пословицу: ἐλευθέρῃ Κορκύρῃ, χέζ' ἄπου θέλεις.

Что Аристофанъ порой переступалъ мѣру пристойности, видно изъ его собственныхъ словъ *Nubes*, 529, слѣд.

²⁾ Какъ особенно выдающіеся образцы можно отмѣтить *Aves*, 549; *Nubes*, 371, слѣд.; *Pax*, 813, слѣд.; *Acharn.* 241, слѣд.; 694, слѣд.; *Equites* 1280, слѣд.; *Thesm.* 466, слѣд. и мн. др.

³⁾ *Aristoph. Ranae*, 1052—1053.

Какъ сильно дѣйствовали на грековъ слова поэтовъ, легко себя представить, зная впечатлительный характеръ этого народа, его склонность къ эстетическимъ волненіямъ и невыразимую прелесть греческихъ поэтическихъ произведеній. „Когда я читаю изъ Гомера что нибудь жалостное—разсказываетъ у Платона рапсодеъ Іонъ ¹⁾— мои глаза наполняются слезами, когда страшное или ужасное—у меня отъ страха волосы встаютъ дыбомъ и стучитъ сердце. Точно тоже бываетъ и съ моими слушателями: они со своихъ мѣстъ громко плачутъ, смотря съ ужасомъ и изумленіемъ.“ Слова Сократа, что Аристофанъ былъ однимъ изъ самыхъ страшныхъ его обвинителей, поселившимъ въ сердцахъ аеинянъ неизгладимо глубоко ложное о немъ мнѣніе ²⁾, служатъ явнымъ доказательствомъ того, что внушенія поэтовъ не пропадали даромъ. Трагедія свойственнымъ ей паѳосомъ должна была еще сильнѣе дѣйствовать на зрителей, чѣмъ комедія. Но не однимъ непосредственнымъ обращеніемъ къ чувству и сообщеніемъ готовыхъ воззрѣній воспитывала поэзія: мѣткими нравственными изреченіями лирическіе и трагическіе поэты пробуждали нравственную рефлексію, трагическіе сверхъ того постановкою разнообразныхъ характеровъ и изображеніемъ сталкивающихся побужденій вызывали на психологической анализъ. Формой поэзія воспитывала не меньше, чѣмъ содержаніемъ. Требовательностью къ изящному и мѣткому выраженію мысли греки (кромѣ прирожденной имъ эстетической чуткости) обязаны прежде всего тѣмъ, что воспитывались на образцахъ своей поэзіи. Въ особенности трагическая поэзія способствовала развитію риторической и діалектической ловкости; эта же поэзія была послѣ политической жизни главною школою нравственной рефлексіи. Вотъ что говоритъ въ своей „Исторіи Греціи“ Гротъ объ этой, для насъ весьма важной, связи между трагической поэзіей и риторикой, діалектикой и рефлексіей ³⁾.

„Въ драмѣ на самомъ дѣлѣ нѣтъ никакого дѣйствія, но одинъ только разговоръ о дѣйствіи, которое предполагается происходящимъ или происшедшимъ гдѣ-нибудь. Драматическій поэтъ, говоря непрерывно, но каждый разъ устами различныхъ характеровъ, ведётъ дѣло каждого изъ своихъ характеровъ словами, рассчитанными на то, чтобы повліять на другіе характеры и приспособленными къ каждому послѣдующему обстоятельству. Здѣсь риторическія требованія отъ начала до конца; между тѣмъ, такъ какъ весь интересъ піесы вращается око-

¹⁾ Plato, Ion 535 C, E.

²⁾ Plato, Apol. 18, A—19, D.

³⁾ Grote, History of Greece, VIII, p. 137, sq.

ло какого-нибудь спора или борьбы, выражаемой словами, такъ какъ препирательства, совѣщанія, возраженія никогда не прекращаются, такъ какъ каждый характеръ, хорошій или дурной, сдержанный или бурный, долженъ быть снабженъ подходящимъ способомъ выраженія, чтобы защищать свои дѣйствія, нападать на возражающихъ и отражать возраженія и вообще отстаивать данное ему повѣтомъ относительное значеніе — здѣсь опять діалектическая ловкость необходима не въ малой степени. Наконецъ, сила и разнообразіе этического чувства, которымъ проникнута греческая трагедія, составляютъ одну изъ самыхъ характерныхъ особенностей, отличающихъ ее отъ прежнихъ формъ поэзіи. Терпѣть или дѣлать страшное — считаетъ Аристотель собственнымъ предметомъ трагедіи, и внутреннія побужденія и мотивы дѣйствующаго лица раскрываются греческими трагиками съ такою внушительною обстоятельностью, подобной которой не могла дать ни эпическая, ни лирическая поэзія. Сверхъ того содержаніе трагедіи не только вызываетъ широкую нравственную симпатію, но также переполнено спорами и разсужденіями. Характеры на половину злые и на половину добрые, различные правила долга, сталкивающіяся одно съ другимъ, зло, совершенное и оправданное передъ совѣстью дѣйствующаго лица, если не передъ совѣстью зрителя, прежде испытаннымъ зломъ — таковы любимыя темы Эсхила и его двухъ великихъ наслѣдниковъ. Клитемнестра убиваетъ своего мужа Агамемнона по возвращеніи его изъ-подъ Трои; она оправдывается тѣмъ, что онъ заслужилъ отъ нея это наказаніе, такъ какъ принесъ въ жертву свою и вмѣстѣ ея дочь Ифигенію. Сынъ Клитемнестры, Орестъ убиваетъ мать, въ полной увѣренности, что исполняетъ долгъ мести за отца, притомъ съ одобренія Аполлона. Мстительныя Евмениды преслѣдуютъ его за это дѣяніе, и Эсхилъ ставитъ объ партіи предъ судомъ ареопага, подъ предсѣдательствомъ Аеины; здѣсь дѣло послѣ обстоятельнаго разсмотрѣнія, съ Евменидами въ качествѣ обвинителей и Аполлономъ въ качествѣ защитника подсудимаго, оканчивается равной подачей голосовъ за и противъ, послѣ чего Аеина подаетъ свой рѣшающій голосъ за Ореста. Пусть обратитъ также кто-нибудь вниманіе на сталкивающіяся требованія долга, которыя Софоклъ такъ сильно ставитъ на видъ въ своей полной красотѣ драмѣ „Антигона“. Креонъ распоряжается, чтобы тѣло Полиника, какъ измѣнника и врага страны, оставалось непогребеннымъ; Антигона, сестра Полиника, порицаетъ это распоряженіе какъ нечестивое и нарушаетъ его вслѣдствіе пересиливающаго побужденія сестринскаго чувства. Креонъ отдаетъ приказъ погрести ее живою; его молодой

сынъ Гэмонъ, женихъ Антигоны, погруженъ вслѣдствіе этого въ раздирающую душу борьбу между отвращеніемъ отъ этой жестокости съ одной стороны и подчиненіемъ своему отцу съ другой. Софокль представляетъ оба эти сталкивающіяся правила долга въ выработанной сценѣ діалога между отцомъ и сыномъ. Здѣсь два правила, оба священные и почтенныя, изъ которыхъ ни одно не можетъ быть исполнено безъ нарушенія другаго. Необходимо сдѣлать выборъ; но какому изъ двухъ долженъ повиноваться хорошій человѣкъ? Этотъ вопросъ великому поэту благоудно было оставить неразрѣшеннымъ. Но изъ зрителей ни одинъ, въ комъ жилъ хотя незначительный; импульсъ умственной спекуляціи, ни въ какомъ случаѣ не могъ оставить театра безъ нѣкотораго умственнаго усилія рѣшить эту проблему и открыть какой-нибудь великій и всеобъемлющій принципъ, изъ котораго вытекаютъ всѣ нравственныя правила, принципъ, могущій дать его сознанію указанія во всѣхъ вообще нерѣдко встрѣчающихся случаяхъ; гдѣ двѣ обязанности сталкиваются одна съ другой. Трагикъ не только болѣе сильно взываетъ къ нравственному чувству, чѣмъ всякій другой поэтъ, но также, поднимая эти важные и трогательные вопросы, обращается къ уму со стимуломъ и вызовомъ, побуждая его къ этической спекуляціи“¹⁾.

¹⁾ Кроме приведенныхъ Гротомъ примѣровъ, слѣдуетъ также указать на трагедію Эсхила 'Ικέτιδες, гдѣ столкновение двухъ нравственныхъ правилъ изображено съ особю ясностью и простотою. Дочери Даная бѣгутъ (вмѣстѣ съ отцомъ) изъ Египта отъ преслѣдованія двоюродныхъ братьевъ, которые хотятъ на нихъ жениться, въ Аргосъ. Здѣсь онѣ садятся у алтарей боговъ и обращаются къ царю Пеласгу съ мольбой о защитѣ отъ преслѣдователей. Царь не рѣшается ни отказать имъ, такъ какъ опасается оскорбить священное право молящихся о защитѣ, ни помочь, такъ какъ въ этомъ случаѣ неминуема пагубная война съ Египтомъ. Вызванное борьбою этихъ двухъ мотивовъ нехотѣніе и усиліе изъ него выдти испытывалъ вмѣстѣ съ Пеласгомъ и всякій зритель (340—344, 371—181).

ἄγος μὲν εἶη τοῖς ἐμοῖς παλιγκότοις,
 ὑμῖν δ' ἀρήγειν οὐκ ἔχω βλάβης ἄτερ·
 οὐδ' αὖ τὸδ' εὐφρον, τάσδ' ἀτιμάσαι λιτάς.
 ἀμηχανῶ δὲ καὶ φόβος μ' ἔχει φρένας
 δρᾶσαι τε μὴ δρᾶσαι τε, καὶ τύχην ἔλειν...
 δεῖ τοι βαθείας φροντίδος, πρόσωθεν ὡς
 δίκην κολυμβητήρος ἐς βυθὸν μολεῖν
 δεδωρόκος ὄμμα μὴδ' ὕπνω κοιμώμενον,
 ὅπως ἀνάτα ταῦτα πρῶτα μὲν πόλει
 αὐτοῖσι θ' ἡμῖν ἐκτελευτήσῃ καλῶς,
 καὶ μήτε δῆρις ρυσιῶν ἐφάπεται
 μήτ' ἐν θεῶν ἔδραισιν ὡς ἰδρυμένας
 ἐκδόντες ὑμᾶς τὸν πανώλεθρον θεόν

По ни одинъ изъ греческихъ трагиковъ не взывалъ въ такой мѣрѣ къ чувству, ни одинъ не развивалъ въ зрителяхъ такъ сильно склонность къ риторикѣ, діалектикѣ и рефлексіи, какъ „самый трагическій“—Еврипидъ. Въслѣдствіе того, что онъ изображалъ людей не такими, какими они должны быть (какъ это дѣлали Эсхилъ и Софоклъ) но такими, какими люди были въ дѣйствительности ¹⁾, и сталкивающимися силами представлялъ не столько требованія долга, не вѣсѣмъ равно извѣстныя, или по крайней мѣрѣ близкія сердцу, сколько каждому одинаково родныя и знакомыя личныя страсти ²⁾,—его трагедіи, хотя и уступали по достоинству трагедіямъ его соперниковъ ³⁾, находили несравненно большій кругъ читателей и почитателей. Многіе ихъ знали наизусть ⁴⁾, а риторы охотно украшали выдержками изъ нихъ свои рѣчи ⁵⁾. „Какой изъ двухъ трагиковъ лучше, Софоклъ или Еврипидъ,

βαρὺν εὐνοικὸν θήσομεσθ' Ἀλάστορα,
 ὃς οὐδ' ἐν Ἄιδου τὸν θανάτῳ ἔλευθεροί.
 μὲν οὐ δοκεῖ δεῖν φροντίδος σιτηρίου;

Объ Еврипидѣ см. ниже, прим. 2.

¹⁾ Aristot. Poet. 25, 6 (Sus.): οἶον καὶ Σοφοκλῆς ἔφη αὐτὸς μὲν οἴους δεῖ ποιεῖν, Εὐριπίδην δὲ οἴοι εἶσιν.

²⁾ Напримѣръ, въ «Медѣ» Еврипидъ изображаетъ столкновение между ненавистью къ мужу и любовью къ дѣтямъ, въ «Ипполитѣ»—столкновение между любовью къ Ипполиту и страхомъ позора, въ «Ифигеніи въ Авлидѣ»—столкновение между любовью къ дочери и честолюбіемъ, и т. д. Въ другихъ трагедіяхъ кромѣ страстей сталкиваются и правила долга (напр. въ «Орестѣ», «Ифигеніи въ Тавридѣ» и др.), но сила трагическаго дѣйствія повсюду основана у Еврипида на воззваніи къ страстямъ.

³⁾ Еврипидъ написалъ около девяноста трагедій, но одержалъ побѣду только четыре раза.

⁴⁾ О распространенности Еврипидовыхъ трагедій свидѣтельствуетъ сказаніе, что многіе изъ плѣнныхъ въ Сициліи аѳинянъ обязаны своимъ спасеніемъ тому, что знали наизусть трогательныя мѣста изъ Еврипида, которыми они возбудили къ себѣ сожалѣніе побѣдителей. Ср. также Hartung, Euripides' Werke, I, 8 (2-te Auf., 1878): «Еврипидовы трагедіи сдѣлали то, что результаты философіи не остались достояніемъ только тѣхъ, у кого были средства и время посѣщать школы философовъ, но проникли до самыхъ низкихъ слоевъ народа, какъ равно въ свою очередь и сами эти трагедіи большою частью своей популярности обязаны мѣткости этихъ ученій, удовлетворявшихъ потребностямъ времени и находившихъ воспріимчивую почву въ томительномъ стремленіи умовъ къ новымъ основаніямъ нравственности вмѣсто одряхлѣвшихъ старухъ: мы знаемъ, что и простые аѳиняне знали многое изъ трагедій Еврипида наизусть и наслаждались пѣніемъ и произношеніемъ отдѣльныхъ мѣстъ изъ нихъ; да и какимъ образомъ могъ бы Аристофанъ при своей весьма разнообразной театралной публикѣ съ успѣхомъ дѣлать постоянные намеки на стихи Еврипида, если бы многіе изъ нихъ не были вѣсѣмъ извѣстны, какъ пословицы?»

⁵⁾ Напр. Каликль у Платона.

рѣшать не наше дѣло,—говорить Квинтиліанъ¹⁾). Но для тѣхъ, кто готовится къ практической жизни, необходимо признать Еврипида много полезнѣе. Рѣчь его наиболѣе подходит къ ораторской и вся переполнена изреченіями; въ томъ, что дошло до насъ отъ людей мудрыхъ, онъ почти имъ равенъ, а въ искусствѣ говорить и отвѣчать можетъ быть сопоставленъ съ любымъ изъ прежнихъ витій форума. Въ изображеніи всѣхъ страстей онъ удивительно искусенъ, но по преимуществу тѣхъ, которыя возбуждаютъ состраданіе. Поэтому имъ въ особенности восхищались, какъ объ этомъ часто свидѣлствуютъ²⁾. А вотъ какія замѣчанія дѣлаетъ Платонъ о воспитательномъ значеніи нравоученій въ родѣ тѣхъ, которыя преподавалъ со сцены Еврипидъ³⁾.

„Всѣ поэты единогласно твердятъ, что скромность и справедливость дѣло хорошее, но трудное и тяжелое, а распушенность и несправедливость пріобрѣсти легко и пріятно, только мнѣніе и законъ считаютъ ихъ дурными. Несправедливость полезнѣе справедливости (такъ рассуждаютъ обыкновенно); люди охотно называютъ счастливыми богатыхъ и сильныхъ, хотя бы они были дурными, и оказываютъ имъ почести частно и всенародно; напротивъ, бѣдныхъ и слабыхъ ставятъ ни во что и презираютъ, хотя и соглашаются, что они лучше другихъ⁴⁾. Но всего страннѣе разсужденія о богахъ и добродѣтели,— что боги многимъ хорошимъ людямъ даютъ въ удѣлъ несчастія и дурную жизнь, а людямъ противоположнымъ—судьбу противоположную⁵⁾. Когда говорятъ такія и всѣ подобныя этимъ рѣчи о добродѣтели и порокахъ, какъ боги и люди оцѣниваютъ то и другое, чтѣ по нашему мнѣнію должно дѣлаться съ душою юношей, въ особенности тѣхъ, которые даровиты и готовы прилипать къ каждому слову, съ цѣлью сдѣлать изъ него выводъ, какимъ слѣдуетъ быть и какъ поступать, чтобы пройти жизнь какъ можно лучше? Не вѣроятно-ли, что такой юноша обратится самъ къ себѣ съ извѣстнымъ вопросомъ Пиндара:—Путемъ-ли правды взойти мнѣ на высокую стѣну, или извилистыми тропами обмана, чтобы

¹⁾ Quint. Inst. Orat. X, I, 66—69. Ср. съ этимъ привед. выше (стр. 87. прим. 5, слѣд.) выдержки изъ Аристофана.

²⁾ Plato, De Rep. 364 A,—365, D.

³⁾ Ср. приведенные выше (стр. 83 и слѣд.) отрывки изъ Еврипида и Isocr. VIII, 31, слѣд.

⁴⁾ Ср. Eurip. fr. 293, 1013 (выше, стр. 83, прим. 2.) и fr. 677:

Φεῦ, τῶν βροτείων ὡς ἀνύμαλοι τύχαι
οἱ μὲν γὰρ εὖ πράσσουσι, τοῖς δὲ συμφοραὶ
σκληραὶ πάρεισιν εὐσεβοσιν εἰς θεοῦς
καὶ πάντ' ἀκριβῶς κατὰ φροντίδων βίον
οὕτω δικαίως ζῶσιν αἰσχύνῃς ἄτερ.

такимъ образомъ защититься и прожить¹⁾? Судя потому, что говорить, если я и буду справедливымъ, но не буду такимъ казаться, те я не только не получу отъ этого никакой пользы, напротивъ испытаю явныя бѣдствія и наказанія; а несправедливый, но стяжавшій славу справедливости, живетъ, говорятъ, богоподобною жизнью. Если такимъ образомъ, какъ поясняютъ люди мудрые, видимость пересиливаетъ даже истину и держитъ въ рукахъ счастье, то конечно къ ней и слѣдуетъ обратиться всецѣло; въ видѣ ограды и украшенія слѣдуетъ окружить себя тѣнью добродѣтели²⁾, а сзади тащить жадную и пеструю лисицу Архилоха. Но, скажутъ, не легко навсегда остаться незамѣченнымъ дурному. Да вѣдь не безъ труда дается и все великое, отвѣтимъ мы; во всякомъ случаѣ, если желаемъ быть счастливыми, намъ слѣдуетъ идти такъ, какъ указываетъ разсужденіе. Съ цѣлью укрыться составимъ клятвенныя сообщества и сотоварищества; сверхъ того существуютъ учителя убѣжденія, преподающіе ораторскую и судейскую мудрость: такимъ образомъ частью убѣжденіями, частью силою мы достигнемъ того, чтобы за свое преобладаніе не понести кары³⁾.

Съ разцвѣтомъ драматической поэзіи, обусловленнымъ разцвѣтомъ всей вообще умственной жизни и въ свою очередь его обусловившимъ, исторія греческаго субъективизма совершила полный кругъ. Тогда какъ въ началѣ субъективизмъ получалъ главныя указанія отъ жизни политической и экономической, въ концѣ V вѣка политическая и экономическая жизнь получаютъ главныя указанія отъ жизни умственной. Субъективизмъ въ религіи, искусствѣ, музыкѣ и поэзіи, съ которыми мы подробно ознакомились въ настоящей главѣ, и субъективизмъ въ философіи, исторію котораго прослѣдимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, былъ въ одно и то же время отраженіемъ и вдохновителемъ жизни политической. Музыкантъ, поэтъ, художникъ; риторъ, софистъ, чтобы имѣть успѣхъ, должны необходимо, какъ вѣрно замѣтилъ Платонъ⁴⁾, примѣняться къ воззрѣніямъ большинства. Поэтому со-

¹⁾ Вотъ эти характерныя для Пиндара слова, о которыхъ намъ еще придется говорить. Bergk, I, fr. 197:

πότερον δίκῃ τεῖχος ὕψιον
ἢ σκολιαῖς ἀπάταις ἀναβαίνει
ἐπιχθόνιον γένος ἀνδρῶν,
δίχα μοι νόος ἀτρέκειαν εἰπέειν.

²⁾ Ср. стр. 82. прим. 7.

³⁾ О софистахъ и риторкахъ см. выше, стр. 22, прим. 1. О поэтахъ, кромѣ уже приведеннаго (на стр. 78) отрывка изъ Платоновыхъ «Законовъ» ср. Gorg. 502, В—С, гдѣ Платонъ говоритъ собственно о трагикахъ: Τί δὲ δὴ ἡ σεμνὴ αὐτῆ καὶ θαυμαστῆ, ἢ τῆς τραγῳδίας ποιήσις, ἐφ' ᾧ ἐσπούδακε; πότερον ἐστὶν αὐτῆς τὸ ἐπιχείρημα καὶ ἡ σπουδὴ,

вершено нехъпъ взглядъ, въ настоящее время лучшими представителями науки на половину оставленный, что Еврипидъ и Критій проводили безнравственныя и противорелигозныя мысли потому, что были заражены софистическимъ ядомъ—первый отъ Протагора и Продика, второй—отъ Протагора и Горгія ¹⁾). Несомнѣнно противоположное: если Протагоръ, Горгія и Продикъ могли распространять въ Аѳинахъ съ успѣхомъ безнравственныя воззрѣнія, то потому, что Еврипидъ и Критій могли проводить со сцены взгляды, подобныя приведеннымъ выше. Но ни отъ одного изъ старшихъ софистовъ—ни отъ Протагора, Горгія и Продика, ни даже отъ Гиппія, мы не слышимъ такихъ возмутительныхъ для нравственнаго и религознаго чувства разсужденій, какъ отъ дѣйствующихъ лицъ въ трагедіяхъ Еврипида. Сколь ни безусловенъ былъ философскій субъективизмъ Протагора и философскій скептицизмъ Горгія, прямое и рѣзкое выраженіе этого субъективизма и скептицизма находилъ у нихъ только въ ихъ теоретической философіи: въ нравственной области они, по неознаваемости ими самими непослѣдовательности, выражали субъективизмъ и скептицизмъ не на словахъ, всегда призывавшихъ къ добродѣтели, а на дѣлѣ. ²⁾ Если бы мы знали о Протагорѣ, Горгіи и Гиппіи только потому, что они говорятъ въ одноименныхъ съ ними діалогахъ Платона, а о Продикѣ только по составленнымъ имъ разсказѣ о Геркулесѣ на распутьи ³⁾ и декламациі о горестяхъ жизни ⁴⁾, то нельзя было бы вмѣстѣ съ Гротомъ ⁵⁾ не сказать, что на именахъ этихъ софистовъ лежитъ совсѣмъ не заслуженное порицаніе ⁶⁾. Напротивъ,

---

ὡς σοὶ δοκεῖ, χαρίζεσθαι τοῖς θεαταῖς μόνον, ἢ καὶ διαμάχεσθαι, ἐάν τι αὐτοῖς ἤδῃ μὲν ἢ καὶ κεχαρισμένον, πονηρὸν δέ, ὅπως τοῦτο μὲν μὴ ἐρεῖ, εἰ δέ τι τυγχάνει ἀηδὲς καὶ ὠφέλιμον, τοῦτο δὲ καὶ λέξει καὶ ᾄσεται, ἐάν τε χαίρωσιν ἐάν τε μή; ποτέρως σοὶ δοκεῖ παρεσκευάσθαι ἢ τῶν τραγῳδιῶν ποιήσις;—Δήλον δὲ τοῦτό γε, ὡ Σώκρατες, ὅτι πρὸς τὴν ἡδονὴν μᾶλλον ὤρμηται καὶ τὸ χαρίζεσθαι τοῖς θεαταῖς.

¹⁾ На тѣсную связь Еврипида съ Протагоромъ указываетъ Diog. Laert. IX, 54, съ Продикомъ—Aul. Gell. XV, 20, 4; Vita Eurip. ed. Elmsley; о знакомствѣ Критія съ Протагоромъ свидѣтельствуетъ Платонъ (Protag. 316, А, слѣд.), съ Горгіемъ—Филостратъ (Vitaе Soph. I, 9, 2; Ер. XIII, 919). Целлеръ (Philosophie der Griechen, I, 961; II, 12) по странной непослѣдовательности называетъ Еврипида только родственнымъ по духу съ лучшими софистами, а Критія причисляетъ къ софистамъ.

²⁾ Ср. выше, стр. 42.

³⁾ Xenoph. Memor. II, 1, 22—34.

⁴⁾ (Pseudo) Plato, Axioch. 366, D—379; А.

⁵⁾ См. выше, стр. 7.

⁶⁾ Ср. особ. Protag., 349, E: Φέρε δὴ; τὴν ἀρετὴν καλὸν τι φησὶ εἶναι (спрашиваетъ Сократъ у Протагора) καὶ ὡς καλοῦ ὄντος αὐτοῦ σὺ διδάσκαλον σαυτὸν παρέχεις; Κάλιστον μὲν οὖν, ἔφη, εἰ μὴ μαίνομαι γε. Πότερον οὖν, ἦν δ' ἐγώ, τὸ μὲν τι αὐτοῦ αἰσ-

младшіе софисты (Полъ и Фразимахъ) слѣдовали субъективизму и въ теоріи и на практикѣ, и при томъ совершенно въ духѣ Еврипида и Критія ¹⁾. Но ни старшіе софисты не были виновниками мировоззрѣнія Еврипида и Критія, ни Еврипидъ и Критій не были виновниками мировоззрѣнія младшихъ софистовъ. Деспотическія теоріи были, какъ мы уже знаемъ, прямымъ слѣдствіемъ аѳинской государственной жизни, а противорелигіозныя—тѣхъ сложныхъ причинъ, о которыхъ мы также говорили. Религіозный скептицизмъ нашелъ впервые рѣзкое выраженіе у Елейца Ксенофана; но мы напрасно стали бы искать того, кто первымъ сталъ на точку зрѣнія крайняго гражданскаго субъективизма. Исповѣдь этого субъективизма мы слышимъ одновременно со всѣхъ сторонъ—отъ государственныхъ людей Аѳинъ, отъ трагическихъ героев, отъ софистовъ. Взглядъ Калликла и Пола (свидѣтельствуется Платонъ ²⁾) былъ взглядомъ большинства Аѳинянъ; деспотическія теоріи въ духѣ Фразимаха прожужжали Платону уши ³⁾. Впрочемъ, чтобы ни былъ первымъ выразителемъ гражданскаго субъективизма—Протагоръ, Горгіи, Продикъ, Гиппій, Еврипидъ, Критій—до-

χρόν, τὸ δὲ τι καλόν, ἢ βλον καλόν; Ὅλον που καλόν ὡς οἴοντε μάλιστα. Ibid. 351, B—E: Λέγεις δέ τινας, ἔφη, ὡ Πρωταγόρα, τῶν ἀνθρώπων εὐ ζῆν, τοὺς δὲ κακῶς; Ἐφη. Ἄρ' οὖν δοκεῖ σοι ἄνθρωπος ἄν εὐ ζῆν, εἰ ἀνιῶμενος τε καὶ δδυνώμενος ζῆν; Οὐκ ἔφη. Τί δ'; εἰ ἠδέως βιοὺς τὸν βιον τελευτήσειεν, οὐκ εὐ ἄν σοι δοκεῖ οὕτως βεβιωκέναι; Ἐμοιγ' ἔφη. Τὸ μὲν ἄρ' ἠδέως ζῆν ἀγαθόν, τὸ δ' ἀηδῶς κακόν; Εἴπερ τοῖς καλοῖς γ', ἔφη, ζῆν ἠδόμενος. Τί δή, ὡ Πρωταγόρα; μὴ καὶ σύ, ὡςπερ οἱ πολλοί, ἠδέα ἅττα καλεῖς κακὰ καὶ ἀνιάρὰ ἀγαθὰ, εἰ μὴ τι ἀπ' αὐτῶν ἀποβήσεται ἄλλο; καὶ αὖθις αὐτὰ ἀνιάρὰ ἴσαυτῶς οὕτως, οὐ καθ' ἕσπον ἀνιάρὰ, κακὰ; Οὐκ οἶδα, ὡ Σώκρατες, ἔφη, ἀπλῶς οὕτως, ὡς σύ ἐρωτᾷς, εἰ ἐμοὶ ἀποκριτέον ἐστίν, ὡς τὰ ἠδέα γ' ἀγαθὰ ἐστὶν ἅπαντα καὶ τὰ ἀνιάρὰ κακὰ. ἀλλὰ μοι δοκεῖ οὐ μόνον πρὸς τὴν νῦν ἀπόκρισιν ἐμοὶ ἀσφαλέστερον εἶναι ἀποκρίνασθαι, ἀλλὰ καὶ πρὸς πάντα τὸν ἄλλον βιον τὸν ἐμόν, ὅτι ἐστὶ μὲν ἂ τῶν ἠδέων οὐκ ἐστὶν ἀγαθὰ, ἐστὶ δ' αὖ καὶ ἂ τῶν ἀνιάρων οὐκ ἐστὶ κακὰ, ἐστὶ δ' ἂ ἐστὶ, καὶ τρίτον ἂ οὐδέτερα οὐτε κακὰ οὐτ' ἀγαθὰ. Gorg. 456, C—457, C, Горгіи говорятъ: δεῖ μέντοι, ὡ Σώκρατες, τῇ ῥητορικῇ χρῆσθαι ὡςπερ καὶ τῇ ἄλλῃ πάσῃ ἀγωνίᾳ; καὶ γὰρ τῇ ἄλλῃ ἀγωνίᾳ οὐ τούτου ἕνεκα δεῖ πρὸς ἅπαντας χρῆσθαι ἀνθρώπων, ὅτι ἔμαθέ τις πικτεῦειν τε καὶ παγκρατιάζειν καὶ ἐν ὅπλοις μάχεσθαι, ὡςτε κρείττων εἶναι καὶ φίλων καὶ ἐχθρῶν οὐδὲ τούτου ἕνεκα τοὺς φίλους δεῖ τύπτειν οὐδὲ κεντεῖν τε καὶ ἀποκτινύναι... ὁ αὐτὸς δὴ λόγος καὶ περὶ τῆς ῥητορικῆς... δεῖ... δικαίως καὶ τῇ ῥητορικῇ χρῆσθαι, ὡςπερ καὶ τῇ ἀγωνίᾳ. Продиковъ «Геркулесъ на распутьи» всѣмъ своимъ содержаніемъ призываетъ въ добродѣтели; тоже самое слѣдуетъ думать и о «великоблѣнной» (намъ впрочемъ неизвѣстной) рѣчи Гиппіа, въ которой Несторъ совѣтуетъ Нептолему πάμπολλα νόμιμα καὶ πάγκαλα (Plato, Hipp. Minor, 286, B.)

¹⁾ О Полѣ см. Plato, Gorg. 461, C—480, B; о Фразимахѣ De Rep. 336, B, слѣд.

²⁾ См. выше стр. 8, прим. 1 и стр. 69.

³⁾ Plato, De Rep. 358, D: ἀπορῶ μέντοι διαθεβρυλημένος τὰ ὠτα ἀκοῦων Φρασιμάχου καὶ μυρίων ἄλλων.

ствѣрно во всякомъ случаѣ, что ни одинъ изъ нихъ не былъ осно-
вателемъ міровоззрѣнія своего вѣка. Если же нужно рѣшить вопросъ
о томъ, кто наиболѣе способствовалъ развитію и укрѣпленію субъекти-
визма въ народной массѣ, софисты или драматическіе поѣты, то мы
несомнѣнно должны признать преимущество за послѣдними, не только
потому, что драматическіе поѣты излагали свои воззрѣнія передъ де-
сятками тысячъ ¹⁾, тогда какъ софистовъ слушали сравнительно лишь
весьма немногіе; но главнымъ образомъ потому, что поѣты, по
справедливому замѣчанію Сократа, творятъ то, что творятъ, не му-
дростью, но природнымъ вдохновеніемъ ²⁾ — иначе сказать, руко-
водствуются менѣе разсужденіемъ, чѣмъ непосредственнымъ чув-
ствомъ, а голосъ чувства всегда убѣдительнѣе голоса ума, и вообще
жизнь повинуется не столько доводамъ мысли, сколько внушеніямъ
сердца. Общественный развратъ бываетъ не слѣдствіемъ, а причиной
безнравственныхъ ученій: его прямая причина въ томъ, что „у дурныхъ
людей дурныя и удовольствія“ ³⁾. „Трагики (говорить Платонъ ⁴⁾, пе-
реходя изъ города въ городъ, собирая толпу и нанимая прекрасныя
сильныя и убѣдительныя голоса, совлекаютъ государства въ тиранніи
и демократіи. Они получаютъ сверхъ того за это награду и почетъ—
прежде всего, какъ и подобаетъ, отъ тиранновъ, затѣмъ—отъ демо-
кратій; но чѣмъ выше они восходятъ по крутизнамъ правленій, тѣмъ боль-
ше отказывается отъ нихъ почетъ, какъ бы не будучи въ состояніи идти

¹⁾ Plato, Sympos. 175, E. Сократъ говоритъ Агаону: οἶμαι γάρ με παρά σοῦ πολλῆς καὶ καλῆς σοφίας πληρωθῆσεσθαι· ἡ μὲν γὰρ ἐμῆ φαῦλη τις ἀν εἶη καὶ ἀμφισβητήσιμος, ὡσπερ ὄναρ οὔσα, ἡ δὲ σὴ λαμπρά τε καὶ πολλὴν ἐπίδοσιν ἔχουσα· ἢ γε παρά σοῦ νέου ὄντος οὕτω σφόδρ' ἐξέλαμψε καὶ ἐκφανῆς ἐγένετο πρῆν ἐν μάρτυσι τῶν Ἑλλήνων πλέον ἢ τρισμυρίας. Ср. Aristoph. Vesprae 1011, слѣд.; Ranae, 686, слѣд.

²⁾ Plato Apol. 22, C; Io 533, D, слѣд.

³⁾ Eurip. Iphig in Aul. 303: πονηροῦ φωτὸς ἡδοναὶ κακαί. Ср. также глубоко продуманныя, одинаково согласныя какъ съ ученіемъ Апостола (2 Rom. 7, 14, слѣд.), такъ и съ ученіемъ современной психологіи (напр. Bain, Mental Science, London, 1879 p. 346 sq.; The Emotions and the Will, Lond. 1880, 3—d ed., p. 311 и др.) замѣчанія Еврипида въ «Ипполитѣ» (368—376):

ἤδη ποτ' ἄλλως νυκτὸς ἐν μακρῷ χρόνῳ
θνητῶν ἐφρόντισ' ἢ διέφθαρται βίος.
καὶ μοι δοκοῦσιν οὐ κατὰ γνώμης φύσιν
πράσσειν κάκιον· ἔστι γὰρ τὰ γ' εὐφροεῖν
πολλοῖσιν, ἀλλὰ τῆδ' ἀθρητέον τόδε·
τὰ χρῆστ' ἐπιστάμεσθα καὶ γινώσκομεν,
οὐκ ἐκπονοῦμεν δ', οἱ μὲν ἀργίας ὄπο,
οἱ δ' ἡδονὴν προθέντες ἀντὶ τοῦ καλοῦ
ἄλλην τιν'. εἰσὶ δ' ἡδοναὶ πολλαὶ βίου и т. д.

⁴⁾ Plato, De Rep., 568, C. Ср. Lach. 183, A.

за ними отъ одышки“. Сколь однако ни велико было значеніе поэтовъ, они все же были не первыми, а лишь посредствующими звеньями той магнетической цѣпи, о которой говоритъ Платонъ ¹⁾: токъ шелъ не столько отъ нихъ, сколько черезъ нихъ—отъ исторически сложившихся условій общественной жизни. Гений можетъ творить великія поэтическія произведенія, создавать глубокомысленныя философскія системы, можетъ основывать религіозныя секты; но его дѣятельность для цѣлыхъ народныхъ массъ остается мертвою силою, если для ея воспріятія не подготовлена исторіей почва. Буддизмъ, магометанство, протестантизмъ, революціонныя идеи конца XVIII вѣка, романтизмъ, социализмъ, коммунизмъ имѣютъ за собою длинную исторію; если бы этой исторіи не было, то не было бы ни Будды, Магомета и Лютера, ни Руссо и энциклопедистовъ, ни Тьеса и Шлегелей, ни Фуррье, Лассала и Маркса, или если бы подобныя имъ лица и появились, то ихъ дѣятельность имѣла бы лишь весьма ограниченное значеніе. Лучшимъ доказательствомъ безсилія гения создавать міровоззрѣніе на неподготовленной почвѣ служитъ Сократъ. Онъ былъ отиѣченъ тою величайшею, граничащею съ истиннымъ безуміемъ гениальностью, которая по требованію времени способна подвигать цѣлыя народныя массы; тѣмъ не менѣе его гениальность была заразительна ²⁾ лишь для немногихъ изъ его со-

¹⁾ Plato, Io. 533, D, слѣд.

²⁾ Ср. гениальныя слова Байрона о значеніи гения (Childe Harold's Pilgrimage III, XLII - XLIII):

But quiet to quick bosoms is a hell—
This makes the madmen who have made men mad
By their contagion; Conquerors and Kings,
Founders of sects and systems, to whom add
Sophists, Bards, Statesmen, all unquiet things
Which stir too strongly the soul's secret springs,
And are themselves the fools to those they fool;
Enviied, yet how unenviable ! what stings
Are theirs! One breast laid open were a school
Which would unteach mankind the lust to shine or rule.

Исторія свидѣтельствуетъ несомнѣнно, что всѣ великіе гении, неотразимо увлекавшіе за собой умы, были «тронутыми»—Будда, Магометъ, Сократъ, Лютеръ, Руссо и другіе. (Ср. Radestock, Genie und Wahnsinn, Breslau, 1884). Поэтому ученіе Платона о *mania* (въ Фэдрѣ, 244, А, слѣд.) и приведенныя выше слова Байрона имѣютъ глубокий смыслъ. Причина того, почему гении способны распространять отъ себя заразу, кроется какъ въ томъ, что они выражаютъ ярко и отчетливо то, чтѣ смутно просится къ жизни въ сознаніи другихъ (большинства или меньшинства, какъ случится), такъ и въ томъ, что вся ихъ дѣятельность, вслѣдствіе того напряженнаго движенія тайныхъ пружинъ души, которое такъ живописно изобразилъ Байронъ, получаетъ своеобразный, сильно говорящій чувству отпечатокъ. Ср. рассказы о Сократѣ (у Платона, въ особенности въ «Пирѣ»

временниковъ: она создала еристиковъ обличителей, Мегариковъ, Киринейцевъ, Циниковъ, Платона, но для общаго нравственнаго міровозрѣнія его вѣка осталась безслѣдной. Только спустя нѣсколько вѣковъ, когда въ истомленной языческой древности пробудилась потребность въ отвлекающемъ отъ дѣйствительности идеальномъ аскетическомъ міровозрѣніи, и по пробитому удовлетворявшими этой потребности Платонизмомъ и Стоицизмомъ руслу стали разливаться волны христіанскаго вѣроученія, внося въ жизнь новые идеалы, но въ то же время принимая окраску отъ стараго русла, только тогда сократическія возрѣнія, лежавшія въ основаніи Платонизма и Стоицизма, стали силой, но уже не мѣстной, а всемірной. Въ обработкѣ Платона ученіе Сократа положило основаніе тѣмъ нравственнымъ, эстетическимъ, философскимъ и даже религіознымъ убѣжденіямъ, которыя и въ наши дни руководятъ сознаніемъ миллионъ людей ¹⁾. Но для представителей ходячаго субъективизма второй половины V вѣка, въ родѣ Фразимаха и Калликла, Сократъ былъ не болѣе какъ чело- вѣкъ, у котораго нѣтъ няньки, чтобы наблюдать за чистотою его носа ²⁾, какъ сумасбродный болтунъ, утверждавшій между прочимъ, что принимать обиды лучше, чѣмъ ихъ наносить, — которому можно пожалуй безвозмездно дать плюху ³⁾. Кромѣ Сократа были и другіе, несочувствовавшіе господствующему міровозрѣнію, но только на него одного судьба возложила неблагоприятную обязанность общественнаго овода — непрестаннымъ жаленьемъ побуждать людей свернуть съ привычной и признанной всѣми дороги на противоположную ⁴⁾. Лучшіе изъ несочувствовавшихъ, и прежде всего Платонъ, раздѣляли прославленный Еврипидомъ взглядъ, что счастливъ тотъ, кто „не идетъ на совѣтъ нечестивыхъ“ и созерцаніемъ вѣчно юнаго міра приобретаетъ мудрость ⁵⁾. Но тотъ, „кто внусилъ какъ сладостно и блажен-

рѣчь Алкивиада 215 А, слѣд.), Буддѣ и Магометѣ (у Barthélemy St. Hilaire, Bouddha, 3 ed., Paris 1866, Mahomet, 2 ed., Paris 1865), Лутерѣ (у Freitag, Bilder aus der deutschen Vergangenheit, 2 te Aufl., Leipz. 1860), призванія Руссо (въ его Confessions) и пр.

¹⁾ См. моя брошюра «Платонизмъ какъ основаніе современнаго міровозрѣнія», Москва, 1887; «Значеніе философіи», Киевъ 1888, и указ. въ нихъ литературу.

²⁾ Plato, De Rep. 343, A: ὁ Φρασύμαχος ἀντὶ τοῦ ἀποκρίνεσθαι, εἶπέ μοι, ἔφη ὁ Σόκратης, τίτῃ σοι ἔστι; Τί δέ; ἦν δ' ἐγώ, οὐκ ἀποκρίνεσθαι χρῆν μᾶλλον, ἢ τοιαῦτα ἐπιτελεῖν; Ὅτι τοί σε, ἔφη, κορυζῶντα περιορᾷ καὶ οὐκ ἀπομύττει δεόμενον.

³⁾ Plato, Gorg. 486, C: Καλλικλῆς говорить Сократу: τὸν δὲ τοιοῦτον, εἴ τι καὶ ἀτροκότερον εἰρήσθαι, ἔξεστιν ἐπὶ κόρῃς τύπτοντα μὴ δίδοναι δίκην.

⁴⁾ Plato, Apol. 30, E.

⁵⁾ Eurip. fr. 965:

Ὀλβιος ὅστις τῆς ἱστορίας

но это приобретение, кто ясно видит безумие толпы и что, никто не дѣлаетъ въ государствѣ ничего здраваго, что нѣтъ союзника, съ кѣмъ бы можно было идти на помощь правдѣ и остаться цѣлымъ, но что, подобно человѣку, попавшему къ звѣрямъ и не имѣющему ни охоты безчинствовать вмѣстѣ съ ними, ни силъ одному противостоять имъ, необходимо погибнуть, прежде чѣмъ принесешь пользу государству и друзьямъ, и такимъ образомъ не сдѣлать добра ни себѣ, ни другимъ,—такой человѣкъ, взвѣсивъ все это, станетъ заниматься въ тишинѣ только своими дѣлами, скрывшись гдѣнибудь у стѣны, словно во время бури отъ крутыхъ вѣтромъ пыли и града, и смотря, какъ другіе исполняются беззаконіемъ, останется доволенъ, если какънибудь самому удастся прожить здѣшнюю жизнь чистымъ отъ беззаконія и нечестивыхъ дѣлъ и удалиться въ другую съ легкимъ и спокойнымъ сердцемъ и съ отрадною надеждою²⁾. Психологически вызванный этимъ отчужденіемъ отъ дѣйствительности Платоновъ аскетическій идеализмъ, хотя вмѣстѣ съ Христіанствомъ и побѣдидъ міръ, въ вѣкъ Платона имѣлъ не больше сторонниковъ, чѣмъ критическое самоуглубленіе Сократа³⁾.

ἔσχε μάθησιν ἢ τε πολιτῶν
ἐπὶ πηροσύνη ἢ τ' εἰς ἀδίκους
πράξεις ὁρῶν,
ἀλλ' ἀθανάτου καθορῶν φύσεως
κόσμον ἀγήρω, καὶ τε συνέστη,
καὶ δὲ καὶ δὲ πῶς
τοῖς δὲ τοιοῦτοις οὐδέποτε αἰσχυρῶν
ἔργων μελέτημα προσίζει.

²⁾ Plato, De Rep. 496, C—D.

³⁾ После всего сказаннаго въ настоящей главѣ, едва ли нужно было бы доказывать несостоятельность (на половину уже нами опровергнутаго—см. выше, стр. 18, стр. 1) мнѣнія Грота, что софисты не могли проповѣдовать деспотическихъ воззрѣній въ родѣ тѣхъ, съ которыми мы познакомились изъ рѣчи Калликла; если бы имя этого историка не пользовалось большимъ, хотя и не всегда заслуженнымъ авторитетомъ. Въ доказательство своего мнѣнія, Гротъ, какъ мы уже знаемъ, приводитъ два главныхъ довода: 1) что ученіе софистовъ было въ высшей степени публично, а среди многочисленнаго собранія безнравственныхъ воззрѣній проводить безнаказанно нельзя и 2) что софисты, по самому условію ихъ профессіи, должны были примѣняться къ господствующимъ чувствамъ и убѣжденіямъ—глубоко демократическимъ, какъ выражается Гротъ,—а между тѣмъ деспотическая теорія Калликла оскорбительна для всякаго демократическаго слушателя. «Нѣтъ нужды», говоритъ онъ (History of Greece, VIII p. 192 sq.), «напоминать читателю, сколь глубоко демократичны были чувства и нравственность афинянъ, какъ сильно любили они свои законы, свое государственное устройство и свое политическое равенство, какъ ревнивъ былъ ихъ страхъ предъ всякимъ зараждающимъ или угрожающимъ деспотизмомъ... Сказать такимъ слушателямъ—«Ваши законы и учрежденія суть нару-

IV:

Аналогия между гражданским и философским субъективизмом и объективизмом.—
Несредоточенность ранних проявлений философского объективизма и субъективизма.—
Древнейшие представители объективизма в греческой философии—Фалесъ, Анакси-
мандръ, Анаксименъ, Пифагоръ.—Общая характеристика ихъ направленія примѣнительно
къ современному имъ нравственному міровоззрѣнію.—Ученія Гераклита и Елейцевъ въ
связи съ софистикой.—Попытки выдти изъ затрудненій, созданныхъ Гераклитомъ и Елей-
цами.—Ученія Пифагора, Анаксагора и Демокрита.—Ростъ философскаго субъекти-
визма.—Мѣсто софистовъ въ исторіи греческой философіи.

Ходъ греческой философіи, подобно исторіи остальной духов-
ной греческой жизни, соответствовалъ теченію жизни политической.
Какъ въ греческой политической жизни до V вѣка основной чер-
той былъ объективизмъ, такъ и философія до V вѣка слѣдовала на-

шеніе закона природы, разсчитанное на то, чтобы лишить Алкивиада или Наполеона
среди васъ его естественнаго права сдѣлаться вашимъ господиномъ и обходиться съ вами,
мелкими людьми, какъ со своими рабами. Всѣ ваши противоестественныя предосторож-
ности и всѣ конветуціонная болтовня въ пользу законности и равноправія окажутся
ничѣмъ не лучше жалкой немощи, какъ скоро оны найдутъ удобный случай выступить
во всей полнотѣ своей силы и энергіи, съ тѣмъ чтобы посадить васъ на ваши мѣста и
показать какихъ преимуществъ желаетъ природа для своего любимца!» Вообразите, что
такія доктрина изложена чтецомъ въ собраніи афинянъ! Доктрина столь же возмут-
ительная для Фукиа, какъ и для Клеона, которую даже Алкивиадъ былъ бы вынужденъ
не одобрить, такъ какъ она не просто антипопулярна, не просто деспотична, но до край-
ности убога деспотизмомъ». Но, во первыхъ, публичность ученія софистовъ (какъ мы
уже видѣли стр. 8, пр. 1), по словамъ самого Грота, состояла въ томъ, что они учили
въ сторонѣ отъ толпы, въ маломъ кругѣ слушателей, которыхъ притомъ же допускали съ
разборомъ; а во вторыхъ, съ точки зрѣнія Грота нельзя говорить о чемъ-либо не-
приятномъ для всякаго демократическаго слушателя, такъ какъ демократическіе слушатели
еще болѣе различны, чѣмъ софисты; между которыми Гротъ не желалъ признавать сход-
ства. Безспорно, что лишь весьма немногіе афиняне согласились бы добровольно подчиниться
тиранну, но безспорно также и то, что весьма многіе желали бы сдѣлаться тираннами.
Это признаеть и самъ Гротъ, когда, ссылаясь на слова Сократа, (въ Горгии—см. выше
I. с.) говорить, что взглядъ Пола на жизнь тирана какъ на самую несчастливую, былъ
взглядомъ всѣхъ афинянъ: (Кромѣ этого свидѣтельства Сократа ср. также Plato, Theag.
125, E—126, A: Τι δαί; οὐ ταύτης φῆς τῆς σοφίας ἐπιθυμεῖν, ἢ πάντων ἀν τῶν πολιτῶν

правленію объективному; но какъ съ V вѣка въ гражданской жизни объективизмъ смѣняется субъективизмомъ, точно также и въ философіи объективное направленіе смѣняется субъективнымъ. Аналогія между субъективизмомъ гражданскимъ и субъективизмомъ философскимъ очевидна: какъ для того, такъ и для другаго, мѣра и средоточіе всего—личность. Не менѣе близка аналогія и между объективизмомъ гражданскимъ и объективизмомъ философскимъ: ни тотъ, ни другой не придаетъ личности центрального значенія. Первый опредѣляетъ нравственное и безнравственное согласіемъ или несогласіемъ воли съ требованиями внѣшняго закона и обычая; второй опредѣляетъ истину и ложь соответствіемъ или несоответствіемъ между внѣшнею дѣятельностью и мыслью. Для гражданского объективизма главное—государство: личность имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку исполняетъ его законы и ему служитъ; для философскаго объективизма главное—внѣшній міръ: личность имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку отражаетъ его законы, т.-е. поскольку можетъ его правильно уразумѣть. Но какъ всякое проявленіе гражданского объективизма, сколь бы объективно ни было, неизмѣнно носитъ личную

ἀρχοις; τοῦτο δὲ ποιῶν ἄλλο τι ἢ τύραννος ἂν εἴης.—Εὐδαίμων μὲν ἄν, οἶμαι, ἔγωγε τύραννος γενέσθαι μάλιστα μὲν πάντων ἀνθρώπων, εἰ δὲ μή, ὡς πλείστων· καὶ οὐ γὰρ ἄν, οἶμαι καὶ οἱ ἄλλοι πάντες ἀνθρώποι· καὶ Ἰσοκρ. Evag. 40: νόν δ' ἅπαντες ἂν ὁμολογήσειαν τυραννίδα καὶ τῶν θεῶν ἀγαθῶν καὶ τῶν ἀνθρώπων μέγιστον καὶ σεμνότατον καὶ περιμαχητότατον εἶναι.). Калликъ былъ не софистъ, а риторъ. Гротъ поэтому совершенно правъ, что на Калликла нельзя смотрѣть какъ на представителя софистовъ. Но на Калликла смотрятъ такъ потому, что онъ выражаетъ въ болѣе рѣзкой формѣ то, что мы слышимъ у Платона отъ софистовъ Пола и Фразимаха. Хотя воззрѣнія Фразимаха столь же «антисоціальны» какъ и воззрѣнія Пола, Гротъ не находитъ невѣроятнымъ, что Полъ могъ ихъ приводить, и даже вмѣстѣ съ Платономъ считаетъ ихъ воззрѣніями всѣхъ афинянъ (см. выше, стр. 8 прим. 1), но не желаетъ вѣрить Платону въ томъ, что тотъ рассказываетъ объ ученіи Фразимаха. «Такая теорія»—говоритъ онъ—(History of Greece, VIII, p. 196; ср. Plato, III, p. 83, sq.) «никогда не была выставлена Фразимахомъ въ той формѣ, въ какой она является у Платона». Еслибы это и была правда, то все же у насъ нѣтъ доказательства того, что такая теорія не могла быть выставлена въ иной формѣ и не передъ «общественнымъ собраніемъ», а въ кругу учениковъ. Ошибка Грота въ томъ, что онъ отождествляетъ софистовъ съ риториками. Риторы провозносили рѣчи всенародно (въ народномъ собраніи и судѣ), софисты обыкновенно въ небольшомъ кругу учениковъ. Платонъ, давая нравственную оцѣнку дѣятельности софистовъ и риторовъ, не различаетъ (какъ мы видѣли выше, стр. 22, слѣд.) строго однихъ отъ другихъ, но онъ приравниваетъ ихъ не потому, что ихъ дѣятельность была тождественна, а потому, что софисты подготовляли риторовъ и такимъ образомъ несли одинаковую съ ними нравственную отвѣтственность. Впрочемъ, что и передъ лицомъ толпы можно было проповѣдовать въ Афинахъ деспотическія воззрѣнія, свидѣтельствуютъ приведенные выше отрывки изъ Еврипида.

окраску, точно также и всякое выраженіе философскаго объективизма всегда носитъ на себѣ слѣды тѣхъ или другихъ свойствъ личности.

Въ греческихъ городахъ до V вѣка единичная жизнь подавлялась государственной; соотвѣтственно съ этимъ древнѣйшая греческая философія сосредоточивалась не на уразумѣніи отдѣльныхъ проявленій міровой жизни, но на постиженіи міра въ цѣломъ. Человѣкъ въ этой философіи не занималъ никакого виднаго мѣста; на взглядъ первыхъ ея представителей, онъ былъ лишь членомъ великаго цѣлаго—міра, точно такъ же, какъ для нравственнаго міровоззрѣнія того времени гражданинъ былъ не самостоятельной единицей, а только членомъ государства. Но по мѣрѣ развитія гражданской обособленности становится раздѣльнѣе и философское міровоззрѣніе. Не только явленія жизни физической получаютъ все болѣе обстоятельное объясненіе, но все чаще затрогиваются и вопросы изъ жизни человѣческой. Къ концу V вѣка „философію ссылають съ неба на землю, помѣщаютъ въ городахъ и вводятъ въ частныя жилища“ ¹⁾. Въ это время на нее, точно также какъ на дѣятельность политическую, смотрятъ какъ на средство къ благоденствію личности ²⁾.

Выразителями философскаго объективизма были философы предшествовавшіе софистамъ и Сократу; выразителями философскаго субъективизма были софисты и Сократъ. Но между субъективизмомъ софистовъ и субъективизмомъ Сократа такая же разница, какъ между некритическимъ объективизмомъ древнѣйшихъ іонійскихъ философовъ и критическимъ объективизмомъ науки. Въ первыхъ своихъ проявленіяхъ ни философскій объективизмъ, ни философскій субъективизмъ не оцѣнивають критически предполагаемаго ими мѣрила достовѣрности и сдѣланныхъ по указанію этого мѣрила выводовъ. Понаучный объективизмъ стоитъ на точкѣ зрѣнія грубаго реализма, что какова дѣйствительность, таково и мнѣніе о ней; некритическій субъективизмъ разсматриваетъ явленія съ точки зрѣнія грубаго сенсуализма, что каковы ощущенія, таково и дѣйствительность. Средину между той и другой точкой зрѣнія занимаетъ взглядъ, что бытіе и мысль едины и что потому, какова мысль, таково и бытіе, и наоборотъ, каково бытіе, таково и мысль о немъ. На первой точкѣ зрѣнія стояли

¹⁾ Cic. Tusc. V, 4, 10: Socrates autem primus philosophiam devocavit e coelo et in urbibus collocavit et in domus etiam introduxit et coegit de vita et moribus rebusque bonis et malis quaerere. Необходимо однако замѣтить, что Сократъ былъ не виновникомъ этого измѣненія, а завершителемъ.

²⁾ Plato, Protag. 329, A; Hipp. Maj. 304, A; Gorg. 484, C; Исocr. XII (Panath.), 30; XV (De Permut.), 285 и др.

древніе іонійскіе философы, на второй Протагоръ. Средней держались Елейцы. Представителемъ критическаго субъективизма былъ Сократъ.

Всякое философское ученіе, къ какому бы направленію оно ни принадлежало, ставитъ цѣлью приближеніе къ истинѣ и потому стремится быть научнымъ. Вслѣдствіе различныхъ причинъ, изъ которыхъ главная—невозможность для человѣка охватить знаніемъ все существующее и отказаться отъ этого желанія, и, неспособность мысли выбиться изъ подъ господства направляющихъ ее различнаго рода волненій (нравственныхъ, эстетическихъ, религіозныхъ), ни одна философская система этой цѣли не достигаетъ, но снять съ дѣйствительности покровъ вымысла въ большей или меньшей степени надѣется всякая. Міровоззрѣніе древнихъ грековъ (точно также, какъ и другихъ народовъ древности) было мифологическимъ; мѣсто естественныхъ причинъ занимали различнаго рода сверхъестественные дѣятели — боги, божества (δαίμονες) и богини. Первымъ мыслителемъ, старавшимся замѣнить мифологическія причины естественными, былъ современникъ Солона ¹⁾, Фалесъ изъ Милета. Онъ училъ, что все происходитъ изъ воды и все въ нее превращается ²⁾. Ученикомъ Фалеса преданіе называетъ Анаксимандра ³⁾, ученикомъ Анаксимандра—Анаксимена ⁴⁾. Первый видѣлъ основаніе всего сущаго въ безконечномъ, неопредѣленномъ, вѣчномъ, одаренномъ живою силою веществѣ ⁵⁾; второй—въ воздухѣ ⁶⁾. Около половины VI вѣка жилъ Пифагоръ, основавшій философское, религіозное и политическое братство ⁷⁾, главнымъ философскимъ убѣжденіемъ котораго былъ взглядъ, что все есть число ⁸⁾, а отличительной религіозной догмой—переселеніе душъ ⁹⁾. Впрочемъ, отдѣльныя черты въ ученіяхъ первыхъ представителей греческой философской мысли не имѣютъ къ исторіи софистовъ отношенія. Для насъ достаточно обратить вниманіе на сходство между общимъ духомъ этихъ ученій и характеромъ современнаго имъ политическаго міровоззрѣнія. Нагляднымъ показателемъ этого сходства служатъ знаменитыя слова Анаксимандра, что „изъ чего произошли существующія

¹⁾ При опредѣленіи хронологическихъ данныхъ я слѣдую указаніямъ Целлера.

²⁾ Aristot. *Metaph.* I, 3, 908b, 21 и др.; (Plutarch.) *Placita*, I, 3, 350 W.

³⁾ Sext. *Emp. adv. Math.* IX, 360; Pyrrh. III, 30.

⁴⁾ Diog. Laert. II, 3.

⁵⁾ Aristot. *Phys.* III, 4, 203b, 10 и слѣд.; *Simpl. Phys.* 6r, 35.

⁶⁾ Aristot. *Metaph.* I, 3, 984 a, 5.

⁷⁾ Diog. Laert. VIII, 3; Porphyr. *Vita Pyth.* 81, слѣд.

⁸⁾ Aristot. *Metaph.* I, 5, нач. и др.

⁹⁾ Diog. Laert. VIII, 36; Porphyr. *Vita Pyth.* 19.

вещи, въ то же должны онѣ и разрушиться, такъ какъ несутъ воздаяніе и наказаніе по порядку времени¹⁾—гдѣ единичное, определенное существованіе разсматривается какъ несправедливость и преступленіе противъ безразличной жизни въ общій этической первоосновы, за которое рано или поздно должно послѣдовать наказаніе²⁾. Внутренній міръ человѣка не обращалъ на себя особаго вниманія этикъ философовъ. Отъ Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена мы не слышимъ никакихъ психологическихъ и нравственныхъ замѣчаній, которыя бы выходили изъ ряда общепризнанныхъ воззрѣній. Пифагорейцы въ широкой мѣрѣ останавливаются на вопросахъ нравственныхъ; но ихъ этическое мировоззрѣніе было лишь отраженіемъ ходячей въ то время нравственности. Религиозное благочестіе, почтеніе въ родителямъ и старшимъ, уваженіе къ обычаямъ и государственнымъ законамъ—таковы основныя правила пифагорейской этики³⁾.

Въ тѣсной связи съ ученіемъ софистовъ стоятъ ученія Гераклита и Елейцевъ. Первое послужило исходной точкой для общей философской теоріи Протагора⁴⁾. Доводами второго Горгій доказывалъ свое положеніе, что ничего не существуетъ⁵⁾, а Протагоръ, Евдемъ и Діонисодоръ—невозможность лжи⁶⁾; оно же положило основаніе диалектикѣ съ ея разновидностью—собратическимъ, испытующимъ обличе-

¹⁾ Simpl. Phys. 6r, 40: ἔξ ὧν δὲ ἡ γένεσις ἐστὶ ταῖς οὐραῖς, καὶ τὴν φθορὰν ἐς ταῦτα γίνεσθαι κατὰ τὸ χρεὼν διδόναι γὰρ αὐτὰ τίσιν καὶ δίκην τῆς ἀδικίας κατὰ τὴν τοῦ χρόνου τάξιν.

²⁾ Cp. Lassale, Die Philosophie Herakleitos des Dunklen, Berlin, 1858, I, S. 15 f.

³⁾ Cp. Pyth. Carmen aureum (inlt):

Ἀθανάτους μὲν πρῶτα θεούς, νόμῳ ὡς διακρίνεται,
τίμα· καὶ σέβου δρκον, ἔπειθ' ἦρωας ἀγαούς.
τούς τε καταχθονίους σέβε δαίμονας, ἔννομα βέζων·
τούς τε γονεῖς τίμα, τούς τ' ἀγχιστ' ἐκγεγαυτας·
τῶν δ' ἄλλων ἀρετῇ ποιεῖ φίλον ὅς τις ἀριστος ἢ τ. δ.

⁴⁾ Plato, Theaet. 160, D; 179, C, слѣд. Cp. слѣд. стр. прим. 5 и стр. 113, прим. 1 и 2. Подробно будетъ сказано объ этомъ при изложеніи ученія Протагора.

⁵⁾ См. (Pseudo) Arist. De Melisso, V, 20 (M). ἀνάγκη γάρ, φησὶν ὁ Γοργίας, εἴ τι ἔστι μῆτε ἐν μῆτε πολλὰ εἶναι, μῆτε ἀγένητα μῆτε γεγόμενα. τοῦτο δὲ οὐδὲν ἀν εἶη· εἴ γάρ εἴη τι, τούτων ἂν θάτερα εἶη, ὅτι οὐκ ἔστιν οὔτε ἐν οὔτε πολλὰ, οὔτε ἀγένητα οὔτε γεγόμενα, τὰ μὲν ὡς Μελισσος, τὰ δ' ὡς Ζήνων ἐπιχειρεῖ δεικνύειν. Cp. ibid. VI 20, 35. Cp. также ниже изложеніе ученія Мелисса и Зенона.

⁶⁾ Plato, Theaet. 167, A; Euthyd. 283, E, слѣд.; 285, E, слѣд.; Cp. ниже, стр. 122 прим. 1.

ніемъ ¹⁾ и совмѣстно съ Гераклитовымъ создало еристику ²⁾. Наконецъ, то и другое ученіе вызывали появленіе Емпедокла и Демокрита, въ которыхъ Протагоръ и Горгій примыкають своей психологіей ³⁾. Я остановился поэтому на ученіяхъ Гераклита и Елейцевъ съ надлежащею обстоятельностью.

Ученіе Гераклита ⁴⁾ сводится въ двумъ положеніямъ: 1) Все течеть, и 2) Все—огонь.

Все течеть—это значитъ: все непрерывно измѣняется, нѣтъ ни въ чемъ никакого постоянства ⁵⁾. Дважды въ одинъ и тотъ же потокъ нельзя вступить, потому что пока мы въ потокъ вступаемъ, вода утекаетъ, и потокъ уже становится не тѣмъ, какимъ былъ за мгновеніе раньше, точно такъ же, какъ становимся другими и мы сами ⁶⁾.

¹⁾ На историческую связь сократическаго испытующаго обличенія съ приемами Елейцевъ указываетъ Платонъ въ Парменидѣ. 135, С—D Парменидъ говоритъ Сократу: Πρῶτ' γάρ, πρὶν γυμνασθῆναι, ὡς Σώκρατες, ὀρίζεσθαι ἐπιχειρεῖς καλὸν τε τί ἐστὶ καὶ δίκαιον καὶ ἀγαθὸν καὶ ἐν ἑκάστῳ τῶν εἰδῶν... καλὴ μὲν οὖν καὶ θεία, εὐ ἴσθι, ἢ ὀρμή, ἢ ὀρμῆς, ἢ ὀρμῆς ἐκὶ τοῦς λόγους. Ἐλκυσον δὲ σαυτὸν καὶ γυμνασάαι μᾶλλον διὰ τῆς δοκοῦσης ἀχρήστου εἶναι καὶ καλουμένης ὑπὸ τῶν πολλῶν ἀδολεσχίας, ἕως ἔτι νέος εἶ· εἰ δὲ μή, σὲ διαφευξέται ἡ ἀλήθεια.—Τίς οὖν ὁ τρόπος, ὡς Παρμενίδη, τῆς γυμνασίας;—Οὗτος, ὄνπερ ἤκουσας Ζήνωνος ἢ τ. д. Ср. Theaet. 183, E. Soph. 217, C. Сократъ слѣдовалъ этому совѣту не только въ молодости, но всю жизнь.

²⁾ См. ниже замѣчанія объ ученіяхъ Гераклита и Зенона.

³⁾ См. ниже изложеніе ученій Емпедокла и Демокрита.

⁴⁾ Родъ въ Ефесѣ около 535 г. былъ знатнаго рода (потомокъ царей). По преданію, отличался меланхолическимъ характеромъ и мизантропией, такъ что подъ конецъ жизни будто бы удалился въ пустыню, гдѣ питался кореньями (Diog Laert IX, 1, слѣд.). За непонятный языкъ своей книги перѣ фисеосъ получилъ прозваніе ὁ σκοτεινός. (Pseudo Aristot. De Mundo 5, 396 b 19). Умеръ около 475. О Гераклитѣ см. Lassale, Philosophie Herakleitos des Dunklen (см. на предид. стран. 2 пр.); Bernays, Gesammelte Abhandlungen, herausg. v. Usener, Bonn, 1885; Schuster, Heraclit von Ephesos (Acta Societatis philologicae lipsiensis, Lips. 1873); Zeller, Philosophie der Griechen, I, 566, f; Teichmüller, Neue Studien zur Geschichte der Begriffe, I, Herakleitos, Gotha, 1876; Mullach, Fragmenta Philosophorum graecorum, I, Parisiis, 1875, p. 310, sq.; Bywater, Heracliti Ephesii reliquiae, Oxon., 1877.

⁵⁾ См. слѣд. прим. Ср. также Plato, Theaet. 160, D: по Гераклиту оіον βεῦματα κινεῖσθαι τὰ πάντα. Cratyl. 401, D: καθ' Ἡρακλείτου ἀν ἡγοῖντο τὰ ὄντα εἶναι τε πάντα καὶ μένειν οὐδέν. Ibid. 402, A: λέγει που Ἡρακλείτος, ὅτι πάντα χωρεῖ καὶ οὐδέν μένει. Ibid. 412, D. Soph. 442, C. Aristot. Met. I, 6, 987a, 33: ταῖς Ἡρακλειτεῖσις δόξαις, ὡς ἀπάντων τῶν αἰσθητῶν βρόντων ἢ μн. др. Ср. Plato, Theaet. 156, A: по Протагору, τὸ πᾶν κίνησις ἦν καὶ ἄλλο παρὰ τοῦτο οὐδέν.

⁶⁾ Plato, Cratyl. 402, A: καὶ ποταμοῦ ῥοῆ ἀπεικάζων τὰ ὄντα λέγει, ὡς δις ἐς τὸν αὐτὸν ποταμὸν οὐκ ἂν ἐμβαίης Plut. de Ei ar. D. XVII, 415 W. (fr. 21 M.): ποταμῷ γὰρ οὐκ ἐστὶ δις ἐμβαῖναι τῷ αὐτῷ καθ' Ἡρακλείτου, οὐδὲ θνητῆς οὐσίας δις ἀψασθαι κατὰ ξεῖν, ἀλλὰ δεύτης καὶ τάχος τῆς μεταβολῆς σκιδνησι καὶ πάλιν συνάγει, μᾶλλον δὲ οὐδὲ πάλιν οὐδὲ ὕστερον ἀλλ' ἅμα συνίσταται καὶ ἀπεισι: Alleg. Hom. 24 (fr. 83 M.): ποταμοῖσι τοῖσι αὐτοῖσι ἐμβαίνομέν τε καὶ οὐκ ἐμβαίνομεν, εἰμέν τε καὶ οὐκ εἰμεν. Seneca,

Все непрестанно переходитъ одно въ другое: живое становится мертвымъ, бодрствующее спящимъ, молодое старымъ и наоборотъ. Ни потокъ происхожденія, ни потокъ прехожденія никогда не останавливаются и никогда не останавливаются. Каждое данное состояніе есть какъ бы гребень волны въ общемъ потокѣ быванія — лишь граница между двумя противоположными состояніями, и въ известной мѣрѣ заключаетъ въ себѣ ту и другую противоположность ¹⁾. Въ мірѣ все едино ²⁾: мертвое и живое, бодрствующее и спящее, молодое и старое ³⁾, прямое и кривое, верхнее и нижнее, ⁴⁾ чистое и грязное, полезное и вредное ⁵⁾, хорошее и дурное ⁶⁾ и т. д. Богъ

Epist. 58: et ego ipse, dum loquor mutari ista, mutatus sum. hoc est quod ait Heraclitus: In idem flumen bis descendimus et non descendimus: manet enim idem fluminis nomen, aqua transmissa est. hoc in amne manifestius est, quam in homine, sed nos quoque non minus velox cursus praetervehit.

¹⁾ Plut. Cons. ad. Apoll. X, 296 W. (fr. 46 M.): και (ἡ φησιν Ἡράκλειτος) ταυτό τ' ἐστὶ ζῶν και τεθηγκός, και ἐρηγορός και καθεῶδον, και νέον και γηραιόν· τάδε γάρ μεταπεσόντα ἐκεῖνά ἐστι, κάκεινα πάλιν μεταπεσόντα ταῦτα· ὡς γάρ ἐκ τοῦ αὐτοῦ πηλοῦ δυνατὰ τὶς πλάττων ζῶα συγχεῖν και πάλιν πλάττειν και συγχεῖν, και τοῦτο ἐν παρ' ἐν ποιεῖν ἀδιαλείπτως· οὕτω και ἡ φύσις ἐκ τῆς αὐτῆς ὕλης πάλαι μὲν τοὺς προγόνους ἡμῶν ἀνέσχεον, εἶτα συνεχεῖς αὐτοῖς ἐγέννησε τοὺς πατέρας, εἶτα ἡμᾶς, εἴτ' ἄλλους ἐπ' ἄλλοις ἀνακυκλήσει· και ὁ τῆς γενέσεως ποταμός οὕτως ἐνδελεχῶς ῥέων οὔποτε στήσεται, και πάλιν ἐξ' ἐναντίας αὐτῆ ὁ τῆς φθορᾶς εἴτ' Ἀχέρων εἶτε Κωκυτὸς καλοῦμενος ὑπὸ τῶν ποιητῶν. ἡ πρώτη οὖν αἰτία ἡ δεῖξασα ἡμῖν τὸ τοῦ ἡλίου φῶς, ἡ αὐτὴ και τὸν ζοφερὸν ἀγεί ᾄδην.

²⁾ Hipp. Haeres. Ref. 280 (fr. 92 M.): οὐκ ἐμεῦ ἀλλὰ τοῦ λόγου (Бернэѣсъ въ. δόγματος) ἀκούσαντας ὁμολογεῖν σοφόν ἐστὶ, ἐν πάντα εἰδέναι. Миллеръ въ своемъ изданіи Origenis (Hippolyti) Philosophumena sive omnium haeresium refutatio, Oxonii, 1851, предлагаетъ вмѣсто εἰδέναι читать εἶναι, Муллахъ—γίνεσθαι «ipsum secutus Heraclitum, cui nihil esse, sed omnia fieri et fluminis instar labi placet». На мой взглядъ смыслъ ясенъ и безъ поправки. «Выслушавъ не меня, но слово, благоразумно согласиться въ томъ, чтобы признать все единымъ». Подъ λόγος Гераклитъ, какъ увидимъ, подразумѣвалъ и управляющій міромъ разумъ, и слово природы.

³⁾ См. прим. 1.

⁴⁾ Hippol. Haeres. Refut. 282 (fr. 91 M.): και εὐθὺ δέ, φησί, και στρεβλὸν τὸ αὐτό ἐστὶ.. και τὸ ἄνω και τὸ κάτω ἐν ἐστὶ και τὸ αὐτό. ὁδὸς ἄνω κάτω μὴ και ὡτή.

⁵⁾ Ibid. (fr. 88 M.): και τὸ μιарόν φησι και τὸ καθαρὸν ἐν και ταῦτο εἶναι. Θάλασσα, φησίν, ὕδωρ καθαρῶτατον και μιарῶτατον, ἰχθύσι μὲν πότιμον και σωτήριον, ἀνθρώποις δὲ ἀποτον και δλέθριον.

⁶⁾ Ibid. (fr. 90 M.): και ἀγαθὸν και κακόν (ταυτόν). Οἱ γοῦν ἰατροί, φησιν ὁ Ἡράκλειτος, τέμνοντες, καίοντες, πάντη βασανίζοντες κακῶς τοὺς ἀρρώστούοντας ἐπατιῶνται μὴδὲν ἄξιον μισθὸν λαμβάνειν παρὰ τῶν ἀρρώστούοντων, ταῦτα ἐργαζόμενοι τὰ ἀγαθὰ και τὰς νόσους. (Врачи, поджержая больныхъ операциями, причиняють имъ страданія, но эти страданія бывають для больныхъ такими благами, что врачи не остаются довольными тѣмъ вознагражденіемъ, которое даютъ имъ больные). Ср. ниже, стр. 116 прим., 4, гдѣ также сказано и означеніи Гераклитова ученія объ единствѣ сущаго.

есть день и ночь; зима и лето, война и миръ, преищенье и голодъ; ивмѣняясь непрестанно, онъ называется такъ, какъ каждому желательно ¹⁾. Вѣчность — играющее въ кости дитя, которое то раскладываетъ ихъ, то вѣшиваетъ, и миръ есть царство этого дитяти ²⁾. Всякая вещь становится такою, какою она бываетъ, или въ силу вѣдствіе преобладанія одной противоположности надъ другою ³⁾; поэтому во всемъ происходитъ раздоръ и борьба, и эти раздоръ и борьба суть необходимыя условия всякаго происхожденія ⁴⁾. Оно всегда живетъ на счетъ другого, происхожденіе неизвѣнно предполагаетъ смерть и наоборотъ ⁵⁾. „Смерть огня — происхожденіе воздуха, смерть воздуха — происхожденіе воды“ ⁶⁾ или „смерть души — происхожденіе воды, смерть воды — происхожденіе земли, и наоборотъ, изъ земли происходитъ вода, изъ воды — душа“ ⁷⁾. Безсмертныя живутъ смертию смертныхъ, а смертныя — смертию безсмертныхъ, первые умираютъ жизнью вторыхъ, а вторые — жизнью первыхъ ⁸⁾. Одно и тоже оружіе (лукъ) умерщвляетъ и поддерживаеъ жизнь ⁹⁾. Война — отецъ всего, царь всего ¹⁰⁾.

¹⁾ Ibid. 283 (fr. 86, 87 M.): ὁ θεὸς ἡμέρη εὐφρόνη, χειμῶν θέρος, πόλεμος εἰρήνη, κόρος λιμός· ἀλλοιοῦνται δὲ ὅπως ἤηρ (Целлеръ вм. δκωσπερ) ὅταν σύμμιγῆ θύμασι· ὀνομάζεται καθ' ἡδονὴν ἑκάστου. Целлеръ (Philosophie der Griechen I, 602 f.) предлагаетъ καθ' ἡδονὴν переводить «сообразно съ запахомъ каждаго»; но никто не называетъ день и ночь, зиму и лето и т. д. «сообразно съ запахомъ».

²⁾ Ibid. 281 (fr. 44 M.): αἰὼν παῖς ἐστὶ παίζων, πεττεύουσ' αἰὼν παῖς ἢ βασιλῆην.

³⁾ Diog. Laert. IX, 8: γίνεσθαι τε πάντα καθ' ἐναντιότητα. Чтò каждое данное состояніе есть слѣдствіе преобладанія одной изъ противоположностей, это очевидно само собою.

⁴⁾ Aristot. Eth. Nic. VIII, 2, 1155, b (fr. 37 M.): καὶ Ἡράκλειτος τὸ ἀντίζουον συμφέρον, καὶ ἐκ τῶν διαφερόντων καλλίστην ἁρμονίαν, καὶ πάντα καθ' ἕριν γίνεσθαι. Ср. Plut. De Isid. et Osir. XLVIII, 356 W.

⁵⁾ См. выше стр. 106, прим. 4. Sext. Emp. Pyrrh. III, 230 (fr. 60 M.): ὁ δὲ Ἡράκλειτος φησιν, ὅτι τὸ ζῆν καὶ τὸ ἀπόθανεῖν καὶ ἐν τῷ ζῆν ἡμᾶς ἐστὶ καὶ ἐν τῷ τεθνάναι. Clemens, Strom. III, 434: οὐχὶ καὶ Ἡράκλειτος θάνατον γένεσιν καλεῖ; Ibid. III, 520 (fr. 52 M.): θάνατός ἐστιν ὁκόσα ἐγερθέντες ὁρέομεν, ὁκόσα δὲ ἐβδοντες ἴκνως. (Все, чтò мы ни видимъ на яву, есть смерть, но ὅτὰ смерть такъ же мимолетна, какъ сподвѣнія).

⁶⁾ Plut. De Ei ap. D. XVII, 416 W. (fr. 31 M.): ὡς Ἡράκλειτος ἔλεγε, πῦρός θάνατος ἀέρι γένεσις καὶ ἀέρος θάνατος ὕδατος γένεσις.

⁷⁾ Clemens, Strom. VI, 2 (fr. 59 M.): ψυχῆσι θάνατος ὕδωρ γένεσθαι, ὕδατι δὲ θάνατος γῆν γένεσθαι· ἐκ γῆς δὲ ὕδωρ γίνεται, ἐξ ὕδατος δὲ ψυχῆ.

⁸⁾ Hippol. Haer. Ref. 282 (fr. 62 M.): ἀθάνατοι θνητοῖ, θνητοῖ ἀθάνατοι, ζῶντες τὸν ἐκείνων θάνατον, τὸν δὲ ἐκείνων βίον τεθνεώτες.

⁹⁾ Etyim. M. v. βίος (fr. 67 M.): τῷ οὖν τότῳ ὄνομα βίος, ἔργον δὲ θάνατος.

¹⁰⁾ Hipp. Haeres. Ref. 251 (fr. 44 M.): πόλεμος πάντων μὲν πατήρ ἐστι, πάντων δὲ βασιλεὺς.

Гомера, который желает, чтобы вражда покорила боговъ и людей, слѣдуетъ за его недомыслие съ состязанія пѣвцовъ прогнать пѣлками¹⁾).

Но хотя все въ мірѣ въ вѣчномъ потоцѣ и вѣчной борьбѣ, все совершается по неизмѣннымъ законамъ, во всемъ царитъ согласіе и гармонія²⁾. „Все человѣческіе законы происходятъ отъ одного закона божественнаго, надо всемъ онъ властвуетъ на волѣ, для всего достаточно съ избыткомъ³⁾“. Гераклитъ называетъ этотъ законъ иногда судьбою⁴⁾, иногда Зевсомъ⁵⁾, иногда мироуправляющимъ разумніемъ⁶⁾, иногда Логосомъ—словомъ природы, обращеннымъ ко всемъ людямъ⁷⁾. Мировую гармонію среди общаго раздора Гераклитъ поясняетъ на примѣрѣ лука и лиры. Какъ въ лукѣ и лирѣ концы стремятся разойтись, въ противоположныя стороны, но этимъ противоположнымъ стремленіемъ обуславливаютъ самый строй лука и лиры, точно также мировой раздоръ обуславливаетъ строй міра⁸⁾. Другимъ выраженіемъ мировой гармоніи служитъ глубокомысленное изреченіе Гераклита: „Соедини лѣвое и правое, сходное и несходное, согласное и несогласное, и изъ всего одно и изъ одного все“⁹⁾, въ которомъ впервые ясно намѣчены основныя задачи философскаго анализа и синтеза.

¹⁾ Diog. Laert. IX, 1 (fr. 119 B.): τὸν ὄϊον Ὀμηρον ἐφασκεν ἄξιον ἐκ τῶν ἀγῶνων ἐκβάλλεσθαι καὶ βαπτίεσθαι, καὶ Ἀρχιλοχον ὁμοίως. Simplic. Cat. 104b: διὸ καὶ μέμφεται τῷ Ὀμηρῷ Ἡράκλειτος, εἰπόντι, Ὡς ἔστις ἐκ τε θεῶν ἐκ τῶν ἀνθρώπων ἀπόλοιτο οἰχήσασθαι γάρφῃσι πάντα.

²⁾ См. ниже, пр. 8 и на предыдущей страницѣ прим. 4.

³⁾ Stob. Floril. III, 84 (fr. 19 M.): τρέφονται γὰρ πάντες οἱ ἀνθρώπινοι νόμοι ὑπὸ ἐνὸς τοῦ θεοῦ κρατεῖ γὰρ τοσοῦτον ὀκῶσεν ἑθέλει καὶ ἔλαρκει πᾶσι καὶ περιγίγνεται

⁴⁾ (Plut.) Plac. I, XXVII, 375 W. Ἡράκλειτος πάντα καθ' εἰσαρμένην. Ср. Diog. Laert. IX, 7.

⁵⁾ Clemens, Strom. V, 14, 718 (fr. 12 M.): ἐν τῷ σοφῶν μαθῶν λέγεσθαι ἐθέλει καὶ οὐκ ἐθέλει Ζηνὸς οὐνομα. Ср. слѣд. прим.

⁶⁾ Diog. Laert. XI, 1 (fr. 35 M.): ἐν τῷ σοφῶν ἐπιστάσθαι γνῶσιν ἢ τε οἱ ἐγκυβερνήσοι πάντα διὰ πάντων. Я. отнош. оі къ τῷ σοφῶν и переводжу: «Есть одна только мудрость — познать разумніе, которое для этой мудрости и будетъ управлять всемъ чрезъ все». При такомъ объясненіи становятся ненужными поправки, предлагаемыя Муллахожъ, Целлеромъ и др.

⁷⁾ Clemens, Strom. V, 14, 716 (fr. 1 M.). Назвало книгѣ Гераклита: Τοῦ λόγου, τοῦδε ἐόντος αἰεὶ ἀζύνητοι γίνονται ἄνθρωποι, καὶ πρόσθεν ἢ ἀποδοῦναι, καὶ ἀκούσαντες τῷ πρώτῳ, γινομένων. γὰρ πάντων κατὰ τὸν λόγον λόγος, ἀπείρητοι δοῖκασι, πειρώμενοι καὶ ἔργων τοιούτων, ὅκοια ἐγὼ διηγεῖμαι, διαιρέσω κατὰ φύσιν καὶ φράζω ὅπως ἔχει. ταῦς δὲ ἄλλους ἀνθρώπους λαμβάνει, ὅκοια ἐγερθεῖτες, κἀκούσι, ὅκοια περ ὅκοια εὐδοντες ἐπιλανθάνονται.

⁸⁾ Выше, стр. 108, прим. 4. Plut. de Isid. et Osir. XLV, 352 W. (fr. 39 M.): παλίντονος γὰρ ἀρμονία κόσμου, ὅκοια περ λύρης καὶ τόξου.

⁹⁾ (Pseudo) Arist. De Mundo 5, 396 b 19 (fr. 45 M.): συνάφειας οὐλα καὶ οὐχὶ οὐλα συμφερόμενον καὶ διαφερόμενον, συνᾶδον καὶ διᾶδον, καὶ ἐκ πάντων ἐν καὶ ἐξ ἐνός πάντα.

Вѣчный потокъ быванія Гераклитъ представлялъ въ видѣ огня. „Этотъ міръ, говоритъ онъ, не создалъ никто изъ людей и боговъ, но онъ всегда былъ и будетъ—вѣчно живой огонь, возгорающійся по частямъ и потухающій по частямъ“¹⁾. Изъ вѣчнаго огня, который безпрестанно измѣняется въ различные вещества, происходятъ всѣ вещи. Какъ на золото мѣняются товары, такъ на огонь мѣняются всѣ вещи²⁾. Огонь измѣняется по двумъ направлєніямъ—по пути внизъ и по пути вверхъ. Измѣняясь по пути внизъ, огонь утрачиваетъ часть своего тепла и превращается въ болѣе грубыя формы существованія—сначала въ воду, потомъ изъ воды въ землю; измѣняясь по пути вверхъ, огонь снова возвращаетъ себѣ утраченную теплоту и становится изъ земли водою, изъ воды воздухомъ, изъ воздуха огнемъ³⁾. Пути эти огонь совершаетъ періодически; въ одинъ мировой періодъ преобладаетъ путь внизъ—огонь постепенно становится водою и землею; въ другой періодъ—господствуетъ путь вверхъ—весь міръ превращается въ огонь. По превращеніи въ огонь, міръ снова принимаетъ настоящій свой видъ⁴⁾.

Не смотря на то, что о неустанномъ мировомъ потокѣ вѣчно говоритъ сама природа, эта истина очевидна далеко не всѣмъ. Причина въ томъ, что „плохіе свидѣтели глаза и уши для людей съ варварскою душою“⁵⁾. „Люди обыкновенно не смыслятъ того, на что натаквиваются, хотя и учатся, не имѣютъ свѣдѣній и только себѣ кажутся знающими“⁶⁾. По своей слѣпотѣ, они даже въ пустыняхъ вводятся въ заблужденіе⁷⁾. „Неразумные, они слушаютъ, но не слышатъ,

¹⁾ Clemens Strom. V, 14, 711 (fr. 27 M.): κόσμον τὸν αὐτὸν ἀπάντων οὐτε τις θεῶν οὐτε ἀνθρώπων ἐποίησεν· ἀλλ' ἦν αἰεὶ καὶ ἔσται πῦρ ἀεὶζῶν, ἀπτόμενον μέτρῳ καὶ ἀποσβευνόμενον μέτρῳ.

²⁾ Plat. de Ei ap. D. VII, 406 W. (fr. 49 M.): πῦρὸς ἀνταμείβεται πάντα, φησὶν ὁ Ἡράκλειτος, καὶ πῦρ ἀπάντων, ὡσπερ χρυσοῦ χρήματα καὶ χρημάτων χρυσοῦς.

³⁾ Diog. Laert. IX, 9: πυκνούμενον γὰρ τὸ πῦρ ἐξυγραινέσθαι συνισταμένον τε γίνεσθαι ὕδωρ, πηγνύμενον δὲ τὸ ὕδωρ εἰς γῆν τρέπεσθαι· καὶ ταύτην ὁδὸν ἐπὶ τὸ κάττω εἶναι λέγει· πάλιν τ' αὐτὴν τὴν γῆν χεῖσθαι, ἔξ ἧς τὸ ὕδωρ γίνεσθαι, ἐκ δὲ τούτου τὰ λοιπά... αὕτη δ' ἐστὶν ἡ ἐπὶ τὸ ἀνω ὁδός. Ср. выше, стр. 108 прим. 6 и 7.

⁴⁾ Ibid. IX, 8.

⁵⁾ Sext. Emp. adv. Math. VII, 126 (fr. 23 M.): κακοὶ μάρτυρες ἀνθρώποισι ὀφθαλμοὶ καὶ ὠτα βαρβάρους ψυχᾶς ἐχόντων.

⁶⁾ Clemens Strom. II, 2, 432 (fr. 5 B.): οὐ γὰρ φρονέουσι τοιαῦτα πολλοὶ ὀκόσοισι (Гатакеры вмѣсто ὀκόσοι) ἐγκυρέουσι οὐδέ μαθόντες γινώσκουσι, ἐωυτοῖσι δὲ δοκέουσι.

⁷⁾ Hipp. Haeres. Ref. 281 (fr. 95 M.): ἐξηπάτηνται, φησὶν, οἱ ἀνθρωποι πρὸς τὴν γνῶσιν τῶν φανερῶν παραπλησίως· Ὀμήρῳ, δε ἐγένετο τῶν Ἑλλήνων σοφώτερος πάντων. ἐκεῖνόν τε γὰρ παῖδες φθείρας κατακτείνοντες ἐξηπάτησαν εἰπόντες· ὄσα εἶδο-

такъ что, подобно глухимъ, присутствуя отсутствуютъ ¹⁾." Эти изреченія Гераклита вмѣстѣ съ другими, напримѣръ, что онъ изслѣдовалъ самъ себя ²⁾, что многознаніе ума не обучаетъ ³⁾; что тайная гармонія лучше явной, ⁴⁾, что цѣль мудрости постигнуть управляющее всѣмъ разумѣніе ⁵⁾, что наши слова только тогда могутъ быть убѣдительными, когда мы основываемъ ихъ на томъ, что обще всѣмъ людямъ, а обще всѣмъ людямъ разумѣніе ⁶⁾—даютъ основаніе предполагать, что въ главахъ Гераклита внутренній опытъ имѣлъ большее значеніе, чѣмъ опытъ внѣшній, и что свидѣтельство чувствъ онъ ставилъ ниже, чѣмъ ясность мысли ⁷⁾. Но другіе отрывки, напримѣръ; „я предпочитаю то, что можно видѣть и слышать и чему можно научиться ⁸⁾“, „глаза болѣе достовѣрные свидѣтели, чѣмъ уши ⁹⁾“, „если бы все превратилось въ дымъ, то это распознали бы носъ ¹⁰⁾“, „чувства познаютъ огонь правильно ¹¹⁾“, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Гераклитъ не отрицалъ значенія и за внѣшнимъ опытомъ и даже иногда приравнивалъ его внутреннему ¹²⁾. Нужно думать, что вопросъ о достовѣрности по-

μεν καὶ καταλάβομεν, ταῦτα ἀπελείπομεν, ὅσα δὲ οὔτε εἶδομεν οὔτε ἐλάβομεν, ταῦτα φέρομεν. Смыслъ отрывка становится яснымъ лишь въ томъ случаѣ, если вспомнимъ о слѣпотѣ Гомера.

¹⁾ Theodoret. Therap. I, 13, 49 (fr. 4 M.): ἀξύνετοι ἀκούσαντες κωφοῖς εἰσκασι φάτις αὐτοῖσι μαρτυρεῖ παρεόντας ἀπειναί.

²⁾ Plut. adv. Colot. XX, 378 W. (fr. 84 M.): ὁ δὲ Ἡράκλειτος ὡς μέγα τι καὶ σεμνὸν διαπεπραγμένον, Ἐδιζησάμην, ἔφη, ἐμειωτόν.

³⁾ Diog. Laert. IX, 1 (fr. 14 M.): πολυμαθὴν νόον οὐ διδάσκει. Ἡσίοδον γὰρ ἂν εἶδαξε καὶ Πυθαγόρην, αὐτὶς τε Ξενοφάνεά τε καὶ Ἑκκταίον. Ср. fr. 15 (M).

⁴⁾ Plut. De Anim. progr. XXVII, 119 W. (fr. 40 M.): ἀρμονίη γὰρ ἀφανὴς φανερῆς κρέσσων καθ' Ἡράκλειτον. Подъ тайной гармоніей Гераклитъ, очевидно, подразумѣвалъ законы гармоніи.

⁵⁾ См. выше, стр. 109 пр. 6.

⁶⁾ Stob. Flor. III, 84 (fr. 111 B.): Εὐνὸν ἐστὶ πᾶσι τὸ φρονεῖν. Ἐν νόμῳ λέγοντας ἰσχυρίζεσθαι χρὴ τῷ εὐνῷ πάντων, ὅκωσπερ νόμῳ πόλις καὶ πολὺ ἰσχυροτέρως, τρέφονται γὰρ κ. т. д. (выше, стр. 109 пр. 3). Ср. на слѣд. стр. пр. 5.

⁷⁾ Zeller, Philosophie der Griechen, I, S. 650, f.

⁸⁾ Hipp. Haeres. Refut. 281 (fr. 94 M.): ὄσων ὄψις, ἀκοή, μάθησις, ταῦτ' ἐγὼ προτιμῶ.

⁹⁾ Polyb. XII, 27 (fr. 24 M.): ὀφθαλμοὶ γὰρ τῶν ὤτων ἀκριβέστεροι μάρτυρες.

¹⁰⁾ Arist. De Sensu 5,443 a, 28 (fr. 26 M.): διὸ καὶ Ἡράκλειτος οὕτως εἶρηκεν ὡς εἰ πάντα τὰ ὄντα καπνὸς γένοιτο, ῥίνας ἂν διαγνοίεν.

¹¹⁾ Lucret. De rer. nat. I, 696—697:

credit enim sensus ignem cognoscere vere,
cetera non credit, quae nilo clara minus sunt.

¹²⁾ Schuster, S. 27, f.

знанія предносился Гераклиту смутно и неопредѣленно, и что этимъ именно и объясняется двойственность въ томъ, что онъ говорить о познаніи ¹⁾.

Въ нравственномъ и религіозномъ мировоззрѣніи Гераклита также двойственность. Въ однихъ отрывкахъ онъ стоитъ на почвѣ строгаго объективизма. Въ человѣческихъ законахъ видитъ онъ выраженіе закона божественнаго ²⁾ и призываетъ бороться за законъ, какъ за стѣну ³⁾; онъ раздѣляетъ древнее вѣрованіе, что надъ міромъ блюдетъ Правда, которая (говоритъ онъ) вмѣстѣ со своими помощницами Ериніями найдетъ даже солнце, если оно перейдетъ положенный ему предѣлъ ⁴⁾; онъ говоритъ, что должно слѣдовать общему и выражаетъ сожалѣніе, что, несмотря на это, каждый живетъ по своему усмотрѣнію ⁵⁾. Но съ другой стороны, мы отъ него слышимъ что люди не знали бы имени правды, если бы не было законовъ ⁶⁾, что справедливое и несправедливое, хорошее и дурное различаютъ только люди, но что для бога (т.-е. для природы) все одина-

¹⁾ Целлеръ (Philosophie der Griechen, I, 656) по поводу отрывка 60 М. (на пред. стр. прим. 8) справедливо замѣчаетъ, что фрагментъ этотъ не рѣшаетъ вопроса о томъ, сколько по Гераклиту способствуетъ знанію опытъ и сколько мысль. Но если бы Гераклитъ не придавалъ никакого значенія свидѣтельству чувствъ въ сравненіи со свидѣтельствомъ разума (какъ склоненъ думать Целлеръ), то онъ не могъ бы сопоставлять $\delta\psi\iota\varsigma$ и $\acute{\alpha}\kappa\omicron\eta$ съ $\mu\acute{\alpha}\theta\eta\tau\iota\varsigma$. Это сопоставленіе доказываетъ, на мой взглядъ, что Гераклитъ въ этомъ отрывкѣ либо приравнивалъ $\delta\psi\iota\varsigma$ и $\acute{\alpha}\kappa\omicron\eta$ знанію ($\mu\acute{\alpha}\theta\eta\tau\iota\varsigma$) или, что вѣрнѣе, рассматривалъ $\delta\psi\iota\varsigma$ и $\acute{\alpha}\kappa\omicron\eta$ какъ средство къ $\mu\acute{\alpha}\theta\eta\tau\iota\varsigma$. Равнымъ образомъ, если бы Гераклитъ неизмѣнно считалъ опытное познаніе ничтожнымъ, то онъ не могъ бы, какъ въ отрывкѣ 24 М. (пред. стр. прим. 9) противопоставлять зрѣніе слуху какъ чувство болѣе достоверное чувству менѣе достоверному, такъ какъ зрѣніе даетъ нашему опыту болѣе содержаніе, чѣмъ всякое другое чувство. Не только свидѣтельству зрѣнія и слуха Гераклитъ придавалъ извѣстное значеніе, но и свидѣтельству обонянія, какъ видно изъ отрывка 26 М. (пред. стр. прим. 10). Приведенныя выше слова Лукреція лучше всего доказываютъ непосредственность Гераклита. Попытки Шлейермахера, Бернэйса, Лассала, Шустера, Целлера и др. объединить всѣ противорѣчивыя изреченія Гераклита въ цѣльномъ послѣдовательномъ мировоззрѣніи кажутся мнѣ скорѣе остроумными, чѣмъ правильными и заслуживающими подражанія.

²⁾ См. выше, стр. 109, прим. 3.

³⁾ Dlog. Laert. IX, 2 (fr. 20 М.): $\mu\acute{\alpha}\chi\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ $\chi\rho\eta$ τὸν δῆμον ὑπὲρ νόμου $\delta\kappa\omega\varsigma$ ὑπὲρ τεύχεος.

⁴⁾ Plut. De exil. XI, 298 W. (fr. 34 М.): Ἥλιος γὰρ οὐχ ὑπερβήσεται μέτρα, φησὶν ὁ Ἡράκλειτος, εἰ δὲ μή, Ἐρινύες μιν Δίκης ἐπικούρου ἔξευρήσουσι.

⁵⁾ Sext. Empir. adv. Math. VII, 133 (fr. 58 М.): διὸ δεῖ ἐπεσθαὶ τῷ εὐνῶ τῷ λόγῳ δὲ ἐόντος εὐνοῦ ζωουσιν οἱ πολλοὶ ὡς ἰδίην ἔχοντες φρόνησιν.

⁶⁾ Clemens, Strom. IV, 3, 568: δίκης $\delta\nu\omicron\mu\alpha$ οὐκ $\acute{\alpha}\nu$ ἤδεσαν, εἰ ταῦτα (οἱ νόμοι какъ можно судить изъ контекста) $\mu\eta$ ἦν.

ково хорошо и справедливо ¹⁾, что благо—относительно ²⁾, что при-
рода и законъ часто противорѣчатъ другъ другу ³⁾, что „законъ и

¹⁾ Schol. ad Pl. IV, 4 Bekk. p. 126, a, 4 (fr. 61 B.): Ἡράκλειτος λέγει ὡς τῷ μὲν θεῷ καλὰ πάντα καὶ ἀγαθὰ καὶ δίκαια, ἄνθρωποι δὲ ἢ μὲν ἄδικοι ὑπειλήφασιν, ἢ δὲ δίκαιοι. Ср. Plato, Theaet. 167, C. По Протагору справедливость опредѣляется мнѣніемъ о ней: οἱ γὰρ ἐκάστη πόλει δίκαια καὶ καλὰ δοκῆ, ταῦτα καὶ εἶναι αὐτῇ ἕως ἂν αὐτὰ νομίζῃ. Ср. также Plato, Protog. 327, C, слѣд., гдѣ Протагоръ указываетъ на относительность справедливости къ взглядамъ на нее и къ состояніямъ культуры.

²⁾ Stob. Flor. III, 83—84 (fr. 47 M.): ἀνθρώποισι γίνεσθαι ὀκῶσα θέλουσι οὐκ ἄμεινον νοσοῦς ὑγιεινὴ ἐποίησε ἡδὺ καὶ ἀγαθόν, λιμὸς κόρον, κάματος ἀνάπαυσιν. Ср. выше, стр. 107, прим. 6. Ср. также Plato, Theaet. 157, D: по Протагору μὴ τι εἶναι ἄλλα γίνεσθαι δεῖ ἀγαθὸν καὶ καλὸν и пр.

³⁾ (Pseudo) Hippocr. De Diaeta, 1, с. 11 (fr. 96 M.): οἱ δὲ ἄνθρωποι ἐκ τῶν φανερῶν τὰ ἀφανέα σκέπτεσθαι οὐκ ἐπίστανται. τέχνησι γὰρ χρεόμενοι ὁμοίῳ ἄνθρω-
πινῇ φύσει οὐ γινώσκουσι. θεῶν γὰρ νόος ἐδίδαξε μιμῆσθαι τὰ ἐσωτῶν γινώσκοντας ἢ ποιέουσι καὶ οὐ γινώσκοντας ἢ μιμῶνται. πάντα γὰρ ὁμοία ἀνόμοια ἔοντα καὶ σύμφορα πάντα διάφορα ἔοντα· διαλεγόμενα οὐ διαλεγόμενα· γινώμην ἔχοντα ἀγνώμονα· ὑπεναντίον ὁ τρόπος ἐκάστων ὁμολογούμενος. νόμος γὰρ καὶ φύσις οἷσι πάντα διαπρήσεται οὐχ ὁμο-
λογεῖ τὰ ὁμολογούμενα. νόμον γὰρ ἔθεσαν ἄνθρωποι αὐτοὶ ἐσωτοῖσι, οὐ γινώσκοντες περὶ ὧν ἔθεσαν. φύσιν δὲ πάντες θεοὶ διεκόσμησαν. τὰ μὲν ὧν ἄνθρωποι ἔθεσαν οὐδέ-
κοτε κατὰ τωτῶν ἔχει οὔτε τὰ ὀρθὰ οὔτε τὰ μὴ ὀρθὰ. ὀκῶσα δὲ θεοὶ ἔθεσαν αἰεὶ ὀρ-
θῶς ἔχει. καὶ τὰ ὀρθὰ καὶ τὰ μὴ ὀρθὰ τοσοῦτον διαφέρει. Этотъ отрывокъ, какъ видно изъ его общаго характера и сопоставленія съ отрывкомъ, приведеннымъ въ 1 примѣчан-
нн, бесспорно передаетъ мысль Гераклита,—какъ и вся вообще 1-я книга De Diaeta написана въ духѣ этого философа. О времени, къ которому относится это сочиненіе, существуютъ различныя мнѣнія. Тейхмюллеръ (Nene Studien, I, 249 f.) называетъ пе-
риодъ между Гераклитомъ и Анаксагоромъ, Шустеръ (S. 99, 110)—александрійскую эпоху, Целлеръ—первую треть четвертаго вѣка до Р. X. (Philosophie der Grie-
chen, I, S. 633 f.) Какъ рѣшающія доказательства въ пользу своего мнѣнія Целлеръ приводитъ впервые то, что въ главѣ 23 упоминается о семи гласныхъ алфавита, а седьмая гласная введена официально въ аттическій алфавитъ только послѣ Евклида (403 до Р. X.); во вторыхъ (самое главное) то, что въ нашемъ мѣстѣ противопоставляются φύσις и νόμος, но такое противопоставленіе начинается только съ софистовъ. Быть можетъ, хронологическое опредѣленіе, данное Целлеромъ, вѣрно. Но съ замѣчаніемъ, что νόμος и φύσις (установленное обычаемъ или закономъ и истинное) стали противопоставляться только при софистахъ, нельзя согласиться. Это противопоставленіе встрѣчается (кромя Гераклита) уже у Емпедокла, Демокрита и Филолая. Первый говоритъ (v. 111—112 M.):

εἴτε δ' ἀποκρινθῶσι, τὸ δ' αὖ δυσδαίμονα πότμον
ἀπρεπέως καλέουσι, νόμῳ δ' ἐπίφημι καὶ αὐτός,

второй (Diog. Laert. IX, 45) ποιητὰ δὲ νόμιμα εἶναι (или, какъ читаетъ Целлеръ, Phi-
losophie der Griechen I, 783, 2: ποιότητος δὲ νόμῳ εἶναι), φύσει δ' ἀτόμους καὶ κενόν
и (Sext. Emp. adv. Math. VII, 135; Pyrrh. 1, 213) νόμῳ γλυκὸν καὶ νόμῳ πικρόν, νό-
μῳ θερμὸν, νόμῳ ψυχρόν, νόμῳ χροῖή. ἐτεῖ δὲ ἄτομα καὶ κενόν. ἄπερ νομίζεται μὲν
εἶναι καὶ δοεᾶζεται τὰ αἰσθητά, οὐκ ἔστι δὲ κατὰ ἀλήθειαν ταῦτα, ἀλλὰ τὰ ἄτομα μὲν
καὶ κενόν, третій (Nicom. Arith. m. I, 25, fr. 25 M.) прямо φύσει καὶ οὐ νόμῳ.

советъ слѣдовать волѣ одного человѣка¹⁾. Въ Гераклитѣ, какъ въ человѣкѣ высоко даровитомъ, личность слишкомъ сильно предъявляла свои права и заставляла его противъ воли становиться на точку зрѣнія рефлексіи. На такой точкѣ зрѣнія, кромѣ только что приведенныхъ отрывковъ, Гераклитъ стоитъ въ особенности въ тѣхъ изреченіяхъ, которыя оправдываютъ за нимъ данное ему (Тимономъ Силлографомъ) прозваніе плакши ругателя толпы²⁾. Въ одномъ изъ отрывковъ онъ указываетъ на неразуміе людей, которые слушаются народныхъ пѣвцовъ и поучаются у толпы, не соображая того, что большинство людей дурны и только немногіе хороши, что только наилучшіе избираютъ своимъ удѣломъ вѣчную славу, а остальные живутъ, какъ скоты³⁾. Въ другомъ онъ заявляетъ, что слѣдовало-бы всѣхъ взрослыхъ Ефесцевъ повѣсить, а несовершеннолѣтнимъ покинуть городъ за то, что они изгнали самаго лучшаго гражданина Гермодора, сказавъ: „Среди насъ не долженъ быть никто наилучшимъ, а если такой явится, то пусть идетъ

Ср. также Aristot. Soph. Elench. XII, 173 a, 7, слѣд.: πλείστος δὲ τὸ πρὸς ἐστὶ τοῦ ποιεῖν παράδοξα λέγειν ὡς περ καὶ Καλλικλῆς. ἐν τῇ Γοργία γέγραπται λέγων, καὶ οἱ ἀρχαῖοι δὲ πάντες ψοντο συμβαίνειν, παρὰ τὸ κατὰ φύσιν καὶ κατὰ τὸν νόμον, ἐναυτία γὰρ εἶναι φύσιν καὶ νόμον, καὶ τὴν δικαιοσύνην κατὰ νόμον μὲν εἶναι καλὸν κατὰ φύσιν δ' οὐ καλόν, ἔξ ἧς ποδὲ οἱ ἀρχαῖοι πάντες ничто не заставляють подразумѣвать однихъ только софистовъ. Целлеръ говоритъ (Ibid. S. 636): Die Frage ist nicht, ob sich der sachliche Unterschied der philosophischen Ansicht von der herkömmlichen, auch nicht, ob sich die Ausdrücke νόμος und φύσις jedes für sich, sondern ob sich diese so formulirte grundsätzliche Entgegenstellung beider in dem Sprachgebrauch und der Denkweise der früheren Zeit nachweisen lässt, и однакоже самъ сопоставляетъ (Ibid. S. 635) только что приведенныя слова Емпедокла и Демокрита съ нашимъ отрывкомъ, съ цѣлью доказать, что противопоставленіе φύσις и νόμος въ послѣднемъ навѣрно воспоминаніемъ о первыхъ. Bei Heraclit—замѣчаетъ далѣе Целлеръ (Ibid. S. 636)—nähen sich die menschlichen Gesetze von dem göttlichen, nach unserem Verfasser stehen sie in einem natürlichen Widerspruch. Но вѣдь одинъ и тотъ же Гераклитъ призываетъ слѣдовать общему и объявляетъ закономъ волю одного человѣка, называетъ самопревышеніе священною болѣзью, но считаетъ нужнымъ тушить ее пуще пожара и пр. На мой взглядъ, нѣтъ причины сомнѣваться, что Гераклитъ могъ противоставлять νόμος и φύσις.

¹⁾ Clemens, Strom. V, 14, 718 (fr. 56 M.): νόμος καὶ βουλή πείθεσθαι ἐνός. Ср. Diog. Laert. IX, 16: ὁ εἷς μύριοι παρ' Ἡρακλείτῳ, ἐάν ἀριστος ᾖ. Olymp. in Platon. Gorg., 87: εἷς ἐμοὶ ἀντὶ πολλῶν.

²⁾ Tim. Phlias. ap. Diog. Laert. IX, 6 (v. 25 M.): τοῖς δ' ἐνὶ κοκκυστῆς ὄχλο-λοῖσθρος Ἡρακλείτος.

³⁾ Plocl. in Alcib. p. 225 Cr. (fr. 111 B.): Τίς γὰρ αὐτῶν νόος ἢ φρήν; δῆμων αἰδοῖσθαι ἔπονται καὶ διδασκάλῳ χρέωνται ὁμίλῳ, οὐκ εἰδότες ὅτι πολλοὶ κακοὶ ὀλίγοι δὲ ἀγαθοὶ. αἰρεθῶνται γὰρ ἐν ἀντία πάντων οἱ ἀριστοὶ, κλέος ἀέναον θνητῶν, οἱ δὲ πολλοὶ κεκόρηται δικασπερ κτήνεα. (Текстъ исправленъ Бернэйсомъ по сличеніи съ Clem. Strom. V, 9, 682).

въ другое мѣсто и будетъ лучшимъ среди другихъ ¹⁾“ (Любопытное свидѣтельство о демократической нетерпимости и о косвенномъ при- знанїи Гераклитомъ правъ личности). Въ третьемъ отрывкѣ Гераклитъ окидываетъ критическимъ взглядомъ всю нравственную жизнь. „Люди (говорить онъ ²⁾) съ молоду прїучаются творить беззаконїя по зако- ну, неправду по правдѣ, грабить, дѣлать насилїя. Кто не поступаетъ такъ, тотъ не хорошъ, и хорошъ тотъ, кто такъ поступаетъ. Соб- равшись на рынокъ, они обманываютъ другъ друга при куплѣ и про- дажѣ; кто обманулъ всѣхъ больше, тотъ заслуживаетъ наибольшаго уваженїя. Они бѣгаютъ, борются, сражаются, воруютъ, лгутъ, дума- ютъ одно, говорятъ другое, мѣняютъ мысли каждое мгновенїе, такъ что однимъ человѣкъ въ дверь входитъ, а другимъ выходитъ“³⁾. Не менѣе суровъ приговоръ Гераклита и о религіозныхъ обычаяхъ. Онъ указываетъ на безсмысліе молиться идоламъ, взывать къ которымъ все равно, что болтать со стѣнами дома, тѣмъ болѣе, что люди обы- кновенно не знаютъ какъ слѣдуетъ ни своихъ боговъ, ни героевъ ⁴⁾; ставить на видъ нелѣпость приносить кровавыя жертвы, которыми можно не лучше очиститься, чѣмъ смыть грязью грязь ⁵⁾; порицаетъ безстыдство фаллическихъ оргїй, прикрывающихся именемъ Дїониса ⁶⁾.

Всеобщїй потокъ Гераклита и его взглядъ на борьбу и проти- воположенїе какъ на необходимое условїе всякаго быванїя, были ото- браженїемъ подвижной демократической жизни Ефеса, родины Ге- раклита. Какъ потомокъ древнихъ царей, Гераклитъ принадле- жалъ къ аристократической партїи ⁶⁾; но его гениальная обособлен-

¹⁾ Strabo, 25, 642 (fr. 57 M.): δειον Ἐφεσίοις ἡβηδὸν ἀπάγεσθαι πᾶσι καὶ τοῖσι ἀνήβοιαι τὴν πόλιν κατακτείνειν, οἵτινες Ἐρμόδιωρον ἐσωτῶν ὀνήσιτον ἐξέβαλον φάντες: Ἡμεῶν μηδὲ εἰς ὀνήσιτος ἔστω· εἰ δὲ τις τοιοῦτος ἄλλη τε καὶ μετ' ἄλλων.

²⁾ (Pseudo) Hippocr. De Diaeta, I, 24 (fr. 118, 122 Sch.): παιδοτριβὴ τοιόνδε διδάσκουσι παρανομεῖν κατὰ νόμον, ἀδικεῖν δικαίως ἐξαπατεῖν, κλέπτειν, ἀρπάζειν, βιάζεσθαι... ὁ μὴ ταῦτα ποιεῖν κακός, ὁ δὲ ταῦτα ποιεῖν ἀγαθός... ἐς ἀγορὴν ἐλθόντες ἀνθρώποι ταῦτα διαπρήσσονται· ἐξαπατεῖουσι πωλέοντες καὶ ὕνεόμενοι, ὁ πλείστα ἐξα- πατήσας οὗτος θαυμάζεται... τρέχουσι, παλαίοισι, μάχονται, κλέπτουσι, ἐξαπατεῖουσι καὶ τ. δ.

³⁾ Origen. c. Cels. VII, 73, 8 (fr. 61. M.): καὶ τοῖσι ἀγάλμασι τούτοις εὐχον- ται, ὁκοῖον εἴ τις τοῖσι δόμοισι λεσηνεύοιτο, οὔτε γινώσκων θεοῦ οὔτε ἥρωας οἵτινες εἰσι.

⁴⁾ El. Cret. ad Greg. Naz. or. XXIII, p. 836 (fr. 130 B.): καθάιρονται δὲ αἵμα- τι μιανόμενοι ὡσπερ ἂν εἴ τις ἐς πηλὸν ἐμβὰς πηλῷ ἀπονίζοιτο.

⁵⁾ Clem. Coh. II, 30 (fr. 81 M.): εἰ μὴ γὰρ Διόνυσῳ πομπὴν ἐποιοῦντο καὶ ὕμνεον ᾄσμα αἰδοῖοισι, ἀναιδέστατα ἂν εἴργαστο, φησὶν Ἡράκλειτος· οὗτός δὲ Ἄϊδος καὶ Διόνυσος φησὶ μαίνονται καὶ ληναῖζουσι. Адъ, богъ мертвыхъ, приравнивается Ге- раклитомъ Дїонису, богу происхожденїя и жизни, въ силу того, что, по Гераклиту, вся- кая жизнь предполагаетъ смерть и наоборотъ. См. выше, стр. 108 прим. 5.

⁶⁾ См. выше, стр. 106 прим. 4. Ср. также Schuster, S. 360 f., 377 f.

ность ¹⁾ слишком близко подходила къ духу демократіи, чтобы остаться имъ незатронутымъ. Только что приведенныя нравственныя и религіозныя замѣчанія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Гераклитъ самъ страдалъ тѣмъ самопревышеніемъ, которое называлъ священною болѣзнию ²⁾, но которое тѣмъ не менѣе считалъ нужнымъ тушить пуще пожара ³⁾. Своей мимовольной рефлексіей Гераклитъ (подобно Ксенофану) положилъ философскія сѣмена религіознаго и нравственнаго скептицизма. Перенесенныя въ Аѣины, они дали обильный приплодъ, такъ какъ нашли тамъ не только близко родственную ⁴⁾, но и болѣе разработанную почву, чѣмъ въ Ефесѣ ⁵⁾.

Въ рѣзкомъ противорѣчій съ ученіемъ Гераклита о безусловной измѣняемости первоосновы стоитъ ученіе Елейцевъ о безусловной неподвижности сущаго. При всей однако противоположности воззрѣній на свойство первоосновы, Гераклитъ и Елейцы были представителями одного и того же объективнаго направленія. То и другое ученіе полагаетъ мѣру и средоточіе всего во внѣшней дѣйствительности; то и другое не желаетъ признавать самостоятельности за единичными явленіями,—ученіе Гераклита, какъ за всплесками волны на всеобщемъ потокѣ быванія, ученіе Елейцевъ, какъ за созданными воображеніемъ призраками. Въ этомъ отрицаніи единичнаго и исключительномъ признаніи общаго философскій объективизмъ нашелъ въ противорѣчивыхъ внутренно и взаимно ученіяхъ Гераклита и Елейцевъ крайнее, само себя разлагающее выраженіе ⁶⁾, сдѣлавшее необхо-

¹⁾ Cp. Stob. Flor. III, 81 (fr. 18 M.): *ὀκόσων λόγους ἤκουσα, οὐδεὶς ἀφικνέεται ἐς τοῦτο, ὥστε γινώσκειν, ὅτι σοφὸν ἐστὶ πάντων κεχωρισμένων.*

²⁾ Diog. Laert. IX, 7 (fr. 78 M.): *τὴν τε οἴησιν ἱερὰν νόσον ἔλεγε.*

³⁾ Diog. Laert. X, 2 (fr. 17 M.): *ὑβρίν χρηὶ σβεννύειν μάλλον ἢ πυρκαϊήν.*

⁴⁾ Судьбы ефесской демократіи были особенно сходны съ судьбами аѣинской. См. Schuster, S. 377 f.

⁵⁾ О широкой распространенности Гераклитова ученія въ Малой Азійи свидѣлствуетъ Платонъ, Theaet. 179, D, слѣд.

⁶⁾ Cp. Aristot. Phys. I, 2, 185b, 20, сл.: *ἀλλὰ μὲν εἰ τῷ λόγῳ ἐν τὰ ὄντα πάντα ὡς λῦπιον καὶ ἱμάτιον, τὸν Ἡρακλείτου λόγον συμβαίνει λέγειν αὐτοῖς ταῦτόν γάρ ἐσται ἀγαθὸν καὶ κακῶ εἶναι καὶ μὴ ἀγαθὸν καὶ ἀγαθὸν, ὥστε ταῦτόν ἐσται ἀγαθόν καὶ οὐκ ἀγαθόν, καὶ ἀνθρώπος καὶ ἵππος, καὶ οὐ περὶ τοῦ ἐν εἶναι τὰ ὄντα ὁ λόγος ἐσται αὐτοῖς, ἀλλὰ περὶ τοῦ μηδέν.* Аристотель неоднократно останавливается на высказанной здѣсь мысли—что ученіе Гераклита ведетъ къ отрицанію закона противорѣчій. Metaph. IV, 7, 1012a, 24: *ἔοικε δ' ὁ μὲν Ἡρακλείτου λόγος, λέγων πάντα εἶναι καὶ μὴ εἶναι, ἅπαντα ἀληθῆ ποιεῖν.* Ibid. 8, нач.; *ibid.* XI, 5, 1062a, 31, слѣд.: *ταχέως δ' ἂν τις καὶ αὐτὸν τὸν Ἡρακλείτου... ἠνάγκασεν ὁμολογεῖν, μηδέποτε τὰς ἀντικειμένας φάσεις δυνατόν εἶναι κατὰ τῶν αὐτῶν ἀληθεύεσθαι· νῦν δ' οὐ συνίεις ἑαυτοῦ τί ποτε λέγει, ταύτην ἔλαβε τὴν δόξαν.* Ibid. 6, 1063, b, 24. Целлеръ (Philosophie der Griechen, I, 600 f.) беретъ Гераклита подъ защиту отъ этихъ обвиненій. Dem Satz des Wider-

димымъ переходъ къ противоположному направленію. Конѣцъ VI вѣка былъ какъ въ политической, такъ и въ философской жизни, временемъ поворота отъ объективизма къ субъективизму. Во второй половинѣ V вѣка, когда въ главномъ политическомъ центрѣ Греціи демократія стала вырождаться въ охлократію, ученія Гераклита и Елейцевъ превратились въ софистику.

Елейцы получили названіе отъ фокейской колоніи Елеи въ Южной Италіи. Въ этомъ городѣ основатель ученія, Ксенофанъ жилъ пришлецомъ, а два главнѣйшіе его послѣдователи—Парменидъ и Зенонъ, были уроженцами.

Исходная точка въ ученіи Ксенофана ¹⁾—опроверженіе многобо-

spruchs (говорить онъ) würde Heraklit nur dann entgeggetreten, wenn er behauptete, entgegengesetzte Bestimmungen können demselben Subjekt nicht blos gleichzeitig, sondern auch in der gleichen Beziehung zukommen. Diess thut er aber nicht: er bemerkt wohl, das Ein und dasselbe Wesen die entgegengesetztesten Zustände und Eigenschaften, zwischen denen es als ein werdendes schwebt, verknüpft seien; aber dass sie ihm in Einer und derselben Beziehung zukommen, sagt er nicht, und er sagt es ohne Zweifel desshalb nicht, weil er sich noch gar nicht gefrag hat, wie es sich in Betreff dieser, nnseres Wissens erst von Plato und Aristoteles ausdrücklich in's Auge gefassten, Bestimmung verhalte. Но если Гераклитъ и не подозрѣвалъ, что своимъ ученіемъ о тождествѣ противоположностей могъ идти въ разрѣзъ съ закономъ противорѣчія, то возможно ли отрицать, что онъ, хотя и неумышленно, шелъ противъ него? Теорія Протагора, что все истинно (Plato, Theaet. 158, A; 161, D; 167, A, ниже, стр. 122 прим. 1; Cratyl. 385, E) выработалась прямо и непосредственно изъ Гераклитова ученія; заимствованный Протагоромъ для доказательства той же теоріи у Парменида доводъ о несуществованіи небытія имѣлъ лишь побочное значеніе. Аристотель былъ поэтому совершенно правъ, что Гераклитово «все существуетъ и не существуетъ» дѣлаеть все истиннымъ. Не менѣе справедливо и другое замѣчаніе Аристотеля, что Гераклитъ, утверждая тождество противоположностей, не давалъ себѣ отчета въ томъ, что говорилъ. Напротивъ, Протагоръ вполне сознательно воспользовался этою мыслью Гераклита, чтобы, подкрѣпивъ ее ученіемъ Парменида о небытіи, выставить положеніе, что ни противъ чего нельзя возражать, такъ какъ обо всемъ существуютъ одинаково истинныя противорѣчивыя сужденія. (Diog. Laert. IX, 51: καὶ πρῶτος ἔφη τὸ δύο λόγους εἶναι περὶ παντὸς πράγματος ἀντικειμένων ἀλλήλοις οἷς καὶ συνηρώτα, πρῶτος τὸ τοῦ πράξεως—πρῶτος въ противоположности Зенону, который доказывалъ равную правдивость взаимно отрицающихъ сужденій, повидимому, только относительно нѣкоторыхъ свойствъ сущаго. См. ниже изложеніе ученія Зенона. См. свид. Diog. ср. Clem. Strom. VI, 8, 777; Senec. Ep. 88, 43). О томъ, въ какія противорѣчія влутывается ученіе Елейцевъ объ единствѣ бытія см. Plato, Soph. 244, B, ср. также Parmen. 137, C, слѣд.

¹⁾ Род. въ Колофонѣ въ концѣ первой половины VI вѣка. Изгнанный изъ роднаго города, велъ онъ, по его собственнымъ словамъ, съ двадцатипятилѣтняго возраста скитальческую жизнь въ теченіе семидесяти пяти лѣтъ по Еллинской землѣ, блуждая между прочимъ и въ Елеѣ. Во время скитаній онъ, по примѣру раисодовъ лично читалъ свои поэмы, которыхъ было нѣсколько, (Diog. Laert. IX, 18, слѣд.). Объ Елейцахъ см. Hegel, Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie, herausg. v. Michelet, Berlin, 1840 (2-te Aufl.), I, S. 261 f.; Ritter, Geschichte der Philosophie, Hamb.

жя ¹⁾. „Одинъ только величайшій богъ есть у боговъ и людей; онъ не похожъ на смертныхъ ни видомъ, ни мыслью ²⁾. Вѣчно пребываетъ онъ недвижимымъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, и ему не подобаеъ переходить на другое ³⁾. Онъ весь—зрѣнiе, весь—мысль, весь слухъ ⁴⁾, и безъ труда всѣмъ управляетъ мыслью своего ума ⁵⁾. Онъ—вѣченъ: не произошелъ и не можетъ погибнуть. А между тѣмъ люди думаютъ, что боги производятъ на свѣтъ, имѣютъ человѣческiя чувства, голосъ и видъ ⁶⁾. Но вѣдь, если бы у быковъ или коней были руки и если бы они умѣли рисовать и дѣлать тоже, что люди, то кони изображали бы боговъ въ видѣ коней, быки—въ видѣ быковъ и дѣлали бы ихъ такими, какъ они сами ⁷⁾. Эѳіопы изображаютъ боговъ черными и курносими, еракійцы—рыжими и свѣтлоглазами ⁸⁾; а Гомеръ и Гезіодъ возводятъ на боговъ даже то, что считается за позоръ и обиду среди людей—воровство, распутство, ложь и обманъ ⁹⁾“.

1836 (2-te Aufl.), I, S. 451 f. Zeller, Philosophie der Griechen, I, S. 463f.; Grote, Plato, I, p. 17, sq., 96, sq.; Karsten, Philosophorum veterum reliquiae, Amsterd. 1835, v. I Mullach, Fragmenta, I, p. 99, sq; 259, sq.

¹⁾ При изложеніи ученiя Ксенофана я оставляю безъ вниманiя соч. De Melisso etc., такъ какъ для рѣшенiя вопроса о томъ, что въ этомъ сочиненiи принадлежитъ Ксенофану и что другимъ, потребовалось бы особое изслѣдованіе. Ср. Zeller, Philosophie der Griechen, I, S. 463 f.

²⁾ Clemens, Strom. V, 601 (fr. 1 M.):

εἰς θεός ἐν τε θεοῖσι καὶ ἀνθρώποισι μέγιστος,
οὔτε δέμας θνητοῖσιν ὁμοίος οὔτε νόημα.

³⁾ Simp. Phys. 6r, 10 (fr. 4 M., по Карстену):

αἰεὶ δ' ἐν ταύτῳ τε μένειν κινούμενον οὐδὲν
οὐδὲ μετέρχεσθαι μιν ἐπιπρέπει ἄλλοτε ἄλλῃ.

⁴⁾ Sext. Emp. adv. Math. IX, 144 (fr. 2 M.):

οὐλος ὄρα, οὐλος δὲ νοεῖ, οὐλος δὲ τ' ἀκούει.

⁵⁾ Simpl. Phys. 6r, 15 (fr. 3 M.):

ἀλλ' ἀπάνευθε πόνοιο νόου φρενὶ πάντα κραδαίνει.

⁶⁾ Clemens, Strom. V, 601 (fr. 5 M.):

ἀλλὰ βροτοὶ δοκέουσι θεοὺς γεννᾶσθαι ὁμοίως
τὴν σφετέρην τ' αἴσθησιν ἔχειν φωνὴν τε δέμας τε.

⁷⁾ Ibid. (fr. 6 M.):

ἀλλ' εἶτοι χεῖράς γ' εἶχον βόες ἢ λέοντες,
ἢ γράψαι χεῖρεσσι καὶ ἔργα τελεῖν ἄπερ ἄνδρες,
ἵπποι μὲν θ' ἵπποισι, βόες δὲ τε βουσὶν ὁμοίως
καὶ κε θεῶν ἰδέας ἔγραφον καὶ σώματ' ἐποίουν
τοιαῦθ', οἷόν περ καὶ αὐτοὶ δέμας εἶχον ὁμοίον.

⁸⁾ Ibid. VII, 711: φησὶν ὁ Ξενοφάνης· Αἰθιοπές τε μέλανας σιμούς τε, Θράκés τε πυρρόους καὶ γλαυκοὺς (τοὺς θεοὺς διαζωγραφοῦσιν).

⁹⁾ Sext. Emp. adv. Mathem. IX, 193, I, 289 (fr. 7 M.):

πάντα θεοῖς ἀνέθηκαν Ὅμηρός τ' Ἡσιόδός τε

Таковы собственные слова Ксенофана. По другим свидетельствам, этот философ, утверждая единство бога, утверждалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и единство сущаго ¹⁾ и училъ, что богъ не отдѣлимъ отъ міра ²⁾. Но хотя Ксенофанъ опровергалъ возможность происхожденія бога и его подвижность, онъ не отрицалъ происхожденія міра и его измѣненій. Образование вещей онъ объявлялъ изъ соединенія воды и земли ³⁾ Примиришь противорѣчивые взгляды Ксенофана возможно лишь предположеніемъ, что онъ представлялъ бога безконечнымъ существомъ, заключающимъ въ себѣ міръ и остающимся неподвижнымъ, несмотря на происходящія въ мірѣ измѣненія.

Впрочемъ, Ксенофанъ не выдавалъ своего ученія за безусловную истину. „Боги не открыли (говорить онъ ⁴⁾ людямъ истину съ самаго начала, и только постепеннымъ изслѣдованіемъ люди улучшаютъ свое знаніе... Не было и не будетъ ни одного человѣка, который бы зналъ достовѣрное о томъ, что я говорю о богахъ и о мірѣ, а если кому и случится сказать что нибудь истинное, то онъ и самъ этого не знаетъ, а мнѣніе свойственно всемъ“ ⁵⁾. Эти послѣднія слова Ксе-

δσα παρ' ἀνθρώποισιν δνειδεα καὶ ψόγος ἐστὶ,
καὶ πλείστ' ἐφθέγγαντο θεῶν ἀθεμίιστα ἔργα,
κλέπτειν, μοιχεύειν τε καὶ ἀλλήλους ἀπατεύειν.

¹⁾ Plato, Soph. 242, D: τὸ δὲ παρ' ἡμῖν Ἑλεατικὸν ἔθνος, ἀπὸ Ξενοφάνους τε καὶ ἐτι πρόσθεν ἀρξάμενον, ὡς ἐνὸς ὄντος τῶν πάντων καλουμένων οὕτω διεξέρχεται τοῖς μύθοις. Xenoph. ap. Tim. Phlias. (v. 35—37 M):

ὄππῃ γὰρ ἐμὸν νόον εἰρύσαιμι,
εἰς ἓν ταῦτό τε πᾶν ἀνελύετο· πᾶν δ' ἐὸν αἰεὶ
πάντῃ ἀνεκκόμενον μίαν εἰς φύσιν ἴσαθ' ὁμοίαν.

Simpl. Phys. 5v, 55: μίαν τὴν ἀρχὴν ἦτοι ἐν τῷ ὄν καὶ πᾶν Ξενοφάνην ὑποτίθεσθαι φησὶν ὁ Θεόφραστος.

²⁾ Aristot. Metaph. I, 5, 986 b, 21 сл.: Ξενοφάνης... εἰς τὸν δλον οὐρανὸν ἀποβλέψας τὸ ἐν εἶναι φησι τὸν θεόν. Cic. Acad. II, 37: Xenophanes unum esse omnia dixit, neque id esse mutabile, et id esse Deum. Sext Emp. Pyrrh. I, 225: ἐν εἶναι τὸ πᾶν καὶ τὸν θεόν συμφυῆ τοῖς πᾶσι.

³⁾ Simpl. Phys. 41r, 30 (fr. 10 M.):

γῆ καὶ ὕδωρ πάνθ' ὄσα γίνονται ἡδὲ φύονται,

⁴⁾ Stob. Floril. XXXIX, 41 (fr. 16 M.):

οὔτοι ἀπ' ἀρχῆς πάντα θεοὶ θνητοῖς ὑπέδειξαν,
ἀλλὰ χρόνῳ ζητοῦντες ἐφευρίσκουσιν ἄμεινον.

⁵⁾ Sext. Emp. adv. Math. VII, 49 (fr. 14 M.):

καὶ τὸ μὲν οὖν σαφές αὐτὶς ἀνὴρ γένετ' οὐδέ τις ἔσται
εἰδώς ἀμφὶ θεῶν τε καὶ ἄσσα λέγω περὶ πάντων·
εἰ γὰρ καὶ τὰ μάλιστα τύχοι τετελεσμένον εἰπών,
αὐτὸς δμως οὐκ οἶδε δόκος δ' ἐπὶ πᾶσι τέτυκται.

Ср. также слова Ксенофана у Plut. Conv. Disp. IX, с. 4, 7, 748 W. (fr. 15 M.):
ταῦτα δεδόεσται εἰκότα τοῖς ἐτύμοισι.

нофана были самым ранним сознательным выражением и философского скептицизма ¹⁾.

Нравственное мировоззрение Ксенофана не стояло в непосредственной связи с его учением о единстве мира, но религиозное мировоззрение отражалось и на нравственном. Благомыслящие люди (говорит Ксенофанъ) должны прославлять бога чистыми и пристойными словами, должны делать ему возлияния и возсылать молитвы, чтобы онъ даровалъ имъ возможность поступать справедливо; такое настроение много лучше гордыни ²⁾... Хвалить должно того, кто всегда проявляет благородные помыслы и не забывает рвенія къ добродѣтели. Не слѣдуетъ вести разговоръ ни о сраженіи Титановъ, Гигантовъ и Кентавровъ—все это старыя сказки—ни о другихъ раздорахъ; въ такой болтовнѣ нѣтъ ничего хорошаго, но слѣдуетъ всегда быть готовымъ ревновать о богѣ ³⁾.

Ксенофанъ стоялъ особнякомъ не въ однихъ только религиозныхъ вѣрованіяхъ, онъ не раздѣлялъ и другихъ народныхъ воззрѣній. Между прочимъ онъ находилъ нелѣпнымъ, что побѣдителямъ на играхъ воздаютъ почести, а людей мудрыхъ оставляютъ безъ отличія. Этотъ обычай, говоритъ Ксенофанъ, неразуменъ: несправедливо ставить тѣ-

---

¹⁾ Целлеръ (Philosophie der Griechen, I, 503 f.) не согласенъ признать Ксенофана скептикомъ, такъ какъ замѣчанія послѣдняго о недостоверности знанія, хотя и вызваны его «скептическимъ настроеніемъ», основаны не на всестороннемъ изслѣдованіи познавательныхъ способностей, а на личномъ опытѣ Ксенофана. Но какая же была причина скептического настроенія Ксенофана? Его слова, что «если человѣкъ и скажетъ что-нибудь истинное, то онъ самъ этого не знаетъ, а мнѣніе свойственно всѣмъ» указываютъ на то, что Ксенофанъ сомнѣвался въ существованіи того «критерія», по которому можно было бы отличить истину отъ того, что только кажется, а къ сомнѣнію въ возможности такого критерія сводится всякій скептицизмъ. Безспорно, что Ксенофанъ не былъ такимъ полнымъ скептикомъ, какими были впоследствии Пирронъ, Ареспублиай, Карнеадъ и др., но слѣды скептицизма носить его ученіе несомнѣнно.

²⁾ Athen. X, 462 (fr. 21 M.):

χρη δὲ πρῶτον μὲν θεὸν ὑμνεῖν εὐφρονας ἀνδράς
εὐφρήμοις μύθοις καὶ καθαροῖσι λόγοις
σπεῖσαντάς τε καὶ εὐξαμένους τὰ δίκαια δύνασθαι
πρήσσειν· ταῦτα γὰρ ὡν ἔστι πρότιμ', ἔταροι,
οὐχ ὕβρεις.

³⁾ Ibid:

οὔτε μάχας διέπειν Τιτῆνων οὐδὲ Γιγάντων
οὐδὲ τὰ Κενταύρων, πλάσματα τῶν προτέρων,
ἢ στάσιος, φλεδόνας ταῖς οὐδὲν χρηστὸν ἐνεστί·
θεῶν δὲ προμηθεῖν αἰὲν ἔχειν ἀγαθήν.

лесную силу выше мудрости. Будетъ ли среди народа хорошій кулачный боецъ, или искусный борецъ, или скороходъ, или, наконецъ, побѣдитель во всѣхъ родахъ состязанія—отъ этого въ государствѣ не придеть законности и порядка ¹⁾. Смыслъ этихъ замѣчаній Ксенофана намъ будетъ яснѣе впоследствии ²⁾.

Ученіе Ксенофана о единствѣ и неизмѣняемости бытія развило его ближайшій послѣдователь—Парменидъ ³⁾. Свое ученіе Парменидъ раздѣлилъ на двѣ части—на „Ученіе истины“ и на „Ученіе мнѣнія“ ⁴⁾. Въ первой онъ изображаетъ бытіе такимъ, каково оно на самомъ дѣлѣ, во второй такимъ—какимъ оно кажется.

Все знаніе Ученія истины зиждется на двухъ слѣдующихъ положеніяхъ, представляющихъ самое раннее и въ то же время самое простое выраженіе логическихъ правилъ, извѣстныхъ подъ названіемъ законовъ тождества и противорѣчія: 1) Существуетъ только то, что существуетъ, или—только бытіе существуетъ, и 2) Существующее не можетъ не существовать, или что тоже—небытія нѣтъ.

Небытія не только нѣтъ, но о немъ нельзя ни мыслить, ни утверждать что-либо. Самое слово небытіе есть нелѣпость. Когда я мыслю и говорю „небытіе“—я мыслю мысль, которая существуетъ, и говорю слово, которое существуетъ; стало-быть, я мыслю и говорю бытіе, а не небытіе.

Если нѣтъ небытія, то не можетъ быть и множества въ бытіи, потому что множество предполагаетъ отдѣленіе одной существующей вещи отъ другой существующей вещи тѣмъ, что не тождественно съ существующими вещами, т.-е. чѣмъ-нибудь несуществующимъ, а между тѣмъ въ бытіи все сплошь бытіе.

Равнымъ образомъ, если нѣтъ небытія, то нѣтъ никакого происхожденія или движенія въ бытіи, потому что происхожденіе есть переходъ одного состоянія въ другое, существующаго въ несуществующее и наоборотъ, а движеніе возможно лишь тогда, когда есть пустота въ бытіи, т.-е. небытіе.

---

¹⁾ Athen. X, 413, sq. (fr. 19 M.):

ἀλλ' εἰκὴ μάλα τοῦτο νομίζεται, οὐδὲ δίκαιον
προκρίνειν ῥώμην τῆς ἀγαθῆς σοφίης κτ. пр.

²⁾ См. главу V.

³⁾ Род. въ концѣ VI вѣка въ Елеѣ. Шестидесятипятилѣтнимъ старцемъ посѣтилъ онъ Аѳины вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ Зенономъ и здѣсь бесѣдовалъ съ Сократомъ, тогда еще юношей. Plato, Parm. 127, A; Theaet. 183, E; Soph. 217, C.

⁴⁾ Parm. in Proem. ap. Sext. Emp. adv. Math. VII, 111 (v. 28—30 M.). Procl. in Parm. V, 310 и др.

Наконецъ, если нѣтъ небытія, то въ бытіи не можетъ быть никакого недостатка: повсюду оно законченное, цѣлое, сплошное бытіе.

Свидѣтельства чувствъ стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчій со всѣми этими выводами. Отсюда слѣдуетъ, что чувствамъ вѣрить нельзя. Единственный правильный путь познанія—путь мысли объ единомъ, вѣчномъ, неизмѣнномъ, недѣлимомъ, сплошномъ, цѣльномъ, совершенномъ бытіи.

Парменидъ выражаетъ эти мысли слѣдующимъ образомъ:
 „Вотъ я скажу тебѣ, а ты выслушай и запомни мое слово. о томъ, какіе единственные пути изслѣдованія мыслимы. Одинъ—что бытіе есть, а небытія нѣтъ. Это стезя убѣжденія, по которой сопровождаетъ истина. Другой—что бытія нѣтъ, а небытіе должно быть. Эту тропу я тебѣ отмѣчаю какъ самую неубѣдительную. Небытія нельзя ни познать (оно непостижимо), ни выразить, такъ какъ бытіе и мысль тождественны¹⁾. Должно мыслить и утверждать, что

¹⁾ Procl. in Tim. 105 (v. 33—40 M.):

εί δ' ἄγ', ἐγὼν ἐρέω, κόμισαι δὲ σὺ μῦθον ἀκούσας
 αἴπερ ὁδοὶ μόναι διζήσιός εἰσι νοῆσαι·
 ἢ μὲν, ὅπως ἔστιν τε καὶ ὡς οὐκ ἔστι μὴ εἶναι,
 πειθοῦς ἐστι κέλευθος, ἀληθείη γὰρ ὀνηδεῖ·
 ἢ δ', ὡς οὐκ ἔστιν τε καὶ ὡς χρεῶν ἐστι μὴ εἶναι,
 τὴν δὴ τοι φράζω παναπειθέα ἔμμεν ἀταρπὸν·
 οὔτε γὰρ ἂν γνοίης τό γε μὴ ἔόν, (οὐ γὰρ ἐφικτόν)
 οὔτε φράσαις. τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστὶν τε καὶ εἶναι.

Das heisst aber nicht, (замѣчаетъ о послѣднихъ словахъ Целлеръ, Philosophie der Griechen, I, 512) Denken und Sein ist dasselbe, sondern es ist, wie der Zusammenhang zeigt, ἔστιν zu lesen und zu übersetzen: «denn dasselbe kann gedacht werden und sein», nur das, was sein kann, lässt sich denken. Но Парменидъ нигдѣ не основываетъ своихъ доказательствъ на томъ, что только можетъ быть, а всегда на томъ, что необходимо должно быть. Правильность предложеннаго мною перевода доказывается 1-мъ стихомъ въ привед. на стр. 126 прим. 1 отрывкѣ, гдѣ мысль отождествляется съ тѣмъ, о чемъ она мыслить. Съ тѣмъ, что говоритъ здѣсь Парменидъ, ср. Plato, Theaet. 167, A, слова Протагора: ἐπεὶ οὐ τί γε ψευδῆ δοξάζοντά τις τιν' ὕστερον ἀληθῆ ἐποίησε δοξάζειν· οὔτε γὰρ τὰ μὴ ὄντα δυνατόν δοξάσαι, οὔτ' ἄλλα παρ' ἂν πάσῃ ταῦτο δ' αἰεὶ ἀληθῆ. Ср. также Plato, Euthyd. 283, E—284, A: Τί δέ, ἔφη, ὦ Κτήσιππε, ὁ Εὐθύδημος, ἢ δοκεῖ σοι οἷόν τ' εἶναι ψεύδεσθαι; Νῆ Δία, ἔφη, εἰ μὴ μαίνομαι γε. Πότερον λέγοντα τὸ πρᾶγμα, περὶ οὐ ἂν ὁ λόγος ἦ ἢ μὴ λέγοντα; Λέγοντα, ἔφη. Οὐκοῦν εἴπερ λέγει αὐτὸ ἄλλο λέγει τῶν ὄντων ἢ ἐκεῖνο, ὅπερ λέγει. Πῶς γὰρ ἂν; ἔφη ὁ Κτήσιππος. Ἐν μὴν κάκεινό γ' ἐστὶ τῶν ὄντων, ὃ λέγει, χωρὶς τῶν ἄλλων; Πάνυ γε. Οὐκοῦν ὁ ἐκεῖνο λέγων τὸ ὄν, ἔφη, λέγει; Ναί. Ἄλλὰ μὴν ὃ γε τὸ ὄν λέγων καὶ τὰ ὄντα τἀληθῆ λέγει· ὡς θ' ὁ Διονυσόδωρος, εἴπερ λέγει τὰ ὄντα, λέγει τἀληθῆ καὶ οὐδὲν κατὰ σοῦ ψεύδεται. Ibid. 285, E—286, C: Τί οὖν; ἢ δ' ὅς (ὁ Διονυσόδωρος) εἰσὶν ἐκάστω τῶν ὄντων λόγοι; Πάνυ γε. Οὐκοῦν ὡς ἔστιν ἕκαστον ἢ ὡς οὐκ ἔστιν; Ὡς ἔστιν. Εἰ γὰρ μνηστῆσαι ἔφη, ὦ Κτήσιππε, καὶ ἄρτι ἐπεδείξαμεν μηδένα λέγοντα ὡς οὐκ ἔστι· τὸ γὰρ

бытіе существуетъ, а что небытія нѣтъ. Прежде всего отвори свою мысль отъ пути небытія, а затѣмъ отъ того, по которому въ нерѣшимости блуждаютъ ничего не знающіе люди. Недоумѣніе направляетъ ихъ заблуждающійся умъ, они глухіе, слѣпые и оторопѣлые, словно безсмысленное стадо, носятся туда и сюда, то полагая, что бытіе тождественно съ небытіемъ, то наоборотъ думая, что, бытіе не тождественно съ небытіемъ. Этотъ путь самый превратный ¹⁾... Но пусть тебя также частая привычка не заставитъ устремлять незрячіе глаза и оглушенные уши на путь чувствъ; своимъ умомъ разсуди предложенное мною полное споровъ доказательство. Остается одинъ путь изслѣдованія—что существуетъ только бытіе ²⁾. На этомъ пути мно-

μη ὄν οὐδεὶς ἐφάνη λέγων.. Καὶ ὁ μὲν Κτήσιππος ἐσίγησεν ἐγὼ δὲ (ὁ Σωκράτης) θαυμάσας τὸν λόγον, πῶς, ἔφη, ὦ Διονυσόδωρε, λέγεις; οὐ γάρ τοι ἀλλὰ τοῦτόν γε τὸν λόγον πολλῶν δὴ καὶ πολλὰκις ἀκηκοῖς αἰεὶ θαυμάζω, καὶ γὰρ οἱ ἀμφὶ Πρωταγόραν σφόδρ' ἔχρωντο αὐτῷ καὶ οἱ ἔτι παλαιότεροι (т.-е. Парменидъ и его послѣдователи). Ср. также Plato, Cratyl. 429, C, слѣд.; Soph. 251, A; Aristot., Metaph. VI, 1, 1026 b, 14—15; ibid. XI, 8, 1064 b, 29—30. (См. выше, стр. 28 прим. 2 и стр. 29 прим. 7) и въ поясненіе ученія Парменида о небытіи и связи этого ученія съ софистикой. Plato Soph. 236, E—241, B.

¹⁾ Simpl. Phys. 19r, 20, 25r, 50 (v. 43—51 M.):

χρή σε λέγειν τε νοεῖν τ' ἐὼν ἔμμεναι, ἔστι γὰρ εἶναι,
μηδὲν δ' οὐκ εἶναι· τὰ σ' ἐγὼ φράζεσθαι ἄνωγα·
πρῶτ' ἀφ' ὁδοῦ ταύτης διζήσιος εἴργε νόημα·
αὐτὰρ ἔπειτ' ἀπὸ τῆς ἦν δὴ βροτοὶ εἰδότες οὐδὲν·
πλάζονται δίκρανοι· ἀμηχανίη γὰρ ἐν αὐτῶν
στήθεσιν ἰθύνει πλαγκτὸν νόον· οἱ δὲ φορεῖνται
κίφιοι ὁμῶς τυφλοὶ τε, τεθηπότες, ἄκριτα φύλα,
οἷς τὸ πέλειν τε καὶ οὐκ εἶναι ταῦτόν νενομίσται
κ' οὐ ταῦτόν· πάντων δὲ παλίντροπός ἐστι κέλευθος.

Шустеръ (L. c. S. 34), основываясь на сходствѣ между нѣкоторыми выраженіями у Гераклита и Парменида и на полемическомъ тонѣ стихотворенія послѣдняго, думать что полемика Парменида противъ тѣхъ оἷς τὸ πέλειν τε καὶ οὐκ εἶναι ταῦτόν νενομίσται κ' οὐ ταῦτόν была направлена собственно противъ Гераклита. Если это справедливо (а ни отрицать, ни доказать этого нельзя), то Парменидъ впервые высказалъ ту вѣрную мысль, что ученіе Гераклита о тождествѣ противоположностей равнозначительно отрицанію закона противорѣчія. См. выше, стр. 116 прим. 6. Въ первомъ стихѣ я предпочитаю чтеніе χρή σε λέγειν и пр. вмѣсто общаго χρή τὸ λέγειν, такъ какъ по связи видно, что Парменидъ въ этомъ стихѣ настаиваетъ не на томъ, чтобы признать принадлежность рѣчи и мысли къ бытію, но на необходимости признать существованіе бытія какъ бытія и на невозможности существованія небытія.

²⁾ Sext. Emp. adv. Math. VII, 111 (v. 54—58 M.):

μηδέ σ' ἔθος πολυπεῖρον ὁδὸν κατὰ τήνδε βιάσθω
νῆμάν ἄσκοπον δμμα καὶ ἤχησσαν ἀκουήν

го признаковъ, что бытіе не произошло и не погибнетъ, что оно цѣ-
лое, однородное, неподвижное, вѣчное бытіе. Его не было и оно не
будетъ, такъ какъ оно сейчасъ все на лицо единое, непрерывное. И
гдѣ сталъ бы ты искать его происхожденія? Почему бы могло оно воз-
никнуть? Я не позволю тебѣ ни сказать, ни помыслить, что оно произо-
шло изъ небытія, такъ какъ немыслимо и неизречеваемо, что бытія
нѣтъ. Да и какая причина могла бы воздвигнуть бытіе такъ, чтобы оно
начало происходить изъ ничего раньше или позже? Оно вообще либо
должно существовать, либо не должно существовать. Но и изъ бытія
сила убѣжденія не даетъ происходить ничему кромѣ бытія. Повтому
ни къ происхожденію, ни къ гибели не допускаетъ его, ослабивъ
оковы, справедливость, но удерживаетъ отъ того и другаго ¹⁾). Рѣшеніе
всего этого въ томъ, существуетъ ли бытіе, или не существуетъ. Это
рѣшеніе уже дано, такъ какъ путь небытія—немыслимый, безъимян-
ный, неистинный—необходимо оставить, а путь бытія признать истин-
нымъ. Можно-ли про бытіе сказать: оно будетъ, или: оно было?
Если оно было, то его нѣтъ; точно также его нѣтъ, если оно будетъ.
Такимъ образомъ исчезло происхожденія бытіе, не слышно и объ его
гибели. Бытіе не дѣлимо, такъ какъ оно повсюду одинаково; въ немъ,
нѣтъ никакого излишка, который бы мѣшалъ ему быть слошнымъ
и нѣтъ никакого недостатка, но все въ немъ полно бытіемъ. Бытіе
непрерывно; повсюду бытіе соприкасается съ бытіемъ. Неподвижно
приковано оно концами большихъ цѣпей—безначальное, вѣчное; да-
леко отъ него отошли оттолкнутые достовѣрнымъ убѣжденіемъ воз-

καὶ γλῶσσαν κρῖναι δὲ λόγῳ πολὺδὴριν ἔλεγχο
ἔξ ἐμέθεν ῥηθέντα. μόνος δ' ἐτι μῦθος ὁδοῖο
λείπεται, ὡς ἔστιν.

¹⁾ Simpl. Phys. 31r, 40—50 (v. 58—71 M.):

ταῦτη δ' ἐπὶ σήματ' ἔασι
πολλὰ μάλ' ὡς ἀγένητον ἔδν καὶ ἀνώλεθρόν ἐστιν,
οὐλον, μουνογενές τε καὶ ἀτρεμές ἡδ' ἀτέλεστον·
οὐ ποτ' ἔην οὐδ' ἔσται, ἐπεὶ νῦν ἔστιν ὁμοῦ πάν,
ἐν εὐνεχῆς. τίνα γὰρ γέννην διζήσεται αὐτοῦ;
πῆ πόθεν ἀδεηθέν; οὐτ' ἐκ μὴ ὄντος ἔασω
φάσθαι σ' οὐδὲ νοεῖν· οὐ γὰρ φατὸν οὐδὲ νοητόν,
ἔστιν ὅπως οὐκ ἔστι. τί δ' ἂν μιν καὶ χρέος ὤρσεν
ὑστερον ἢ πρόσθεν τοῦ μηδενὸς ἀρεάμενον φῦν·
οὕτως ἢ πάμπαν πελέμεν χρεῶν ἔστιν ἢ οὐκί,
οὐδέ ποτ' ἐκ τοῦ ἔόντος ἐφήσει πίστεος ἰσχύς
γίγνεσθαι τι παρ' αὐτό. τοῦνεκεν οὔτε γενέσθαι
οὐτ' ἄλλυσθαι ἀνήκε δίκη, χαλάσασα πέδησιν,
ἀλλ' ἔχει.

нижновеніе и погибель. Тожественное самому себѣ и положенное само собою пребываетъ оно на одномъ и томъ же мѣстѣ. Непоколебимо оно тамъ остается, такъ какъ жестокая необходимость прикрѣпляетъ его концами цѣпей и сдерживаетъ кругомъ. Ему не подобаетъ быть неоконченнымъ: въ немъ нѣтъ никакого недостатка, иначе не доставало бы всего бытія ¹⁾). На отсутствующее увѣренно смотри умомъ какъ на присутствующее: въ бытіи нельзя разнять связи съ бытіемъ, нельзя его ни разсѣять, не разсѣявъ всего бытія, ни составить, не составивъ всего бытія ²⁾). Мысль тождественна съ тѣмъ, о чемъ она мыслить: всякая мысль выражается въ бытіи, и безъ бытія ты не найдешь мысли, такъ какъ нѣтъ и не будетъ ничего кромѣ бытія. Судьба оковами принудила, чтобы было едино и неподвижно то, что обозначается словомъ „все“, и что смертные, увѣренно принимая за истину, предполагають происходящимъ и гибнущимъ, сущимъ и не сущимъ, измѣняющимъ мѣсто и переимчивающимъ ясный цвѣтъ. Такъ какъ бытіе вполне совершенно, то оно со всѣхъ сторонъ подобно хорошо закругленному шару съ равнымъ разстояніемъ отъ середины повсю-

¹⁾ Ibid 31v, 1—5 (v. 71—89 M.):

ἡ δὲ κρίσις περὶ τούτων ἐν τῷδ' ἐστίν·
 ἔστιν ἢ οὐκ ἔστιν. κέκριται δ' οὖν, ὡσπερ ἀνάγκη,
 τὴν μὲν ἔδν ἀνόητον, ἀνώνυμον, (οὐ γὰρ ἀληθὴς
 ἔστιν ὁδός) τὴν δ' ὥστε πέλειν καὶ ἐτήτυμον εἶναι.
 πῶς δ' ἂν ἔπειτα πέλοι τὸ ἐόν; πῶς δ' ἂν κε γένοιτο;
 εἴ γε γένοιτ' οὐκ ἔστ', οὐδ' εἴ ποτε μέλλει ἔσεσθαι.
 τῶς γένεσις μὲν ἀπέσβεσται καὶ ἀπυστος θλεθρος.
 οὐδὲ διαίρετόν ἐστιν, ἐπεὶ πᾶν ἐστιν ὁμοῖον,
 οὐδέ τί πη μᾶλλον, τὸ κεν εἴργοι μιν ζυνέχεσθαι
 οὐδέ τι χειρότερον· πᾶν δὲ πλεον ἐστιν ἐόντος·
 τῷ ζυνεχές πᾶν ἐστιν, ἐόν γὰρ ἐόντι πελάζει·
 αὐτὰρ ἀκίνητον μεγάλων ἐν πείρασι δεσμῶν
 ἐστὶν ἀναρχον, ἀπαυστον, ἐπεὶ γένεσις καὶ θλεθρος
 τῆλε μάλ' ἐπλάγχθησαν, ἀπῶσε δὲ πίστις ἀληθείς·
 τωτότον τ' ἐν τούτῳ τε μένον καθ' ἑωυτό τε κείται·
 οὕτως ἔμπεδον αὐθι μένει· κρατερὴ γὰρ ἀνάγκη
 πείρατος ἐν δεσμοῖσιν ἔχει τε καὶ ἀμφὶς ἔέργει.
 οὐνεκεν οὐκ ἀτελεύτητον τὸ ἐόν θέμις εἶναι·
 ἐστὶ γὰρ οὐκ ἐπιδευές, ἐόν δὲ κε παντός ἐδεῖτο.

²⁾ Clem. Strom. V, 552 (v. 90—98 M.):

λεθσε δ' ὁμοῦς ἀπεόντα νόψ παρεόντα βεβαίως·
 οὐ γὰρ ἀπομήξει τὸ ἐόν τοῦ ἐόντος ἔχεσθαι,
 ὡς τε σκιδνάμενον πάντη πάντως κατὰ κόσμον
 οὐτε συνιστάμενον.

ду: оно не должно быть ни съ какой стороны ни больше, ни меньше. Не существует ни небытія, которое могло бы помѣшать бытію оставаться повсюду равнымъ, ни въ самомъ бытіи нѣтъ возможности къ тому, чтобы оно въ одномъ мѣстѣ было больше бытіе, а въ другомъ—меньше, такъ какъ оно все цѣло и не прикосновенно¹⁾).

Уподобленіе бытія шару ясно указываетъ на то, что Парменидово бытіе не есть отвѣченное бытіе или „понятіе“ бытія, но бытіе вещественное. Это подтверждаютъ и другіе признаки, приписываемые Парменидомъ бытію—ограниченность и недѣлимость, не оставляющіе сомнѣнія въ томъ, что Парменидъ представлялъ бытіе протяженнымъ.

Подобно Космофану, Парменидъ не отрицалъ происхожденія чувственного міра. Его возникновеніе онъ объяснялъ (въ Ученіи мнѣнія) изъ смѣшенія двухъ первичныхъ противоположностей—свѣта и тьмы²⁾, или теплаго и холоднаго, или огня и земли, причемъ свѣтъ, теплое, огонь приравнивалъ бытію, а тьму, холодное, землю—небытію³⁾. Какое значеніе придавалъ Парменидъ своей физикѣ, видно изъ слѣдующихъ словъ, которыми онъ заключаетъ Ученіе истины, чтобы перейти къ Ученію мнѣнія: „Вотъ я кончаю достовѣрныя мысли и ут-

¹⁾ Simpl. Phys. 31r, 5—15 (v. 94—108 M.):

τὸν δ' ἐστὶ νοεῖν τε καὶ οὐνεκὲν ἐστὶ νόημα·
οὐ γὰρ ἄνευ τοῦ ἐόντος, ἐν ᾧ πεφασισμένον ἐστὶν
εὐρήσεις τὸ νοεῖν· οὐδὲν γὰρ ἢ ἐστὶν ἢ ἔσται
ἄλλο παρὲκ τοῦ ἐόντος· ἐπεὶ τότε μοῖρ' ἐπέδησεν
οἷον ἀκίνητόν τ' ἔμεναι, τῷ πάντ' ὄνομ' ἐστίν,
δσσα βροτοὶ κατέθεντο πεποιθότες εἶναι ἀληθῆ
γίγνεσθαι τε καὶ ἄλλυσθαι, εἶναι τε καὶ οὐκί,
καὶ τόπον ἀλλάσσειν, διὰ τε χροῶ φανὸν ἀμείβειν.
αὐτὰρ ἐπεὶ πείρας πύματον τετελεσμένον ἐστίν,
πάντοθεν εὐκύκλου σφαιρῆς ἐναλγικίον ὄγκῳ
μεσσοῦθεν ἰσοπαλὲς πάντη· τὸ γὰρ οὔτε τι μείζον
οὔτε τι βαιότερον πέλεναι χρεῶν ἐστὶ τῆ ἢ τῆ
οὔτε γὰρ οὐκ ἐὼν ἐστὶ, τό κεν παῦοι μιν ἰκέσθαι
εἰς ὁμόν, οὔτ' ἐὼν ἐστὶν ὅπως εἴη κεν ἐόντος
τῆ μᾶλλον, τῆ δ' ἦσσον, ἐπεὶ πᾶν ἐστὶν ἄσουλον.

²⁾ Simpl. Phys. 39r, 5 (122—124 M.):

αὐτὰρ ἐπειδὴ πάντα φάος καὶ νύξ ὀνόμασται
καὶ τὰ κατὰ σφετέρας δυνάμεις ἐπὶ τοῖσι τε καὶ τοῖς,
πᾶν πλέον ἐστὶν ὁμοῦ φάεος καὶ νυκτὸς ἀφάντου.

³⁾ Arist. Metaph. I, 5, 986, b, 27 слѣд.: Παρμενίδης δέ... δύο τὰς αἰτίας καὶ δύο τὰς ἀρχὰς πάλιν τίθησι, θερμὸν καὶ ψυχρὸν, οἷον πῦρ καὶ γῆν λέγων· τούτων δὲ κατὰ μὲν τὸ ὄν τὸ θερμὸν τάττει, θάτερον δὲ κατὰ τὸ μὴ ὄν. Ср. Phys. I, 5, нач.

верженія объ истинѣ; теперь узнай мнѣнія смертныхъ и выслушай обманчивую прикрасу моихъ словъ“¹⁾).

Для насъ важно то, что Парменидъ въ связи съ своею физикою выставилъ взглядъ объ относительности свойствъ духа къ свойствамъ тѣла. Душа состоитъ изъ смѣшенія тѣхъ же основныхъ началъ — тьмы и свѣта, холоднаго и теплаго — какъ и тѣло. „Какое смѣшеніе въ гибкихъ членахъ тѣла, таковъ бываетъ у человѣка и умъ. Какъ у всѣхъ людей вмѣстѣ, такъ и у каждаго въ отдѣльности, сознаетъ одно и тоже — природа членовъ тѣла. Мысль преобладаетъ надъ воимъ“. Чѣмъ больше въ душѣ тепла и свѣта, тѣмъ она совершеннѣе. Сознаніе свойственно всему бытію: его имѣютъ какъ одушевленные существа, такъ и бездушныя тѣла, но у послѣднихъ, волѣдствіе отсутствія въ нихъ тепла, объемъ сознанія ограниченнѣе, чѣмъ у первыхъ²⁾.

„Ученіе истины“ Парменида нашло много противниковъ, которые изъ единства бытія дѣлали смѣшныя выводы. Ученикъ и любимецъ Парменида, Зенонъ³⁾, счелъ долгомъ придти на помощь своему учителю. Онъ выставилъ рядъ доказательствъ съ цѣлью убѣдить, что предположеніе о множествѣ и измѣняемости въ бытіи ведетъ къ еще

¹⁾ Simpl. Phys. 7v, 15 (v. 110—112 M.):

ἐν τῷ σοι παύω πιστὸν λόγον ἢ δὲ νόημα
ἀμφὶ ἀληθείης· δόξας δ' ἀπὸ τοῦδε βροτείας,
μάνθανε, κόσμον ἐμῶν ἐπέων ἀπατηλὸν ἀκούων.

Ср. также Sext. Emp. adv. Math. VII, 111 (v. 28—30 M.).

²⁾ Theophr. De Sensu, 3 слѣд.: Παρμενίδης γὰρ ὄλωσ' οὐδὲν διώρικε (περὶ τῶν αἰσθήσεων), ἀλλὰ μόνον, ὅτι δυοῖν ὄντων στοιχεῖον κατὰ τὸ ὑπερβάλλον ἐστὶν ἡ γνῶσις· ἐὰν γὰρ ὑπεράξη τὸ θερμὸν ἢ τὸ ψυχρὸν, ἄλλην γίνεσθαι τὴν διάνοιαν βελτίω δὲ καὶ καθαρωτέραν τὴν διὰ τὸ θερμὸν οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ ταύτην. δεῖσθαι τινος συμμετρίας:

ὡς γὰρ ἐκάστῳ (φησὶν) ἔχει κρᾶσις μελέων πολυκάμπτων,
τῶς νόος ἀνθρώποισι παρέστηκεν τὸ γὰρ αὐτὸ
ἐστὶν ὅπερ φρονεῖ μελέων φύσις ἀνθρώποισι
καὶ πᾶσιν καὶ παντί· τὸ γὰρ πλεόν ἐστὶ νόημα

τὸ γὰρ αἰσθάνεσθαι καὶ τὸ φρονεῖν ὡς ταῦτ' ἰεγεί... ὅτι δὲ καὶ τῷ ἐναντίῳ καθ' αὐτὸ (т.-е. однимъ только холоднымъ) ποιεῖ τὴν αἰσθησιν, φανερόν ἐν οἷς φησι τὸν νεκρὸν φωτὸς μὲν καὶ θερμὸν καὶ φωνῆς οὐκ αἰσθάνεσθαι διὰ τὴν ἐκλείψιν τοῦ πυρός, ψυχροῦ δὲ καὶ σιωπῆς καὶ τῶν ἐναντίων αἰσθάνεσθαι καὶ ὄλωσ' δὲ πᾶν τὸ ὄν ἔχειν τινὰ γνῶσιν.

³⁾ Зенонъ родился въ Елеѣ около 485 года до Р. X. Онъ славенъ бытъ въ древности не только какъ философъ, но и какъ самоотверженный борецъ съ однимъ изъ тиранновъ. (Объ этой темной исторіи см. Hegel, Vorlesungen, I, 288 f.; Zeller Philosophie der Griechen, I, 535 f.). Любимцемъ Парменида называетъ его Платонъ (Parmen. 127, B). Въ бытность Зенона въ Афинахъ его философскими бесѣдами пользовались Сократъ (см. выше, стр. 106 пр. 1), Периклъ (Plut. Pericl. с. 4) и другіе. Съ нѣкоторыхъ слушателей Зенонъ бралъ деньги (см. ниже, изложеніе ученія Зенона).

болѣе нелѣпнымъ заключеніямъ ¹⁾. Парменидъ доказывалъ свою мысль прямо, утверждая, на основаніи выставленнаго имъ закона противорѣчія, что бытіе исключаетъ всякое небытіе и потому всякое множество и всякую измѣнчивость. Зенонъ ту же мысль доказывалъ косвенно, стави на видъ, что всякое предположеніе о существованіи небытія при бытіи или множества и движенія въ бытіи ведетъ къ нелѣпнымъ предположеніямъ ²⁾. Парменидъ рассуждалъ: существуетъ только бытіе, поэтому нѣтъ небытія и стало-быть въ бытіи нѣтъ никакихъ признаковъ небытія. Зенонъ рассуждалъ: существуетъ либо одно только бытіе, либо бытіе и небытіе. Но всякое предположеніе о томъ, что носить на себѣ признаки небытія, нелѣпо; поэтому существуетъ только бытіе—единое, неизмѣнное.

Если мы предположимъ существованіе множества (говорить Зенонъ), то должны допустить, что его члены подобны и неподобны ³⁾, что оно не имѣетъ никакой величины и безконечно велико ⁴⁾ ограничено числомъ и безгранично ⁵⁾.

¹⁾ Plato, Parmen. 128, C—D: ἔστι δὲ τὸ γ' ἀληθὲς βοήθειά τις ταῦτα τὰ γράμματα τῷ Παρμενίδου λόγῳ πρὸς τοὺς ἐπιχειροῦντας αὐτὸν κωμῶδειν, ὡς εἰ ἐν ἔστι, πολλὰ καὶ γελοῖα συμβαίνει πάσχειν τῷ λόγῳ καὶ ἐναντία αὐτῷ. ἀντιλέγει δὴ οὖν τοῦτο τὸ γράμμα πρὸς τοὺς τὰ πολλὰ λέγοντας καὶ ἀνταποδίδωσι ταῦτα καὶ πλείω, τοῦτο βυολόμενον δηλοῦν, ὡς ἔτι γελοιότερα πάσχοι ἀν αὐτῶν ἢ ὑπόθεσις εἰ πολλὰ ἔστιν ἢ ἢ τοῦ ἐν εἶναι, εἰ τις ἰκανῶς ἐπεξίει.

²⁾ Ibid. 128, A—B: Μανθάνω, εἰπεῖν τὸν Σωκράτη, ὦ Παρμενίδη, ὅτι Ζήνων δὲ οὐ μόνον τῇ ἄλλῃ σου φιλίᾳ βούλεται ψκειῶσθαι, ἀλλὰ καὶ τῷ συγράμματι. ταῦτόν γάρ γέγραφε τρόπον τινά, ὅπερ οὐ μεταβάλλων δ' ἡμᾶς πειράται ἐξαπατᾶν ὡς ἕτερόν τι λέγων. σὺ μὲν γάρ ἐν τοῖς ποιήμασιν ἐν φῆς εἶναι τὸ πᾶν, καὶ τούτου τεκμήρια παρέχει καλῶς τε καὶ εὖ. δὲ δ' αὐτὸ οὐ πολλὰ φησιν εἶναι, τεκμήρια δὲ καὶ αὐτὸς πάμπολλα καὶ παμμεγέθη παρέχεται. Σύγγραμμα Ζενονα ἠμῶλο ἠῆσκολο ποδραζδβλεπῆν, ραπαδαβησῆσκα въ свою очередь по предположеніямъ (ibid. 127, E, слѣд.; ср. слѣд. прим.), и было написано въ диалогической формѣ: Arist. Soph. Elench. 10, 170, b, 22: καὶ ὁ ἀποκρινόμενος καὶ ὁ ἐρωτῶν Ζήνων. Ср. также Diog. Laert. III, 48: δαλότους τοῖνον φασὶ πρῶτον γράψαι Ζήνωνα τὸν Ἐλεάτην.

³⁾ Ibid. 127, D—E: Τὸν οὖν Σωκράτη ἀκούσαντα πάλιν τε κελεῖσθαι τὴν πρώτην ὑπόθεσιν τοῦ πρώτου λόγου ἀναγνῶναι, καὶ ἀναγνωσείσης, Πῶς, φάναι, ὦ Ζήνων, τοῦτο λέγεις; εἰ πολλὰ ἔστι τὰ ὄντα, ὡς ἄρα δεῖ αὐτὰ ὁμοιά τ' εἶναι καὶ ἀνόμοια τοῦτο δὲ δὴ ἀδύνατον οὔτε γάρ τὰ ἀνόμοια ὁμοια οὔτε τὰ ὁμοια ἀνόμοια οἶόν τ' εἶναι. οὐχ οὕτω λέγεις; Οὕτω, φάναι τὸν Ζήνωνα. Οὐκοῦν, εἰ ἀδύνατον τὰ τ' ἀνόμοια ὁμοια εἶναι καὶ τὰ ὁμοια ἀνόμοια, ἀδύνατον δὴ καὶ πολλὰ εἶναι; εἰ γάρ πολλὰ εἶη, πάσχοι ἀν τὰ ἀδύνατα ἢ πρ.

⁴⁾ Simpl. Phys. 80r, 30i ἐν μέντοι τῷ συγράμματι αὐτοῦ πολλὰ ἔχοντι ἐπιχειρήματα καθ' ἕκαστον δείκνυσιν, ὅτι τῷ πολλὰ εἶναι λέγοντι συμβαίνει τὰ ἐναντία λέγειν. ὦν ἐν ἔστιν ἐπιχείρημα, ἐν ᾧ δείκνυσιν ὅτι, εἰ πολλὰ ἔστι, καὶ μετὰ ἔστι καὶ μικρά μετὰ μὲν ὡστε ἀπειρα τὸ μέγεθος εἶναι, μικρά δὲ οὕτως ὡστε μῆθεν ἔχειν μέγεθος.

⁵⁾ См. на 130 стр. прим. 1.

Какъ Зенонъ доказывалъ первое положеніе, неизвѣстно. Доказательства двухъ другихъ слѣдующія.

Всякое множество состоитъ изъ единицъ, единица, какъ единица, не дѣлима (такъ какъ если единица дѣлима, то чѣмъ она отличается отъ множества?); то, что недѣлимо, не имѣетъ никакой величины, такъ какъ всякая величина дѣлима до безконечности; стало-быть части, изъ которыхъ состоитъ множество, не имѣютъ никакой величины. Но то, что не имѣетъ никакой величины, не можетъ ни увеличить чего-либо, ни уменьшить, и есть поэтому чистое ничто, т.-е. не существуетъ. Слѣдовательно и множество, какъ совокупность единицъ, не имѣетъ никакой величины и есть ничто ¹⁾).

Съ другой стороны, такъ какъ всякая существующая вещь должна имѣть нѣкоторую величину, то и части, изъ которыхъ состоитъ

---

¹⁾ Simpl. Phys. 30r, 30—35: ἐν δὴ τούτῳ δείκνυσιν ὅτι οὐ μήτε μέγεθος μήτε πάχος μήτε ὄγκος μηθεὶς ἐστίν, οὐδ' ἄν εἴη τοῦτο. εἰ γὰρ ἄλλῃ ὄντι, φησί, προσγένετο, οὐδὲν ἄν μείζον ποιήσαιεν μεγέθους γὰρ μηδενός ὄντος, προσγενομένου δέ, οὐδὲν οἶόν τε εἰς μέγεθος ἐπιδοῦναι· καὶ οὕτως ἄν ἤδη τὸ προσγιγόμενον οὐδὲν εἴη. εἰ δὲ ἀπογιγόμενον τὸ ἕτερον μηδὲν ἕλαττόν ἐστι, μηδὲ αὐτὸ προσγιγόμενον ἀεὶ ἔσται, δῆλον ὅτι τὸ προσγεγόμενον οὐδὲν ἦν οὐδὲ τὸ ἀπογεγόμενον. καὶ ταῦτα οὐχὶ τὸ ἐν ἀναιρῶν (не отрицая существованія единого бытія) ὁ Ζήνων λέγει, ἀλλ' ὅτι μέγεθος ἔχει ἕκαστον τῶν πολλῶν καὶ ἀπειρῶν, τῷ πρὸ τοῦ λαμβανομένου αἰεὶ τι εἶναι, διὰ τὴν ἐπ' ἀπειρον τομήν (= такъ какъ, вслѣдствіе безконечной дѣлимости, предъ каждой данной частью существуетъ нѣчто). ὁ δὲ δείκνυσι (въ слѣдующемъ за настоящимъ доказательствѣ), προδείξας ὅτι οὐδὲν ἔχει μέγεθος ἐκ τοῦ ἕκαστον τῶν πολλῶν αὐτῷ ταῦτόν εἶναι καὶ ἐν (= доказавъ предварительно, что ничто не имѣетъ величины, такъ какъ каждая часть множества есть тождественная себѣ единица, — а взятая сама въ себѣ единица не дѣлима, не имѣетъ слѣдовательно ни длины, ни ширины, и не есть поэтому величина). Текстъ приведенъ мною по новому, свѣренному Дильсомъ съ лучшими рукописями берлинскому академическому изданію комментарія Симплиція къ Физикѣ (Simplicii in Aristotelis Physicorum libros quatuor priores commentaria consilio et auctoritate Academiae litterarum Regiae Borussiae edidit H. Diels, Berol. 1882). Обстоятельство и понятіе чтеніе вульгаты (editio Aldina), неоправдываемое, однако, дошедшими до насъ рукописями, которая послѣ словъ οὐχὶ τὸ ἐν ἀναιρῶν ὁ Ζήνων λέγει даетъ ἀλλ' ὅτι, εἰ μέγεθος ἔχει ἕκαστον τῶν πολλῶν καὶ ἀπειρῶν, οὐδὲν ἔσται ἀκριβῶς ἐν διὰ τὴν ἐπ' ἀπειρον τομήν. δεῖ δὲ ἐν εἶναι. ὁ δὲ δείκνυσι и пр. Объ editio Aldina Дильсъ (l. c. VII) замѣчаетъ: Aldini exempli editor haud pauca novavit, infeliciter plurima, sed non nulla nobis quoque probata. ut pleraque ipse excogitaverit, tamem multa antiquioribus codicibus licuit depromere. Быть можетъ, въ нашемъ мѣстѣ чтеніе вульгаты принадлежить къ такимъ, которыя «antiquioribus codicibus licuit depromere». Къ поясненію разсматриваемаго доказательства Зенона могутъ способствовать слѣдующія слова Аристотеля (Metaph. III, 4, 1001 b, 7, слѣд.): ἔτι εἰ ἀδιαίρετον αὐτὸ τὸ ἐν, κατὰ μὲν τὸ Ζήνωνος ἀλίωμα οὐθέν ἄν εἴη. ὁ γὰρ μήτε προστιθέμενον μήτε ἀφαιρούμενον ποιεῖ μείζον μηδὲ ἕλαττον, οὐ φησιν εἶναι τοῦτο τῶν ὄντων, ὡς δῆλον ὅτι ὄντος μεγέθους τοῦ ὄντος.

множество, должны имѣть извѣстную величину и ширину, т.-е. должны имѣть между собою нѣкоторое разстояніе. Каждая часть должна быть отдѣлена отъ слѣдующей части промежуточной частью извѣстной величины; эта промежуточная часть точно также должна быть отдѣлена отъ предыдущей и послѣдующей частей частями извѣстной величины и такъ далѣе до безконечности. Поэтому, всякое множество должно состоять изъ безконечнаго числа частей, имѣющихъ извѣстную величину, и потому должно быть безконечно великимъ ¹⁾).

Безконечное число частей, изъ которыхъ состоитъ множество, въ одно и тоже время должно быть ограниченнымъ и безграничнымъ: ограниченнымъ потому, что ихъ не болѣе и не менѣе того, чѣмъ сколько есть, и безграничнымъ потому, что между каждыми двумя частями должна быть третья часть; между этою третьею и первыми двумя точно также должны быть части и такъ далѣе до безконечности ²⁾).

Нелѣпость существованія множества можетъ быть доказана и изъ отношенія частей множества ко всему множеству. Какъ относится каждая часть множества ко всему множеству, точно также должно относиться дѣйствіе каждой части множества къ дѣйствію всего множества; иными словами, каждая часть множества должна въ извѣстной мѣрѣ имѣть тоже свойство, что и все множество. Поэтому, если четверикъ зеренъ при паденіи производитъ шумъ, то должны при паденіи производить шумъ и каждое отдѣльное зерно и каждая отдѣльная часть зерна. На дѣлѣ однако ни отдѣльное зерно, ни часть зерна шума при паденіи не производятъ. Но если ни одна часть множества не производитъ дѣйствія, свойственнаго всему множеству, то значить, что ни одна часть множества не имѣетъ свойства множества, а потому и самое множество не имѣетъ свойства множества ³⁾).

¹⁾ Simpl. Phys. 30v, 15—20: τὸ δὲ κατὰ μέγεθος, πρότερον κατὰ τὴν αὐτὴν ἐπιχείρησιν· προδείξας γὰρ ὅτι, εἰ μὴ ἔχει μέγεθος τὸ ὄν, οὐδ' ἂν εἴη, ἐπάγει· εἰ δὲ ἔστιν, ἀνάγκη ἕκαστον μέγεθος τι ἔχειν καὶ πάχος, καὶ ἀπέχειν αὐτοῦ τὸ ἕτερον ἀπὸ τοῦ ἐτέρου. καὶ περὶ τοῦ πρὸυχόντος ὁ αὐτὸς λόγος· καὶ γὰρ ἐκεῖνο ἔχει μέγεθος καὶ προέξει αὐτοῦ τι. ὁμοίον δὴ τοῦτο ἀπαξ τε εἰπεῖν καὶ ἀεὶ λέγειν· οὐδὲν γὰρ αὐτοῦ τοιοῦτον ἔσχατον ἔσται, οὔτε ἕτερον πρὸς ἕτερον οὐκ ἔσται. οὕτως εἰ πολλὰ ἔστιν, ἀνάγκη αὐτὰ μικρὰ τε εἶναι καὶ μεγάλα, μικρὰ μὲν, ὥστε μὴ ἔχειν μέγεθος, μεγάλα δέ, ὥστε ἀπειρα εἶναι.

²⁾ Ibid. 10—15: πάλιν γὰρ δεικνὺς ὅτι, εἰ πολλὰ ἔστι, τὰ αὐτὰ πεπερασμένα ἔστι καὶ ἀπειρα, γράφει ταῦτα κατὰ λέξιν ὁ Ζήνων· εἰ πολλὰ ἔστιν, ἀνάγκη τοσαῦτα εἶναι ὅσα ἔστι καὶ οὔτε πλείονα αὐτῶν οὔτε ἐλάττωνα. εἰ δὲ τοσαῦτα ἔστιν ὅσα ἔστι, πεπερασμένα ἂν εἴη· εἰ πολλὰ ἔστιν, ἀπειρα τὰ ὄντα ἔστιν· ἀεὶ γὰρ ἕτερα μεταξὺ τῶν ὄντων ἔστί, καὶ πάλιν ἐκεῖνων ἕτερα μεταξὺ· καὶ οὕτως ἀπειρα τὰ ὄντα ἔστί.

³⁾ Ibid. 225, r: διὰ τοῦτο λύει (Ἀριστοτέλης) καὶ τὸν Ζήνωνος τοῦ Ἐλεάτου λόγον, ὃν ἤρετο Πρωταγόραν τὸν σοφιστὴν. εἰπέ γὰρ μοι, ἔφη, ὦ Πρωταγόρα, ἄρα ὁ

Если въ бытіи нѣтъ множества, то въ немъ не можетъ быть и движенія. Движеніе есть не что иное, какъ переходъ чего-нибудь съ одного мѣста на другое. Но въ бытіи не только нѣтъ многихъ мѣстъ, въ немъ нѣтъ вообще никакого мѣста. Если бы все было гдѣ нибудь, то и это гдѣ нибудь должно было бы быть гдѣ нибудь, и такъ далѣе до безконечности; то-есть, при существованіи мѣста, должно было бы все одновременно находиться въ безконечномъ числѣ мѣстъ, что очевидно нелѣпо ¹⁾.

Впрочемъ, предполагая даже существованіе множества и мѣста, движеніе все-таки невозможно, такъ какъ заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. Особою славою пользовались въ древности четыре доказательства, выставленные Зенономъ противъ возможности движенія.

Первое опирается на предположеніе о безконечной дѣлимости пространства. Прежде чѣмъ дойти до цѣли, движущееся тѣло должно пройти половину пути, прежде чѣмъ пройти половину пути, должно пройти четверть пути и т. д. до безконечности. Иными словами, дви-

εις κέχρωσ καταπεσών ψόφον ποιεί η τὸ μυριοστὸν τοῦ κέχρωσ; τοῦ δὲ εἰπόντος μὴ ποιεῖν, Ὁ δὲ μέδιμνος, ἔφη, τῶν κέχρωσ καταπεσών ποιεί ψόφον ἢ οὐ; τοῦ δὲ ψοφεῖν εἰπόντος τὸν μέδιμνον, Τί οὖν, ἔφη ὁ Ζήνων, οὐκ ἔστι λόγος τοῦ μεδίμνου τῶν κέχρωσ πρὸς τὸν ἕνα καὶ τὸ μυριοστὸν τοῦ ἑνός; τοῦ δὲ φήσαντος εἶναι, Τί οὖν, ἔφη ὁ Ζήνων, οὐ καὶ τῶν ψόφων ἔσονται λόγοι πρὸς ἀλλήλους οἱ αὐτοί; ὡς γὰρ τὰ ψοφοντα, καὶ οἱ ψόφοι. τοῦτου δὲ οὕτως ἔχοντος, εἰ ὁ μέδιμνος τοῦ κέχρωσ ψοφεῖ, ψοφήσει καὶ ὁ εἰς κέχρωσ καὶ τὸ μυριοστὸν τοῦ κέχρωσ. Предложенное мною объясненіе этого доказательства отличается отъ общепринятаго. Но мнѣ кажется, что только при такомъ толкованіи оно можетъ быть доказательствомъ противъ множества. Сила доказательства лежитъ въ словахъ ἔστι λόγος μεδίμνου τῶν κέχρωσ πρὸς τὸν ἕνα и каὶ τῶν ψόφων ἔσονται λόγοι πρὸς ἀλλήλους οἱ αὐτοί, но на эти именно слова и не обращаютъ преимущественно должнаго вниманія. Возможно однако, что это доказательство Зенонъ не приводилъ въ связь съ вопросомъ о множествѣ, но что оно принадлежитъ къ тѣмъ, которыми онъ пытался ταῦτα δυνατὰ καὶ πάλιν ἀδύνατα ἀποφαίνειν См. ниже, стр. прим. Ср. Ritter, Geschichte der Philosophie, I, 515 f.

¹⁾ Aristot. Phys. IV, I, 209a, 23 слѣд.: ἡ γὰρ Ζήωνος ἀπορία ζητεῖ τινα λόγον, εἰ γὰρ πάν τὸ δν ἐν τόπῳ, δῆλον ὅτι καὶ τοῦ τόπου τόπος ἔσται καὶ τοῦτο εἰς ἀπειρον πρόεισιν. Simplic. Phys. 130v, 40: ὁ Ζήωνος λόγος ἀναιρεῖν ἐδόκει τὸ εἶναι τὸν τόπον ἐρωτῶν οὕτως: εἰ ἔστιν ὁ τόπος, ἐν τινι ἔσται· πάν γὰρ δν ἐν τινι· τὰ δὲ ἐν τινι καὶ ἐν τόπῳ. ἔσται ἄρα καὶ ὁ τόπος ἐν τόπῳ, καὶ τοῦτο ἐπ' ἀπειρον· οὐκ ἄρα ἔστιν ὁ τόπος. Обыкновенно это доказательство причисляютъ къ тѣмъ, которыми Зенонъ опровергалъ существованіе множества. Но изъ того, «что если бы существовало мѣсто, то все находилось бы въ безконечномъ числѣ мѣстъ», никакъ не слѣдуетъ, что нѣтъ множества. На мой взглядъ, Зенонъ хотѣлъ этимъ доказательствомъ подтвердить слова Парменида, что нелѣпо думать будто τὸ δν τόπον ἀλλάσσει. (См. выше, стр. 126 прим. 1). Соединивъ съ этимъ Зеноновымъ доказательствомъ Мелисовы доказательства безграничности и вѣчности бытія, Горгіи училъ (Sext. Emp. adv. Math. VII, 70), что εἰ ἀδιόν ἔστι τὸ δν, ἀπειρόν ἔστιν· εἰ δὲ μηδαμοῦ ἔστιν, οὐκ ἔστι.

жущееся тѣло въ конечное время не можетъ пройти никакого промежутка, сколь бы незначителенъ онъ ни былъ, а это равнозначительно тому, что движущееся тѣло не движется.¹⁾

Другое доказательство (известное подъ именемъ Ахиллеса) есть лишь видоизмѣненіе перваго. Вслѣдствіе той же безконечной дѣлимости пространства, самое скорое движеніе не можетъ догнать самое медленное, напримѣръ, Ахиллесъ черепаху. Прежде чѣмъ догнать черепаху, Ахиллесъ долженъ сначала дойти до мѣста А, съ котораго она начала движеніе, потомъ до В, куда она успѣла приползти въ то время, какъ онъ дошелъ до А, потомъ до точки С, куда она успѣла приползти въ то время, какъ онъ дошелъ до В и такъ далѣе до безконечности. Но если самое скорое движеніе не можетъ опередить самое медленное движеніе, то движеніе заключаетъ въ себѣ противорѣчіе и потому невозможно²⁾.

Третье доказательство основано на томъ, что всякое тѣло всегда находится въ какомъ нибудь мѣстѣ. То, что въ данное мгновеніе находится въ известномъ мѣстѣ, не движется. Летящая стрѣла въ каждое данное мгновеніе занимаетъ опредѣленное мѣсто—стало быть летящая стрѣла въ каждое данное мгновеніе не движется, а потому и совсѣмъ не движется³⁾.

Четвертое доказательство отрицаетъ возможность движенія въ силу того, что движеніе нарушаетъ свои собственные законы. По законамъ движенія, движущіяся тѣла въ равное время при равной скорости проходятъ разныя пространства. Но, если мы предположимъ, что два тѣла движутся съ равною скоростью мимо третьяго, одинаковаго съ ними по объему, отъ его середины въ противоположныя стороны, то крайняя точка (по направленію движенія) втораго пройдетъ все пространство, занимаемое третьимъ, въ то время, въ которое крайняя точка перваго (точно также считая по направленію

---

¹⁾ Arist. Phys. VI, 9. 239b, 9, слѣд.: τέτταρες δ' εἰσι λόγοι περὶ κινήσεως Ζήνωνος οἱ παρέχοντες τὰς δυσκολίας τοῖς λύουσιν. πρῶτος μὲν ὁ περὶ τοῦ μὴ κινεῖσθαι διὰ τὸ πρότερον εἰς τὸ ἥμισυ δεῖν ἀφικέσθαι τὸ φερόμενον ἢ πρὸς τὸ τέλος. Ibid. 2, 233, a, 21 слѣд.: διὸ καὶ ὁ Ζήνωνος λόγος ψεῦδος λαμβάνει τὸ μὴ ἐνδέχεσθαι τὰ ἀπειρα διελθεῖν ἢ ἀψασθαι τῶν ἀπειρῶν καθ' ἕκαστον ἐν πεπερασμένῳ χρόνῳ.

²⁾ Ibid. 239 b, 14, слѣд.: δεύτερος δ' ὁ καλούμενος Ἀχιλλεύς· ἔστι δ' οὗτος, ὅτι τὸ βραδύτερον οὐδέποτε καταληφθήσεται θεόν ὑπὸ τοῦ ταχίστου· ἔμπροσθεν γὰρ ἀναγκαῖον ἔλθειν τὸ διώκον ὅθεν ὤρμησε τὸ φεῦγον, ὥστ' αἰεὶ τι προέχειν ἀναγκαῖον τὸ βραδύτερον.

³⁾ Ibid. 239 b, 30, слѣд.: τρίτος δ' ὁ νῦν ῥηθείς, ὅτι ἡ δῖσις φερομένη ἔστηκεν. συμβαίνει δὲ παρὰ τὸ λαμβάνειν τὸν χρόνον συγκεῖσθαι ἐκ τῶν νῦν μὴ δεδομένου γὰρ τούτου οὐκ ἔσται ὁ συλλογισμὸς.

движения) пройдет лишь половину того же пространства. Такъ какъ при равной скорости времена движения находятся въ прямомъ отношеніи къ пройденнымъ пространствамъ, то выходитъ, что цѣлое время равно половинному ¹⁾).

Кромѣ этихъ доказательствъ противъ множества и движения, Зенонъ выставилъ нѣсколько сходныхъ съ Парменидовыми положеній, съ цѣлью объяснить, изъ смѣшенія теплаго съ холоднымъ и сухаго съ влажнымъ, явленія призрачнаго міра множества и измѣняемости ²⁾). Но для насъ всего важнѣе то, что онъ выработалъ особое искусство говорить такъ, чтобы одно и то же казалось вмѣстѣ подобнымъ и неподобнымъ, единымъ и многимъ, движущимся и покоящимся, возможнымъ и невозможнымъ. Связь этого искусства съ софистическимъ очевидна сама по себѣ, но на нее весьма ясно указываетъ и Платонъ, отождествляя его съ риторическою изворотливостью ³⁾ и причисляя послѣдователей Парменида и Зенона къ умѣреннымъ еристикамъ ⁴⁾. Аристотель называетъ Зенона „изобрѣтателемъ діалектики ⁵⁾“;

¹⁾ Ibid. 239 b, 33, слѣд.: τέταρτος δ' ὁ περὶ τῶν ἐν τῷ σταδίῳ κινουμένων ἴσων ὄγκων παρ' ἴσου, τῶν μὲν ἀπὸ τέλους τοῦ σταδίου, τῶν δ' ἀπὸ μέσου, ἴσῳ τάχει, ἐν ᾧ συμβαίνειν οἴεται ἴσον εἶναι χρόνον τῷ διπλασίῳ τὸν ἡμῶν. ἔστι δ' ὁ παραλογισμὸς ἐν τῷ τὸ μὲν παρὰ κινούμενον, τὸ δὲ παρ' ἡρεμοῦν τὸ ἴσον μέγεθος δεῖοῦν τῷ ἴσῳ τάχει τὸν ἴσον φέρεσθαι χρόνον. При истолкованіи этого доказательства я слѣдую указавіямъ Симплиція (Phys. 237r) и Целлера (Philosophie der Griechen, I, 549 f.).

²⁾ Diog. Laert. X, 29: ἀρέσκει δ' αὐτῷ τάδε κόσμους εἶναι, κενὸν τε μὴ εἶναι γεγενῆσθαι δὲ τὴν τῶν πάντων φύσιν ἐκ θερμοῦ καὶ ψυχροῦ καὶ ἕηροῦ καὶ ὕγροῦ, λαμβανόντων εἰς ἄλληλα τὴν μεταβολὴν π пр.

³⁾ Plato, Phaedr. 261, C—E: Σὺ δ' εἶπέ, ἐν δικαστηρίοις οἱ ἀντίδικοι τί δρῶσιν; οὐκ ἀντιλέγουσι μέντοι, ἢ τί φήσομεν;—Τοῦτ' αὐτό.—Περὶ τοῦ δικαίου τε καὶ ἀδίκου;—Ναί.—Οὐκοῦν ὁ τέχνη τοῦτο δρῶν ποιήσει φανῆναι ταῦτ' οἰς αὐτοῖς τοτὲ μὲν δίκαιον, ὅταν δὲ βούληται, ἀδικον;—Τί μήν;—Καὶ ἐν δημηγορίᾳ δὴ τῇ πόλει δοκεῖν ταῦτά τοτὲ μὲν ἀγαθὰ, τοτὲ δ' αὐ τάναντία;—Οὕτω.—Τὸν οὖν Ἑλεατικὸν Παλαμήδην λέγοντα οὐκ ἴσμεν τέχνη, ὥστε φαίνεσθαι τοῖς ἀκούουσι ταῦτά ὅμοια καὶ ἀνόμοια, καὶ ἐν καὶ πολλά, μένοντά τ' αὐ καὶ φερόμενα;—Μάλα γε.—Οὐκ ἄρα μόνον περὶ δικαστήριά τ' ἔστιν ἡ ἀντιλογικὴ καὶ περὶ δημηγορίαν, ἀλλ', ὡς ἔοικε, περὶ πάντα τὰ λεγόμενα μία τις τέχνη, εἴπερ ἔστιν, αὕτη ἂν εἴη, ἢ τις οἴοσ' ἔσται πᾶν παντὶ ὁμοιοῦν τῶν δυνατῶν καὶ οἷς δυνατὸν, καὶ ἄλλου ὁμοιοῦντος καὶ ἀποκρυπτομένου εἰς φῶς ἄγειν. Isocr. Helene 3: Ζήνωννα, τὸν ταῦτά δυνατὰ καὶ πάλιν ἀδύνατα πειρώμενον ἀποφαίνειν. Ср. также Tim. Phlias. ap. Plut. Pericl. c. 4 (22—23 M.):

ἀμφοτερογλώσσου τε μέγα σθένος οὐκ ἀλαπαδόνον
Ζήνωνος, πάντων ἐπιλήπτορος.

⁴⁾ Plato, Soph. 216, A—B: ἔξενον ἀγομεν, τὸ μὲν γένος ἔξ' Ἑλέας, ἑταῖρον δὲ τῶν ἀμφὶ Παρμενίδην καὶ Ζήνωννα.—Οὐχ οὗτος ὁ τρόπος, ὡς Σώκρατες, τοῦ ξένου, ἀλλὰ μετριώτερος τῶν περὶ τὰς ξήριδας ἐσπουδακῶτων.

⁵⁾ См. ниже, стр. 144, прим. 2.

съ неменьшимъ правомъ мы можемъ признать его основателемъ ерестики ¹⁾).

¹⁾ Ср. Epiph. Exр. fid. 1087, С: Ζήνων ὁ Ἐλεάτης ὁ ἐριστικός. Риттеръ и Целлеръ, хотя и указываютъ на ерестическій характеръ доказательствъ Зенона, не желаютъ признать его ерестикомъ, такъ какъ онъ имѣлъ благородную цѣль — изслѣдованіе истины. Hat aber Zeno's Dialektik auch in der Folge der sophistischen Eristik einen grossen Theil ihrer Waffen geliefert (говоритъ Целлеръ, Philosophie der Griechen, I, 539 f.) so ist sie selbst doch von dieser Eristik durch ihren positiven Zweck unterschieden... Die dialektische Beweisführung ist hier, selbst wenn sie sophistische Wendungen nicht durchaus verschmäht, doch immer nur die Mittel, um eine metaphysische Ueberzeugung, die Lehre von der Einheit und Unveränderlichkeit des Seienden, zu begründen. Эти замѣчанія Целлера справедливы о доказательствахъ Зенона противъ множества и движенія. Но какое значеніе имѣло выработанное Зенономъ искусство доказывать объ одномъ и томъ же противоположное? Целлеръ умалчиваетъ объ этомъ; а вотъ какъ старается отстоять честь Зенона Риттеръ (Geschichte der Philosophie, I, 514): An die Form des Gesprächs, welche er seinem Werke gab, hat sich später ein Zweig der Sophistik angeschlossen (man erkennt dies besonders in dem Euthydemos des Platon), auch läuft manches in seinen Beweisen ziemlich klar auf sophistische Täuschung aus, und so ist auch wohl Zenon für einen Sophisten gehalten worden; allein bei dem ernstlichen Ziele, welches er verfolgte, darf man wohl annehmen, dass er solche täuschende Kunstgriffe nur als scherzhaftes Beiwerk seiner Dialoge oder als kecke Verspottung der Unbeholfenheit seiner Gegner behandelte. Неудовлетворительность этого объясненія, не имѣющаго за собой никакого другаго основанія кромѣ нежеланія Риттера приравнять Зенона ерестикамъ, очевидна сама собою. Но Риттеръ совершенно правъ, что «къ диалогической формѣ, которую Зенонъ придавалъ своему сочиненію, въ послѣдствіи примкнула вѣтвь софистики, какъ это видно въ особенности изъ діалога Платона Еввѣдемъ», т.-е. иными словами, что Зенонъ былъ родоначальникомъ ерестики. Эта послѣдняя, какъ мы знаемъ, (см. выше, стр. 25 слѣд.) опредѣляется двумя признаками: 1) она есть искусство сбивать людей съ толку, 2) ради тщеславія или наживы. Что Зенонъ сбивалъ своимъ искусствомъ людей съ толку, противъ этого нельзя спорить. Но у насъ есть также свидѣтельство и о томъ, что онъ наживалъ имъ и деньги. Платонъ въ «Алкивиадѣ I» говоритъ (119, A): ἀλλὰ τῶν ἄλλων Ἀθηναίων ἢ τῶν ξένων δοῦλον ἢ ἐλευθερὸν εἶπέ, ὅστις αἰτίαν ἔχει διὰ τὴν Περικλέους συνουσίαν σοφώτερος γέγονε, ὡς περ ἐγὼ ἔχω σοι εἶπεῖν διὰ τὴν Ζήωνος Πυθόδοκον τὸν Ἰσολόχου καὶ Καλλίαν τὸν Καλλιᾶδου, ὧν ἕκαστος Ζήωνι ἑκατὸν μνᾶς τελέσας σοφός τε καὶ ἐλλόγιμος γέγονε. Целлеръ (I. с. I, 535), намекая очевидно на то, что діалогъ этотъ вычеркнуть Шлейермахеромъ и его послѣдователями изъ списка подлинныхъ Платоновыхъ діалоговъ, называетъ его слишкомъ мутнымъ источникомъ для того, чтобы можно было изъ него черпать свѣдѣнія о Зенонѣ. Но авторитетъ Шлейермахера не на столько великъ, чтобы изъ-за него не довѣрять единогласному свидѣтельству всей древности, признававшей «Алкивиада I» подлиннымъ, подтвержденному къ тому же не менѣе именитыми, чѣмъ Шлейермахеръ, авторитетами новаго времени (обо всемъ этомъ см. Grote, Plato, I, p. 348 sq.). Риттеръ (I. с.) даетъ замѣтить, что сообщенное въ этомъ діалогѣ свѣдѣніе о Зенонѣ не вяжется съ великодушіемъ, оказаннымъ послѣднимъ въ борьбѣ съ тиранномъ (см. выше, стр. 127, пр. 3). Возможно однако жертвовать жизнью изъ-за политическихъ убѣжденій, но не быть безкорыстнымъ въ оказаніи такихъ услугъ, которыя не стоятъ въ связи съ политической борьбой, при томъ лицамъ постороннимъ (какими были для

Четвертымъ именитымъ представителемъ Елейскаго ученія былъ Мелиссъ изъ Самоса, командовавшій самосскимъ флотомъ при его побѣдѣ надъ афинянами въ 442 г. ¹⁾.

Подобно Ксенофану, Пармениду и Зенону, Мелиссъ училъ, что бытіе едино, вѣчно и неизмѣнно; но отъ своихъ предшественниковъ отличался тѣмъ, что отрицалъ ограниченность и вещественность бытія. Приемы Мелисса въ доказательствахъ сходны съ приемами Парменида, но самыя доказательства несравненно слабѣе ²⁾. Тѣмъ не менѣе намъ необходимо подробно ознакомиться съ его доказательствами, такъ какъ они были усвоены Горгіемъ ³⁾.

Если ничего нѣтъ (такъ начинается Мелиссъ свое разсужденіе ⁴⁾), то къ чему было бы о несуществующемъ говорить какъ о существующемъ? Если же есть нѣчто, то это нѣчто либо произошло, либо вѣчно существуетъ. Если оно произошло, то либо изъ бытія, либо изъ не-

Зенона Писодоръ и Каллій). Важнѣе было бы, еслибы свидѣтельству въ «Алквиадѣ I» противорѣчили обращенія Сократомъ въ «Протагорѣ» къ этому софисту слова 348, E: οὐ δὲ καὶ αὐτὸς ἀγαθὸς εἶ καὶ ἄλλους οἶός τ' εἶ ποιεῖν ἀγαθοῦς, καὶ οὕτω πεπίστευκας σαυτῷ, ὥστε καὶ ἄλλων ταύτην τὴν τέχνην ἀποκρυπτομένων οὐ γ' ἀναφανδὸν σεαυτὸν ὑποκηρυξάμενος εἰς πάντας τοὺς Ἕλληνας σοφιστὴν ἐπονομάσας σεαυτὸν ἀπέφηνας παιδεύσεως καὶ ἀρετῆς διδάσκαλον πρῶτος τοῦτου μισθὸν ἀξιώσας ἀρνεῖσθαι. Но изъ этихъ словъ видно только то, что Протагоръ впервые выступилъ какъ платный профессиональный учитель воспитанія и добродѣтели; могъ ли Зенонъ своею «мудростью» наживать деньги подобно другимъ «мудрымъ» людямъ древности,—напримѣръ, поэтамъ Симониду и Пиндару, которые писали за деньги (объ этомъ см. Müller, Geschichte der griechischen Literatur, 3-te Ausg., Stutt. 1875, S. 352, 367.), Софоклу (о послѣднемъ см. Aristoph. Pax. 679), и ритору Кораксу (см. ниже), слова Сократа не рѣшаютъ. Я съ своей стороны не сомнѣваюсь ни въ подлинности Алквиада I, ни въ достовѣрности свидѣтельства о Зенонѣ. Впрочемъ, станемъ ли мы считать Зенона еристикомъ или нѣтъ,—основателемъ еристики былъ онъ несомнѣнно.

¹⁾ Plut. Pericl. c. 26, Themistocl. c. 2 и др.

²⁾ Ср. отзывъ Аристотеля Phys. I, 3, нач.

³⁾ См. выше, стр. 105, прим. 5. Ср. слѣд. прим. и стр. 131, пр. 1; 136, прим. 1 и 2.

⁴⁾ Simpl. Phys. 22v, 15—20 (fr. 1 M): εἰ μὲν μηδὲν ἔστι, περὶ τοῦτου τί ἀν λέγοιτο ὡς ἐόντος τινός; εἰ δὲ τι ἔστι, ἤτοι γινόμενόν ἐστι, ἢ αἰεὶ ἐόν. ἀλλ' εἰ γινόμενον, ἤτοι ἔξ ἐόντος ἢ ἐκ μὴ ἐόντος· ἀλλ' οὔτε ἐκ μὴ ἐόντος οἶόν τε γίνεσθαι τι, οὔτε ἄλλο μὲν οὐδὲν ἐόν, πολλῶ δὲ μάλλον τὸ ἀπλῶς ἐόν· οὔτε ἐκ τοῦ ἐόντος εἴη γὰρ ἀν οὕτω καὶ οὐ γίνοιτο, οὐκ ἄρα γινόμενόν ἐστι τὸ ἐόν· αἰεὶ ἐόν ἄρα ἐστί· οὔτε φθαρήσεται τὸ ἐόν· οὔτε γὰρ ἐς τὸ μὴ ἐόν οἶόν τε τὸ ἐόν μεταβάλλειν· συγχωρέεται γὰρ καὶ τοῦτο ὑπὸ τῶν φυσικῶν· οὔτε ἐς ἐόν· μένοι γὰρ ἀν πάλιν οὕτω γε καὶ οὐ φθείροιτο. οὔτε ἄρα γέγονε τὸ ἐόν, οὔτε φθαρήσεται. αἰεὶ ἄρα ἦν τε καὶ ἔσται. Ср. fr. 6 и 7 (M). Ср. также Sext. Emp. adv. Math. VII, 71: Горгіѣ училъ, что 'καὶ μὴν οὐδὲ γενητὸν εἶναι δύναται τὸ ἐν, εἰ γὰρ γέγονεν, ἤτοι ἔξ ὄντος ἢ ἐκ μὴ ὄντος γέγονεν. ἀλλ' οὔτε ἐκ τοῦ ὄντος γέγονεν· εἰ γὰρ ὄν ἐστιν, οὐ γέγονεν', ἀλλ' ἔστιν ἤδη· οὔτε ἐκ τοῦ μὴ ὄντος· τὸ γὰρ μὴ ὄν οὐδὲ γεννησαί τι δύναται διὰ τὸ ἔξ ἀνάγκης ὑφείλειν ὑπάρξεως μετέχειν τὸ γεννητικόν τινος.

бытія. Но ни изъ небытія не можетъ происходить что нибудь и тѣмъ менѣе безусловное бытіе, ни изъ бытія не можетъ происходить бытіе, такъ какъ происхожденіе изъ бытія уже предполагаетъ бытіе существующимъ. Точно также не можетъ бытіе и разрушиться: оно не можетъ перейти ни въ небытіе (въ этомъ всѣ согласны), ни въ бытіе, такъ какъ въ этомъ случаѣ бытіе осталось бы бытіемъ. Поэтому бытіе всегда было и будетъ.

То, что произошло, имѣетъ начало; то, что не произошло, не имѣетъ начала; бытіе не произошло, поэтому оно не имѣетъ начала. Все преходящее имѣетъ конецъ; не преходящее не имѣетъ конца; бытіе не переходитъ; поэтому оно не имѣетъ конца. Но то, что не имѣетъ ни начала, ни конца, безгранично. Поэтому бытіе безгранично ¹⁾.

Если же бытіе безгранично, то оно едино; такъ какъ, если бы было два бытія, то они не могли бы быть безграничными, но были бы сопредѣльными. Съ безграничностью бытія такимъ образомъ несовмѣстимо множество бытія, а потому бытіе едино ²⁾.

Единство бытія дагѣе предполагаетъ его неизмѣнность. Единое бытіе постоянно тождественно самому себѣ; а тождественное не можетъ ни погибнуть, ни сдѣлаться бѣльшимъ, ни перемѣнять свой строй, ни страдать, ни принимать какой бы то ни было вредъ. Если бы бытіе претерпѣвало что нибудь подобное, то оно уже не было бы единственнымъ, такъ какъ все то, что измѣняется какимъ либо измѣненіемъ, переходитъ изъ чего нибудь одного во что нибудь другое; на самомъ же дѣлѣ не существуетъ ничего помимо бытія; поэтому бытіе не можетъ измѣняться ³⁾.

¹⁾ Ibid. (fr. 2 M.): ἀλλ' ἐπειδὴ τὸ γενόμενον ἀρχὴν ἔχει, τὸ μὴ γενόμενον ἀρχὴν οὐκ ἔχει, τὸ δ' ἐὸν οὐ γέγονε, οὐκ ἂν ἔχοι ἀρχὴν. ἔτι δὲ τὸ φθειρόμενον τελευταίην ἔχει· εἰ δὲ τί ἐστι ἀφθαρτον, τελευταίην οὐκ ἔχει· τὸ ἐὸν ἄρα ἀφθαρτον ἐόν, τελευταίην οὐκ ἔχει· τὸ δὲ μήτε ἀρχὴν ἔχον μήτε τελευταίην, ἀπειρον τυγχάνει ἐὸν ἀπειρον ἄρα τὸ ἐόν. Ср. fr. 8 и 9 (M). Ср. также Sext. Emp. adv. Math. VII, 69—70: εἰ γὰρ (училъ Горгія) αἰδιὸν ἐστι τὸ ὄν, οὐκ ἔχει τινα ἀρχὴν. τὸ γὰρ γινόμενον πᾶν ἔχει τίν' ἀρχὴν. τὸ δὲ αἰδιὸν ἀγένητον καθεστῶς οὐκ εἶχεν ἀρχὴν, μὴ ἔχον δὲ ἀρχὴν ἀπειρόν ἐστιν.

²⁾ Ibid. (fr. 3 M.): εἰ δὲ ἀπειρον, ἔν· εἰ γὰρ δύο εἴη, οὐκ ἂν δύναίτο ἀπειρα εἶναι, ἀλλ' ἔχοι ἂν πέρατα πρὸς ἀλλήλα· ἀπειρον δὲ τὸ ἐόν, οὐκ ἄρα πλέω τὰ ἐόντα· ἐν ἄρα τὸ ἐόν. Ср. fr. 10 (M). Ср. также ученіе Горгія у Sext. Emp. adv. Math. VII, 69: εἰ δὲ ἀπειρόν ἐστιν, οὐδαμοῦ ἐστίν. εἰ γὰρ ποῦ ἐστιν, ἕτερον αὐτοῦ ἐστίν ἐκεῖνο τὸ ἐν ἐν ψ ἐστι, καὶ οὕτως οὐκέτ' ἀπειρον ἔσται τὸ ὄν (и пр. см. выше, стр. 131, пр. 1).

³⁾ Ibid. (fr. 4 M.): ἀλλὰ μὴν εἰ ἐν, καὶ ἀκίνητον τὸ γὰρ ἐν ἐὸν ὁμοίον αἰεὶ ἐωυτῷ· τὸ δὲ ὁμοίον οὐτ' ἂν ἀπόλοιτο, οὐτ' ἂν μέζον γίνοιτο, οὕτε μετακοσμέοιτο, οὕτε ἀλγέοι, οὕτε ἀνίψοιτο. εἰ γὰρ τι τούτων πάσχοι, οὐκ ἂν ἐν εἴη. τὸ γὰρ ἠντιναοῦν κίνησιν κινεόμενον ἔκ τινος καὶ ἐς ἕτερόν τι μεταβάλλει· οὐδὲν δὲ ἦν ἕτερον παρὰ τὸ ἐόν, οὐκ ἄρα τοῦτο κινήσεται. Ср. fr. 11, 12, 13 (M).

Равнымъ образомъ въ бытіи не можетъ быть и движенія. Для движенія необходима пустота, иначе одно не можетъ уступить мѣсто другому; а въ бытіи нѣтъ пустоты. Необходимая для движенія пустота не можетъ образоваться и изъ стяженія бытія, такъ какъ, если бы бытіе могло стягиваться, то оно должно было бы быть то плотнѣе, то разряженнѣе самого себя, что негѣно ¹⁾.

Но если бытіе недвижимо, то оно недѣлимо. Движеніе предполазаетъ дѣлимость бытія; наоборотъ, невозможность движенія въ бытіи свидѣтельствузетъ объ его недѣлимости ²⁾.

Наконецъ, изъ единства бытія слѣдузетъ его безтѣлесность. Все тѣлесное имѣзетъ объемъ; то что имѣзетъ объемъ, имѣзетъ и части, но бытіе едино, не имѣзетъ повтому частей, а слѣздовательно и объема; иными словами, бытіе не зсть тѣло ³⁾.

Кромѣ онтологическнхъ доказательствъ единства бытія и его неизмѣннотн, Мелнссъ азетъ еще доказательство психологическое, на его взгядъ менѣе важно, но для насъ особенно интересное. Смыслъ доказательства тотъ, что свидѣтельству нашихъ чувствъ о множествѣ и измѣнчнвотн бытія нельзя вѣрнть, такъ какъ противорѣчнвыми позазаніями чувства опровергазутъ самн себя.

„Если бы (разсуждазетъ Мелнссъ ⁴⁾) въ бытіи существовало мно-

¹⁾ Ibid. 30 (fr. 5 M.): και κατ' άλλον δὲ τρόπον οὐδὲν κενεόν ἐστι τοῦ ἐόντος· τὸ γὰρ κενεόν οὐδὲν ἐστὶ· οὐκ ἂν ὦν εἴη τὸ γε μηδέν. οὐ κινέεται ὦν τὸ ἐόν· ὑποχωρήσαι γὰρ οὐκ ἔχει οὐδαμῆ, κενεοῦ μὴ ἐόντος. ἀλλ' οὐδὲ ἐς ἑωυτοῦ συσταλῆναι δυνατόν· εἴη γὰρ ἂν οὕτως ἀραιότερον ἑωυτοῦ και πυκνότερον· τοῦτο δὲ ἀδύνατον· τὸ γὰρ ἀραιὸν ἀδύνατον ὁμοίως εἶναι πλήρες τῆ πυκνῆ, ἀλλ' ἤδη τὸ ἀραιὸν γε κενεώτερον γίνεται τοῦ πυκνοῦ· τὸ δὲ κενεὸν οὐκ ἐστὶ. Ср. fr. 14 (M).

²⁾ Ibid. 24r, 1 (fr. 15 M.): εἰ διήρηται τὸ ἐόν, κινέεται· κινεόμενον δὲ οὐκ ἂν εἴη ἄμα.

³⁾ Ibid. 5 (fr. 16 M.): εἰ μὲν ἐόν ἐστὶ, δεῖ αὐτὸ ἐν εἶναι· ἐν δὲ ἐόν, δεῖ αὐτὸ σῶμα μὴ ἔχειν· εἰ δὲ ἔχοι πάχος, ἔχοι ἂν μόρια, και οὐκέτι ἂν εἴη ἐν.

⁴⁾ Simpl. De Coelo, 187 (fr. 17 M.): μέγιστον μὲν ὦν σημεῖον οὗτος ὁ λόγος (т.-е. приведенннхъ выше доказательствъ), ὅτι ἐν μόνον ἐστὶ. ἀτὰρ και τάδε σημεῖα· εἰ γὰρ ἦν πολλὰ, τοιαῦτα χρῆν αὐτὰ εἶναι, οἷόν περ ἐγὼ φημι τὸ ἐν εἶναι. εἰ γὰρ ἐστὶ γῆ και ὕδωρ και ἀήρ και σίδηρος και χρυσός και πῦρ, και τὸ μὲν ζῶν τὸ δὲ τεθνηκός, και μέλαν και λευκόν και τὰ ἄλλα πάντα ἄσσα οἱ ἀνθρωποὶ φασὶ εἶναι ἀληθέα, εἰ δὴ ταῦτα ἐστὶ και ἡμεῖς ὀρθῶς ὀρέομεν και ἀκούομεν, εἶναι χρῆ ἕκαστον τοιοῦτον, οἷόν περ τὸ πρῶτον ἔδοξεν ἡμῖν, και μὴ μεταπίπτειν μηδὲ γίνεσθαι ἕτεροῖον, ἀλλ' αἰεὶ εἶναι ἕκαστον οἷόν περ ἐστὶν. νῦν δὲ φαμεν ὀρθῶς ὀρῆν και ἀκούειν και συνιέναι· δοκέει δὲ ἡμῖν τὸ τε θερμὸν ψυχρὸν γίνεσθαι και τὸ ψυχρὸν θερμόν, και τὸ σκληρὸν μαλθακόν και τὸ μαλθακὸν σκληρόν, και τὸ ζῶν ἀποθνήσκειν και ἐκ μὴ ζῶντος γίνεσθαι, και ταῦτα πάντα ἕτεροιοῦσθαι, και ὁ, τι ἦν τε και ὁ νῦν ἐστὶ οὐδὲν ὁμοῖον εἶναι, ἀλλ' ὁ τε σίδηρος σκληρός ἐὼν τῆ δακτύλῳ κατατρίβεσθαι ὁμοურέων, και χρυσός και λίθος, και ἄλλο ὁ,τι ἰσχυρὸν δοκέει εἶναι πᾶν, ἐξ

жество, то все въ этомъ множествѣ должно было бы имѣть тѣже свойства, которыя я утверждаю за единымъ бытіемъ (т.-е. должно было бы быть вѣчнымъ и неизмѣннымъ). Если бы по истинѣ, какъ утверждаютъ люди, существовали земля, вода, воздухъ, желѣзо, золото, огонь, живое и мертвое, черное и бѣлое и все другое тому подобное,—если бы по истинѣ все это существовало и мы бы видѣли и слышали правильно, то все должно было бы оставаться такимъ, какимъ впервые намъ показалось, а не должно было бы измѣняться и становиться другимъ; каждая вещь должна была бы постоянно быть такою, какова она есть. А между тѣмъ теперь, хотя мы и говоримъ, что правильно видимъ, слышимъ и понимаемъ, намъ кажется, что теплое становится холоднымъ и холодное теплымъ, жесткое мягкимъ и мягкое жесткимъ, что живое умираетъ и происходитъ изъ неживаго, что все это измѣняется и что то, что было раньше, не тождественно съ тѣмъ, что стало послѣ, что твердое желѣзо стирается на мягкомъ пальцѣ, точно такъ же какъ золото, камни и все другое, что представляется твердымъ, что изъ воды происходятъ земля и камни. Выходить такимъ образомъ, что мы не видимъ и не познаемъ дѣйствительности. Одно другому противорѣчить: мы утверждаемъ, что существуютъ многія вѣчныя, разнообразныя, одаренныя силой вещи, и въ тоже время намъ кажется, что все непрестанно перемѣняется и переименовывается изъ одного вида въ другой. Ясно поэтому, что мы видимъ неправильно и что множество представляется намъ также неправильно. Видѣ вещей не измѣнялся бы, если бы былъ истиннымъ; онъ оставался бы такимъ, какимъ каждый разъ показался: сильнѣе истиннаго бытія нѣтъ ничего... Такимъ образомъ, если бы существовали многія вещи, то онѣ должны были бы быть такими, какъ единое бытіе“.

Въ этомъ доказательствѣ Мелисса ясно проглядываетъ сознание необходимости психологическаго метода для рѣшенія философскихъ вопросовъ. На эту необходимость указала сама исторія греческой философіи: выдти изъ затрудненій, въ которыя поставлена была мысль противоположными ученіями Гераклита и Елейцевъ; можно было не иначе, какъ подвергнувъ анализу самую познавательную способность,

ὑδατός τε γῆ καὶ λίθοι γίνεσθαι, ὥστε συμβαίνει μήτε ὄρη μήτε τὰ ἔοντα γινώσκειν. οὐ τοίνυν ταῦτα ἀλλήλοις ὁμολογεῖ. φαιμένοις γὰρ εἶναι πολλὰ αἰδία καὶ εἶδεα καὶ ἰσχυρὸν ἔχοντα πάντα ἑτεροιοῦσθαι ἡμῖν δοκεῖ καὶ μεταπίπτειν ἐκ τοῦ ἐκάστοτε ὄρεομένου. δῆλον τοίνυν, ὅτι οὐκ ὀρθῶς ὄρεομεν, οὐδὲ ἐκεῖνα πολλὰ ὀρθῶς δοκεῖ εἶναι. οὐ γὰρ ἂν μετέπιπτε, εἰ ἀληθέα ἦν, ἀλλ' ἦν, οἷόν περ ἔδοκεε ἕκαστον, τοιοῦτον τοῦ γὰρ ἔντος ἀληθινοῦ κρέσσον οὐδέν... οὕτως ὦν εἰ πολλὰ ἦν, τοιαῦτα χρὴν εἶναι, οἷόν περ τὸ ἔν

дѣлающую возможными подобныя противорѣчивыя утверждения. Такимъ путемъ пошли Протагоръ, Горгій и Сократъ. Но ихъ старшіе современники Емпедоклъ, Анаксагоръ и Демокритъ (разработавшій свою систему вмѣстѣ съ Левкиппомъ) хотя подобно Мелиссу (и въ противоположность первымъ представителямъ философскаго объективизма ¹⁾) и ставили вопросъ о состоятельности познавательныхъ средствъ, пытались рѣшить споръ между послѣдователями Гераклита и послѣдователями Ксенофана иначе, — соединивъ ученіе объ измѣняемости сущаго съ ученіемъ объ его постоянствѣ. Емпедоклъ ²⁾ училъ, что существуютъ четыре основныя вещества (огонь, воздухъ, вода, земля ³⁾), что эти основныя вещества въ началѣ каждаго міроваго круговорота ⁴⁾ бываютъ гармонически связаны любовью въ безразличной жизни Сфѣроса ⁵⁾, но затѣмъ то соединяются, то разъединяются любовью и ненавистью ⁶⁾, и

¹⁾ См. выше, стр. 103.

²⁾ Емпедоклъ — философъ, поэтъ, пророкъ, врачъ, чародѣй и риторъ — родился въ Агригентѣ около 495 г. По низверженіи Агригентянами тирана Фразидя, способствовалъ борьбу съ аристократами утверженію демократіи, но въ концѣ вынужденъ былъ бѣжать. Умеръ въ Пелопоннесѣ около 435 г. (Diog. Laert. VIII, 51, слѣд.; Diodor. XI, 53).

³⁾ Clemens, Strom. IV, 624 (v. 59—61 M.):

τέσσαρα τῶν πάντων ριζώματα πρῶτον ἄκουε,
πῦρ καὶ ὕδωρ καὶ γαῖαν ἰδ' αἰθέρος ἀπλετον ὕψος
ἐκ γὰρ τῶν δσα τ' ἦν δσα τ' ἔσσεται δσσα τ' ἔασιν.

⁴⁾ См. ниже, прим. 6.

⁵⁾ Simpl. Phys 258r; (v. 170, 172—173, 175—176 M.):

σφαῖρος ἔην,
ἐνθ' οὔτ' ἡλιόιο δεδίσκεται ἀγλαῶν εἶδος
οὐδὲ μὲν οὐδ' αἴης λάσιον δέμας οὐδὲ θάλασσα.
οὕτως ἀρμονίης πυκινῶ κύτει ἐστήρικται
σφαῖρος κυκλωτερῆς μονίῃ περιηγεί γαίωv.

⁶⁾ Simpl. Phys. 34r, 9—10 (v. 62—74 M.):

δίπλ' ἐρέω· τοτὲ μὲν γὰρ ἐν ἠϋξήθη μόνον εἶναι
ἐκ πλεόνων, τοτὲ δ' αὖ διέφυ πλέον' ἐξ ἐνός εἶναι.
δοιῆ δὲ θνητῶν γένεσις, δοιῆ δ' ἀπόλειψις.
τὴν μὲν γὰρ πάντων σύνδοδος τίκτει τ' ὀλέκει τε,
ἢ δὲ πάλιν διαφρομένων θρεφθεῖσα διέπτῃ
καὶ ταῦτ' ἀλλάσσοντα διαμπερὲς οὐδαμὰ λήγει,
ἄλλοτε μὲν Φιλότητι συνερχόμεν' εἰς ἐν ἅπαντα,
ἄλλοτε δ' αὖ διχ' ἕκαστα φορεύμενα Νείκεος ἔχθει.
οὕτως ἢ μὲν ἐν ἐκ πλεόνων μεμάθηκε φύεσθαι,
ἠδὲ πάλιν διαφύντος ἐνός πλέον' ἐκτελέθουσι,

что въ этомъ соединеніи и разъединеніи и состоитъ такъ-называемое происхожденіе и прехожденіе вещей ¹⁾). По Анаксагору ²⁾, міръ произошелъ изъ безконечно многихъ и безконечно малыхъ основаній или смѣшанъ вещества, находившихся первоначально въ состояніи смѣшенія ³⁾, но выведенныхъ изъ этого состоянія мировымъ Умомъ, давшимъ смѣшанной массѣ круговое движеніе и заставившимъ силою этого движенія разнородныя частицы разъединиться, а однородныя соединиться ⁴⁾; соединеніе частицъ соотвѣтствуетъ тому, что называется происхожденіемъ вещей, а разъединеніе тому, что называется ихъ прехожденіемъ ⁵⁾. Демокритово ученіе ⁶⁾ есть какъ бы ви-

τῆ μὲν γίνονται τε καὶ οὐ σφισιν ἔμπεδος αἰών
ἦ δὲ τὰδ' ἀλλάσσοντα διαμπερές οὐδαμὰ λήγει,
ταύτη δ' αἰὲν ἔασιν ἀκίνητον κατὰ κύκλον.

¹⁾ Plut. adv. Colot. X, 360W. (v. 98—101 M.):

ἄλλο δὲ τοι ἑρέω φύσις οὐδενός ἐστιν ἀπάντων
θνητῶν, οὐδέ τις οὐλομένου θανάτου τελευτή,
ἀλλὰ μόνον μῖξις τε διάλλαξις τε μιγέντων
ἐστί, φύσις δ' ἐπὶ τοῖς ὀνομάζεται ἀνθρώποισιν.

²⁾ Анаксагоръ родился въ Клазоменахъ (въ Малой Азій, на южномъ берегу Смирнскаго залива) около 500 г. Въ 462 или 463 г. прибылъ онъ въ Аѳины, гдѣ прожилъ тридцать лѣтъ, соединивъ вокругъ себя лучшія умственныя силы. Периклъ и Еврипидъ были его друзьями. Вслѣдствіе возбужденнаго противъ него врагами Перикла обвиненія въ нечестіи вынужденъ былъ, просидѣвъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ, бѣжать изъ Аѳинъ. Умеръ въ Лампсакѣ около 428 г. Diog. Laert. II, 6, слѣд.; Plut. Pericl. c. 4 и др.

³⁾ Simpl. Phys. 33v, 15 (fr. 1 M.). Начало книги Анаксагора: ὁμοῦ πάντα χρήματα ἦν, ἀπειρα καὶ πλήθος καὶ ομικρότητα. Ibid. 20 (fr. 3 M.): τούτων δὲ οὕτως ἔχόντων χρῆ δοκέειν ἐνεῖναι πολλὰ τε καὶ παντοῖα ἐν πάσι τοῖσι συγκρινόμενοι καὶ σπέρματα πάντων χρημάτων καὶ ιδέας παντοίας ἔχοντα καὶ χροιάς καὶ ἡδονάς.

⁴⁾ Ibid. 40 (fr. 6 M.): πάντα διεκόσμησε νόος, καὶ τὴν περιχώρησιν ταύτην. ἦν νῦν περιχωρεῖ τὰ τε ἄστρα καὶ ὁ ἥλιος καὶ ἡ σελήνη καὶ ὁ ἀήρ καὶ ὁ αἰθήρ, οἱ ἀποκρινόμενοι. ἡ δὲ περιχώρησις αὕτη ἐποίησε ἀποκρίνεσθαι, καὶ ἀποκρίνεται ἀπὸ τε τοῦ ἀραιοῦ τὸ πυκνόν καὶ ἀπὸ τοῦ ψυχροῦ τὸ θερμόν καὶ ἀπὸ τοῦ ζοφεροῦ τὸ λαμπρόν καὶ ἀπὸ τοῦ διεροῦ τὸ ξηρόν. Ibid. 38 (fr. 8 M.): τὸ μὲν πυκνόν καὶ διερὸν καὶ ψυχρόν καὶ τὸ ζοφερόν ἐνθάδε συνεχώρησε, ἔνθα νῦν ἡ γῆ; τὸ δὲ ἀραιὸν καὶ τὸ θερμόν καὶ τὸ ξηρόν καὶ τὸ λαμπρόν ἐξεχώρησε ἐς τὸ πρόσω τοῦ αἰθέρος.

⁵⁾ Simpl. Phys. 34 v. 50 (fr. 17 M.): τὸ δὲ γίνεσθαι καὶ ἀπόλλυσθαι οὐκ ὀρθῶς νομίζουσι οἱ Ἕλληνες, οὐδὲν γὰρ χρῆμα οὐδὲ γίνεται οὐδὲ ἀπόλλυται, ἀλλ' ἀπὸ ἐόντων χρημάτων συμμίσγεται τε καὶ διακρίνεται. καὶ οὕτως ἂν ὀρθῶς καλοῖεν τό τε γίνεσθαι συμμίσγεσθαι, καὶ τὸ ἀπόλλυσθαι διακρίνεσθαι.

⁶⁾ Демокрита древніе называютъ обыкновенно вмѣстѣ съ Левкиппомъ, съ которымъ Демокритъ выработалъ свою теорію. О жизни Левкиппа ничего неизвѣстно. Демокритъ родился около 460 г. во еракійскомъ городѣ Абдерѣ. Изъ любознательности совершалъ, по его собственнымъ словамъ (Clemens. Strom. I, 304), такія обширныя

доизмѣненное учение Анаксагора. Подобно Анаксагору, Демокритъ учишь, что отъ вѣчности существуютъ безконечно многія и малыя частицы вещества (которыя Демокритъ называлъ атомами ¹⁾), что эти частицы вихреобразно носятся въ пустомъ пространствѣ ²⁾ и что возникновеніе и прехожденіе есть лишь соединеніе и разъединеніе этихъ основныхъ частицъ ³⁾, но тогда какъ Анаксагоръ считалъ сѣмена вещей качественно различными и движущую силу видѣлъ въ Умѣ, Демокритъ полагалъ, что атомы различаются лишь фигурою, положеніемъ и сочетаніемъ ⁴⁾, и движущее начало видѣлъ въ ихъ собственной тяжести, заставляющей ихъ носиться въ пустотѣ ⁵⁾. Впро-

путешествія, какъ ни одинъ изъ его современниковъ: былъ въ Египтѣ, Малой Азіи, Персіи и пр. Умеръ около 370 г., оставивъ послѣ себя многочисленныя философскія труды, обнимавшіе собою всѣ отрасли тогдашняго вѣдѣнія (Diog. Laert. IX, 34, sq.)

¹⁾ Simpl. De Caelo 109, b, 43, слѣд.: ἔλεγον γὰρ οὗτοι ἀπείρους εἶναι τῶν πληθει τὰς ἀρχάς, ἃς καὶ ἀτόμους καὶ ἀδιαρέτους ἐνόμιζον.

²⁾ Diog. Laert. IX, 44: φέρεσθαι ἐν τῷ ὄλῳ δινομένης τὰς ἀτόμους. Ср. Sext. Emp. IX, 113.

³⁾ Aristot. De Gen. et Corr. 1, 8, 325a, 52, сл.: ταῦτα δ' ἐν τῷ κενῷ φέρεσθαι (κενὸν γὰρ εἶναι) καὶ συνιστάμενα μὲν γένεσιν ποιεῖ, διαλυόμενα δὲ φθορὰν. ποιεῖν δὲ καὶ πάσχειν ἢ τυγχάνουσιν ἀπτόμενα... καὶ συντιθέμενα δὲ καὶ περιπλεκόμενα γεννᾶν. Съ близкимъ къ этому ученіемъ мы встрѣтимся у Протагора. Plato, Theaet. 156, A: τῆς κινήσεως δύο εἶδη, πλήθει μὲν ἀπειρον ἑκάτερον, δύναμιν δὲ τὸ μὲν ποιεῖν ἔχον, τὸ δὲ πάσχειν. ἐκ δὲ τῆς τούτων ὀμίλλας τε καὶ τριψεως πρὸς ἀλλήλα γίγνεται ἕκγονα πλήθει μὲν ἀπειρα, δίδυμα δὲ, τὸ μὲν αἰσθητόν, τὸ δ' αἰσθησις, αἰεὶ συνεκπίπτουσα καὶ γεννωμένη μετὰ τοῦ αἰσθητοῦ... ὅσον μὲν οὖν βραδύ, ἐν ταύτῳ καὶ πρὸς τὰ πλησιάζοντα τὴν κίνησιν ἴσχει καὶ οὕτω δὴ γεννᾶ, τὰ δὲ γεννώμενα οὕτω δὴ θάττω ἐστί. φέρεται γὰρ καὶ ἐν φορῶν αὐτῶν ἢ κινήσεως πέφυκεν. При томъ нравѣ, который покрываетъ вопросъ объ отношеніи Протагора къ Демокриту (см. ниже, стр. 148, прим. 1), подобныя сопоставленія между ученіемъ того и другаго имѣютъ весьма большое значеніе.

⁴⁾ Arist. Metaph. I, 4, 985b, 15, слѣд.: τὰς διαφορὰς λέγουσιν εἶναι τρεῖς, σχῆμά τε καὶ τάξιν' καὶ θέσιν' διαφέρειν γὰρ φασι τὸ ὄν ἄσμιμ' καὶ τροπῇ μόνον· τούτων δὲ ὁ μὲν ἄσμιμος σχῆμά ἐστιν, ἢ δὲ διαθιγῆ τάξις, ἢ δὲ τροπῇ θέσις· διαφέρει γὰρ τὸ μὲν A τοῦ N σχήματι, τὸ δὲ A N τοῦ N A τάξει, τὸ δὲ Z τοῦ N θέσει.

⁵⁾ См. выше, прим. Simpl. Phys. 7г, 10: τὴν γὰρ τῶν ἀτόμων οὐσίαν ναστήν καὶ πλήρη ὑποτιθέμενος ὃν ἔλεγεν εἶναι καὶ ἐν τῷ κενῷ φέρεσθαι. Сжато и ясно изложены основныя черты ученія Демокрита у Plut. adv. Col. VIII, 358W: τί γὰρ λέγει Δημόκριτος; οὐσίας ἀπείρους τὸ πλῆθος ἀτόμους τε καὶ ἀδιαφόρους ἔτι δ' ἀποίους καὶ ἀπαθείς ἐν τῷ κενῷ φέρεσθαι διεσπαρμένας· ὅταν δὲ πελάσωσιν ἀλλήλαις, ἢ συμπέσωσιν, ἢ περιπλακῶσι, φαίνεσθαι τῶν ἀθροισμένων τὸ μὲν ὕδωρ, τὸ δὲ πῦρ, τὸ δ' ἀνθρώπων· εἶναι δὲ πάντας τὰς ἀτόμους ἰδέας ὑπ' αὐτοῦ καλουμένας, ἕτερον δὲ μηδέν· ἐκ μὲν γὰρ τοῦ μὴ ὄντος οὐκ εἶναι γένεσιν, ἐκ δὲ τῶν ὄντων μηδέν ἂν γενέσθαι τῷ μῆτε πάσχειν μῆτε μεταβάλλειν τὰς ἀτόμους ὑπὸ στερρότητος, ὅθεν οὔτε χρόαν ἐξ ἀχρώστων, οὔτε φύσιν ἢ ψυχὴν ἐξ ἀποίων καὶ ὑπάρχειν. Существованіе всего этого подсказывается нашими чисто субъективными состояніями, такъ что, по вѣрному замѣчанію Колота, ар. Plut. l. c., τὸν ἐμμένοντα τῷ λόγῳ τούτῳ καὶ χρώμενον οὐδὲ ἂν αὐτὸν ὡς ἐστιν ἢ ζῆ διανοηθῆναι. Ср. ниже, стр. 148, пр. 1 и стр. 150, пр. 2.

чемъ, для насъ важны не самыя космогоніи Емпедокла, Анаксагора и Демокрита, но тѣ черты въ ихъ ученіяхъ, которыя отражаютъ на себѣ духъ времени. Подобно тому, какъ нравственное сознаніе древнѣйшей греческой жизни не противопоставляло государства организующему его началу, древніе физики отождествляли вещество и силу. Емпедоклъ первый различаетъ между тѣмъ и другимъ началомъ; при этомъ живыя стихіи прежнихъ физиковъ становятся у него мертвымъ веществомъ, а значеніе жизненныхъ началъ получаютъ психологическія силы—любовь и ненависть, взятая изъ непосредственнаго самонаблюденія и опыта общественной жизни ¹⁾. Еще дальше идетъ Анаксагоръ (родившійся раньше Емпедокла, но начавшій философское поприще позже ²⁾, поставивъ на мѣсто этихъ двухъ, лежащихъ въ основаніи общественной жизни, силъ единоличное господство самостоятельнаго, обособленнаго ума ³⁾. Демокритъ отождествленіемъ силы съ тяжестью матеріи устраняетъ намѣченный Емпедокломъ дуализмъ, но замѣняетъ его началомъ еще большей розни—

¹⁾ Simpl. Phys. 34r, 15—20 (v. 80—87 M.):

Νεῖκος τ' οὐλόμενον διὰ τῶν (четыре началъ), ἀτάλαντον ἑκάστω
καὶ Φιλότης μετὰ τοῖσιν, ἴση μῆκος τε πλάτος τε
τὴν οὐ νόσιν δέρκευ μηδ' ὀμμασιν ἤσο τεθηπῶς
ἤτις καὶ θνητοῖσι νομίζεται ἔμφυτος ἀρθροῖς,
τῇ τε φίλα φρονέουσ' ἰδ' ὁμοῖα ἔργα τελοῦσι
τηθοσύνην καλέοντες ἐπώνυμον ἢ δ' Ἀφροδίτην.
τὴν οὐτὶς διὰ παντὸς ἐλίσσομένην δεδάηκε
θνητὸς ἀνὴρ.

То, что говоритъ Емпедоклъ о любви, относится, очевидно, и къ ненависти. Хотя Емпедоклъ и признаетъ имманентность любви и ненависти всему существу, тѣмъ не менѣе онъ ихъ отличаетъ отъ вещества, какъ начала дѣятельныя отъ начала недѣятельнаго; но пространственныя опредѣленія, данныя имъ любви, показываютъ, что различіе между веществомъ и силой имъ сознавалось не вполне отчетливо.

²⁾ Aristot. Metaph. I, 3, 984a, 11: Ἀναξαγόρας δὲ... τῇ μὲν ἡλικίᾳ πρότερος ὢν τούτου (Емпедокλέου), τοῖς δ' ἔργοις ὕστερος. Слово ὕστερος имѣетъ у Аристотеля тройной смыслъ: 1) позднѣйшій по времени, 2) болѣе совершенный и 3) наоборотъ, менѣе совершенный. (См. Schwegler, Die Metaphysik des Aristoteles, 3-r B., Tab. 1847, S. 84 f.; Zeller, Philosophie der Griechen I, S. 917 f.) Последнее значеніе и въ нашемъ мѣстѣ очевидно не подходитъ, такъ какъ между ἡλικίᾳ πρότερος и ἔργοις ὕστερος нѣтъ логической противоположности (Schwegler, l. c.). Первое и второе одинаково возможны. Я предпочитаю первое, какъ болѣе простое и не требующее, въ противоположность второму, для своего оправданія никакихъ дальновидныхъ догадокъ.

³⁾ Simpl. Phys. 33v, 30 (fr. 6 M.): νόος δὲ ἐστὶ ἀπειρον καὶ αὐτοκράτης καὶ μέγιστος οὐδενὶ χρημάτων, ἀλλὰ μόνος ἐφ' ἑωυτοῦ ἐστὶ и пр. Ср. Plato, Crat. 413, С; Arist. De Anima, I, 2, 405a, 13, слѣд. и др.

индивидуализмом дѣйствующихъ собственно силою атомовъ. У Емпедокла ученіе о міровыхъ началахъ носитъ яркую мифологическую окраску: любовь онъ отождествляетъ съ Афродитой ¹⁾, ненависть съ Аресомъ ²⁾, четыре основныхъ вещества съ Зевсомъ, Герой, Адомъ и Нестидой ³⁾. У Анаксагора не только нѣтъ никакихъ мифологическихъ сближеній, но онъ вынужденъ томиться въ тюрьмѣ ⁴⁾ за то, что отождествлялъ солнце съ камнемъ, луну съ землею ⁵⁾, что казавшіяся сверхъестественными явленія объяснял изъ естественныхъ причинъ ⁶⁾, что въ гомерическихъ мифахъ искалъ выраженія нравственныхъ правилъ ⁷⁾ и имена боговъ толковалъ иносказательно ⁸⁾. А Демокритъ прямо заявляетъ, что боги — олицетворенныя силы природы и что источникъ богопочитанія кроется въ страхъ передъ грозными стихійными силами ⁹⁾. Ученіе Емпедокла о безразличной жизни въ Сээрорѣ подъ любовнымъ кровомъ Афродиты было отображеніемъ идеаловъ древней греческой государственной жизни съ ея непосредственными мифологическими вѣрованіями; система Анаксагора представляетъ собою подобіе общественной жизни въ вѣкъ Перикла съ единоличнымъ руководящимъ умомъ и пробуждающеюся

¹⁾ См. выше, стр. 142, прим. 1.

²⁾ Porphyg. De Abstin. II, 21. (417 M.)

³⁾ Stob. Flor. I, 11 (v. 159—161 M.):

τέσσαρα γὰρ πάντων ριζώματα πρῶτον ἔασιν
Ζεὺς ἀργῆς Ἥρη τε φερέσβιος ἠδ' Αἰδωνεύς
Νῆστis θ' ἢ δακρῶν τέττα κρούνωμα βρότειον.

⁴⁾ Diog. Laert. II, 12—15; Plut. Per. 32; Nic. 23.

⁵⁾ Plato, Apol. 26, D: τὸν μὲν ἥλιον λίθον φησὶν εἶναι, τὴν δὲ σελήνην γῆν.

⁶⁾ Plut. Per. 6; Diog. Laert. II, 11.

⁷⁾ Diog. Laert. II, 11: δοκεῖ δὲ πρῶτος, καθά φησι Φαβρίνιος ἐν πανταδοπῇ ἱστορίᾳ τὴν Ὀμήρου ποιήσιν ἀποφῆνασθαι εἶναι περὶ ἀρετῆς καὶ δικαιοσύνης.

⁸⁾ Syncell. Chron. 149, c: ἐρμηνεύουσι δὲ οἱ Ἀναξαγόριοι (а потому, надо думать, и самъ Анаксагоръ) τοὺς μυθώδεις θεοὺς, νοῦν μὲν τὸν Δία, τὴν δὲ Ἀθηνᾶν τέχνην.

⁹⁾ Clemens Cohort. 59, 15 (Pott.): ὅθεν οὐκ ἀπεικόντως ὁ Δημόκριτος τῶν λογίων ἀνθρώπων ὀλίγους φησὶν ἀνατείναντας τὰς χεῖρας ἐνταῦθα δὲ νῦν ἡέρα καλέομεν οἱ Ἕλληνες πάντα Δία μυθεῖσθαι, καὶ πάντα οὗτος οἶδεν καὶ διδοῖ καὶ ἀφαιρέεται καὶ βασιλεὺς οὗτος τῶν πάντων. Sext. Emp. adv. Math. IX, 24: ὁρῶντες γάρ, φησὶν ὁ Δημόκριτος, τὰ ἐν τοῖς μετεώροις παθήματα οἱ παλαιοὶ τῶν ἀνθρώπων, καθάπερ βροντὰς καὶ ἀστραπὰς, κεραυνούς τε καὶ ἀστρων συνόδους, ἡλίου τε καὶ σελήνης ἐκλείψεις ἐδειματοῦντες, θεοὺς οἰόμενοι τούτων αἰτίους εἶναι. Ср. учение Продикса у Sext. Emp. adv. Math. IX, 18 (ibid. 50): Πρόδικος δὲ ὁ Κεῖος, ἥλιον, φησὶ, καὶ σελήνην καὶ ποταμούς καὶ κρήνας καὶ καθόλου πάντα τὰ ὠφελούντα τὸν βίον ἡμῶν οἱ παλαιοὶ θεοὺς ἐνόμισαν διὰ τὴν ἀπ' αὐτῶν ὠφέλειαν. Ср. также приведенный на стр. 76 отрывокъ изъ Критiа.

трезвостью взглядовъ; атомистическая теорія Демокрита была какъ бы отвлеченной схемой политической жизни конца V в. съ ея опирающимся на право сильного индивидуализмомъ ¹⁾.

Къ отрицательнымъ взглядамъ на религиозныя вѣрованія Анаксагоръ и Демокритъ пришли путемъ своихъ физическихъ изысканій. Но и на внутренній миръ человѣка философы, начиная со второй четверти V вѣка, обращаютъ все большее вниманіе. Отъ Емпедокла ведетъ начало риторика ²⁾ или основанное на знаніи свойствъ человеческого духа искусство говорить убѣдительно — мощное орудіе въ рукахъ демократіи, которымъ пользовался съ большимъ успѣхомъ самъ Емпедоклъ въ борьбѣ со своими противниками — аристократической партіей въ Агригентѣ ³⁾. Представитель скорѣе стараго, чѣмъ новаго времени, Емпедоклъ изъ-за субъективной дѣятельности духа не забывалъ обязанностей гражданина. Въ противоположность ему Анаксагоръ не принимаетъ никакого участія въ политической жизни. Когда его укоряютъ за равнодушіе къ отечеству, онъ оправдывается тѣмъ, что для него отечество — небо, и что онъ не знаетъ въ жизни никакой другой пѣли, кромѣ той, чтобы созерцать небо и устройство всего міра ⁴⁾. Демокритъ точно также всецѣло посвящаетъ себя

¹⁾ Противъ сдѣланныхъ замъ здѣсь, такъ и при изложеніи ученія Гераклита сооставленій, можно, ссылаясь на то, что современныя философскія системы не отражаютъ на себѣ политическаго міровоззрѣнія, возразить, что указанная мною аналогія случайна. Но не слѣдуетъ забывать разницы между условіями современной и древнегреческой жизни. Въ настоящее время каждая духовная дѣятельность — философская, литературная, научная, нравственная и др. — хотя и носитъ на себѣ тѣ или другія характерныя черты своего времени, идетъ своимъ особымъ русломъ; въ древнегреческой жизни они сливались въ одно теченіе. Въ доказательство сильнаго воздѣйствія нравственной среды на философское міровоззрѣніе я уже приводилъ знаменитыя слова Анаксимандра (см. стр. 104, сл.); ср. также любопытное свидѣтельство Платона (Soph. 242, D) о неизвѣстныхъ намъ философахъ, изъ которыхъ *ὁ μὲν ὡς τρία τὰ ὄντα (λέγει), πολεμεῖ δ' ἀλλήλοις ἐνίοτε αὐτῶν ἅττα πη, τότε δὲ καὶ φίλα γιγνόμενα γάμους τε καὶ τόκους καὶ τροφὰς τῶν ἐκγόνων παρέχεται* δύο δὲ ἕτερος εἰπών, ὕγρον καὶ ἔηρον ἢ θερμόν καὶ ψυχρόν, συνοικίζει τε αὐτὰ καὶ ἐκδίδωσι.

²⁾ Diog. Laert. VIII, 57: 'Ἀριστοτέλης δὲ ἐν τῷ Σοφιστῇ φησι πρῶτον 'Εμπεδοκλέα ῥητορικὴν εὐρεῖν, Ζήνωννα δὲ διαλεκτικὴν. Sext. J' Empir. adv. Math. VII, 6: 'Εμπεδοκλέα μὲν γάρ φησιν ὁ 'Ἀριστοτέλης πρῶτον ῥητορικὴν κεκνηκέναι. Quintil. III, 1: nam primus post eos quos poetae tradiderunt movisse aliqua circa rhetoricen Empedocles dicitur. Cp. Tim. Phl. (26—27M.): 'Εμπεδοκλῆς ἀγοραίων κηλητῆς ἔπειων.

³⁾ Diog. Laert. 72; Plut. adv. Colot. 92, 4. Ср. выше, стр. 139, пр. 2.

⁴⁾ Diog. Laert. II, 7: πρὸς τὸν εἰπόντα οὐδὲν σοι μέλει τῆς πατρίδος· εὐφήμει, ἔφη, ἐμοὶ γὰρ καὶ σφόδρα μέλει τῆς πατρίδος, δεῖξας τὸν οὐρανόν. Eudem. Eth. I, 5, 1216, a 10: 'Ἀναξαγόραν φασὶν ἀποκρίνασθαι, πρὸς τινα διερωτῶντα, τίνος ἔνεκεν' ἂν τις ἔλοιτο γενέσθαι, τοῦ θεωρῆσαι τὸν οὐρανόν καὶ τὴν περὶ τὸν ὄλον κόσμον τάξιν. οὗτος μὲν οὖν ἐπιστήμησιν τινὸς ἔνεκεν τὴν αἴρεσιν ψετο τιμίαν εἶναι τοῦ Ζῆν. Ср. также при-

научной дѣятельности; какъ для Анаксагора отечествомъ было небо, такъ для Демокрита, по его собственнымъ словамъ, родиной былъ весь міръ ¹⁾. Внутренней жизнью человѣка Демокритъ занимался такъ

веденный на стр. 99, пр. 5 отрывокъ изъ Еврипида, несомнѣнно выражающій мировоззрѣніе Анаксагора.

¹⁾ Stob. Flor. XL, 7 (fr. 225 M.): ἀνδρὶ σοφῷ πάσα γῆ πατήρ ψυχῆς γὰρ ἀγαθῆς πατήρ ὁ ἔμψας κόσμος. Чтобы понять, почему я привожу эти слова Демокрита и Анаксагора, необходимо помнить о той тѣсной связи, въ которую древнегреческое нравственное сознание ставило единичную жизнь съ жизнью государства. По Аристотелю, (который въ своей «Политикѣ» не строитъ новой политической системы, но лишь философски истолковываетъ лежавшія въ основаніи греческой государственной жизни воззрѣнія), государство по своей природѣ первѣе гражданина (I, 2, 1253a, 19). Это значитъ, что государство обуславливаетъ собою существованіе человѣка какъ гражданина, и такъ какъ быть гражданиномъ значило имѣть всѣ общепризнанныя въ то время права и неразрывно связанныя съ ними преимущества, то служить государству всякій гражданинъ считалъ и необходимою и долгомъ (ср. *ibid.* VIII, 1, 1337a, 28: ἀμα δὲ οὐδὲ χρὴ νομίζειν αὐτὸν αὐτοῦ τίνα εἶναι τῶν πολιτῶν, ἀλλὰ πάντας τῆς πόλεως и пр.). Охлократія обявляла гражданъ только военною повинностью и Согатыхъ такъ называемыми литургіями (т. е. гратами на государственныя потребности), а въ остальномъ, въ теоріи по крайней мѣрѣ, признавала за каждымъ право жить по своему усмотрѣнію. Но демократія (какъ ее понималъ между прочимъ и Солонъ, положившій основаніе афинскому государственному праву) подъ свободой подразумѣвала лишь невозбранный выборъ между исполненіемъ программы той или другой политической партіи (см. выше, стр. 48, срав. также Isocg. Paneg. (IV), 79). Периклъ ставитъ въ заслугу афинской демократіи своего времени то, что она людей, не принимающихъ участія въ государственной жизни, считаетъ не бездѣльниками, а только бесполезными (Thuc. II, 40, 1—2: ἐνὶ τε τοῖς αὐτοῖς οἰκείων ἀμα καὶ πολιτικῶν ἐπιμέλεια καὶ ἑτέροις πρὸς ἔργα τετραμένοισ τὰ πολιτικά μὴ ἐνδεῶς γινῶναι· μόνοι γὰρ τὸν τε μὴδὲν τῶνδε μετέχοντα οὐκ ἀπράγμονα, ἀλλ' ἀχρεῖον νομίζομεν); отсюда слѣдуетъ, что въ другихъ демократическихъ государствахъ на такихъ людей смотрѣли съ враждою. Эта вражда вполне понятна: кто намѣренно сторонится отъ участія въ общей жизни, тотъ либо ее презираетъ, либо ставитъ свои личные интересы выше общественныхъ (государственныхъ или партійныхъ, какъ случится), т. е. въ томъ и другомъ случаѣ становится на почву въ практической жизни всегда ненавистнаго субъективизма. Для древнѣйшаго греческаго нравственнаго сознанія характерны выраженія въ родѣ οἱ νόμοι καὶ τὸ κοινὸν τῆς πόλεως (Plato, Crito, 50, A); для нравственнаго мировоззрѣнія конца V и IV вѣковъ данный Анти-сеномъ совѣтъ (Stob. Floril. XLV, 28): Ἀντισθένης ἐρωτηθεὶς πῶς ἂν τις προσέλθοι πολιτείᾳ, εἶπε· καθάπερ πυρὶ, μήτε λῆν ἐγγύς ἵνα μὴ καῖς, μήτε πόρρω ἵνα μὴ ριγώσῃς. Съ конца V вѣка получили широкое распространеніе и космополитическія воззрѣнія. Ср. любопытный разговоръ Сократа съ Аристиномъ у Ксенофонта (Memog. II, 1, 8, слѣд.), отвѣтъ Диогена (Diog. Laert VII, 63): ἐρωτηθεὶς πόθεν εἶη, κοσμοπολίτης ἔφη (ср. *ibid.* 72) и слова Кратеса (*ibid.* 98):

οὐχ εἰς πάτρας μοι πύργος, οὐ μίᾳ στέτῃ,
πάσης δὲ χέρσου καὶ πόλισμα καὶ δόμος
ἔτομος ἡμῖν ἐνδιατάσθαι πάρα.

Очевидно, что тотъ, кто считаетъ себя гражданиномъ всего міра, не можетъ смотрѣть на нравственныя отношенія съ точки зрѣнія какого-либо положительнаго закона и обмчая и потому необходимо субъективенъ.

много, что вопросам нравственнымъ посвятить семь отдѣльных трактатовъ ¹⁾). Въ основаніи его этики лежитъ взглядъ субъективизма, совершенно сходный со взглядомъ Сократа, — что счастье заключается не во внѣшнихъ благахъ, а въ душѣ ²⁾, что мѣрою полезнаго и вреднаго служатъ наслажденія и страданія ³⁾, и что лучшее средство къ счастью — въ расчетливой оцѣнкѣ удовольствій и въ умѣренности, которыми пріобрѣтается душевное равновѣсіе ⁴⁾.

Съ Емпедокла получаетъ болѣе широкую разработку и анализъ познавательныхъ средствъ. Емпедоклъ усваиваетъ намѣченный Парменидомъ ⁵⁾ взглядъ, что подобное познается подобнымъ ⁶⁾ и что духовныя состоянія обусловлены свойствами тѣла ⁷⁾, но съ небывалою дотогдѣ обстоятельностью разсматриваетъ процессы воспріятія, которые объясняетъ своеобразной теоріей смѣшенія, чрезъ приспособленныя поры тѣла, истеченій отъ вещей съ сродными частицами въ органахъ чувствъ ⁸⁾. Анаксагоръ, напротивъ, учитъ, что мы познаемъ

¹⁾ Diog. Laert. IX, 46.

²⁾ См. ниже, прим. 4.

³⁾ Stob. Flor. III, 35 (fr. 8 M.): οὐρος εὐμοφορέων καὶ ἀεὐμοφορέων τέρψις καὶ ἀτερπία.

⁴⁾ Stob. Ecl. Eth. II, 7 (fr. 1 M.): Δημόκριτος καὶ Πλάτων κοινῶς ἐν τῇ ψυχῇ τὴν εὐδαιμονίαν τίθενται. γέγραφε δὲ ὁ μὲν οὕτως: Εὐδαιμονία ψυχῆς καὶ κακοδαιμονία οὐκ ἐν βουκῆμασι οἰκεῖ, οὐδ' ἐν χρυσῷ, ψυχὴ δ' οἰκητήριον δαίμονος. τὴν δὲ εὐθυμίην καὶ εὐεστώ καὶ ἀρμονίην, εὐμετρίην τε καὶ ἀταραξίην καλεῖ συνίστασθαι δ' αὐτὴν ἐκ τοῦ διορισμοῦ καὶ τῆς διακρίσεως τῶν ἡδονῶν· καὶ τοῦτ' εἶναι τὸ κάλλιστον καὶ συμφορώτατον ἀνθρώποις. Ib. I, 40. Ср. Plato, Protag. 351, B, слѣд.

⁵⁾ См. выше, стр. 127, прим. 2.

⁶⁾ Arist. De Anima I, 2, 404b, 13—15:

γαῖη μὲν γὰρ γαῖαν ὀπώπαμεν, ὕδατι δ' ὕδωρ,
αἰθέρι δ' αἰθέρα δῖον, ἀτὰρ πυρὶ πῦρ ἀτθῆλον,
στοργῇ δὲ στοργήν, νεῖκος δὲ τε νεῖκεῖ λυγρῷ·
ἐκ τούτων γὰρ πάντα πεπήγασι ἀρμυθέντα
καὶ τούτοις φρονέουσι καὶ ἦδοντ' ἢ δ' ἀνιώνται.

⁷⁾ Aristot. De Anima III, 3, 427a, 21, слѣд.; Metaph. III, 5, 1009b, 17, сл. (v. 375—377 M.):

πρὸς παρεὸν γὰρ μῆτις ἀέξεται ἀνθρώποισιν.
ὅσον τ' ἄλλοιοι μετέφυν, τόσον ἄρ σφισιν αἰεὶ
καὶ τὸ φρονεῖν αλλοῖα παρίστατο.

⁸⁾ Plut. Quaest. Plat. XIX, 473W (v. 337 M.):

γνούς δι τὸ πάντων εἰσὶν ἀπορροαί, ὅσσ' ἐγένοντο.

Theophr. De Sensu, 7: Ἐμπειροκλῆς φησι τῷ ἐναρμόττειν (τὰς ἀπορροὰς) εἰς τοὺς πόρους τοὺς ἐκάστης (αἰσθήσεως) αἰσθάνεσθαι. Ср. Arist. De Generat. et Corr. 8, нач. Это учение объ истеченіяхъ было усвоено Горріемъ. Plato, Meno, 76, C: Βούλει οὖν σοι κατὰ Γοργίαν ἀποκρίνωμαι, ἢ ἂν σὺ μάλιστ' ἀκολουθήσῃς;—Βούλομαι· πῶς γὰρ

противоположное противоположнымъ ¹⁾ и что нѣтъ никакого соотвѣт-

оѵ;—Οὐκοῦν λέγετε ἀπορροάς τινας τῶν ὄντων κατ' Ἐμπειδοκλέα;—Σφόδρα γε.—Καὶ πόρους, εἰς οὐδ καὶ δι' ὧν αἱ ἀπορροαὶ πορεύονται;—Πάνυ γε.—Καὶ τῶν ἀπορροῶν τὰς μὲν ἀρμόττειν ἐνίοις τῶν πόρων, τὰς δ' ἐλάττους ἢ μείζους εἶναι;—Ἔστι ταῦτα. Зрительный процессъ Эмпедокля, подобно тому какъ въ послѣдствіи Протагоръ всѣ вообще процессы воспріятія, объяснялъ изъ встрѣчи двоякаго рода движеній (у Эмпедокла истеченій)—отъ воспринимающаго органа и отъ воспринимаемой вещи. Aristot. De Sensu, 2, 437b, 23, слѣд.: Ἐμπειδοκλῆς δ' εἶοικε νομίζοντι ὅτε μὲν ἐξιόντος τοῦ φωτός... βλέπειν· λέγει γοῦν οὕτως·

ὡς δ' ὅτε τις πρόβρον νοέων ὑπλίσατο λύχρον
χειμερίην διὰ νύκτα, πυρὸς σέλας αἰθομένοιο
ἄσπας, παντοίων ἀνέμων λαμπτήρας ἀμοργούς,
οἳτ' ἀνέμων μὲν πνεῦμα διασκιδνάσιν ἀέντων,
φῶς δ' ἔξω διαδρῦσκον, ὅσον ταναώτερον ἦεν,
λάμπσκεν κατὰ βηλὸν ἀτειρέσιν ἀκτίεσσιν·
ὡς δὲ τότ' ἐν μήνιγιν ἐεργμένον ὠγύγιον πῦρ
λεπτῆσιν τ' ὀθόνησι λοχάζετο κύκλοπα κούρη·
αἱ χοάνησι διαντα τετρήατο θεσπέσισιν
αἱ δ' ὕδατος μὲν βένθος ἀπέστεγον ἀμφινάοντος,
πῦρ δ' ἔξω διαθρῦσκον, ὅσον ταναώτερον ἦεν...

ὅτε μὲν οὖν οὕτως ὄραν φησιν, ὅτε δὲ ταῖς ἀπορροαῖς ταῖς ἀπὸ τῶν ὀρωμένων. Первѣйшительный тонъ Аристотеля даетъ основаніе предпочесть свидѣтельство Теофраста, которое объединяетъ то, что считаетъ раздѣльнымъ Аристотель; тѣмъ болѣе, что оно косвенно подтверждается безспорно заимствованнымъ отъ Эмпедокла объясненіемъ зрительнаго процесса у Платона въ «Тимѳѳ» (45, В, слѣд.). Theophr. De Sensu, 8: πειράται δὲ καὶ τὴν ὄψιν λέγειν, ποία τις ἐστί· καὶ φησι τὸ μὲν ἐντὸς αὐτῆς εἶναι πῦρ, τὸ δὲ περὶ αὐτὸ γῆν καὶ ἀέρα, δι' ὧν διέναι λεπτόν ἐν καθάπερ τὸ ἐν τοῖς λαμπτήροι φῶς. τοὺς δὲ πόρους ἐπαλλάξσει καὶ τοῦ πυρὸς καὶ τοῦ ὕδατος, ὧν τοῖς μὲν τοῦ πυρὸς τὰ λευκά, τοῖς δὲ τοῦ ὕδατος τὰ μέλανα γνωρίζειν· ἐναρμόττειν γάρ ἐκατέροις ἐκάτερα. φέρεσθαι δὲ τὰ χρώματα πρὸς τὴν ὄψιν διὰ τὴν ἀπορροήν. Съ этимъ ср. Plato, Theaet. 156, D: ἐπειδὴν οὖν (уничъ Протагоръ) ὁμοία καὶ ἄλλο τι τῶν τούτων ἑυμέτρων πλησιάσαν γεννήσῃ τὴν λευκότητά τε καὶ αἴσθησιν αὐτῇ εὐμφοτον, ἃ οὐκ ἂν ποτ' ἐγένετο ἐκατέρου ἐκείνων πρὸς ἄλλο ἐλθόντος, τότε δὴ μεταξὺ φερομένων τῆς μὲν ὄψεως πρὸς τῶν ὀφθαλμῶν, τῆς δὲ λευκότητος πρὸς τοῦ συναποτίκτοντος τὸ χρῶμα, ὃ μὲν ὀφθαλμὸς ἀρ' ὄψεως ἐμπλεως ἐγένετο καὶ ὄρα δὴ τότε τε и пр. Сходство ученія Протагора съ Эмпедокловымъ очевидно: какъ по тому, такъ и по другому, зрительное воспріятіе обусловлено соотвѣтствіемъ зрѣщаго зрѣмому; какъ по тому, такъ и по другому, это воспріятіе происходитъ посредствомъ двухъ движеній—отъ глаза къ вещи и отъ вещи къ глазу. Но у Эмпедокла нѣтъ тѣхъ двойней, отъ которыхъ, по Протагору, зрѣніе распространяется по глазу, а цѣлѣ—но вещи: у него наоборотъ—зрѣніе распространяется по вещи (λάμπσκεν κατὰ βηλὸν и пр.), а цѣлѣ несется (φέρεσθαι) по глазу. Подобіе Протагоровыхъ двойней мы увидимъ въ ученіи Демокрита о зрительномъ ощущеніи (см. ниже, стр. 148, прим. 3); ученіе о разложеніи двойней, вѣроятно, принадлежитъ самому Протагору. Точно также какъ зрительное ощущеніе Протагоръ объяснялъ и всѣ остальныя (Plato, Theaet. 159, С, слѣд.; ср. ниже, стр. 148, прим. 1).

¹⁾ Theophr. De Sensu, 27: Ἀναξαγόρας δὲ γίνεσθαι μὲν (τὰς αἰσθήσεις) τοῖς ἐναντίοις· τὸ γὰρ ὁμοιον ἀπαθές ὑπὸ τοῦ ὁμοίου.

ствія между образомъ въ нашемъ духѣ и тѣмъ, что воспринимается¹⁾ Основываясь на этомъ, онъ утверждаетъ, что вещи бываютъ для насъ такими, какими мы ихъ себѣ представляемъ²⁾. Обстоятельнѣе развиваетъ взглядъ объ относительности знанія Демокритъ, который своей психологіей примыкаетъ къ Емпедоклу³⁾. Доводы, приводимые Демокритомъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ почти до тождества близки съ тѣми, которыми доказывалъ свою знаменитую формулу „Человѣкъ—мѣра“ Протагоръ. „Одно и тоже (такъ передаетъ Аристотель взглядъ Демокрита⁴⁾ кажется однимъ сладкимъ, другимъ — горькимъ. Если бы

¹⁾ Sext. Pyrrh., I, 33: νοούμενα δὲ (ἀντιτίθεμεν) φαινόμενοις, ὡς ὁ Ἀναξαγόρας τῷ λευκῆν εἶναι τὴν χιόνα ἀντιτίθει, ὅτι ἡ χιὼν ὕδωρ ἐστὶ πεπηγός, τὸ δὲ ὕδωρ ἐστὶ μέλαν, καὶ ἡ χιὼν ἄρα μέλαινα ἐστίν.

²⁾ Aristot. Metaph. III, 5, 1009b, 25: Ἀναξαγόρου δὲ καὶ ἀπόφθεγμα μνημονεύεται πρὸς τῶν ἐταίρων τινάς, ὅτι τοιαύτ' αὐτοῖς ἔσται τὰ ὄντα οἷα ἂν ὑπολάβωσι—was aber, поясняетъ Целлеръ (Philosophie der Griechen, I, 910), wenn die Ueberlieferung richtig ist, doch wohl nur besagen würde: die Dinge erhalten für uns eine andere Bedeutung, wenn wir sie aus einem andern Standpunkt betrachten, der Weltlauf werde unsern Wünschen entsprechen oder widersprechen, je nachdem wir eine richtige oder verkehrte Weltansicht haben. Толкованіе это совершенно произвольно. Аристотель (l. c.) прямо сопоставляетъ эти слова Анаксагора съ ученіемъ Демокрита, Протагора и другихъ объ относительности знанія.

³⁾ По Демокриту, воспріятіе происходитъ чрезъ проникновеніе въ тѣло частицъ вещей. Для того, чтобы воспріятіе состоялось, необходимо (кромя силы впечатлѣнія обусловленной достаточнымъ числомъ атомовъ) соответствіе воспринимающаго воспринимаемому. Sext. Emp. adv. Math. VII, 116: παλαιὰ γὰρ τις... παρὰ τοῖς φυσικοῖς κυλιεταὶ δόξα περὶ τοῦ τὰ ὅμοια τῶν ὁμοίων εἶναι γνωριστικά. καὶ ταύτης ἔδοξε μὲν καὶ Δημόκριτος κεκομικέναι τὰς παραμυθίας (что, напримѣръ, галка садится возлѣ галки, голубь возлѣ голубя и пр. Sext. l. c.; Plut. Plac. IV, 19, 428W). Aristot. De Gen. et Cor. I, 7, 328b, 10 слѣд.: Δημόκριτος... φησὶ τὸ αὐτὸ καὶ ὁμοιον εἶναι τὸ τε ποιῶν καὶ πάσχον· οὐ γὰρ ἐγχερεῖν τὰ ἕτερα καὶ διαφέροντα πάσχειν ὑπ' ἀλλήλων, ἀλλὰ κὰν ἕτερα ὄντα ποιῆ τι εἰς ἄλληλα, οὐχ ἢ ἕτερα, ἀλλ' ἢ ταῦτόν τι ὑπάρχει, ταύτη ταῦτο συμβαίνειν αὐτοῖς. Зрительный процессъ Демокритъ объяснялъ отраженіемъ въ глазу образовъ вещей. Это отраженіе происходитъ не непосредственно въ зрачкѣ, но первоначально напечатлѣвается въ воздухѣ между глазомъ и вещью и образуется изъ смѣшенія выходящихъ изъ глаза лучей (φῶς ἔξω διαθροσκοῦν Εμπедокλα) съ отдѣляющимися отъ вещей маленькими ихъ подобіями, и уже затѣмъ направляется къ глазу. Theophr. De Sensu, 50: ὁρᾶν μὲν οὖν ποιεῖ τῇ ἐμφάσει, ταύτην δ' ἰδίως λέγει· τὴν γὰρ ἐμφασιν οὐκ εὐθὺς ἐν τῇ κόρῃ γίνεσθαι, ἀλλὰ τὸν ἀέρα τὸν μεταξὺ τῆς ὕψεως καὶ τοῦ ὀρωμένου τυποῦσθαι, συστέλλομενον ὑπὸ τοῦ ὀρωμένου καὶ τοῦ ὀρώοντος· ἅπαντος γὰρ δεῖ γίνεσθαι τινα ἀπορρόη·ν ἔπειτα τοῦτον στερεὸν ὄντα καὶ ἀλλόχρων ἐμφαίνεσθαι τοῖς ὀμμασιν. Stob. Flor. app. X, 1, ср. (Plutarch.) Placita, IV, 18, 2, 427W: по Демокриту, зрѣніе происходитъ κατ' εἰδώλων εἰσκρίσεις καὶ κατὰ τινων ἀκτῶνων εἰσκρισην μετὰ τὴν πρὸς τὸ ὑποκειμένον ἔνστασιν πάλιν ὑποστρεφουσῶν πρὸς τὴν ὄψιν. Въ этомъ посредствующемъ звенѣ не слѣдуетъ ли видѣть зачатки Протагоровыхъ двойней? (Ср. выше, стр. 146, прим. 8).

⁴⁾ Aristot. Metaph. III, 5, 1009a, 39, слѣд.: ὁμοίως δὲ καὶ ἡ περὶ τὰ φαινόμενα

всѣ люди, за исключеніемъ двухъ или трехъ, были болѣнными или помѣшанными, то болѣнными и помѣшанными казались бы эти двое или трое, а не всѣ остальные. Многимъ животнымъ вещи представляются совершенно иными, чѣмъ намъ; даже одному и тому же существу не всегда одинаковымъ кажется то, что оно ощущаетъ. Какое изъ противоположныхъ состояній истинно и какое ложно, неизвѣстно;

ἀλήθεια ἐνίοις ἐκ τῶν αἰσθητῶν ἐλήλυθε. τὸ μὲν γὰρ ἀληθές οὐ πλήθει κρίνεσθαι οἰοῦνται προσήκειν οὐδὲ ὀλιγότητι, τὸ δ' αὐτὸ τοῖς μὲν γλυκὺ γευομένοις δοκεῖν εἶναι, τοῖς δὲ πικρὸν. ὥστ' εἰ πάντες ἕκαμον ἢ πάντες παρεφρόνου, δύο δ' ἢ τρεῖς ὕφαινον ἢ νοῦν εἶχον, δοκεῖν ἂν τούτους κάμνειν καὶ παραφρονεῖν, τοὺς δ' ἄλλους οὐ. ἔτι δὲ πολλοῖς τῶν ἄλλων ζῶων τάναντία περὶ τῶν αὐτῶν φαίνεσθαι καὶ ἡμῖν, καὶ αὐτῷ δὲ ἐκάστῳ πρὸς αὐτὸν οὐ ταῦτά κατὰ τὴν αἴσθησιν αἰεὶ δοκεῖν. ποῖα οὖν τούτων ἀληθῆ ἢ ψευδῆ, ἀδηλον. οὐδὲν γὰρ μᾶλλον τάδε ἢ τάδε ἀληθῆ, ἀλλ' ὁμοίως. διὸ Δημόκριτος γέ φησιν ἤτοι οὐδὲν εἶναι ἀληθές ἢ ἡμῖν γ' ἀδηλον. Что таковы были доводы самого Демокрита, видно изъ свидѣтельство Теофраста и Секста. Theophr. De Sensu, 23: за исключеніемъ тяжести, легкости, жесткости и мягкости, находящихъ объясненіе въ природѣ самихъ атомовъ, тѣхъ ἄλλων αἰσθητῶν οὐδενὸς εἶναι φύσιν, ἀλλὰ πάντα πάθη τῆς αἰσθήσεως ἀλλοιουμένης, ἐξ ἧς γίνεσθαι τὴν φαντασίαν. Οὐδὲ γὰρ τοῦ ψυχροῦ καὶ τοῦ θερμοῦ φύσιν ὑπάρχειν, ἀλλὰ τὸ σχῆμα μεταπίπτον ἐργάζεσθαι καὶ τὴν ἡμετέραν ἀλλοίωσιν· ὅ, τι γὰρ ἂν ἄθρου ἦ, τοῦτ' ἐνισχύειν ἐκάστῳ, τὸ δ' εἰς μικρὰ διανενημμένον ἀναίσθητον εἶναι. σημείον δέ, ὡς οὐκ εἰσι φύσει, τὸ μὴ ταῦτά πασι φαίνεσθαι τοῖς ζῶοις, ἀλλ' ὅ ἡμῖν γλυκὺ, τοῦτ' ἄλλοις πικρὸν, καὶ ἑτέροις δέξ, καὶ ἄλλοις δριμύ, τοῖς δὲ στρυφνόν· καὶ τὰ ἄλλα δὲ ὡσαύτως· ἔτι δ' αὐτοὺς μεταβάλλειν τὴν κρίσιν κατὰ τὰς ἡλικίας· ἢ καὶ φανερόν, ὡς ἡ διάθεσις αἰτία τῆς φαντασίας. ἀπλῶς μὲν οὖν περὶ τῶν αἰσθητῶν οὕτως δεῖν ὑπολαμβάνειν. Sext. Emp. Pyrrh. I, 213: ἀλλὰ καὶ ἡ Δημοκρίτειος φιλοσοφία λέγεται κοινωνίαν ἔχειν πρὸς τὴν σκέψιν, ἐπεὶ δοκεῖ τῇ αὐτῇ ὕλη ἡμῖν κεχρησθαι. ἀπὸ γὰρ τοῦ τοῖς μὲν γλυκὺ φαίνεσθαι τὸ μέλι, τοῖς δὲ πικρὸν, τὸν Δημόκριτον ἐπιλογίζεσθαι φασὶ τὸ μῆτε γλυκὺ αὐτὸ εἶναι μῆτε πικρὸν, καὶ διὰ τοῦτο ἐπιφθέγγεσθαι τὴν «οὐ μᾶλλον» φωνὴν σκεπτικὴν οὖσαν. Ibid. II, 63: ἀμέλει γοῦν ἐκ τοῦ τὸ μέλι τοῖσδε μὲν πικρὸν τοῖσδε δὲ γλυκὺ φαίνεσθαι ὁ μὲν Δημόκριτος· ἔφη μῆτε γλυκὺ αὐτὸ εἶναι μῆτε πικρὸν. Съ приведеннымъ выше свидѣтельствомъ Аристотеля ср. другое его свидѣтельство, De Anima I, 2, 404a, 27, слѣд.: ἐκεῖνος (Дημόκριτος) μὲν γὰρ ἀπλῶς ταῦτ' οὖν ψυχὴν καὶ νοῦν· τὸ γὰρ ἀληθές εἶναι τὸ φαινόμενον· и пр. Ср. также ученіе Протагора, Plato, Theaet. 152, A (тоже Cratyl. 385, E): Οὐκοῦν οὕτω πως λέγει (Πρωταγόρας) ὡς οἷα μὲν ἕκαστα ἐμοὶ φαίνεται, τοιαῦτα μὲν ἐστὶν ἐμοί, οἷα δὲ σοί, τοιαῦτα δ' αὖ σοί. Ibid. 158, D—E: 'Ορᾶς οὖν, ὅτι τὸ γ' ἀμφισβητῆσαι οὐ χαλεπόν, ὅτε καὶ πότερον ἐστὶν ὑπαρ ἢ ὄναρ ἀμφισβητεῖται, καὶ δὴ ἴσου ὄντος τοῦ χρόνου ὄν καθεύδομεν ὃ ἐρηγῶραμεν, ἐν ἐκατέρῳ διαμάχεται ἡμῶν ἢ ψυχῆ τὰ αἰεὶ παρόντα δόγματα παντὸς μᾶλλον εἶναι ἀληθῆ· ὥστ' ἴσον μὲν χρόνον τάδε φασὲν ὄντα εἶναι, ἴσον δ' ἐκεῖνα, καὶ ὁμοίως ἐφ' ἐκατέροις διίσχυριζόμενα.—Παντάπασιν μὲν οὖν.—Οὐκοῦν καὶ περὶ νόσων τε καὶ μανιῶν ὁ αὐτὸς λόγος, πλην τοῦ χρόνου, ὅτι οὐχ ἴσος;—'Ορθῶς.—Τί οὖν; πλήθει χρόνου καὶ ὀλιγότητι τὰληθές ὀρισθῆσεται;—Γελοῖον μὲντάν εἴη πολλαχῆ.—'Αλλὰ τι ἄλλο ἔχεις σαφές ἐνδειξεσθαι, ὅποια ταύτων τῶν δοξασμάτων ἀληθῆ;—Οὐ μοι δοκῶ. Ibid. 159, C—E: 'Οταν δὴ οἶνον πίνω ὕφαινων, ἡδὺς μοι φαίνεται καὶ γλυκύς;—Ναί.—'Εγέννησε γὰρ δὴ ἐκ τῶν προωμολογημένων τότε ποιοῦν καὶ τὸ πάσχον γλυκύτητά τε καὶ αἴσθησιν, ἅμα φερόμενα ἀμφότερα, καὶ ἡ μὲν αἴσθησις πρὸς τοῦ πάσχοντος οὕσα αἰσθανομένην τὴν

въ самихъ состояніяхъ нѣтъ никакого признака, по которому одни были бы болѣе истинными, чѣмъ другія, но всѣ они истинны (или не истинны) одинаково. Поэтому, либо ни въ чемъ нѣтъ истины, либо она намъ неизвѣстна⁴.

Еще рѣзче исповѣдуетъ скептицизмъ самъ Демокритъ въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ. „Мы на самомъ дѣлѣ (такъ гласятъ эти отрывки ¹) не познаемъ никакой истины, а только то, что измѣ-

γλῶσσαν ἀπειράσατο, ἢ δὲ γλυκύτης πρὸς τοῦ οἴνου περὶ αὐτὸν φερομένη γλυκὺν τὸν οἶνον τῇ ὑγίαινούσῃ γλῶττι ἐποίησε καὶ εἶναι καὶ φαίνεσθαι.—Πάνυ μὲν οὖν. τὰ πρότερα ἡμῖν οὕτως ἀπολόγητο. —“Ὅταν δ' ἀσθενούντα (Σωκράτῃ λάβῃ τῶν πεφυκότων τι ποιεῖν ἄλλο τι), ἄλλο τι πρῶτον μὲν τῇ ἀληθείᾳ οὐ τὸν αὐτὸν ἔλαβεν; ἀνομοίῳ γὰρ δὴ προσῆλθεν.—Ναί.—“Ἐτερε δὴ αὐ ἐγεννησάτην ὃ τε τοιοῦτος Σωκράτης καὶ ἡ τοῦ οἴνου πόσις, περὶ μὲν τὴν γλῶτταν αἰσθῆσιν πικρότητος, περὶ δὲ τὸν οἶνον γιγνομένην καὶ φερομένην πικρότητα, καὶ τὸν μὲν οὐ πικρότητα ἀλλὰ πικρὸν, ἐμὲ δ' οὐκ αἰσθῆσιν ἀλλ' αἰσθανόμενον. Сходство между учениемъ Демокрита и учениемъ Протагора бросается въ глаза. Невозможно поэтому согласиться съ словами Целлера (*Philosophie der Griechen I, 947*), dass in der Lehre des Sophisten (Protagoras) durchaus keine Spuren demokritischen Einflusses vorliegen. Протагоръ, по преданію, былъ ученикомъ Демокрита. Целлеръ (который въ вопросѣ объ отношеніи Протагора къ Демокриту повторяетъ Фрея, *Quaestiones Protagoreae, Bonn, 1845, p. 9 sq.*), ссылаясь какъ на это мнимое отсутствіе «вліянія», такъ и на то, что Протагоръ былъ на двадцать лѣтъ старше Демокрита (это поставлено Целлеромъ внѣ сомнѣнія, l. c. 761, f., 865 f., 944 f.) и, по свидѣтельству Платона (*Plato, Meno 91, E, см. выше, стр. 36*), умеръ семидесяти лѣтъ отъ роду послѣ того, какъ занимался софистическимъ искусствомъ въ теченіе сорока лѣтъ, и что поэтому Протагоръ долженъ былъ сдѣлаться ученикомъ Демокрита, когда послѣднему было не болѣе десяти лѣтъ, отвергаетъ это преданіе какъ недостоверное (l. c. I, 947). Но слово «ученикъ» можно понимать и не въ буквальномъ смыслѣ. Въ первую половину жизни Протагоръ вынужденъ былъ добывать себѣ пропитаніе переноской тяжести, учительствомъ въ деревняхъ, преподаваніемъ риторики. (*Eric. et Arist. ap. Diog. L. IX, 53, X, 8; Aul. Gell. V, 3; Ath., VIII, 13; Ael. Var. Hist. IV, 20* и др.). Эти труды не могли ему оставлять много времени для занятія философій, и ничто не мѣшаетъ предположить, что свою философскую теорію онъ оочательно выработалъ лишь въ послѣдніе двадцать лѣтъ жизни. Въ такомъ случаѣ онъ могъ познакомиться съ учениемъ Демокрита, когда послѣднему было 30 лѣтъ, а ему—50; учителемъ же риторики онъ могъ выступить и съ тридцатилѣтняго возраста. Подробнѣе обо всемъ этомъ будетъ сказано въ главѣ о Протагорѣ.

¹) *Sext. Empir. adv. Math. (fr. 1 M.): ἐν δὲ τοῖς Κρατυνηριοῖς καίπερ ὑπεσχρημένος ταῖς αἰσθήσεσι τὸ κράτος τῆς πίστεως ἀναθεῖναι, οὐδὲν ἦττον εὐρίσκεται τούτων καταδικάζων. Φησὶ γάρ· Ἡμέες δὲ τῷ μὲν ἔδντι οὐδὲν ἀτρεκές εὐνίμεν, μεταπίπτον δὲ κατὰ τε σώματος διαθιγὴν, καὶ τῶν ἐπεισίνωντων, καὶ τῶν ἀντιστηριζόντων. καὶ πάλιν φησὶν· Ἐτεῆ μὲν νυν, ὅτι οἶον ἕκαστόν ἐστιν, ἢ οὐκ ἐστι, οὐ εὐνίμεν, πολλαχῇ δεδήλωται. ἐν δὲ τῷ Περὶ ἰδεῶν, Γινώσκειν χρή, φησὶ, ἀνθρωπον τῷδε τῷ κανόνι, ὅτι ἐτεῆς ἀπήλλακται. καὶ πάλιν. Δηλοῖ μὲν δὴ καὶ οὗτος ὁ λόγος, ὅτι ἐτεῆ οὐδὲν ἴδμεν περὶ οὐδενός· ἀλλ' ἐπὶ ῥύσμιῃ ἕκαστοισι ἡ δόξις. καὶ ἐτι· καίτοι δηλον ἔσται, ὅτι ἐτεῆ οἶον ἕκαστον, γινώσκειν, ἐν ἀπόρῳ ἐστί. (Ср. *Diog. Laert. IX, 72: ἐτεῆ δὲ οὐδὲν ἴδμεν· ἐν βυθῷ γὰρ ἡ ἀληθεία.*) καὶ δὴ ἐν μὲν τούτοις πᾶσαν σχεδὸν κινεῖ καταλήψιν, καὶ μόνον ἐξαιρέτως καθάπτεται τῶν αἰσθήσεων.*

няется сообразно съ прикосновеніемъ къ нашему тѣлу и съ тѣмъ, что въ него входитъ и оказываетъ ему противоѣдѣствіе“. „Мною уже много разъ объяснено, что мы не знаемъ ни того, какова каждая

Не смотря на свидѣтельства Аристотеля и на признаніе самого Демокрита въ скептицизмѣ, Целлеръ (*Philosophie der Griechen I, 820f.*) и въ слѣдъ за нимъ Наторпъ (*Forschungen zur Geschichte des Erkenntnisproblems im Alterthum, Berlin 1884*) отрицаютъ, что бы Демокритъ могъ быть скептикомъ. Въ доказательство своего мнѣнія Целлеръ приводитъ впервыхъ соображеніе, что если бы Демокритъ отождествлялъ явленія съ истиной, то онъ рѣзко противорѣчилъ бы своему основному утвержденію, что по истинѣ существуютъ только атомы и пустота (см. выше, стр. 113, пр. 8); во вторыхъ свидѣтельство Секста Эмпирика о томъ, что Демокритъ различалъ двоякаго рода мнѣнія: темное и правильное, изъ которыхъ первое, приравненное Секстомъ чувственному воспріятію, не даетъ твердаго основанія для распознаванія истины, второе, приравненное Секстомъ къ разумному познанію, даетъ такое основаніе (*Sext. Emp. adv. Math. VII, 185—139: ἐν δὲ τοῖς Κανόσι δύο φησὶν εἶναι γνώσεις, τὴν μὲν διὰ τῶν αἰσθήσεων, τὴν δὲ διὰ τῆς διανοίας· ὣν τὴν μὲν διὰ τῆς διανοίας γνησίην κατάγει, προσμαρτυρῶν αὐτῇ τὸ πιστὸν εἰς ἀληθείας κρίσιν· τὴν δὲ διὰ τῶν αἰσθήσεων σκοτίην ὀνομάζει, ἀφαιρούμενος αὐτῆς τὸ πρὸς διάγνωσιν τοῦ ἀληθοῦς ἀπλανές. λέγει δὲ κατὰ λέξιν· γνώμης δὲ δύο εἰσὶν ἰδέαι· ἡ μὲν γνησίη, ἡ δὲ σκοτίη· καὶ σκοτίης μὲν τάδε ἔμψαντα, θυμῖς, ἀκσὴ, ὀδμή, γεθοῖς, ψαθοῖς· ἡ δὲ γνησίη ἀποκεκρυμμένη δὲ ταύτης· εἶτα προκρίνων τῆς σκοτίης τὴν γνησίην ἐπιφέρει λέγων· ὅταν ἡ σκοτίη μηκέτι δύνηται μήτε ὀρῆν ἐπ' ἑλαττον, μήτε ἀκούειν, μήτε ὀδμάσθαι, μήτε γεύεσθαι, μήτε ἐν τῇ ψαύσει αἰσθάνεσθαι, ἀλλ' ἐπὶ λεπτότερον... здѣсь слова Демокрита обрываются, и догадаться, что онъ хотѣлъ дальше сказать, нѣтъ возможности. οὐκοῦν καὶ κατὰ τοῦτον ὁ λόγος ἐστὶ κριτήριον, ὃν γνησίην γνώμην καλεῖ); въ третьихъ свидѣтельства Плутарха и Секста о возникшей между Демокритомъ и Протагоромъ полемикѣ, вслѣдствіе несогласія перваго съ ученіемъ втораго объ одинаковой правдивости всѣхъ воспріятій (*Plut. adv. Col. IV, 353W: ἀλλὰ τοσοῦτόν γε Δημόκριτος ἀποδεί τοῦ νομίζεω, μὴ μᾶλλον εἶναι τοῖον ἢ τοῖον τῶν πραγμάτων ἕκαστον, ὥστε Πρωταγόρα τῷ σοφιστῇ τοῦτο εἰπόντι μεμαχῆσθαι καὶ γεγραφῆναι πολλά καὶ πιθανὰ πρὸς αὐτόν. Sext. Math. VII, 389: πᾶσαν μὲν οὖν φαντασίαν οὐκ εἶποι τις ἀληθῆ διὰ τὴν περιτροπήν (т.-е., какъ видно изъ послѣдующаго, вслѣдствіе того, что утверженіе «все истинно» можетъ быть превращено въ противоположное: «ничто не истинно», а стало быть не истинно и то, что все истинно и что ничто не истинно, ср. *Plato, Theaet. 170, A, слѣд.*), καθὼς ὁ τε Δημόκριτος καὶ ὁ Πλάτων ἀντιλέγοντες τῷ Πρωταγόρα ἐδίδασκον) и свидѣтельства Плутарха и Климента о неодобрительныхъ отзывахъ Демокрита объ еристикахъ (*Clem. Strom. I, 3, 279, ср. Plut. Qu. conv. I, 1, 5, 2, 332W, fr. 145 M: λεξειδίων θηράτορες, ζηλωταὶ τεχνυδρίων, ἐριδάντες καὶ ἱμαντελίκτες); въ четвертыхъ свидѣтельство Секста о различіи между скептицизмомъ Демокрита и его, Секста, скептицизмомъ (*Sext. Pyrrh. I, 213: διαφόρως μέντοι χρῶνται τῇ «οὐ μᾶλλον» φωνῇ οἱ τε Σκεπτικοὶ καὶ οἱ ἀπὸ τοῦ Δημόκριτου· ἐκεῖνοι μὲν γὰρ ἐπὶ τοῦ μηδέτερον εἶναι τάττουσι τὴν φωνήν, ἡμεῖς δὲ ἐπὶ τοῦ ἀγνοεῖν πότερον ἀμφοτέρα ἢ οὐδέτερον τί ἐστι τῶν φαινομένων. προδηλωτάτη δὲ γίνεται ἡ διάκρισις, ὅταν ὁ Δημόκριτος λέγῃ «ἐτεῖ δὲ ἄτομα καὶ κενόν.» ἐτεῖ μὲν γὰρ λέγει ἀντὶ τοῦ ἀληθεία· κατ' ἀλήθειαν δὲ ὑφαστάναι λέγων τὰς τε ἀτόμους καὶ τὸ κενόν, ὅτι διενήνοχεν ἡμῶν... περιττόν οἶμαι λέγειν); въ пятыхъ свидѣтельство Аристотеля о томъ, что Демокритъ изъ предшествовавшихъ Сократу философовъ особенно много (*am meisten*) занимался опредѣленіемъ понятій (*Arist. Metaph. XIII, 4, 1078 b, 17: Σωκράτους*****

вещь есть, ни того, какова она не есть“. „На основаніи этого правила слѣдуетъ знать, что люди далеки отъ истины“. „По истинѣ мы не знаемъ ничего ни о чемъ, но у каждаго поверхностное мнѣніе“.

δὲ περὶ τὰς ἠθικάς ἀρετάς πραγματουόμενου καὶ περὶ τούτων ὀρίζεσθαι καθόλου ζητού-
τος πρώτου· τῶν μὲν γὰρ φυσικῶν ἐπὶ μικρὸν Δημόκριτος ἤψατο μόνον καὶ ὑπέρσῃ
πῶς τὸ θερμὸν καὶ τὸ ψυχρὸν); и наконецъ въ шестыхъ то, что если бы Демокритъ
отрицалъ возможность знанія, то онъ не могъ бы выставить научной системы. Но во пер-
выхъ, у насъ нѣтъ никакого ручательства, что Демокритъ не противорѣчилъ себѣ. Про-
тиворѣчія, притомъ самыя коренныя, лежатъ въ основаніи почти всѣхъ философскихъ
системъ, и при существованіи положительныхъ свидѣтельствъ о принадлежности того
или другаго возрѣнія извѣстному философу, отрицать эту принадлежность, ссылаясь
только на противорѣчія, значить поступать произвольно. Во вторыхъ, изъ словъ самого
Демокрита, приведенныхъ Секстомъ, не видно ни того, что Демокритъ приравнивалъ
вѣрное мнѣніе разумному познанію, ни того, что это послѣднее признавалъ путемъ къ
постиженію истины. Это объясненіе принадлежитъ Сексту, котораго склонность пере-
мѣшивать чужое со своимъ и перетолковывать по своему извѣстна; оно внушаетъ противъ
себя тѣмъ большее подозрѣніе, что Демокритъ, по словамъ самого Секста, въ тѣхъ са-
мыхъ «Правилахъ», изъ которыхъ взяты объясняемый Секстомъ отрывокъ, настаивалъ
на невозможности доказательствъ. Adv. Mathem. VIII, 327: τάχα καὶ Δημόκριτος—τάχα
потому, что Демокритъ отрицалъ возможность доказательствъ не прямо, а косвенно,
отрицая возможность истиннаго знанія—(ἀναρρεῖ τὴν ἀπόδειξιν)· ἰσχυρῶς γὰρ αὐτῇ διὰ
τῶν κανόνων ἀντίρρηκεν. Если Демокритъ темнымъ мнѣніемъ называлъ такое, которое
посредствомъ зрѣнія, слуха, обонянія и пр. неспособно воспринимать даже немного (ἐπ’
ἕλαττον — относить эти слова къ атомамъ, какъ это дѣлаетъ Целлеръ, l. c. 778, нѣтъ
никакого основанія), то подъ вѣрнымъ мнѣніемъ онъ могъ подразумѣвать такое, которое
способно воспринимать сравнительно съ темнымъ много, т.-е. воспримчивость болѣе
тонкую, чѣмъ та, которую онъ называлъ темной. Такое объясненіе словъ Демокрита
болѣе правдоподобно, чѣмъ Секстова, такъ какъ, по свидѣтельству Аристотеля, Демокритъ
не указывалъ на умъ, какъ на познающую истину способность (De Anima I, 2, 404a,
29: οὐ δὴ χρῆται τῷ νῦν ὡς δύναμιτι περὶ τὴν ἀλήθειαν). Сенсуализмъ Демокрита
косвенно подтверждается и сенсуализмомъ Епикура, усвоившаго систему Демокрита почти
безъ измѣненія. Если бы Демокритъ, не отличавшій, какъ, повидимому, соглашается и
Целлеръ (ibid. 820 f.), умственной дѣятельности отъ чувственной, сталъ бы настаивать
на большей достовѣрности разумнаго познанія передъ чувственнымъ, то онъ допустилъ
бы еще болѣе разительное противорѣчье, чѣмъ то, котораго не желаетъ признать Целлеръ.
Впрочемъ, если бы и было доказано, что Демокритъ отличалъ разумное познаніе (да-
ющее намъ свѣдѣнія исключительно о существованіи пустоты и атомовъ) отъ чувственнаго
(знакомящаго насъ со всѣми явленіями), какъ истинное отъ ложнаго, то и въ этомъ
случаѣ не было бы основанія отрицать скептицизмъ Демокрита. Главное содержаніе нашъ
опытъ получаетъ отъ чувствъ. Сказать людямъ, что они не знаютъ ничего, кромѣ того,
что существуетъ пустота и атомы, значить сказать почти тоже, что они ничего не
знаютъ. Въ третьихъ, свидѣтельства Плутарха и Секста не имѣютъ никакой цѣны
сравнительно съ отрицающими ихъ собственными словами Демокрита и свидѣтельствомъ
Аристотеля. Самое большое, что мы можемъ вывести изъ свидѣтельствъ Плутарха и
Секста, это то, что Демокритъ не былъ послѣдователемъ. Ср. приведенныя выше
(стр. 150, прим. 1 нач.) слова Секста и Theophr. De Sensu 69: ἀτοπὸν δὲ καὶ τὸ πᾶσιν
ἀξιόυν ταῦτὸ φαίνεσθαι τῶν αὐτῶν αἰσθανομένων· καὶ τούτων τὴν ἀλήθειαν ἐλέγχειν,
καὶ ταῦτα εἰρηκότα πρότερον τὸ τοῖς ἀνομοίως διακειμένοις ἀνόμοια φαίνεσθαι καὶ πᾶ

„Ясно, что у нас нѣтъ средствъ знать достоверно, какова на самомъ дѣлѣ каждая вещь“. Начало философскаго скептицизма мы видѣли у Ксенофана ¹⁾. У Емпедокла точно также встрѣчаются жалобы на ограниченность человѣческаго разумнiя, на невозможность познать что нибудь помимо случайныхъ явленiй ²⁾. Но самое полное выра-

λιν τὸ μηθὲν μᾶλλον ἕτερον ἑτέρου τυγχάνειν τῆς ἀληθείας. Возможно предположить, что онъ въ различные періоды своей дѣятельности имѣлъ различныя воззрѣнія на природу знанiя. Изъ свидѣтельства Секста слѣдуетъ не то, что Демокритъ не отождествлялъ истину съ явленiями, а скорѣе то, что онъ не одобрилъ догматической формулы Протагора, утверждавшей одинаковую истинность всѣхъ явленiй, тѣмъ болѣе, что эта формула διὰ τὴν περὶ τροπὴν (см. выше) опровергаетъ сама себя; съ точки зрѣнiя Демокрита Протагоръ долженъ былъ бы сказать, что хотя истина и лежитъ въ явленiяхъ, но мы не знаемъ, какія изъ явленiй истинны, и какія нѣтъ. Презрительный отзывъ объ ерестикахъ ничего не доказываетъ, такъ какъ можно быть сенсуалистомъ и скептикомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ презирать ерестиковъ. Въ четвертыхъ, Секстъ не отрицаетъ ни того, что Демокритъ былъ скептикомъ, ни того, что его скептицизмъ основанъ на общемъ вѣсѣмъ скептикамъ ученiю объ относительности знанiя, а только ставитъ на видъ, что скептицизмъ Демокрита былъ не столь безусловенъ, какъ скептицизмъ самого Секста. Это ясно изъ тѣхъ словъ Секста, которыя предшествуютъ выписаннымъ Целлеромъ словамъ (и приведены мною на стр. 148, пр. 4). Въ пятыхъ, изъ того, что по словамъ Аристотеля, Демокритъ немножко касался опредѣленiй (а не особенно много ими занимался, какъ переводитъ Целлеръ) и кое-какъ опредѣлялъ теплое, холодное и т. д., вовсе не слѣдуетъ, что онъ не отрицалъ возможности знанiя. Опредѣленiя, въ особенности кое-какiя, можно найти у всякаго скептика. Но пусть даже опредѣленiя несомнѣстны съ скептицизмомъ, откуда, повторяю, намъ извѣстно, что Демокритъ былъ всегда послѣдователемъ? Наконецъ, если признать правильнымъ послѣднiй доводъ Целлера, то становится невозможнымъ какой бы то ни былъ скептицизмъ, такъ какъ всякiй скептицизмъ неизмѣнно опирается на тѣ или другiя догматическiя предположенiя. Какимъ образомъ Протагоръ, котораго Целлеръ признаетъ скептикомъ, могъ выработать психологическую теорiю, утверждающую, что въ основанiи всего лежитъ движенiе и что всѣ наши состоянiя одинаково истинны? Какимъ образомъ Антисоенъ, допускавшiй соединенiе только тождественныхъ словъ въ предложенiи и настаивавшiй на томъ, что все истинно и ни противъ чего нельзя возражать (объ этомъ см. Zeller, Philosophie der Griechen, II, 3-te Aufl., 1875, S. 251, f.), могъ написать цѣлый трактатъ о различii между мнѣнiемъ и знанiемъ? Такихъ примѣровъ можно привести десятки.

¹⁾ См. выше, стр. 120, прим. 1.

²⁾ Sext. Emp. adv. Math. VII, 122 (v. 36—44 M.):

- στεινωποι μὲν γὰρ παλάμαι κατὰ γυῖα κέχυνται,
πολλὰ δὲ δεῖν' ἔμπατα, τὰτ' ἀμβλύνουσι μερίμνας,
παθρον δὲ ζωῆς ἀβίου μέρος ἀθήσαντες
ῥόμοροι, καπνοῖο δίκην ἀρθέντες ἀπέπταν,
αὐτὸ μόνον πεισθέντες, ὅτι προσέκυρσεν ἕκαστος,
πάντοσ' ἐλαυνόμενοι τὸ δ' ὄλον πάς εὐχεται εὐρεῖν
αὐτως· οὐτ' ἐπιδερκτὰ τὰδ' ἀνδράσιν οὐτ' ἐπακουστά,
οὔτε νόσσι περιληπτὰ. σὺ δ' οὖν, ἐπεὶ ὠδ' ἐλάσθης,
πεύσαι οὐ πλέον ἢ βροτεῖη μήτις ὄραται.

женіе философскій скептицизмъ въ предшествующій софистамъ періодъ нашель у Коринтскаго философа Ксениада, который училъ, что все, что намъ кажется, есть ложь, такъ какъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего: все то, что кажется происходящимъ, происходитъ изъ небытія, и въ него же переходитъ все, что кажется проходящимъ ¹⁾).

Если мы теперь на основаніи только что сдѣланнаго историческаго очерка и того, что намъ извѣстно о философскихъ воззрѣніяхъ софистовъ, захотимъ опредѣлить ихъ мѣсто въ исторіи греческой философіи, то должны будемъ признать, что и здѣсь, подобно тому какъ въ жизни нравственной, они были не преобразователями, а лишь завершителями и истолкователями уже существовавшаго движенія. Философская теорія Протагора выработалась изъ ученій Гераклита, Парменида, Емпедокла и Демокрита ²⁾; ея своеобразность исключительно въ томъ, что Протагоръ воспользовался доводами этихъ философовъ для доказательства руководительнаго въ его время правила, что человекъ—мѣра всѣхъ вещей ³⁾. Ученіе Горгія возникло на почвѣ Елейскаго ученія ⁴⁾; безусловный нигилизмъ и скептицизмъ былъ (какъ только что замѣчено) провозглашенъ раньше Горгія Ксениадомъ. Натурализмъ Продика нашель предшественниковъ въ натурализмѣ Анаксагора и Демокрита ⁵⁾; ученіе Антифонта о познаніи

---

¹⁾ Sext. Emp. adv. Math. VII, 53: Ξενιάδης δὲ ὁ Κορίνθιος, οὗ καὶ Δημόκριτος μὲμνηται, πάντ' εἰπὼν ψευδῆ καὶ πᾶσαν φαντασίαν καὶ δόξαν ψεύδεσθαι καὶ ἐκ τοῦ μὴ ὄντος πάν τὸ γινόμενον γίνεσθαι καὶ εἰς τὸ μὴ ὄν πάν τὸ φθειρόμενον φθείρεσθαι, δυναίμει τῆς αὐτῆς ἔχεται τῷ Ξενοφάνει στάσεως. Ср. ibid. 388, 399, VIII, 5; Pyrrh. II, 18. Что Ксениадъ жилъ въ періодъ, предшествовавшій софистамъ, это я заключаю во первыхъ изъ того, что Секстъ, перечисляя скептиковъ въ хронологическомъ порядкѣ (хотя, правда, и не строгомъ), ставитъ Ксениада раньше Протагора и Горгія, непосредственно послѣ Ксенофана (adv. Math. VII, 48: καὶ ἀνεῖλον δὲ αὐτὸ (τὸ κριτήριον) Ξενοφάνης τε ὁ Κολοφώνιος καὶ Ξενιάδης ὁ Κορίνθιος καὶ Ἀνάχαρις ὁ Σκύθης καὶ Πρωταγόρας и пр.) и во вторыхъ изъ того, что на Ксениада ссылается Демокритъ (см. выше). Горгію написалъ свою книгу Περὶ τοῦ μὴ ὄντος ἢ περὶ φύσεως въ 444 году (Olymp. in Gorg. p. 7), т. е. когда Демокриту было только 16 лѣтъ; но предполагать, что Ксениадъ шель по слѣдамъ Горгія, нѣтъ никакого основанія. Слѣдуетъ думать наоборотъ: Ксениадъ собралъ вокругъ себя цѣлую философскую школу (Sext. adv. Math. VII, 399: οἱ περὶ Ξενιάδην), Горгію полагалъ свою славу въ риторикѣ, а въ философіи былъ эклектикомъ, пользовавшимся разнообразными ученіями для доказательства не одной какой-нибудь постоянной основной мысли, но того, что ему въ каждомъ данномъ случаѣ нужно было доказать.

²⁾ Выше, стр. 106, пр. 5; стр. 113, пр. 1, 2; стр. 116, пр. 6; стр. 123, пр. 1; стр. 141, пр. 3; стр. 146, пр. 8; стр. 148, пр. 3 и 4.

³⁾ Выше, стр. 54, слѣд.

⁴⁾ Выше, стр. 105, пр. 5; стр. 131, пр. 1; стр. 135, пр. 4; стр. 136, пр. 1 и 2.

⁵⁾ Выше, стр. 143, пр. 9.

по мысли то же, что учение Ксенииада ¹⁾. Общее всемъ софстамъ убъжище—туманныя страны небытія впервые указалъ Парменидъ ²⁾. Основаніе еристикъ было положено Зенономъ ³⁾, а теоретической риторикъ—Емпедокломъ ⁴⁾. Еристика въ одно и то же время была показателемъ разложенія философскаго объективизма ⁵⁾ и совмѣстно съ риторикой—средствомъ къ крушенію объективизма политическаго ⁶⁾.

---

¹⁾ О ъ Антифонѣ см. выше, стр. 40.

²⁾ Выше, стр. 122, слѣд.

³⁾ Выше, стр. 133, пр. 3; стр. 134, пр. 1.

⁴⁾ Выше, стр. 144, пр. 1.

⁵⁾ Выше, стр. 116, слѣд.

⁶⁾ См. главу V.

V.

Психологическія причины, вызвавшія появленіе софистовъ.—Значеніе себялюбивыхъ волненій въ исторіи.—Рознь и борьба на всѣхъ ступеняхъ роста общественнаго организма.—Эгоизмъ отдѣльныхъ лицъ, семьи, рода, племени, государства.—Соотвѣтствіе идеаловъ воспитанія средствамъ борьбы.—Аѳинская исторія — совершеннѣйшее воплощеніе общенсторическаго типа.—Воспитательные идеалы въ Аѳинахъ до и послѣ половины V вѣка.—Судебная и законодательная борьба, ея мотивы и цѣли.—Подпольная борьба партій.—Риторика и еристика какъ средства борьбы.—Связь еристики съ судебной и законодательной практикой.—Кораксъ и Тизій—первые представители практической еристики.—Положеніе безоружныхъ въ демократической борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ.—Аѳини идеальныя и дѣйствительныя.—Послѣднее слово о практическомъ значеніи софистовъ.

Мы прослѣдили исторію возникновенія и развитія субъективизма въ Аѳинахъ и указали мѣсто, которое занимаютъ въ ней софисты; но при изложеніи политическихъ событій касались только ихъ внѣшней связи и оставляли почти безъ вниманія тѣ чисто психологическія причины, которыя вмѣстѣ съ внѣшними вырабатывали строй Аѳинской жизни,—сначала подчиняясь ихъ указанію, затѣмъ сами мало по малу давая имъ указанія, пока наконецъ со второй половины V вѣка въ такъ называемомъ софистическомъ направленіи не получили первенствующаго значенія. Софистическое направленіе было завершеніемъ греческой культуры, софисты—наиболѣе типичными его представителями. Въ крайнихъ выразителяхъ этого направленія—Фразимахѣ и Полѣ—психологическій двигатель аѳинской жизни нашелъ полное воплощеніе. Не зная, каковъ этотъ двигатель, невозможно понять значенія практической дѣятельности софистовъ. Но для того, чтобы его выяснить, необходимо заглянуть въ тайники человѣческаго духа.

Современная психологія всю человѣческую дѣятельность объясняетъ изъ взаимодействія между внѣшней средою и духомъ и непосредственно—изъ разнаго рода волненій и связанныхъ съ ними идей, но старается сложныя духовныя побужденія вывести генетически изъ двухъ простѣйшихъ психофизиологическихъ началъ—изъ ищущей выхода нервной энергіи и стремленія къ самосохраненію—осложняющихся и измѣняющихся въ процессѣ развитія до неузнаваемости вслѣдствіе

приспособленія, наслѣдственности, ассоціацій ¹⁾). Справедливо ли это генетическое объясненіе для всѣхъ духовныхъ явленій, или нѣтъ—досто-вѣрно во всякомъ случаѣ то, что большая часть практической дѣятельности человѣка, даже на высотѣ культуры, можетъ быть выведена изъ себялюбивыхъ волненій. Еслибы себялюбіе не было основнымъ двигателемъ человѣческой жизни, то невозможно было бы объяснить ни существованія религіозныхъ заповѣдей, полагающихъ добродѣтель въ любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ ²⁾, ни того, что до сихъ поръ не было ни одной, построенной не на пустословіи только, этики, которая бы вольно или невольнo не признавала себялюбія, въ тѣхъ или другихъ его проявленіяхъ, прямой или отдаленной причиной, направляющей волю къ хорошему и отвращающей отъ дурнаго ³⁾, ни существо-

¹⁾ См. прим. 3.

²⁾ См. слѣд. прим.

³⁾ Нѣтъ болѣе очевидной истины, чѣмъ та, что «существо должно жить, прежде чѣмъ дѣйствовать. Отсюда непосредственно слѣдуетъ, что дѣйствія, которыми каждый поддерживаетъ свою собственную жизнь, должны, вообще говоря, стоять, по своей повелительности, впереди всѣхъ другихъ дѣйствій, къ которымъ онъ способенъ... Если каждый не будетъ надлежащимъ образомъ заботиться о себѣ, его заботливость о всѣхъ другихъ окончится смертью; а когда каждый доведетъ себя такимъ образомъ до смерти, то не останется и другихъ, о которыхъ слѣдовало бы заботиться» (Spencer, *The Data of Ethics*, Lond. 1884, p. 187). Несомнѣнно также и то, что «удовольствія связаны съ возвышеніемъ, а страданія съ пониженіемъ энергіи жизненныхъ функцій». (Bain, *The Senses and the Intellect*, 3-d ed., Lond. 1868, p. 300, sq.; *The Emotions and the Will*, 3-d ed. Lond. 1880, p. 313, sq.; ср. *Mental Science*, Lond. 1879, p. 80 sq.; Spencer, *Principles of Psychology*, 3-d. ed. Lond. 1881, I, 278, sq.; *The Data of Ethics*, p. 79). Этика даетъ правила поведенія по отношенію къ самому себѣ и другимъ; поэтому она неизбѣжно должна указывать, какъ на основной мотивъ, либо на стремленіе къ само-сохраненію, либо на влеченіе къ удовольствіямъ (реальнымъ или идеальнымъ, непосредственнымъ или посредственнымъ) на отвращеніе отъ страданій (точно также реальныхъ или идеальныхъ, настоящихъ или будущихъ, посредственныхъ или непосредственныхъ) служащія выраженіемъ этого стремленія. (На высокихъ ступеняхъ духовной культуры вслѣдствіе сложныхъ причинъ, объяснять которыя здѣсь неумѣстно, не всѣ удовольствія служатъ цѣлямъ самосохраненія, но по первоначальной связи между ними и самосохраненіемъ человѣкъ стремится къ удовольствіямъ неизмѣнно.) При этомъ, если этика ставитъ на первомъ мѣстѣ благо единицъ, то она должна полагать главную силу въ мотивахъ, побуждающихъ къ дѣйствіямъ, если благо общественное, то въ мотивахъ, отвращающихъ отъ дѣйствій; и чѣмъ она больше заботится о благѣ другихъ, тѣмъ должна быть аскетичнѣе. Краткій историческій очеркъ нравственныхъ ученій лучше всего докажетъ справедливость этихъ замѣчаній объ этикѣ. Древнѣйшіе истолкователи греческой нравственности, Пифагорейцы видѣли нравственный мотивъ въ получаемомъ душою при ея переселеніяхъ возмездіи (Pyth. Carm. aug. 54, слѣд. М.). Демокритъ указывалъ на удовольствіе и неудовольствіе какъ на мѣру полезнаго и вреднаго (см. выше, стр. 146, пр. 3), а потому и хорошаго и дурнаго (Stob. Flor. V, 24. Fr. 2 M.). Софисты, если не всегда въ теоріи, то неизмѣнно въ ея примѣненіи, стояли на почвѣ чистаго эгоизма (см. выше, стр. 95, сл. и ниже,

ванія карательныхъ законовъ и учрежденій, ни необходимости ковать

въ наст. гл.). Сократъ точно также полагалъ основною мотивъ въ стремленіи къ пользѣ и личному счастью (Xen. Mem. I, 4. 6. 7; II, 1. 3. 4. 6. 10; III, 9, 4. 11. 12; IV, 1. 5. 6 и др. Conv. 5, 3; Plato, Protag. 333, D, сл.; 353, C, сл.); но великая разница его этики отъ софистической въ томъ, что тогда какъ софисты ставили исключительною цѣлью благоденствіе единицъ и средствъ къ этому благоденствію искали въ выгодахъ чисто внѣшнихъ, Сократъ доказывалъ, что благо лично стоять въ зависимости отъ блага другихъ (Xen. Mem. I, 2. 3; II, 4. 6. 10 и пр.—ученіе Сократа о дружбѣ) и не отдѣлимо отъ государственнаго (ib. II, 1, 14; III, 7), и что условія счастливой жизни лежатъ не внѣ человѣка, а въ немъ самомъ—въ критическомъ самоуглубленіи (ibid. III, 7; IV, 2, 24 слѣд. и др.; Plato Apol. 28, E, 36, B, слѣд. 38, A и др.), открывающимъ истинный смыслъ жизни (Xen. Memor. I, 1, 16; IV, 1, 5; 6, 1, сл. и др.), въ расчетливой оцѣнкѣ удовольствій (ibid. IV, 5; Plato, Protag. 351, B, сл. и особ. 356, B, слѣд.) и необходимомъ для этого воздержаніи (Xen. Mem. I, 5, 4; II, 1, 1, сл. IV, 5, 1 сл. и др.). Всѣ дальнѣйшія нравственныя ученія древности были переработкой завѣщанныхъ Сократомъ началъ. Циники развили односторонне ученіе Сократа о воздержаніи (о нихъ Diog. Laert. VI, вся книга; Zeller, Philosophie der Griechen, II, 3-te Aufl. Leipz. 1875, 240, f.); Киренейцы—его ученіе объ удовольствіи. (О главномъ представителѣ этого направленія Аристиппѣ, см. Diog. Laert. II, 65 сл., Zeller, I. с. II, 288 f.). Платонъ воспроизвелъ этику своего учителя вполне, придавъ въ тоже время ей метафизическій характеръ. Сколь ни высоко Платонъ паритъ надъ землею, однако и онъ признаетъ высшей цѣлью счастье (Sympos. 205, A; De Rep. 354, A и др.), а основнымъ мотивомъ—пользу (De Rep. 457, B и др.); добродѣтель—здоровое состояніе души—есть лишь средство къ достиженію счастья (ibid. 354, A). По Аристотелю точно также высшее благо—счастье (Eth. Nic. I, 2, 1095a, 17, слѣд.), добродѣтель—постоянное свойство души, которое даетъ человѣку возможность исполнять свое дѣло правильно (ib. II, 5. 1106a, 13, слѣд.), т.-е. избѣга крайностей въ выборѣ опредѣляющихъ нашу волю удовольствій (De Anima, II, 2, 413b, 23; III, 7, 431a, 18, сл. Eth. Nic. II, 2, 1104b, 8, сл., 5, 1006b, 8; VII, 14, 1158b, 1, сл.; X, 2, 1172b, 9, сл.) и доставляетъ поэтому высшее наслажденіе (ib. X, 4, 1174b, 14, сл.). Нравственное ученіе Стоиковъ есть передѣлка Цинизма (основатель школы, Зенонъ, былъ ученикомъ Циника Кратеса, Diog. Laert. VII, 2, слѣд. и др.; Zeller, I. с. IV, 3-te Aufl. Leipz. 1880, S. 350 f.); при всемъ своемъ отчужденіи отъ внѣшнихъ благъ, они считаютъ высшимъ благомъ счастье и указываютъ, какъ на коренной двигатель нравственности, на стремленіе къ самосохраненію и себялюбію (Diog. Laert. VII, 85, 88 и др.; Zeller, I. с. IV, 208 f.). Епикуръ въ нравственномъ ученіи шелъ по стопамъ Киренейцевъ и Демокрита (Zeller, I. с. IV, 471 f.). Плотинъ объединилъ въ своей этикѣ ученія Стоиковъ и Платона (Zeller, I. с., V, 3-te Aufl. Leipz. 1881, 594 f.; 601 f.). Евангельское нравоученіе полагаетъ высшую заповѣдь въ самоотверженной любви къ Богу (Math. XXII, 37; X, 37 сл.; XII, 47, сл. и др.); вторую—въ любви къ ближнему какъ къ самому себѣ (ibid. XXII, 39). Оно поэтому есть проповѣдь аскетизма (ср. особ. Math. V, 2, сл., 28, сл., 39, сл.; VI, 19, сл., 25, сл., 34; X, 37, сл.; XI, 28, сл.; XII, 19, сл.; XIX, 12, 21, сл. и др.; ср. также безпредѣльно любвеобильныя, но и безпредѣльно аскетическія предписанія Будды, Barthélemy St. Hilaire Boudha, Paris, 3-me éd. 1886; Oldenberg, Buddha, Berlin, 1882; Гусевъ, Нравственный идеалъ Буддизма въ его отношеніи къ Христіанству, Спб. 1874); однако и оно въ полной мѣрѣ признаетъ слабости человеческой природы. «Свою плоть никто не ненавидитъ, но лелѣетъ и грѣшетъ», замѣчаетъ Апостолъ (Ephes. V, 29). «По-

мечи и отливать пушки и содержать арміи, штыками которых наро-

ступайте съ другими такъ, учить Христось, какъ бы вы желали, чтобы съ вами поступали» (Luc. VI, 31; Math. VII, 12). Согласно съ правиломъ: «Гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше», (Math. VI, 21) повсюду общаетъ Онъ награды за хорошія дѣла и наказанія за дурныя (Math. V, 3, сл., 19, 22, 29, сл., 46; VI, 1, сл.; VII, 1, сл., 21, VIII, 12; XII, 31, слѣд.; XIII, 40, сл.; XVI, 25, сл.; XVIII, 3, сл.; XIX, 17, сл.; XXV 31, сл.; Marc. III, 38, сл.; VIII, 36, сл.; Luc. XII, 8; XVII, 2, 33; Ioann. V, 29; XI, 25; I Cor. XIV, 20; Rom. X, 9 сл. XIV, 13; I Pt. V, 6 п др.). Первый представитель рационализма въ новой философіи, Декартъ, въ нравственномъ міровоззрѣніи стоитъ на почвѣ «утилитарнаго оппортунизма» (*Discours de la Méthode*, p. 15, sq., éd. Simon). Мальбраншъ учитъ, что наша воля по необходимости направляется къ высшему наслажденію, но его мы можемъ получить лишь въ Богѣ; поэтому мы должны Бога любить всѣмъ сердцемъ. (*Recherches de la Vérité*, Paris, 1772, I, p. 17, sq.). По Лейбницу, назначеніе чело-вѣка—блаженство въ Богѣ, т.-е. въ непрерывномъ прогрессѣ къ новымъ удовольствіямъ и совершенствамъ (*Principes de la Nature et de la Grâce*, 18, p. 118, b Erdm.); только мысль о Богѣ и безсмертіи дѣлаетъ обязательства добродѣтели и справедливости безусловно необходимыми (*Nouv. Ess. l. 2, ch. 21, p. 264, b*). Спиноза выразилъ основную мысль своей этики въ сжатой формулѣ (*Eth. Pars IV, Prop. XXIV*): *Ex virtute absolute agere nihil aliud in nobis est, quam ex ductu rationis agere, vivere, suum esse conservare (haec tria idem significant) ex fundamento proprium utile quaerendi.* (Ср. *Tract. Theolog. Pol. c. XVI, p. 359, сл., ed. Ien. 1802*). Кантъ, хотя объявляетъ въ «Критикѣ Практическаго Разума» войну всякому эмпиризму, сенсуализму, эгоизму и пр. (*Kritik der Praktischen Vernunft, herausg. v. Hartenstein, Leipzig, 1867, S. 11 f., 21 f. и др.*), на дѣлѣ признаетъ главнымъ побужденіемъ себялюбіе — какъ въ мотивациіи своего высшаго нравственнаго закона «Поступай такъ, чтобы правило твоей воли вмѣстѣ могло бы всегда служить принципомъ общаго законодательства» (объ этомъ законѣ см. *Kritik der Praktischen Vernunft, S. 32 f.; Grundlegung zur Metaphysik der Sitten, her. v. Kirchmann, Heid. 1882, S. 20; 44 f.,* объ его мотивациіи *Kritik der Prakt. Vern. S. 73 f., Grundlegung, 21 f.*), такъ и въ ученіи о высшемъ благѣ, объединяющемъ въ себѣ добродѣтель и несомвѣстимое съ нею, а потому очевидно себялюбивое, счастье (объ этомъ *Kritik der Prakt. Vernunft, S. 116 f.*). Ср. блестящую критику Кантовой этики у Шопенгауэра въ его *Die beiden Grundprobleme der Ethik, 2-te Aufl., Leipz. 1860, S. 117 f.* Англійская этика эмпиризма (объ ея представителяхъ см. Mackintosh, *On the Progress of Ethical Philosophy, 4-t ed. Edinb. 1872; Bain Mental Science, p. 543 sq.; Guyau, La Morale anglaise contemporaine, 2-me éd. Paris, 1885*) зиждется на четырехъ, положенныхъ Бэкономъ, Гоббзомъ, Локкомъ и Гартли основаніяхъ. Первый указалъ на индукцію какъ на единственный путь къ достиженію истины въ области всѣхъ наукъ какъ физическихъ, такъ одинаково и нравственныхъ (*Novum Organum, I, Aph. CXXVII*). Второй поставилъ на видъ исключаящую такъ называемое «самоопредѣленіе» необходимость стремленія къ самосохраненію (*Quaestiones de libertate et necessitate, Moral and Political Works, London, 1750, p. 469, sq; De Cive, I, c. XIII, p. 7*), сознаваемую какъ желаніе удовольствій и отвращеніе отъ страданій, и относительность нравственной оцѣнки къ состояніямъ чувствующаго лица и условіямъ общежитія (*Leviath., c. VI, p. 26*). Третій перевесъ этику на почву эмпирической психологіи, отвергнувъ всякія врожденныя идеи и объявивъ корнемъ нравственныхъ поступковъ удовольствія и неудовольствія (*Essay on the Human Understanding, Book, I, passim; относительно нравственныхъ правилъ см. Ch. III; объ удовольствіяхъ и страданіяхъ, какъ основаніяхъ этики,—*

ды щетинятся тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше идетъ исторія, ни вообще розни и борьбы, опредѣляющихъ людскія отношенія на всѣхъ ступеняхъ роста государственнаго организма¹⁾.

Book II, ch. XXVIII). Гэртли разработалъ учение объ ассоціаціи идей и объяснилъ при помощи этого ученія возникновеніе нравственнаго чувства изъ удовольствій и неудовольствій (Observation on Man, London, 1749). Знаменитѣйшій представитель этого направленія въ настоящее время, Бэнтъ, весь ростъ нашей вольной дѣятельности выводитъ изъ совѣстнаго дѣйствія трехъ причинъ—разряженія нервной энергіи въ непроизвольныхъ движеніяхъ, закона самосохраненія (по которому удовольствія возвышаютъ, а страданія понижаютъ энергію жизненныхъ функцій) и закона смежности (The Senses and the Intellect, p. 64 sq., 296 sq., 328 sq., 407 sq. и др.; The Emotions and the Will, p. 303 sq.; ср. Mental Science, 79 sq., 318 sq.). Тѣ же самыя начала признаетъ основными и представитель выдвинутаго Дарвиномъ ученія о развитіи, Спенсеръ (The Principles of Biology; The Principles of Psychology, The Data of Ethics см. выше), который расходится съ эмпириками не въ основаніяхъ, а въ методѣ (объ этомъ см. Bain, The Emotions and the Will, p. 47 sq. и особенно 318 sq.) Къ этикъ психологическаго эмпиризма примыкаютъ также и ученія, полагающія начало нравственности въ симпатіи (отраженномъ себялюбіи, смягченномъ къ тому же привычками общечитія, объ этомъ Bain, The Emotions and the Will, p. 111, sq.; Mental Science, p. 277 sq.; Spencer, Principles of Psychology II, p. 553, sq.) Адама Смита (Theory of the Moral Sentiments, Lond. 1759), Руссо (Discours sur l'origine de l'inégalité, Paris, 1754) и Шопенгауэра (Die beiden Grundprobleme der Ethik. S. 210 f., Die Welt als Wille und Vorstellung, 4-te Aufl. 1873, I, 443 f.). О теоріяхъ (Броуна, Стюарта, Рида и др.), прибѣгающихъ для объясненія нравственныхъ явленій «ad aylum ignorantiae» (ср. Spinoza, Eth. Pars. I, App.)—къ неразложимому нравственному сознанію, говорить не стоитъ, такъ какъ они принимаютъ за извѣстное именно то, что слѣдуетъ объяснить; у виднѣйшаго представителя такихъ теорій—Гетчесона (A System of Moral Philosophy, Glasg. 1755) «нравственное чувство» сводится въ концѣ концовъ къ симпатіи. (См. Book I, ch. 3, 7). Не большаго вниманія заслуживаетъ и этика Вундта (Ethik, Stuttg., 1886), старающагося вывести нравственные поступки изъ двухъ отличныхъ отъ себялюбія и симпатіи, а потому безсодержательныхъ, Selbstgefühl и Mitgefühl (S. 438 f.), выражающихся въ мотивахъ воспріятія, разсудка и разума (S. 436 f.)—нѣчто въ родѣ средневѣковой психологіи съ физиологической окраской. «Die Phrasenmachereien» Фихте, Шеллинга, Гегеля, Гербарта и пр. не стоятъ того, чтобы на нихъ останавливаться. Критику главнѣйшихъ направленій въ этикѣ даютъ—съ точки зрѣнія утилитаризма Sidgwick, The Methods of Ethics, 3-d ed., Lond. 1884, съ точки зрѣнія на идеи, какъ двигающія силы,—Fouillée, Critique des Systèmes de Morale Contemporains, Paris, 1883. (Ср. также Guyau, l. c.). Въ заключеніе считаю необходимымъ замѣтить, что хотя себялюбіе и служитъ главнымъ двигателемъ жизни, оно двигатель не единственный; многое въ нашей практической дѣятельности объясняется изъ стремленія идей переходить въ дѣйствительность (объ этомъ Bain, The Senses and the Intellect, p. 341 sq., The Emotions and the Will, p. 390 sq.; Mental Science, p. 90 sq., 351 sq.; Carpenter, Principles of Mental Physiology 6-th ed., Lond. 1881, p. 279 sq.; Fouillée l. c., La Liberté et le Determinisme, 2-me éd. Paris, 1884) и изъ сгруппировавшихся вокругъ нихъ и изъ нихъ весьма разнообразныхъ волненій, отрѣшенныхъ, въ ихъ непосредственной дѣйствительности, отъ всякихъ себялюбивыхъ побужденій. Весь вопросъ однако въ томъ, какъ произошли эти идеи и волненія.

¹⁾ Мы увидимъ ниже, что между прочимъ и появленіе софистовъ было вызвано об-

Основной элементъ государственнаго общежитія—семья. Семья

щей борьбой. При томъ значеніи, которое я въ настоящей главѣ придаю взгляду на жизнь, какъ на общую борьбу, считаю не лишнимъ пояснить этотъ взглядъ мнѣніями философовъ, поэтовъ и вѣручителей, которыя получаютъ фактическое подтвержденіе въ дальнѣйшемъ изложеніи, а предварительно покажутъ, что въ данномъ случаѣ я далеко не стою особнякомъ. Въ воображеніи Гераклита общая борьба напечатлѣлась такъ сильно, что онъ (какъ мы уже знаемъ, см. выше, стр. 108, сл.) возвелъ раздоръ въ міровую силу; точно также и Эмпедоклъ, который однако ненависти противопоставилъ любовь (см. выше, стр. 139, 142). На разнѣ въ собственно человѣческихъ отношеніяхъ изъ древнихъ мыслителей съ особой выразительностью указываютъ Сократъ и Платонъ. Xenoph. Memor. II, 6, 17 — 22: Θράττει σε, ὦ Κριτόβουλε, ὅτι πολλὰκις ἀνδρας καὶ τὰ καλὰ πρᾶττοντας καὶ τῶν αἰσχυρῶν ἀπεχομένους ὁρᾷς ἀντὶ τοῦ φίλους εἶναι στασιάζοντας ἀλλήλοις καὶ χαλεπώτερον χρωμένους τῶν μηδενὸς ἀξίω ἀνθρώπων. Καὶ οὐ μόνον γ' ἔφη ὁ Κριτόβουλος, οἱ ἰδιῶται τοῦτο ποιοῦσιν, ἀλλὰ καὶ πόλεις αἱ τῶν τε καλῶν μάλιστα ἐπιμελόμεναι καὶ τὰ αἰσχρὰ ἥκιστα προϊέμεναι πολλὰκις πολεμικῶς ἔχουσι πρὸς ἀλλήλας... εἰ δὲ δὴ καὶ οἱ ἀρετὴν ἀσκοῦντες στασιάζουσι τε περὶ τοῦ πρωτεύειν ἐν ταῖς πόλεσι καὶ φθονοῦντες ἑαυτοῖς μισοῦσιν ἀλλήλους, τίνες ἔτι φίλοι ἔσονται καὶ ἐν τίσιν ἀνθρώποις εὖνοια καὶ πίστις ἔσται; Ἄλλ' ἔχει μὲν, ἔφη ὁ Σωκράτης, ποικίλως πως ταῦτα, ὦ Κριτόβουλε. φύσει γὰρ ἔχουσιν οἱ ἄνθρωποι τὰ μὲν φιλικὰ δέονται τε γὰρ ἀλλήλων καὶ ἐλεοῦσαι καὶ συνεργεῖν τε ὠφελοῦσαι καὶ τοῦτο συνιέντες χάριν ἔχουσιν ἀλλήλοις· τὰ δὲ πολεμικὰ τὰ τε γὰρ αὐτὰ καλὰ καὶ ἡδέα νομίζοντες ὑπὲρ τούτων μάχονται καὶ διχογνωμονοῦντες ἐναντιοῦνται. πολεμικὸν δὲ καὶ ἔρις καὶ ὀργή· καὶ δυσμενὲς μὲν ὁ τοῦ πλεονεκτεῖν ἔρις, μισητὸν δὲ φθόνος. ἀλλ' ὅμως διὰ τούτων πάντων ἡ φιλία διαδυομένη (проградиваясь, ср. Thuc. IV, 110 и др.) συνάπτει τοὺς καλοὺς τε ἀγαθοὺς. Изъ этихъ словъ Сократа очевидно, что онъ τὸ πολεμικὸν считалъ въ народной массѣ настроеніемъ болѣе сильнымъ, чѣмъ τὸ φιλικόν. Plato, Phaedo, 66, C; De Rep. 586 A—B: Οἱ δὲ φρονήσεως καὶ ἀρετῆς ἀπειροὶ, εὐνοχίαις δὲ καὶ τοῖς τοιοῦτοις αἰεὶ εὐνόητες κάτω, ὡς εἰοικε, καὶ μέχρι πάλιν πρὸς τὸ μεταῦ φέρονται τε καὶ ταῦτη πλανῶνται διὰ βίου, ὑπερβάντες δὲ τοῦτο πρὸς τὸ ἀληθῶς ἄνω οὔτε ἀνέβλεψαν πώποτε οὔτε ἠνέχθησαν οὐδὲ τοῦ ὄντος τῷ ὄντι ἐπληρώθησαν οὐδὲ βεβαίωσι τε καὶ καθαρὰς ἡδονῆς ἐγεύσαντο, ἀλλὰ βοσκομάτων δίκην κάτω αἰεὶ βλέποντες καὶ κεκυφότες εἰς γῆν καὶ εἰς τραπέζας βόσκονται χορταζόμενοι καὶ ὀχεύοντες καὶ ἕνεκα τῆς τούτων πλεονεξίας λακτίζοντες καὶ κυρίττοντες ἀλλήλους σιδηροῖς κέρασι τε καὶ ὀπλαῖς ἀποκτινύουσι δι' ἀπληστίαν, ἅτε οὐχὶ τοῖς οὖσιν οὐδὲ τὸ ὄν οὐδὲ τὸ στέγον ἑαυτῶν πιμπλάντες. Пантелῶς, ἔφη ὁ Γλαῦκων, τὸν τῶν πολλῶν, ὦ Σώκρατες, χρησμῶδεις βίον. Leges. 625, E—626, E: ἀνοίαν δὴ μοι δοκεῖ καταγῶναι τῶν πολλῶν (ὁ νομοθέτης) ὡς οὐ μανθανόντων, ὅτι πόλεμος αἰεὶ πᾶσι διὰ βίου εὐνεχῆς ἐστὶ πρὸς ἀπάσας τὰς πόλεις... ἦν γὰρ καλοῦσιν οἱ πλείστοι τῶν ἀνθρώπων εἰρήνην, τοῦτ' εἶναι μόνον ὄνομα, τῷ δ' ἔργῳ πάσαις πρὸς πάσας τὰς πόλεις αἰεὶ πόλεμον ἀκήρυκτον κατὰ φύσιν εἶναι... τὸν γὰρ λόγον ἐπ' ἀρχὴν ὀρθῶς ἀναγαῶν σαφέστερον εἰποίησας, ὡστε ῥῆον ἀνευρήσεις, ὅτι νῦν δὴ ὑφ' ἡμῶν ὀρθῶς ἐβῆθη τὸ πολεμίου εἶναι πάντας πᾶσι δημοσίᾳ τε καὶ ἰδίᾳ ἐκάστους αὐτοῦς σφίσι αὐτοῖς. (Ср. рассказъ Θукидида о первообытнѣй жизни въ Греціи, I, 2, слѣд.). Aristot. Polit. I, 2, 1253a, 6; *ibid.* 30, слѣд.; II, 5, 1263a, 16, слѣд. (См. ниже, стр. 164, пр. 1). Почти тоже, что Платонъ въ «Законахъ», только болѣе рѣзко, говорить Гоббсъ, De Cive, Epistola dedicatoria: Homo homini lupus (ср. Xenoph. Memor. II, 9, 2, сл.; Hom. II. XVI, 156, сл. и др., Math. X, 16 и др.). Естественное состояніе людей, по Гоббсу, bellum omnium in omnes (*ibid.* c. I, 12, сл., p. 7, слѣд., ed. Amst. 1688; Leviath., т. XIII, p. 63, слѣд.). Quoties ergo

разростается въ родъ, родъ—въ племя, племя подчиняеть себя другіе ро-

(поясняетъ онъ, Leviath. l. c., ср. De Cive, Praefatio ad lectotem, также с. II, 2 n.) duo idem cupiunt, quo frui ambo non possunt, alter alterius hostis sit, et ad finem sibi propositum (quae est conservatio propria) alter alterum conatur subjugare vel interficere... Mirum fortasse videbitur, naturam homines dissociavisse, et ad mutuum caedem aptos produxisse; et tamen hoc perspicue illatum est ex natura passionum, et praeterea experientiae consentaneum. Cogita enim, quando iter ingrederis, cur comites quaeris, arma gestas; quando dormitum is, fores claudis, arcas obferas, idque legibus et ministris armatis ad omnem violentiam ulciscendam paratis, qualem habeas opinionem de concivibus, de vicinis et de domesticis. Nonne cautela ista tua genus humanum acque acusas atque ego? Spinoza, Tractatus Politicus, c. I, 5: Est enim hoc certum et in nostra Ethica verum esse demonstravimus (Pars III et IV) homines necessario affectibus esse obnoxios et ita constitutos esse, ut eorum, quibus male est, misereantur et quibus bene est, invideant et ut ad vindictam magis, quam ad misericordiam sint proni et praeterea unumquemque appetere, ut reliqui ex ipsius ingenio vivant, et probent, quod ipse probat et quod ipse repudiat, repudient; unde sit, ut cum omnes pariter appetant primi esse, in contentiones veniant et, quantum possunt, nitantur se invicem opprimere et, qui victor evadit, magis gloriatur, quod alteri obfuit, quam quod sibi profuit. Ты же самую истину выражаетъ и знаменитое ученіе Дарвина о борьбѣ за существованіе (The Origin of the Species, Lond. 1859). Schopenhauer Die Welt als Wille und Vorstellung, 4-te Aufl., Leipz., 1873, S. 174 f: So sehen wir in der Natur überall Streit, Kampf und Wechsel des Sieges... Die deutlichste Sichtbarkeit erreicht dieser allgemeine Kampf in der Thierwelt, welche die Pflanzenwelt zu ihrer Nahrung hat, und in welcher selbst wieder jedes Thier die Beute und Nahrung eines andern wird;... so dass der Wille zum Leben durchgängig an sich selber zehrt und in verschiedenen Gestalten seine eigene Nahrung ist, bis zuletzt das Menschengeschlecht, weil es alle anderen überwältigt, die Natur für ein Fabrikat zu seinem Gebrauch ansieht, dasselbe Geschlecht jedoch auch in sich selbst jenen Kampf, jene Selbstentzweiung des Willens zur furchtbarsten Deutlichkeit offenbart, und homo homini lupus wird. Bain, The Emotions and the Will, 3-d ed. 1881, p. 195, 451: I apprehend that the pleasure of Power in its coarsest and brutal form, which is also its most piquant form, and level to the meanest capacity, is the pleasure of putting others to pain; doing without justification what Anger does with justification. The two feelings are therefore, at bottom, almost identical. Malevolence in its purest form would thus correspond less closely with Anger than with the worst excesses of Power... The Malevolent sentiment, in the form of lust of Power, is one of the gigantic egotisms of the human mind. Moral culture is applied to curtail its development; but the efforts of the instructor are baffled by the hydra-headed character of this feeling. Strong self-repression will, after a time, obtain the aid of habituation, and make some way in toning down the violence of the emotion. For the mass of mankind, open resistance is the principal check applied to the domineering spirit. Всѣ приведенныя выше ученія проливають свѣтъ и на глубокомысленное изреченіе Гегеля (Encyclopädie, herausg. v. Michelet, 2-te Aufl. Berlin, 1843, В. III, S. 421, 426), что каждое историческое событіе—Голгова, а вся исторія—страшный судъ.

Изъ поэтовъ самое (насколько мнѣ извѣстно) раннее указаніе на рознь, какъ на руководительное жизнью начало, встрѣчается у Гезіода, въ «Трудахъ и Дняхъ». Упомянувъ о томъ, что существуетъ дурная и хорошая рознь, Гезіодъ говоритъ о послѣдней, 20—26:

ды и племенам такимъ образомъ совдѣется населеніе государства¹⁾. Члены семьи свѣдываются между собою кровнымъ родствомъ, единствомъ интересовъ, привычкой другъ къ другу, взаимной симпатіей; члены рода — тѣми же самыми, хотя и болѣе слабыми узами, къ которымъ за то присоединяется сила преданія; члены племени — единствомъ происхожденія, языка, религіи, обычаявъ, общностью интересовъ²⁾; члены государства —

ἢ τε καὶ ἀπόλαμόν περ διως ἐπὶ ἔργον ἐγείρει·
εἰς ἕτερον γάρ τις τὲ ἰδὼν ἔργοιο χατίζων
πλούσιον, δς σκεῖται μὲν ἀρόμμενα ἠδὲ φυτεῖαν
οἶκόν τ' εὖ θέσθαι, ζήλοί δὲ τε γείτονα γέλτων
εἰς ἄφρονον σπεύδοντ'· ἀγαθὴ δ' Ἔρις ἦδε βροτοῖσι.
καὶ κεραμεὺς κεραμεὶ κοτέει καὶ τέκτοני τέκτων,
καὶ πτωχὸς πτωχῷ φθονεῖ καὶ ἀσιδὸς ἀσιδῷ.

Ср. Hom. II. XVIII, 107—110:

ὡς ἔρις ἔκ τε θεῶν ἔκ τ' ἀνθρώπων ἀπόλοιο,
καὶ χόλος, δς τ' ἐφῆκε πολύφρονά περ χαλεπήναι,
δς τε πολλὸ γλυκίων μέλιτος καταλειβομένοιο
ἀνδρῶν ἐν στήθεσσι ἀέξεται ἠῦτε καπνός·

Eurip. Bacchae, 877—880:

τί τὸ σοφὸν ἢ τί τὸ κάλλιον
παρὰ θεῶν γέρας ἐν βροτοῖς,
ἢ χεῖρ' ὑπὲρ κορυφᾶς
τῶν ἐχθρῶν κρείσσω κατέχειν;

Ср. также Вурон, Don Juan XIII, 6:

Now hatred is by far the longest pleasure:
Men love in haste, but they detest at leisure.

Религиозному сознанию человѣческая жизнь, взятая въ ея непосредственной дѣятельности, представляется въ томъ же свѣтѣ, какъ философскому, научному и поэтическому. «Я вижу, читаемъ мы въ Давидовыхъ псалмахъ (LIV, 10—12; LV, 2, 7; CXXIX, 3—4), насилия и распри въ городѣ; днемъ и ночью ходятъ онѣ по стѣнамъ его; злодѣянія и бѣдствія посреди его; посреди его пагуба; обманъ и коварство не сходятъ съ улицъ его... Человѣкъ хочетъ поглотить меня, нападая всякій день, тѣснить меня..., они собираются, притаиваются, наблюдаютъ за моими пятнами, что бы уловить мою душу... Душа моя среди львовъ, я лежу среди дышущихъ пламенемъ, среди сыновъ человѣческихъ; у которыхъ зубы — копыя и стрѣлы и у которыхъ языкъ — острый мечъ... Они злое мыслятъ въ сердцѣ, всякій день ополчаются на брань, изощряютъ языкъ свой, какъ змѣя, ядъ аспіда подъ устами ихъ...» «Вотъ я посылаю васъ (говорить Христосъ Апостоламъ, Math. X, 16), какъ овца среди волковъ: итакъ, будьте мудры, какъ змѣи, и просты, какъ голуби». Ср. Ibid., III, 7; VII, 15; XXIII, 34 и др.

¹⁾ Оъ дальнѣйшимъ ср. Aristot. Polit. I, 2, 1252a, 28 слѣд.; Lotze Mikrokosmos, 2-te. Aufl., Leipzig, 1872, 3-r B, S. 380 f.; Spencer, The Principles of Sociology, Lond. 1876, p. 481, sq.; Political Institutions, Lond. 1892, p. 265, sq.

²⁾ По Геродоту (VIII, 144; IX, 7; также Thuc. III, 59; Grote, History of Greece, II, 239, sq.), связью между всѣми Еллинами служили: 1) племенное родство, 2) одинаковость языка, 3) общіе храмы боговъ и общія празднества, 4) сходные нравы и обы-

единствомъ законовъ, силою блюдущей законы власти, общностью интересовъ въ поддержаніи цѣлности государства ¹⁾). Единство интересовъ создается главнымъ образомъ единствомъ ереды. Среда народа раз-

чан. Ср. Spenser, *Political Institutions*, p. 265, sq. Эта связь однако сказывалась только тогда, когда всѣмъ Еллинамъ грозила общая опасность (во время Персидскихъ войнъ), но по минованіи опасности тотчасъ же порывалась, и греческіе города, не смотря на свое племенное родство, одинаковость языка и пр., боролись другъ съ другомъ не съ меньшею ожесточенностью, чѣмъ всѣ вмѣстѣ противъ общаго врага.

¹⁾ По Платону, государство создается нуждою, вслѣдствіе того, что каждый отдѣльный человѣкъ неспособенъ собственными силами удовлетворить всѣхъ своихъ потребностей. De Rep. 369, В—С: Γίγνεται τοίνυν, ἦν δ' ἐγώ, πόλις, ὡς ἐγφμαί, ἐπειδὴ τυγχάνει ἡμῶν ἕκαστος οὐκ αὐτάρκης, ἀλλὰ πολλῶν ἐνδεής, ἢ τίν' εἰεὶ ἀρχὴν ἄλλην πόλιν οἰκίζειν; Οὐδεμίαν ἢ δ' ὅς. Οὕτω δὴ ἄρα παραλαμβάνων ἄλλος ἄλλον ἐπ' ἄλλου, τὸν δ' ἐπ' ἄλλου χρεῖα πολλῶν δεόμενοι πολλοὺς εἰς μίαν οἰκήσιν ἀγείραντες κοινωνοὺς τε καὶ βοηθοὺς ταύτῃ τῇ εὐνοικίᾳ ἐθέμεθα πόλιν ὄνομα. (Ср. съ этимъ Spinoza, *Tractatus Theologico Politicus*, с. 5, p. 224; J. J. Rousseau *Contrat Social*, l. 1, ch. 6). Аристотель, обсуждая политическую теорію Платона, укоряетъ послѣдняго (*Polit. IV*, 4, 1291a, 18) за то, что по его ученію тѣмъ ἀναγκαῖων τε χάριν πάσαν πόλιν συνεστήκυϊαν, ἀλλ' οὐ τοῦ καλοῦ μάλλον. Укорь этотъ несправедливъ. Платонъ различаетъ двоякаго рода причины и цѣли— ближайшія и конечныя (ср. особ. *Phaedo*, 99, В; *Gorg.* 467, С, сл.); непосредственная причина возникновенія государства—нужда, но главная цѣль его существованія—осуществленіе въ человѣческомъ обществѣ справедливости и блага (De Rep. 368, E, слѣд., 540, A). Подобное же о происхожденіи и цѣли государства слышимъ мы и отъ Аристотеля (*Polit. I*, 2, 1252a, 29): πόλις... γιγνομένη μὲν οὖν τοῦ ζῆν ἕνεκα, οὐσα δὲ τοῦ εὖ ζῆν. Вглядѣть, что государство возникаетъ τοῦ ζῆν ἕνεκα Аристотель смягчаетъ указаніемъ на то, ὅτι ἄνθρωπος φύσει πολιτικὸν ζῷον (*Polit. I*, 2, 1253a, 2). Но чтѣ слѣдуетъ подразумѣвать подъ политикόν? Если понимать это слово какъ синонимъ ἀγελαῖον, то оно выражаетъ несомнѣнную истину; если же, какъ желалъ Аристотель (ср. ib. 30: φύσει ἢ ὀρμῇ ἐν πάσιν ἐπὶ τὴν τοιαύτην κοινωνίαν), видѣть въ немъ обозначеніе естественнаго влеченія къ государственному общежитію, отличающемуся отъ стадной жизни тѣмъ, что въ немъ (*Histor. Anim. I*, 1, 12, 488a, 7, сл.) ἐν τι καὶ κοινόν γίνεται πάντων τὸ ἔργον (Ср. Spenser, *The Principles of Sociology*, p. 465, sq.; *The Political Institutions*, p. 244, sq.), то какъ съ этимъ естественнымъ влеченіемъ признать утвержденіе того же Аристотеля, что ὡσπερ γὰρ καὶ τελευθὲν βέλτιστου τῶν ζῷων ὁ ἄνθρωπος ἐστίν, οὕτω καὶ χωρισθὲν νόμου καὶ δίκης χείριστον πάντων. χαλεπώτατῃ γὰρ ὀδίκῃ ἔχουσα δπλα ὁ δὲ ἄνθρωπος δπλα ἔχων φύεται φρονήσει καὶ ἀρετῇ, οἷς ἐπὶ τάναντία ἔστι χρῆσθαι μάλιτα. διὸ ἀνοσιώτατον καὶ ἀγριώτατον ἀνευ ἀρετῆς (ib. 32, сл.) и что (ib. II, 5, 1263a, 16, сл.) ἄλλως τὸ συζῆν καὶ κοινωεῖν τῶν ἀνθρωπικῶν πάντων χαλεπόν... δηλοῦσι δ' αἱ τῶν συναποδήμων κοινωνίαι: σχεδὸν γὰρ οἱ πλείστοι διαφερόμενοι ἐκ τῶν ἐν ποσὶ καὶ ἐκ μικρῶν προσκρούοντες ἀλλήλοις и пр. (я не говорю уже о безсмысленныхъ словахъ I, 2, 1253a, 2, сл.)? Вѣрнѣе предположить, что «влеченіе» къ государственной жизни не первоначальное свойство, а приобретенное. Семья, родъ, племя безспорно существуютъ φύσει, государственное общежитіе— νόμος. На законъ, какъ на организующую и связующую государство силу указываютъ Гоббсъ (*De Cive*, с. II, 9, сл., p. 11, сл.; *Leviath.* с. XIII, p. 63, сл.), Спиноза (*Tract. Theolog. Polit.* с. V, p. 224, sq.) и Руссо (*Contrat Social*, l. 1, ch. 6).

нообразіе среды племени и рода, а среда племени и рода разнообразіе среды семьи. Поэтому наибольшее единомысліе возможно между членами семьи, наименьшее—между членами государства. Раздорамъ между членами семьи, семьями рода и родами племени соответствуютъ раздоры между сословіями и партіями государства; но какъ разногласіа въ семьѣ, родѣ, племени, примиряются общесемейными, общеродовыми, общеплеменными интересами, такъ и раздоры въ государствѣ—единствомъ общегосударственныхъ интересовъ. Семья, родъ, племя, государство проявляютъ совершенно такой же эгоизмъ, какъ и отдѣльные люди, если затрогиваются ихъ интересы, какъ особой. Самостоятельность и обособленность членовъ семьи разрушаетъ единство семьи, самостоятельность и обособленность семей рода—единство рода, самостоятельность и обособленность родовъ—единство племени, самостоятельность и обособленность гражданъ—единство государства. Какъ скоро члены семьи отрѣшаются отъ кровныхъ узъ и симпатій, они способны встрѣтиться другъ съ другомъ какъ враги, если имъ нужно одному предъ другимъ отстоять личныя выгоды. Точно также изъ-за личныхъ интересовъ выступаютъ другъ противъ друга врагами нестѣсняемые узамъ законовъ и карающею властью члены государства¹⁾. Поэтому, чѣмъ свободнѣе и самостоятельнѣе члены государства, тѣмъ больше въ немъ борьбы. Безусловная свобода порождаетъ въ государствѣ войну всѣхъ противъ всѣхъ и неизмѣнно пролагаетъ пути къ деспотизму²⁾.

¹⁾ Aristot. I, 2, 1253a, 82 сл. (См. предид. прим.). Hobbes, De Cive, с. 5, 4 сл.; Spinoza, Tract. Theol. Pol. с. 5, р. 224 сл.

²⁾ Истина эта въ той или другой мѣрѣ подтверждается исторіей всѣхъ тѣхъ государствъ и городовъ, въ которыхъ развертывала свое знамя «свобода» — исторіей Афинъ (см. ниже), Рима (въ эпоху междоусобныхъ войнъ), Мюнстера (при Юлианѣ Лейденскомъ), Англіи (во время Первой Революціи), Франціи (въ дни Великой Революціи)...

But France got drunk with blood to vomit crime
 And fatal have her Saturnalia been
 To Freedom's cause, in every age and clime;
 Because the deadly days which we have seen,
 And vile Ambition, that built up between
 Man and his hopes an adamantine wall,
 And the base pageant last upon the scene,
 Are grown the pretext for the eternal thrall

Which nips life's tree, and dooms man's worst—his second fall.

(Byron, Childe Harold's Pilgrimage, IV, 97). Не Франція однако виновна въ томъ, что люди осуждены на вѣчное рабство. Къ событіямъ Великой Революціи вполне пригнаны слова Фукидида (III, 82, 2): ἐπέπεσε πολλὰ καὶ χλευρὰ κατὰ στάσιν ταῖς πόλεσι, τινόμενα μὲν καὶ αἰεὶ ἐβόμενα, ἕως ἂν ἡ αὐτὴ φύσις ἀνθρώπων ᾖ, μᾶλλον δὲ

Причины борьбы въ издрахъ семьи, рода, племени, государства, между отдѣльными лицами и цѣлыми народами, всегда такъ или иначе, прямо или косвенно, коренятся въ себялюбии: борьба ведется изъ-за выгоды, изъ за мести, для наказанія необузданности, ради самозащиты ¹⁾. Средства борьбы уназываются состояніями культуры. На низшей ступени человѣкъ борется тѣмъ, что непосредственно даетъ ему его собственная и окружающая природа; на высшихъ — различными орудіями, болѣе или менѣе приспособленными и усовершенствованными. Но чѣмъ дальше человѣкъ идетъ по лѣстницѣ уметвеннаго пруслѣванія, тѣмъ большее отвращеніе чувствуетъ онъ къ грубой физической силѣ, одинаково свойственной какъ ему, такъ и безсловеснымъ. Образованный народъ къ открытой силѣ прибѣгаетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ и ведетъ обыкновенно борьбу тѣмъ, что отличаетъ его отъ безсловесныхъ — убѣжденіемъ и словомъ ²⁾. Какъ средства борьбы соотновятся съ состояніемъ культуры, такъ воспитательные идеалы — со средствами борьбы. Народы грубые видятъ воспитательный идеалъ въ обладаніи великою физическою силой и всѣмъ тѣмъ, что ее обуславливаетъ: большимъ ростомъ, крѣпостью тѣла и т. д. ³⁾,

καὶ ἡσυχαιότερα καὶ τοῖς εἶθεσι διπλάγγμενα, ὡς ἀν ἕκαστοι αἱ μεταβολαὶ τῶν ἐπιθυμιῶν ἐπίστυνται. Позорища въ Мюнстерѣ въ 1534 и 1535 годахъ близко сходны съ «Сатурналіями» Великой Революціи. Впрочемъ, то или другое рабство необходимо: если не политическое, то экономическое. (Объ этомъ послѣднемъ ср. Spencer, The Coming Slavery, London, 1881).

¹⁾ Ср. выше, стр. 160, прим. 1.

²⁾ Ср. Plato, De Rep. 411, C — E: Τί δέ; ἀν γυμναστικῆ πολλὰ πόνῃ καὶ εὐωχῆται εὐ μάλα, μουσικῆς δὲ καὶ φιλοσοφίας μὴ ἀκτεταί, οὐ πρῶτον μὲν εὐ ἰσχυῶν τὸ σῶμα φρονήματος τε καὶ θυμοῦ ἐμπύπλονται καὶ ἀνδρεώτερος γίγνεται αὐτός;... μισθολογος δὴ; οἶμαι, ὁ τοιοῦτος γίγνεται καὶ ἀμωσος καὶ πεθεοὶ μὲν διὰ λόγων οὐδὲν ἐπιχρησται, βία δὲ καὶ ἀγρότητι ὡπερ θηρίων πρὸς πάντα διαπράττεται и пр. На слово, какъ орудіе борьбы, указываетъ языкъ въ выраженіяхъ: «уязвить», «уколоть», «поразить» и пр. «Укрой меня отъ замысла коварныхъ, отъ мятежа злодѣевъ, которые изострили языкъ свой, какъ мечъ, направили лукъ свой — извительное слово, чтобы втайнѣ стрѣлять въ непорочнаго; они внезапно стрѣляютъ въ него и не боятся» и пр. (Пс. LXIII, 3—5). Ср. Hom. II, I, 8; II, 377; IX, 32 и мн. др. Aristoph. Acharn. 656, сл.; Nubes 321, 418, 431, 942, сл., 1160 и др. Платонъ разсматриваетъ софистику какъ видъ маχητικῆ (Soph. 225, A; 226, A; 231, E), а софистовъ называетъ ἀγωνισταί, ἀθληταί (ibid., ср. Theaet. 165, D: ἔλλοχῶν ἀν πελταστικὸς ἀγῆρ μισθοφόρος ἐν λόγοις ἐρόμενος). Мы увидимъ, что всѣ эти обозначенія у Платона — не простыя метафоры, но вызваны глубокимъ проникновеніемъ въ жизнь. Ср. также Aristot. Rhetor. I, 1, 1355a, 39, сл.: ἀτοπον εἰ τῷ σώματι μὲν αἰσχρὸν μὴ δύνασθαι βοηθεῖν ἑαυτῷ, λόγῳ δ' οὐκ αἰσχρὸν.

³⁾ Достаточно указать на энические идеалы: чудовищнаго Аякса, здороваго на крикъ Менелая, быстрогоаго Ахиллеса, Пилемэна — косматую грудь, русскихъ бога-

народы культурные—въ болѣе или менѣе утонченномъ образованіи, дающемъ возможность пролагать себѣ пути въ житейской суетлѣ. Сколь ни возвышенны наслажденія, доставляемыя умственной дѣятельностью, и сколь ни благодѣтельны плоды, приносимыя просвѣщеніемъ, въ повседневномъ теченіи жизни и умственная дѣятельность и просвѣщеніе служатъ цѣлямъ себялюбія; и у культурнаго человѣка умъ исполняетъ обыкновенно свое первоначальное практическое назначеніе—бываетъ оонаремъ, освѣщающимъ путь къ этимъ цѣлямъ ¹⁾. Не признавъ этого, не возможно понять ни того, почему люди слабого ума боятся людей сильнаго ума, имъ завидуютъ и ихъ ненавидятъ ²⁾,

тырей и пр. Ср. также разсказъ Тацита о германцахъ (Germania с. XIII, XIV, XV, XX). Все воспитаніе спартанцевъ было направлено къ тому, чтобы вырастить вооруженныхъ еяковъ-убійцъ: такъ называемыя криптіи служатъ лучшимъ тому доказательствомъ. О спартанскихъ идеалахъ ср. Plut. Lycurgus с. 14, сл.; Instituta Laconica, passim; Plato, Leges, §32, E, слѣд.; Xenoph. De Rep. Lac. с. 1—10.

¹⁾ Schopenhauer, Die Welt als Wille und Vorstellung, I, 179, 181: Der Wille hat sich (in den lebenden Wesen) ein Licht angezündet, als ein Mittel, welches nothwendig wurde, zur Aufhebung des Nachtheils, der aus dem Gedränge und der komplioirten Beschaffenheit seiner Erscheinungen eben den vollendetesten erwachsen würde... Die Erkenntniss überhaupt, vernünftige sowohl als bloss anschauliche, geht also ursprünglich aus dem Willen selbst hervor, gehört zum Wesen der höhern Stufen seiner Objektivation, als eine blossе μηχανή, ein Mittel zur Erhaltung des Individuums und der Art, so gut wie jedes Organ des Leibes. Можно не соглашаться съ общей метафизической теоріей Шопенгауэра, но нельзя не признать правильными этихъ его замѣчаній о первоначальномъ значеніи познания. Ср. Spenser, The Data of Ethics, p. 187, sq.: ср. также Plato, De Rep. 519, A: ἢ οὐκω ἐννεόηκας τῶν λεγομένων πονηρῶν μὲν σοφῶν δέ, ὡς δριμύ μὲν βλέπει τὸ ψυχάριον καὶ δεξιῶς διορῶ ταῦτα, ἐφ' ἃ τέτραπται, ὡς οὐ φαύλην ἔχον τὴν ὄψιν, κακία δ' ἠναγκασμένον ὑπηρετεῖν, ὥστε σοφῶν ἂν δεύτερον βλέπῃ, τοσοῦτῃ πλείω κακὰ ἐργαζόμενον. Въ какомъ положеніи оказываются σοφοὶ μὲν, οὐ πονηροὶ δέ, мы увидимъ ниже.

²⁾ См. выше, стр. 12. Ср. также слова Фукидида объ Антифонѣ (VIII, 68, 2): Ἄντιφῶν ἦν, ἀνὴρ Ἀθηναίων τῶν καθ' ἑαυτὸν ἀρετῇ τε οὐδενὸς ὑστερος καὶ κράτιστος ἐνθυμηθῆναι γεγόμενος καὶ ἃ γνοίῃ εἰπεῖν, καὶ ἐς μὲν δῆμον οὐ παριῶν οὐδ' ἐς ἄλλον ἀγῶνα ἐκούσιος οὐδένα, ἀλλ' ὑπόπτως τῷ πλήθει διὰ δόξαν δεινότητος διακείμενος и пр.; Eurip. Medea, 295—307:

χρὴ δ' οὐποθ' ὅστις ἀρτίφρων πέφυκ' ἀνὴρ
 παῖδας περισσῶς ἐκδιδάσκεισθαι σοφούς
 χωρὶς γὰρ ἄλλης ἥς ἔχουσιν ἀργίας
 φθόνον πρὸς ἀστῶν ἀλφάνουσι δυσμενῆ.
 σκαίοισι μὲν γὰρ καινὰ προσφέρων σοφὰ
 δόξεις ἀχρεῖος κοῦ σοφὸς πεφυκέναι
 τῶν δ' αὖ δοκούντων εἰδέναι τι ποικίλον
 κρείσων νομισθεὶς λυπρὸς ἐν πόλει φανεί.
 ἐγὼ δὲ καὶ τῇ τῆσδε κοινῶν τύχης.
 σοφῇ γὰρ οὔσα τοῖς μὲν εἰμ' ἐπίφθονος,

ни враждебных ассоциаций, связанных со словами, обозначающими умственную изворотливость ¹⁾).

Исторія Аѳинъ представляетъ совершеннѣйшее воплощеніе на-мѣченного мною историческаго типа. Ихъ государственное устройство возникаетъ изъ родовыхъ отношеній; ихъ политическая жизнь открывается, движется и завершается борьбой. Аѳины ведутъ борьбу послѣдовательно съ Мегарой, Эгиной, Персами, Лажедемонянами и т. д. Внутри ихъ также идетъ непрестанная распря— сначала между царскою властью и знатными, затѣмъ между богатыми и бѣдными, да-лѣе между вождями политическихъ партій ²⁾; наконецъ, во время Пелопоннесской войны все въ Аѳинскомъ государствѣ превращается въ одну сплошную борьбу всѣхъ противъ всѣхъ ³⁾— между аѳинскими и спартанскими войсками, между политическими партіями, между сосло-віями, между отдѣльными лицами. Испытавъ во время этой общей борьбы двѣ кровавыя тиранніи (Четырехсотъ и Тридцати), обезсилен-ное смутами и общимъ развратомъ государство подпадаетъ власти македонскихъ повелителей.

Реформами Солона, Клисеена, Аристида, Ефіальта и Перикла, сосредоточившими верховную власть въ законодательныхъ собраніяхъ и судѣ, внутренняя борьба изъ военныхъ становъ мало по малу была перенесена въ эти государственныя учрежденія, а мечъ, копьѣ, лукъ, щитъ и панцырь—замѣнены нападающимъ и отражающимъ словомъ ⁴⁾. Сообразно съ этимъ, тогда какъ до водворенія свободы и равенства вышею доблестью считалась военная храбрость ⁵⁾, со времени ус-

τοῖς δ' αὖ προόντης. εἰμί δ' οὐκ ἄταν σοφῆ.
οὐ δ' οὖν φοβέι με μὴ τι πλημμελὲς πάθης·
οὐχ ὡδ' ἔχει μοι, μὴ τρέσης ἡμᾶς, Κρέον и пр.

¹⁾ Кромѣ слова софистъ можно указать на гипокритъ, художникъ, механикъ и пр.

²⁾ См. выше, стр. 43, сл.

³⁾ См. приведенное ниже свидѣтельство Фукидида.

⁴⁾ Ср. выше, стр. 166, прим. 2.

⁵⁾ При нравственной оцѣнкѣ аѳиняне руководствовались какъ законами и обычаями, такъ не въ меньшей мѣрѣ и указаніями поэтовъ и въ особенности мнѣніями «воспитателя Еллады» (Plato, De Rep. 606, E) Гомера, а Гомеръ весь «переполненъ Ареемъ». (Слова Аристофана объ Эсхиловыхъ «Семи противъ Оивъ», Рапае, 1019). Наивысшая слава, по Гомеру, та, которую человекъ можетъ стяжать руками и ногами (Odys. VIII, 147—148). Храбрость—первая доблесть (ἀρετή). Хорошіе и дурные (ἀγαθοὶ καὶ κακοὶ) распо-знаются всего лучше въ засадѣ: у дурнаго измѣняется цвѣтъ лица, онъ не можетъ сидѣть спокойно и толчется на колѣнахъ, сердце у него такъ и стучитъ при мысли о смерти, зубъ не попадаетъ на зубъ; хорошій, напротивъ, не измѣняется въ лицѣ и «не очень труситъ» когда садится въ засаду, а сидя въ ней молится о томъ, чтобы какъ можно скорѣе схватиться съ врагами. (II. XIII, 285, сл.). Повсюду въ Илиадѣ разбѣяны сравненія

тановленія такъ называемой *исогеріи* (общаго равноправія въ обоужденіи и рѣшеніи политическихъ и судебныхъ дѣлъ) такою доблестью стала изворотливость въ пользованіи словомъ.¹⁾ Изъ двухъ вѣтвей гре-

доблестныхъ съ ястребами, коршунами, псами, волками, львами и пр. Особенно внушительно кроваваго изображеніе рвущихся къ бою Мирмидонявъ, рисующее высшій гомерическій идеалъ во всей его неприглядной наготѣ (II. XVI, 155—166):

Μυρμιδόνας δ' ἄρ' ἐποικόμενος θώρηξεν Ἀχιλλεύς
πάντας ἀνά κλισίας σὺν τεύχεσιν· οἳ δὲ λύκοι ὡς
ῥιμοφάγοι, τοιοῦν τε περὶ φρεσὶν ἀσπετος ἄλλη,
οἳ τ' ἔλαφον κεραὸν μέγαν οὖρεσι δηῶσαντες
δάπτουσι· πᾶσιν δὲ κερήιον αἵματι φοινόν·
καὶ τ' ἀγελήδον ἴασιν ἀπὸ κρήνης μελανύδρου
λάφοντες γλώσσησιν ἀραιήσιν μέλαν ὕδωρ
ἄκρον, ἐρευγόμενοι φόνον αἵματος ἐν δὲ τε θυμὸς
στήθεσιν ἀτρομὸς ἐστί, περιστένεται δὲ τε γαστήρ·
τοιοὶ Μυρμιδόνων ἡγήτορες ἠδὲ μέδοντες
ἀμφ' ἀγαθὸν θεράποντα ποδάρκος Αἰακίδαο
ῥῶοντ' и пр.

Ахиллесъ, когда отомщалъ Троянамъ за Патрокла, былъ совершеннѣйшимъ воплощеніемъ этого идеала. II. XXI—XXII.

¹⁾ См. ниже, стр. 171, пр. 5. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Аѳинахъ и до охлократіи цѣнилось высоко краснорѣчіе—не только послѣ реформы Солона, но и въ патріархальный періодъ. Патріархальный бытъ Аѳинъ, какъ и всѣхъ другихъ греческихъ городовъ, былъ подобенъ изображенному Гомеромъ. Какъ плывались греки времени гомерическихъ поэмъ краснорѣчіемъ, лучше всего можно судить по слѣдующимъ словамъ Одиссея (Odys. VIII, 166—173):

οὕτως οὐ πάντεσσι θεοὶ χάριεντα διδοῦσιν
ἀνδράσιν, οὔτε φυήν, οὔτ' ἄρ' φρένας οὔτ' ἀγορητήν.
ἄλλος μὲν γάρ τ' εἶδος ἀκινδόντερος πέλει ἀνὴρ,
ἀλλὰ θεὸς μορφὴν ἔπεισι στέφει, οἳ δὲ τ' ἐς αὐτὸν
τερπόμενοι λεύσσουσιν· ὃ δ' ἀσφαλῆως ἀγορεύει
αἰδοὶ μελιχίῳ, μετὰ δὲ πρέπει ἀγρομένοισιν,
ἐρχόμενον δ' ἀνὰ ἄστῳ θεὸν ὡς εἰσορώσω.

Ср. (II. I, 247—248) отыкъ и Несторъ, какъ о сладкорѣчивомъ витѣ, у котораго голосъ льется смаче меда, и необмыновенно художественную характеристику краснорѣчія Менелая и Одиссея (II. III, 212—223), которая вмѣстѣ съ приведенными выше словами Одиссея даетъ полное представленіе о томъ, что требовалось отъ хорошаго оратора въ патріархальный періодъ. Изъ IX пѣсни Илиады (442, сл.) мы даже узнаемъ, что родители поручали воспитателямъ наставлять дѣтей кромѣ военнаго искусства также и въ искусствѣ говорить—

διδασκέμεναι τὰδε πάντα,
μῦθων τε ῥητήρ' ἔμεναι πρηκτῆρά τε ἔργων

(подъ послѣдними, какъ видно изъ предыдущаго, подразумѣваются ἔργα ὁμοίου πολέμοιο). Но слову въ патріархальный періодъ придавали значеніе не какъ орудію борьбы, а какъ средству подавать полезные совѣты (ср. II. II, 202: οὔτ' ἐν πολέμῳ ἐναρίθμος,

ческаго воспитанія, гимнастики и музыки, до половины V вѣка первенство принадлежало гимнастикѣ¹⁾. Отвага въ сраженіи, ловкость въ бѣгѣ и борьбѣ, знаніе наизуотъ вдохновляющихъ храбрость поэтическихъ произведеній, безыскусственное краснорѣчіе, умѣнье играть на лирѣ или цитрѣ воинственные мотивы и пѣть воинственные гимны, знакомство съ отечественными законами и обычаями, чтеніе, очетъ и письмо, вотъ все, что съ внѣшней стороны требовалось отъ доблестнаго человѣка²⁾. Доблести внутреннія—скромность и справедливость—предполагались самѣ собою какъ слѣдствіе отсутствія умственной самостоятельности, одинаково пагубной какъ для этихъ доблестей, такъ и для подчиненной дисциплинѣ военной храбрости³⁾. Со второй половины V вѣка,

οὐτ' ἐνὶ βουλῇ и др.). Къ тому же краснорѣчіе признавалось законнымъ достоинствомъ только знатныхъ: простой человѣкъ

ἀτρέμας ἦσο καὶ ἄλλων μῦθον ἄκουε,
οἱ σέο φέρτεροί εἰσι,—ἐπεὶ οὐδὲ μὲν οὐδὲ εἰσικε
δῆμον ἔοντα παρ' Ἐσθόρου ἐμὲν, οὐτ' ἐνὶ βουλῇ
οὔτε ποτ' ἐν πολέμῳ.

(II, II, 200—201; XII, 212—214). Съ какимъ презрѣніемъ смотрѣли въ то время на «бойкорѣчивыхъ витій рынка», свидѣтельствомъ служитъ знаменитый разсказъ о Θερситῆ (II, II, 212—277, въ особ. 212—214, 272—277). Ср. Hesiod. Dies et Opera, 27, слѣд. Сколь однако ни высоко цѣнилось краснорѣчіе знатныхъ, оно не было главною доблестью. При перечисленіи похвальныхъ качествъ, способность подавать совѣты обыкновенно ставится ниже храбрости. Ср. напр. II, II, 202; IX, 53, сл. и др.

¹⁾ О гимнастикѣ и музыкѣ, какъ основныхъ частяхъ греческаго воспитанія, см. Plato, De Rep. 376, E, слѣд.; о преобладаніи гимнастики надъ музыкой въ періодъ, предшествовавшій охлократіи, см. приведенный ниже (стр. 178, сл.) отрывокъ изъ Аристофана.

²⁾ Plato, Protag. 326, C, слѣд.; Gorg. 462, A; Alcib. I, 166, E; Theag. 122, E; Leges. 809, A, слѣд. и др.

³⁾ Внѣшнее основаніе скромной умѣренности (σωφροσύνη) и справедливости — безпрекословная покорность обычаямъ и законамъ (ср. Plato, Gorg. 504, D: ταῖς δὲ τῆς ψυχῆς τάξεσι τε καὶ κοσμίῳ νόμῳ τε καὶ νόμῳ (δνομα), θεῶν καὶ νόμοι γίγνονται καὶ κόσμιοι ταῦτα δ' ἐστὶ δικαιοσύνη τε καὶ σωφροσύνη), внутреннее—отсутствіе ὕβρις или сознанія своей возвышающейся надъ воыкими законами и обычаями самостоятельности. Несовмѣстимость σωφροσύνη съ ὕβρις очевидна сама собою; на противоположность между ὕβρις и δικαιοσύνη указываетъ Гезіодъ, Dies et Opera, 213—218:

ὦ Πέρση, σὺ δ' ἄκουε δίκης, μὴδ' ὕβριν ὄφελλε.
ὕβρις γάρ τε κακῆ δειλῶ βροτῶ, οὐδὲ μὲν ἐσθλὸς
ρήθιδίως φερέμεν δύναται, βαρῦθει δὲ θ' ὑπ' αὐτῆς
ἐγκύρσας ἀτησιν· ὀδὸς δ' ἐτέρηφι παρελθεῖν
κρείσων ἐς τὰ δίκαια· δίκη δ' ὑπὲρ ὕβριος ἴσχει
ἐς τέλος ἐξελοῦσα· παθῶν δὲ τε νῆπιος ἔγνω.

По Гезіоду (ib. 293—297),

наоборотъ, надъ физическимъ воспитаніемъ преобладаетъ умственное. Физической силѣ въ это время придаютъ значеніе лишь постольку, поскольку съ крѣпостью тѣла связана бодрость духа¹⁾; о самостоятельной пользѣ гимнастики толкуютъ только люди стараго закала²⁾; представители новаго направленія разсуждаютъ о томъ, лучше ли воспитывать молодыхъ людей въ теоретической философiи или въ практической.—риторикѣ и еристикѣ³⁾. Старинный идеалъ въ образѣ чтырехлоктеваго великана, пышущаго копьемъ, пикой, шлемомъ съ развѣвающимся бѣлымъ султаномъ, топоромъ, поножами и отвагой изъ семи бычачьихъ шкуръ⁴⁾, нашедшій живое выраженіе въ Геркулесѣ, смѣняется идеаломъ пронырливаго дѣльца, въ родѣ Фѣакса и Калистрата, ловко пользующагося всѣми орудіями мысли и слова, чтобы преслѣдовать на судѣ и самому увертываться отъ преслѣдованія. Молодые люди, прежде переполнявшіе гимнази и палестры, толпятся теперь у риторовъ и софистовъ, въ судахъ и законодательныхъ собраніяхъ; ихъ любимый разговоръ—о произнесенныхъ „неуязвимыми“ ораторами рѣчахъ⁵⁾.

οὗτος μὲν πανάριστος, δὲ αὐτὸς πάντα νόησιν
φρασσάμενος, τὰ κ' ἔπειτα καὶ ἐς τέλος ἦσιν ἀμείνω·
ἔσθλος δ' αὐ κακείνος, δὲ εὐ εἰπόντι πίθηται.
δὲ δὲ κε μήτ' αὐτὸς νοεῖ μήτ' ἄλλου ἀκούων
ἐν θυμῷ βάλλεται, δ' αὐτ ἀχρήσιος ἀνὴρ.

Но «доточкики», доходившіе до всего сами, могли быть наилучшими только въ собственномъ хозяйствѣ; въ государственной жизни и на войнѣ самостоятельность вмѣнялась въ доблесть лишь государю. и всегда:

οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίῃ· εἰς κοίρανος ἔστιν.

(II, II, 203). Простые люди за свою самостоятельность получали въ награду удары палкой. См. II, 198, сл.; Plato, *Léges* 700, C (см. выше, стр. 78, сл.); Aristoph. *Nubes* 959, см. ниже, стр. 173.

¹⁾ Plato, *Protag.* 326 C; *De Rep.* 410, B.

²⁾ Напр. Лахесъ и Никій у Платона въ «Лахесѣ».

³⁾ Plato, *De Rep.* 521, C, сл.; *Euthyd.* 306, сл. и др.; *Isocr.* XII (*Panath.*), 26, слѣд., 271; XV (*De Permut.*) 136, 147, слѣд., 197, слѣд.; въ особ. 258, слѣд., 312 и др.

⁴⁾ Aristoph. *Ranae*, 1011—1015 (Эсхиль говорить Еврипиду):

σκεψαί τοίνυν οἴους αὐτοὺς παρ' ἐμοῦ παρεδέξατο πρῶτον
εἰ γέναιους καὶ τετραπήχεις, καὶ μὴ διαδρασιπολίτας
μηδ' ἀγοραίους μηδὲ κοβάλους, ὡσπερ νῦν, μηδὲ πανούργους
ἀλλὰ πνεόντας δόρυ καὶ λόγχας καὶ λευκολόφους τρυφαλείας
καὶ πήληκας καὶ κνημίδας καὶ θυμῶς ἑπταβοείους.

Необыкновенно характерное слово *διαδρασιπολίτης* найдетъ объясненіе въ слѣдующемъ примѣчаніи.

⁵⁾ Plato, *De Rep.* 405, B—C: Ἡ δοκεῖ σοι, ἦν δ' ἐγώ, τοῦτου αἰσχίον εἶναι

Живыми красками эту, для насъ весьма важную, разницу между ду-

τοῦτο, ὅταν τις μὴ μόνον τὸ πολὺ τοῦ βίου ἐν δικαστηρίοις φεύγων τε καὶ διώκων κατατρίβηται, ἀλλὰ καὶ ὑπὸ ἀπειροκαλίας ἐπ' αὐτῷ δὴ τούτῳ πεισθῆ καλλωπίζεσθαι, ὡς δεινὸς ὢν περὶ τὸ ἀδικεῖν καὶ ἰκανὸς πάσας μὲν στροφάς στρέφεσθαι, πάσας δὲ διεξόδους διεξελεῖν ἀποστραφῆναι λυγιζόμενος, ὥστε μὴ παρασχεῖν δικήν, καὶ ταῦτα σμικρῶν τε καὶ οὐδενὸς ἀξίων ἔνεκα, ἀγνοῶν, ὅσα κάλλιον καὶ ἄμεινον τὸ παρασκευάζειν τὸν βίον αὐτῷ μηδὲν δεῖσθαι νυστάζοντος δικαστοῦ; *π* *пр.* *Ср.* *Theaet.* 172, C: οἱ ἐν δικαστηρίοις καὶ τοῖς τοιοῦτοις ἐκ νέων κυλινδούμενοι *π* *пр.* *Ср.* *также* *Isocr.* *De Perm.* (XV), 38. *Aristoph.* *Equites*, 1372—1377:

τὰ μεράκια ταυτὶ λέγω, τὰν τῷ μύρῳ,
ἃ στωμυλεῖται τοιαδὶ καθήμενα·
«σοφός γ' ὁ Φαίαξ, δεξιῶς τ' οὐκ ἀπέθανε.
συνερκτικὸς γάρ ἐστι καὶ περαντικὸς,
καὶ γνώμοτυπικὸς καὶ σαφῆς καὶ κρουστικὸς,
καταληπτικὸς τ' ἄριστα τοῦ θορυβητικοῦ».

Ср. *Nubes*, 260, 317, *сзд.*, 441--451:

παρέχω τύπτειν, πεινῆν, διψῆν,
αὐχμῆν, ῥιγῶν, ἀσκὸν δείρειν,
εἶπερ τὰ χρέα διαφευξοῦμαι
τοῖς τ' ἀνθρώποις εἶναι δόξω
θρασύς, εὐγλωττος, τολμηρὸς, ἴτης,
βδελυρὸς, ψευδῶν συγκολλητῆς,
εὐρησιεπής, περίτριμμα δικῶν,
κύρβις, κρόταλον, κίναδος, τρύμη,
μάσθλης, εἴρων, γλοιός, ἀλαζύν,
κέντρων, μιарός, στρόφης, ἀργαλέος
ματιολοιχός.

Ср. *также* *Aves*, 430, *сзд.*; *Acharn.*, 900, *с.*; *др.* *Ο* *Καλλιστρατῆς см.* *Eubul.* *ар.* *Athen.* XX, 71 (*Meineke*, *Fragmenta Comicorum graecorum*, III, p. 254, *сзд.*):

ἔστι λαλῶν ἀγλωσσος, ὁμνύνομος ἄρρενι θῆλος,
οἰκείων ἀνέμων ταμίας, δασύς, ἄλλοτε λείος,
ἀξύνετα ξυνετοῖσι λέγων, νόμον ἐκ νόμου ἔλκων.
ἐν δ' ἐστὶν καὶ πολλὰ, καὶ ἂν τρώσῃ τις ἄτρωτος.
— τί ἐστὶ τοῦτο;—τί ἀπορεῖς;—*Καλλιστρατος.*

Какъ въ патриархальный періодѣ презирали бойкорѣчивыхъ витіѣ рынка, такъ во времена охлократіи презирали тѣхъ, кто не пользовался этою извѣстностью. *Ср.* *Aristoph.* *Equites*, 346—350 (*Κλεωνъ говорить колбаснику*):

ἀλλ' οἶσθ' ὃ μοι πεπονθέναι δοκεῖς; ὅπερ τὸ πλήθος·
εἶ που δικίδιον εἶπας εὐ κατὰ ξένου μετοίκου,
τὴν νύκτα θρυλῶν, καὶ λαλῶν ἐν ταῖς ὁδοῖς σεαυτῷ,
ὕδωρ τε πίνων, κάπιδεικνύς τοὺς φίλους τ' ἀνίω,
ῥου δυνατὸς εἶναι λέγειν. ὦ μῦρε τῆς ἀνοίας.

хоть стараго и новаго воспитанія изображаетъ Аристофанъ въ знамени- томъ разговорѣ между Справедливымъ и Несправедливымъ Словомъ ¹⁾.

Справедл. Я расскажу тебѣ, какое было въ старину воспи- таніе, когда я процвѣталъ, говоря правду, и когда въ почетѣ была скромность. Тогда никто отъ дѣтей не слыжалъ слова. Дѣти одного околотка ²⁾ всѣ вмѣстѣ стройной толпой ходили къ киваристу на- гими ³⁾, хотя бы шелъ снѣгъ или градъ, и усѣвшись пристойно, подъ его руководствомъ разучивали какую нибудь пѣсню, въ родѣ „Палла- да, страшная городовъ разрушительница“ или „Крикъ идетъ изъ да- лека“ ⁴⁾, затягивая ее на старинный, завѣщанный отцами ладъ. А если кто нибудь выдѣлывалъ штуки или загибалъ какое нибудь колѣно, въ родѣ тѣхъ замысловатыхъ поворотовъ, которые ввелъ теперь Фри- нисъ ⁵⁾, то ему накладывали въ спину вдоволь, за то, что позорить Музъ. Садясь для занятія гимнастикой, дѣти должны были держать ноги такъ, чтобы снаружи не было видно ничего непристойнаго, а когда вставали, то должны были смѣшать песокъ и вообще позаботиться, чтобы не оставалось соблазнительныхъ слѣдовъ. Тогда ни одинъ маль- чикъ не сталъ бы мазаться масломъ τοῦ φαλοῦ ὑπέκρθευ ὥστε τοῖς αἰδοίοσι ἄρβος καὶ χνοῦς ὥσπερ μήλοισι, ἐπήνθει ⁶⁾. Юноши тогда не под-

¹⁾ Aristoph. Nubes, 948—1065. Ср. съ этимъ необыкновенно типичный разго- воръ въ Ecclesiazusae, 728, слѣд., между Ἄνθρωπος Α, представителямъ стараго времени, и Ἄνθρωπος Β, представителямъ новаго времени, гдѣ разница между духомъ стараго и новаго мировоззрѣнія выступаетъ столь же ярко. Въ послѣднее время вошло въ обычай смотрѣть на свидѣтельства Аристофана какъ на документы весьма сомнительной достовѣрности. (Ср. особенно Müller Strübing, Aristophanes und die historische Kritik, polemische Studien zur Geschichte von Athen, Leipzig, 1873). Какъ бы то ни было, все то, что я ниже привожу изъ Аристофана, подтверждается и другими писателями.

²⁾ Этими словами я перевожу κωμήτας. Ср. Isocr. Ateor. (VII), 46: μελόμε- νοι τὴν μὲν πόλιν κατὰ κώμας, τὴν δὲ χώραν κατὰ δῆμους и пр.

³⁾ Поэтическое преувеличеніе — вмѣсто «въ одномъ хитонѣ».

⁴⁾ Первая изъ этихъ пѣсней принадлежитъ Лампроклу (Bergk, Antol. p. 474, ed. 1868), вторая — неизвѣстному поэту (по нѣкоторымъ — Кидиду).

⁵⁾ Ср. Plut. De Mus. VI, 420W: τὸ δὲ ὄλον ἢ μὲν κατὰ Τέρπανδρον κίθαρωδία καὶ μέχρι τῆς Φρύνιδος ἡλικίας παντελῶς ἀπλή τις οὔσα διέτελει· οὐ γὰρ ἔξῃν τὸ πα- λαίων οὐτῶ ποιεῖσθαι τὰς κίθαρωδίας ὡς νῦν, οὐδὲ μεταφέρειν τὰς ἀρμονίας καὶ τοὺς ρυθμούς и пр. Ср. Plato, Leges, 700, A—701, C (выше, стр. 78, сл.). Ср. также Phe- recr. ap. Plut. l. c. с. XXX, p. 441 (Meineke, Fragmenta Comicorum graecorum II, 1, 326, sq.) въ особ. v. 14, сл. (Музыка говорить):

φρύνις δὲ ἴδιον στρόβιλον ἐμβαλὼν τινα

κάμπτων με καὶ στρέφων, ὄλην διέφθορεν и пр.

Въ «Осахъ», 220, однако Аристофанъ и музыку Фриниса причисляетъ уже къ старой.

⁶⁾ Непристойныя мѣста я оставляю безъ перевода, но ихъ не выпускаю, такъ какъ они мнѣ кажутся слишкомъ характерными.

дѣлывались къ любовнику ибжиныиъ голосомъ, не ходили по улицамъ, напрашиваясь на любовь страстными взорами. Нельзя было тогда за обѣдомъ украсть у старшихъ рѣдьки, укрому или петрушки, нельзя было ѣсть въ сласть, хихикать, держать ногу на мопѣ. *Несправедл.* Подобная Диполямъ старина, полная кузнециковъ, Кикида и Буфоніевъ ¹⁾. *Справедл.* Однако же въ этомъ самомъ воспитаніи выросли воины при Маравонѣ. А ты теперь учишь дѣтей укутываться въ одежды, такъ что я готовъ повѣситься, когда вижу, какъ они, выступая на Панаеинеяхъ на пляску, держатъ чередъ брюхомъ шить на посрамленіе Тритогеиы. Поэтому, молодой человекъ, смѣло выбирай меня, Справедливое Слово. Ты дружишься, лезавидѣть рынокъ, воздерживаться отъ теплыхъ купаній, совѣщаться, лезарнаго, сгорать отъ стыда при недрстойной шуткѣ, вставать, когда проходятъ старшіе. Ты не будешь досаждать родителямъ, не будешь дѣлать ничего дурнаго, что можетъ помрачить въ твоей душѣ образъ совѣсти, не будешь ходить въ домъ къ танцовщицѣ, чтобы не зазѣваться на красотку, а она не бросила бы въ тебя яблоко и тѣмъ не лишила бы тебя добраго имени, не будешь ни въ чемъ воарамать родителю, не будешь называть едо хрычемъ и издѣваться надъ старостью, воторая тебя выходила ²⁾. *Несправедл.* Если, молодой человекъ, ты послушаешь его, то, клянусь Діонисомъ, тебя будутъ называть, какъ Гицокра-

¹⁾ Диполин—одинъ изъ старѣйшихъ аттическыхъ праздниковъ— въ честь Зевса, покровителя города. Праздество состояло между прочимъ въ томъ, что въ жертвеннику пригоняли быка, и какъ только онъ дотрогивался до жертвеннаго хлѣба, жрецъ убивалъ его топоромъ (это и называлось Буфоніями), но тотчасъ же убѣгалъ, чтобы скрыться, какъ убійца. Тогда наряжался судъ надъ орудіемъ убійства—топоромъ, который въ наказаніе низвергали въ пропасть. Hegmann, Lehrbuch, II, Heid. 1846, S. 319 f. Объ этомъ обычая намъ придется еще упомянуть, когда будемъ говорить о Протагорѣ. Кикида—одинъ изъ старѣйшихъ диеирамбическихъ поэтовъ. О кузничикахъ Аристофанъ говоритъ потому, что золотыми кузничиками афиняне въ старину украшали волосы (Thuc. I, 6; Aristoph. Equit. 1381).

²⁾ Ср. Ivoec. Ageorag. (VII), 48, сл.: τῶν τὰρ οὐκ ἐν τοῖς σκίραφοῖσι οἱ νεώτεροι διέτριβον; οὐδ' ἐν ταῖς ἀθλητήσιν, οὐδ' ἐν τοῖς τοιοῦτοις συλλόγοις, ἐν οἷς νῦν διημερεύουσιν, ἀλλ' ἐν τοῖς ἐπιτηδεύμασιν ἔμενον, ἐν οἷς ἐτάχθησαν, θαυμάζοντες καὶ ζηλοθόντες τοὺς ἐν τούτοις πρωτεύοντας. οὕτω δ' ἔφευγον τὴν ἀγοράν, ὥστ' εἰ καὶ ποτε διελθεῖν ἀναγκασθεῖεν, μετὰ πολλῆς αἰδοῦς καὶ σωφροσύνης ἐφαίνοντο τοῦτο ποιοῦντες. ἀντεπεῖν δὲ τοῖς πρεσβυτέροις ἢ λοιδορήσασθαι δεινότερον ἐνομίζον ἢ νῦν περὶ τοὺς γονέας ἔξαμαρτεῖν. ἐν κἀπηλείῳ δὲ φαγεῖν ἢ πιεῖν οὐδεὶς οὐδ' ἀν οἰκέτης ἐπιεικῆς ἐτόλμησεν. σεμνύνεσθαι γὰρ ἔμελέτων ἀλλ' οὐ βωμολοχεύεσθαι καὶ τοὺς εὐτραπέλους δὲ καὶ τοὺς σκώπτειν δυναμένους, οὗς νῦν εὐφρεῖς προσαγορεύουσιν, ἐκεῖνοι δυστυχεῖς ἐνομίζον.

товыхъ дѣтей ¹⁾), маменькинымъ сыночкомъ. *Справедл.* Свѣтлымъ и цвѣтущимъ будешь ты проводить время въ гимназіяхъ, не будешь укидаться на рынкѣ въ изворотливой болтовнѣ, какъ это дѣлаютъ теперь, и не станешь таскаться по судамъ изъ за перетертаго спорами ничтожнаго дѣла. Нѣтъ, ты пойдешь въ Академію ²⁾) и будешь тамъ въ вѣнкѣ изъ бѣлаго камыша бѣгать вмѣстѣ съ скромнымъ товарищемъ подъ тѣнью оливы, благоухая павеликой, листьями бѣлаго тополя и беззаботностью ³⁾), радостно внимая, какъ по веснѣ чинаръ шепчется съ липой ⁴⁾). Если ты послушаешься и постараешься дѣлать то, что я тебѣ говорю, то у тебя будетъ грудь выпучная, цвѣтъ тѣла здоровый, плечи широкія, языкъ маленький, задъ большой, пѣсочникъ. Если же ты станешь заниматься тѣмъ, чѣмъ теперь занимаются, то у тебя будетъ цвѣтъ тѣла блѣдный, плечи узкія, грудь впалая, языкъ большой, задъ маленький, кривыя иголки и длинная шея-офизма. Тебя убѣдятъ все позорное считать хорошимъ, а все хорошее—позорнымъ. *Несправедл.* У меня ужъ давно занимается духъ отъ желанія все это перебударамить противоположными мнѣніями. Оттого то меня и называютъ мудрецы сильнымъ словомъ ⁵⁾), что я первый измыслилъ говорить наперекоръ законамъ и правдѣ, а вѣдь это стоитъ дороже многихъ тысячъ статировъ—приводить неоправданные доводы и все таки побѣждать. Посмотри, какъ легко я опровергну то, что онъ такъ увѣренно говоритъ о своемъ воспитаніи. Прежде всего, онъ утверждаетъ, что тебѣ недозволительно теплыя купанья. На какомъ основаніи цорицаешь ты теплыя купанья? *Справедл.* Потому что они очень вредны и дѣлаютъ человѣка трусливымъ. *Несправедл.* Постой! Вотъ ты ужъ и въ моихъ рукахъ, такъ что тебѣ теперь и не вывернуться ⁶⁾). Скажи, кого изъ сыновей Зевса считаешь ты самымъ

¹⁾ Сыновья Гипократа (о которомъ мы впрочемъ ничего не знаемъ) извѣстны были, какъ поясляетъ схолиастъ къ этому стиху, своимъ сластолюбіемъ.

²⁾ Когда Аристофанъ поставилъ на сцену свои «Облака» (423 г.), Академія была извѣстна только какъ гимназія. См. объ этомъ Grote, Plato, I, p. 122.

³⁾ Въ подлинникѣ δζων ἀπραγμοσύνης. По объясненію схолиастовъ — ἀπραγμοσύνη названіе цвѣтка. См. Wolff, Aristoph. Wolken, Berl. 1811, S. 168 f.

⁴⁾ Мною сдѣлано небольшое отступленіе отъ подлинника съ цѣлью сохранить поэтической образъ (πτελέα—вязъ у насъ муж. р.).

⁵⁾ У Аристофана—ἥττω λόγος, что можетъ значить либо 1) слабый въ нравственномъ, либо 2) слабый въ риторическомъ отношеніи доводъ. Такъ какъ всякій слабый въ нравственномъ отношеніи доводъ возможно посредствомъ риторики превратить въ сильный въ риторическомъ отношеніи и такъ какъ на это именно искусство софистовъ и указываетъ Аристофанъ, то слѣдуетъ ἥττω λόγος переводить какъ «слабое слово».

⁶⁾ Въ подл. λαβὼν ἀφικτοῦ. Ср. Equites, 757. Plato, Euthyd. 276, E: Πάντ' ἄ. Σώκратες, (говоритъ Діонисодоръ) τοιαύτ' ἡμεῖς ἐρωτῶμεν ἀφικτοῦ. Theaet. 165, B.

лучшимъ, самымъ мужественнымъ? Кто изъ нихъ совершилъ всего больше подвиговъ? *Справедл.* Я не знаю никого лучше Геракла. *Несправедл.* Гдѣ же ты видалъ холодныя Герановы купанья ¹⁾? И однако же, былъ ли кто нибудь храбрѣе Геракла. *Справедл.* Вотъ она, вотъ та болтовня, въ которой проводятъ цѣлые дни юноши, которая переполняетъ ими купальни и дѣлаетъ пустыми палэстры ²⁾! *Несправедл.* Ты прищаешь витійство на рынкѣ, а я хвалю. Если бы это было дѣло плохое, то Гомеръ не сталъ бы изображать Нестора народнымъ витіемъ, не сталъ бы изображать такими и всѣхъ другихъ мудрыхъ людей ³⁾. Перехожу теперь къ тому, что этотъ вотъ говоритъ на счетъ языка, — что его не слѣдуетъ упрямить молодымъ людямъ; а по моему, такъ слѣдуетъ. Онъ говоритъ кромѣ того, что должно быть скромнымъ. Два величайшія зла! Случалось-ли тебѣ знать кого нибудь, кто бы скромностью приобрѣлъ что нибудь хорошее. Отвѣчай, опровергни меня. *Справедл.* Знаю многихъ. Пелей приобрѣлъ этою добродѣтелью мечъ ⁴⁾. *Несправедл.* Мечъ! Чудесное сокровище получилъ злополучный! А Гиперболю подлостью нажилъ отъ продажи лампъ — не мечъ, а цѣлые милліоны ⁵⁾! *Справедл.* Кромѣ того, благодаря скромности, Пелей взялъ въ жены Фетиду ⁶⁾. *Несправедл.* Такъ за то же и убѣждала она отъ него, что былъ онъ очень смиренъ, не охотникъ проводить цѣлыя ночи безъ сна на постели, а женщина любить, когда съ нею балуются. Ты — чистый колпакъ. Взвѣсь, молодой человекъ, все, что даетъ тебѣ скромность, отъ сколькихъ удовольствій долженъ будешь ты отказаться — отъ мальчиговъ, женщинъ, игры въ коттабъ ⁷⁾, сластей, питей, смѣха. А сто-

¹⁾ Въ Греціи всѣ теплыя источники назывались Геркулесовыми. Ср. напр. Herod VII, 176. Объясненіе, впрочемъ негѣное, даетъ Мегаклидъ, ар. Athen. XII, с. 6, р. 512.

²⁾ Ср. Aristoph. Ranae, 1096, сл. (см. выше, стр. 87, пр. 3), Equites, 1372, сл. (выше, стр. 171, пр. 5.)

³⁾ См. выше, стр. 169, пр. 1.

⁴⁾ Пелей противостоялъ соблазнамъ жены Акаста, Астидамеи или Ипполиты, но былъ за это ею оклеветанъ передъ Акастомъ, будто добивается ея ложа. Чтобы погубить Пелея, Акастъ отправился съ нимъ на Пеліонъ охотиться и, когда Пелей заснулъ, спряталъ его мечъ. Беззащитный Пелей попался Кентаврамъ, но Хиронъ его выручилъ, отскакавъ и возвративъ мечъ. Horat. Od. III, 7, 18. Apoll. Bibl. III, 13.

⁵⁾ Гиперболю — прославленный подлостью демагогъ, подвергшійся за свою низость остракизму (Thuc. VIII, 73; Plut. Alc. с. 13, Arist. с. 7, Nic. с. 11), послѣ чего этотъ послѣдній, какъ опозоренный недостойнымъ именемъ Гипербола, вышелъ изъ употребленія. О Гиперболѣ (кромѣ только что указанныхъ мѣстъ) см. Meineke, Fragmenta Comico-rum graecorum, I, p. 188 sq.

⁶⁾ П. XVIII, 84, сл. 432, сл., XXIV, 60, сл. Apoll. I. с. Объясненіе причины, почему Фетиды бѣжала отъ Пелея, принадлежитъ самому «Несправедливому Слову».

⁷⁾ Игра въ коттабосъ состояла въ томъ, что старались плеснуть виномъ въ на-мѣченное мѣсто, обыкновенно въ изображеніе любимаго человѣка, и смотря по тому,

ить ли тебѣ жить безъ всего этого? Ну хорошо. Перехожу теперь къ потребностямъ природы. Ты согрѣшилъ, влюбился, пошелъ къ чужой женѣ и—попался. Ты погибъ, потому что не умѣешь говорить. А въ сообществѣ со мной давай волю природѣ—прыгай, хохочи, не считай ничего позорнымъ ¹⁾. Если тебя и поймають у чужой жены, ты докажешь, что ни въ чемъ не повиненъ. Ты сошлешься на Зевса: и тотъ не могъ противостоять любви и женщинамъ. Какъ же ты, смертный, можешь быть сильнѣе бога ²⁾?

Цѣль новаго воспитанія намѣчена Аристофаномъ ясно и опредѣленно: дать человѣку средства поставить свой произволъ выше „законовъ писанныхъ и неписанныхъ“. Этотъ идеаль (какъ я, старался выше доказать) былъ подготовленъ всею исторіей Аѳинъ. Его сознательно примѣняютъ аѳинскіе государственные люди ³⁾, на него, какъ на нравственное правило, указываетъ со сцены Еврипидъ ⁴⁾, въ немъ же видятъ руководящее начало и софисты. Протагоръ обѣщаетъ научить искусству слабые доводы дѣлать сильными ⁵⁾, Горгіи хвалится своей всепорабощающей и всеодолювающей риторикой ⁶⁾. Пользу превозноситъ могущество риторовъ, властныхъ силою слова изгонять, за-

---

попадало вино въ цѣль или нѣтъ, судили о томъ, любимы или нелюбимы. Объ этомъ см. Hermann, Lehrbuch, III, Heid. 1852, S. 259 f.

¹⁾ Ср. Plato, Gorg. 483, В—484, В; 491, Е—492, С, рѣчь Калликла. См. выше, стр. 67.

²⁾ Ср. Plato, Eutyphr. 5, Е, сл.; De Rep. 378, В; Leges, 941, В; Aeschyl. Eum. 641; Eurip. fr. 784, см. выше, стр. 84, прим. 5; Ion. 827; Hippol. 451, 474, 1320; Bach. 29; Orest. 76 и др.

³⁾ См. выше, стр. 63, слѣд.; 67, слѣд.

⁴⁾ См. выше, стр. 82, слѣд.

⁵⁾ Aristot. Rhet. II, 24, 1402a, 23, слѣд.: καὶ τὸ τὸν ἤτιτω δὲ λόγον κρείττω ποιεῖν τοῦτ' ἐστίν. καὶ ἐντεῦθεν δικαίως ἐδυσχεραίνον οἱ ἄνθρωποι τὸ Πρωταγόρου ἐπάγγελμα· ψεῦδος τε γὰρ ἐστὶ καὶ οὐκ ἀληθές и пр.

⁶⁾ Plato, Gorg. 452, D — E: ἴθι οὖν... ὦ Горгіа... ἀπόκριναί, τί ἐστὶ τοῦτο, ὃ φης σὺ μέγιστον ἀγαθὸν εἶναι τοῖς ἀνθρώποις καὶ σὲ δημιουργὸν εἶναι αὐτοῦ;—Ὅπερ ἐστίν, ὦ Σώκρατες, τῆ ἀληθείᾳ μέγιστον ἀγαθὸν καὶ αἴτιον ἅμα μὲν ἐλευθερίας αὐτοῖς τοῖς ἀνθρώποις, ἅμα δὲ τοῦ ἄλλων ἀρχειν ἐν τῇ αὐτοῦ πόλει ἐκάστω.—Τί οὖν δὴ τοῦτο λέγεις;—Τὸ πείθειν ἕγωγ' οἷόν τ' εἶναι τοῖς λόγοις καὶ ἐν δικαστηρίῳ δικαστὰς καὶ ἐν βουλευτηρίῳ βουλευτὰς καὶ ἐν ἐκκλησίᾳ ἐκκλησιαστὰς καὶ ἐν ἄλλῳ εὐλόγῳ παντὶ, ὅστις ἂν πολιτικὸς εὐλόγος γίγνηται. καίτοι ἐν ταύτῃ τῇ δυνάμει δοῦλον μὲν ἔξεις τὸν ἱατρόν, δοῦλον δὲ τὸν παιδοτρίβην· ὃ δὲ χρηματιστὴς οὗτος ἄλλῳ ἀναφανήσεται χρηματιζόμενος καὶ οὐχ αὐτῷ, ἀλλὰ σοὶ τῷ δυναμένῳ λέγειν καὶ πείθειν τὰ πλήθη. Ibid. 456, В—457, С: Εἰ πάντα γ' εἶδεις, ὦ Σώκρατες (говоритъ Горгіѣ), ὅτι ὡς ἐπος εἰπεῖν ἀπάσας τὰς δυνάμεις συλλαβοῦσα ὑφ' αὐτῆς ἔχει (ἡ ῥητορικὴ) и пр. См. выше, стр. 95, прим. 6.

точать въ темницы, убивать ¹⁾). Фразимахъ всѣми средствами красно-рѣчія доказываетъ, что справедливо то, что полезно сильному ²⁾). Еввондемъ и Діонисодоръ объявляютъ себя опытными во всякой битвѣ борцами, одинаково непобѣдимыми какъ въ рукопашномъ бою, такъ и на судѣ и на всякаго рода словесныхъ состязаніяхъ ³⁾.

Государственность афинскаго народа сосредоточивалась въ трехъ учрежденіяхъ: народномъ собраніи, дававшемъ законы, совѣтѣ, подготовлявшемъ и разсматривавшемъ вносимыя въ народное собраніе предложенія, и судѣ. Формально законодательныя собранія были выше суда, такъ какъ послѣдній долженъ былъ руководствоваться постановленіями первыхъ, но на дѣлѣ главное значеніе въ государствѣ принадлежало суду. Ни одинъ законъ не могъ быть принятъ народнымъ собраніемъ безъ предварительнаго обсуждения, въ формѣ судебного процесса, избранными для этой цѣли по жребію геліастами, такъ называемыми номоэтами (предлагавшій законъ выступалъ обвинителемъ того закона, на мѣсто котораго долженъ былъ стать новый, а назначенный отъ народа защитникъ вель дѣло стараго закона), отъ воли которыхъ зависѣло одобрить или отвергнуть законопроектъ ⁴⁾). Кроме того, всякое внесенное въ законодательныя собранія предложеніе могло быть обжаловано передъ народнымъ судомъ и въ случаѣ незаконности (дѣйствительной или мнимой) виновникъ его могъ понести тяжелую кару и даже поплатиться жизнью ⁵⁾). Верховныя

¹⁾ Ibid. 46, В—С: Ἄρ' οὖν δοκοῦσι σοὶ ὡς κόλακες ἐν ταῖς πόλεσι φαῖλοι νομίζεσθαι οἱ ἀγαθοὶ ῥήτορες (спрашиваетъ Польш);... οὐχ, ὡςπερ οἱ τύραννοι ἀποκτινύασι θ' ἂν ἂν βούλωνται καὶ ἀφαιροῦνται χρήματα καὶ ἐκβάλλουσιν ἐκ τῶν πόλεων ἂν ἂν δοκῆ αὐτοῖς;

²⁾ Plato, De Rep. 338, С: φημί γάρ ἐγὼ εἶναι τὸ δίκαιον οὐκ ἄλλο τι, ἢ τὸ τοῦ κρείττονος εὐμφέρον κ пр.

³⁾ Plato, Euthyd. 271, С—272, А: ὁ δὲ σὺ ἐρωτᾷς τὴν σοφίαν αὐτοῖν, θαυμάσια, ὡ Κρίτων πάσσοφοι ἀτεχνῶς. ὡς ἔγωγ' οὐδ' ἤδη προτοῦ, ὅτι εἶεν οἱ παγκρατιασταί. τοῦτο γάρ ἐστιν κομιδὴ παμμάχων, οὐ κατὰ τὸ Ἄκαρνᾶνε τῶ παγκρατιαστᾷ ἀδελφῶ ἐκείνω μὲν γάρ τῷ σώματι μόνον οἶω τε μάχεσθαι: τοῦτω δὲ πρῶτον μὲν τῷ σώματι δεινοτάτω ἐστόν, καὶ μάχη, ἢ πάντων ἐστί κρατεῖν: ἐν ὄπλοις γάρ αὐτῷ τε σοφῶ πάνυ μάχεσθαι καὶ ἄλλον, ὅς ἂν διδῶ μισθόν, οἶω τε ποιῆσαι: ἔπειτα τὴν ἐν τοῖς δικαστηρίοις μάχην κρατίστω καὶ ἀγωνίσασθαι καὶ ἄλλον διδάξει λέγειν τε καὶ συγγράφεσθαι λόγους οἴους εἰς τὰ δικαστήρια. προτοῦ μὲν οὖν ταῦτα δεινῶ ἤστην μόνον, νῦν δὲ τέλος ἐπιτεθείκατον παγκρατιαστικῆ τέχνη. ἦν γάρ ἔτι λοιπὴ αὐτοῖν ἦν μάχη ἀργός, ταύτην νῦν ἐξεύργασθον, ὥστε μὴδ' ἂν ἕνα αὐτοῖς οἶόν τ' εἶναι μὴδ' ἀντάραι: οὕτω δεινῶ γεγόνατον ἐν τοῖς λόγοις μάχεσθαι τε καὶ ἐξελέγχειν τὸ αἰε λεγόμενον, ὁμοίως ἕαν τε ψευδὸς ἕαν τ' ἀληθὲς ἦ.

⁴⁾ Hermann, Lehrbuch, I, 504, f. Gilbert, 286, f.

⁵⁾ Hermann, Lehrbuch, I, 508, f.

права судьи, ни передъ кѣмъ не отвѣтственнаго, льстили самолюбію судей и открывали просторъ ихъ низкимъ страстямъ; а то, что судьями были почти исключительно немущіе, обращало судебную борьбу въ социальную — въ преслѣдованіе бѣдными богатыхъ. Со времени судебной реформы Перикла и подь охраной проведеннаго Ефιάлтомъ закона, дававшего каждому гражданину право слѣдить за тѣмъ, что законно и незаконно, въ Аѣинахъ открылось широкое поприще для дѣятельности особаго рода ябедниковъ, такъ называемыхъ сикофантовъ ¹⁾, выдававшихъ себя за блюстителей правды, но на дѣлѣ ставившихъ цѣлью называть деньги судебнымъ преслѣдованіемъ зажиточныхъ ²⁾. „Подобно змѣямъ или скорпіонамъ (говоритъ Демосѣенъ) сновали они по рынку, держа жало на готовѣ, бросаясь туда и сюда, высматривая, кому можно принести несчастье, позоръ или другой вредъ и съ кого можно угроной вытребовать деньги. Ни съ кѣмъ они не разговаривали, но ходили около людей, окруженные тѣми ужасами, среди которыхъ живописцы изображаютъ нечестивцевъ въ адѣ—проклятіемъ, клеветою, завистью, возмущеніемъ, раздоромъ“ ³⁾. Судьи тѣмъ охотнѣе вѣрили ихъ доносамъ, что конфискованныя у богатыхъ суммы распределялись между народомъ ⁴⁾. Если народное собраніе проявляло тираннію главнымъ образомъ на подвластныхъ Аѣинамъ городахъ ⁵⁾, то судъ былъ одинаково своекравнымъ тиранномъ и для богатыхъ союзниковъ и для богатыхъ гражданъ ⁶⁾. Вслѣдствіе того, что судъ давалъ больше средствъ для

¹⁾ Происхожденіе слова сикофантъ, по общепринятому, идущему отъ Плутарха (Solon, с. 24; De Curiositate XVI, 72W) объясненію, стоитъ въ связи съ существовавшимъ въ древнѣйшія времена въ Аѣинахъ запрещеніемъ вывозить смоквы изъ Аттики. Первоначально сикофантами называли тѣхъ, которые доносили на вывозившихъ, а затѣмъ стали называть всѣхъ вообще донощиковъ. Критику этого объясненія и другія объясненія даетъ Böckh, Staatshaushaltung der Athener, 3-te Aufl., Berl. 1886, I, 54 f. Крагеръ (ар. Plut. Arist. с. 26) φησὶ μετὰ τὴν Θεμιστοκλέους φυγὴν, ὡς περ ἐξουρίσαντα τὸν δῆμον ἀναφθεῖναι πλῆθος σικοφαντῶν. Свидѣтельство это очевидно не точно, такъ какъ при старыхъ судебныхъ порядкахъ и при существованіи ареопага кругъ дѣятельности сикофантовъ не могъ быть широкимъ. Ср. замѣчанія Плутарха I. с.

²⁾ Ср. приведенные ниже разговоръ Сократа съ Критономъ и слова Хармида въ Ксенофоновомъ «Шарѣ».

³⁾ Demosth. contra Aristot., I, 52. Ср. Adv. Theocrin. 65.

⁴⁾ Объ этомъ см. Böckh, Staatshaushaltung, I, 465 f. Ср. также ниже, стр. 184, пр. 5.

⁵⁾ Thucyd. II, 63, 1: ἥς (τῆς ἀρχῆς) οὐδ' ἐκστῆναι ὑμῖν ἐστὶ (говоритъ Периклъ аѣинянамъ) εἴ τις καὶ τότε ἐν τῷ παρόντι δεδιώς ἀπραγμοσύνην ἀνδραγαθίζεται. ὡς τυραννίδα γάρ ἤδη ἔχετε αὐτήν, ἣν λαβεῖν μὲν ἀδικὸν δοκεῖ εἶναι, ἀρεῖναι δὲ ἐπικίνδυνον. Ср. также ibid. III, 37, 2 (слова Клеона): οὐ σκοποῦντες ὅτι τυραννίδα ἔχετε τὴν ἀρχὴν καὶ πρὸς ἐπιβουλεύοντας αὐτοὺς καὶ ἀκοντας ἀρχομένους и пр.

⁶⁾ См. ниже (стр. 184) свидѣтельства Аристофана, Исократа, Лавія и Ксенофонта.

удовлетворенія личнаго себялюбія, чѣмъ народное собраніе и совѣтъ, судебная борьба, при обыкновенномъ теченіи политической жизни, была ожесточеннѣе законодательной ¹⁾. Она составляла главное и излюбленное занятіе государя—народа ²⁾. Громадное стеченіе всякаго рода процессовъ, частныхъ и государственныхъ и вообще подлежащихъ разсмотрѣнію суда дѣлъ требовало ежедневныхъ собраній суда, который былъ подраздѣленъ на десять секцій, засѣдавшихъ одновременно въ разныхъ частяхъ города ³⁾. Народное собраніе созывалось, за исключеніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, не больше сорока разъ въ годъ ⁴⁾. Совѣтъ, подобно суду, собирался ежедневно и засѣдалъ непрерывно съ утра до ночи ⁵⁾, но по самому характеру дѣятельности не могъ быть центромъ общественной жизни ⁶⁾. Этимъ центромъ во времена охлократіи былъ судъ. Уже комикъ Телеклидъ взывалъ къ афинянамъ прекратить губительныя тяжбы ⁷⁾. Аристофанъ точно также жалуется на то, что его соотечественники только и дѣлаютъ, что судятъ ⁸⁾. „Кузнечики (говоритъ онъ ⁹⁾) трещать на вѣткахъ всего мѣсяцъ или два, а афиняне трещать въ судахъ неустанно всю жизнь“. Слова неизвѣстнаго автора трактата „Объ Аѣнскомъ государствѣ“, что афиняне разсматриваютъ въ судахъ дѣлъ

---

¹⁾ Ср. художественное изображеніе суда, Plato, Theaet., 172, E: καὶ οὐκ ἐγχερεῖ περὶ οὐδ' ἂν ἐπιθυμήσῃσι τοὺς λόγους ποιεῖσθαι, ἀλλ' ἀνάγκην ἔχων ὁ ἀντίδικος ἐφέστηκε καὶ ὑπογραφὴν παραναγιγνασκομένην, ὡν ἐκτός οὐ ῥητέον· (ἦν ἀντιμωσίαν καλοῦσιν) οἱ δὲ λόγοι αἰεὶ περὶ ὁμοδοῦλου πρὸς δεσπότην καθήμενον, ἐν χειρὶ τὴν δίκην ἔχοντα, καὶ οἱ ἀγῶνες οὐδέποτε τὴν ἄλλως ἀλλ' αἰεὶ τὴν περὶ αὐτοῦ· πολλάκις δὲ καὶ περὶ ψυχῆς ὁ δρόμος· ὥστ' ἔξ ἀπάντων τούτων ἐντονοὶ καὶ δριμύεις γίνονται.

²⁾ См. ниже, прим. 7, 8, 9 и на слѣд. стр. пр. 1.

³⁾ Hermann, Lehrbuch, I, 515 f. Gilbert, I, 376 f.

⁴⁾ Hermann, Lehrbuch, I, 491 f.

⁵⁾ Ibid., 484 f.

⁶⁾ О правахъ совѣта ibid. 478 f.

⁷⁾ Telecl. ap. Phot. 504, 25 (Meineke, Fragmenta II, 1, p. 364):

ἀλλ' ὦ πάντων ἀστῶν λῆστοι σείσαι καὶ προσκαλέσασθαι,
παύσασθε δικῶν ἀλληλοφάγων.

Комедія 'Αμφικτύονες, откуда взятъ этотъ фрагментъ, имѣла цѣлью противопоставить старое время новому. (Ср. Meineke, Historia critica comicorum graecorum, p. 67). Приведенныя слова относятся поэтому ко всѣмъ афинянамъ, а не къ какому либо отдѣльному лицу.

⁸⁾ Aristoph. Pax, 505:

οὐδὲν γάρ ἄλλο δρᾶτε πλὴν δικάζετε.

⁹⁾ Aristoph. Aves, 39, сл. Въ «Облакахъ» (209) Стрепсиадъ не можетъ признать Аѣншъ на картѣ, такъ какъ не видитъ въ нихъ ни одного судьи.

больше, чѣмъ всѣ остальные люди вмѣстѣ взятые ¹⁾, показываютъ, что сѣтованія комиковъ были небезосновательны.

Истинный смыслъ судебной борьбы въ Аѳинахъ съ неподражаемою психологическою правдивостью раскрываетъ Аристофанъ въ „Осахъ“ ²⁾.

„Сейчасъ я тебѣ покажу (говорить въ этой комедіи Филоклеонъ своему сыну Бделиклеону), начавъ съ самаго основанія, что наша власть ничѣмъ не хуже царской. Какое существо счастливѣе, блаженнѣе, избалованнѣе, страшнѣе судьи, хотя бы и старика? Едва только встану я съ постели, а ужъ меня у перегородки суда ³⁾ поджидаютъ люди великіе—въ цѣлыя четыре локтя. Ко мнѣ подходятъ, жмутъ мою руку своею нѣжною рукой, наворовавшею общественныхъ денегъ, мнѣ кланяются, меня молятъ, разливаютъ передо мною жалобныя рѣчи. „Сжался, отецъ (говорить одинъ), молю тебя; вѣдь, быть можетъ, и самъ ты хашнулъ, когда занималъ какую нибудь должность и поставлялъ для войска припасы“. Этотъ проситель и не зналъ бы о моемъ существованіи, еслибы я уже одинъ разъ не помогъ ему отвертѣться. Когда послѣ всѣхъ этихъ моленій я съ умиленнымъ сердцемъ вхожу въ судъ, то не исполняю ничего изъ обѣщаннаго, но слушаю, какъ на всѣ возможные лады добиваются оправданія. Чего только пріятнаго не приходится услышать судьи! Одинъ оплакиваетъ свою бѣдность, причиняя въ дѣйствительнымъ бѣдамъ вымышленныя, пока не приравняетъ своихъ бѣдъ моимъ; другой рассказываетъ сказку; иной—какую нибудь смѣшную басню Эзопа, а иной остритъ, чтобы меня разсмѣшить и задобрить. Если всѣмъ этимъ насъ не убѣдятъ, то тащутъ своихъ дѣтей—дѣвочекъ и мальчиковъ. Я слушаю. Дѣти ревутъ всѣмъ хоромъ, а отецъ, дрожа, молитъ меня, какъ бога, ради нихъ не привлекать его къ отвѣту. Если я люблю мальчиковъ, то меня стараются растрогать голосомъ сына; если я охотникъ до дѣвочекъ, то меня стараются убѣдить голосомъ дочки ⁴⁾; и мы немножко спу-

¹⁾ De Rep. Ath. III, 2: ἔπειτα δὲ δίκας καὶ γραφὰς καὶ εὐθύνας ἐκδικάζειν ὄσα οὐδ' οἱ συμπαντες ἀνθρώποι ἐκδικάζουσι (πῶς γὰρ ἄν καὶ οἱοί τε εἴεν οἱ Ἀθηναῖοι).

²⁾ Aristoph. Vespaе, 546 — 630. Наименѣе характерныя мѣста изъ рѣчи Филоклеона (т.-е. Клеонюлюбителя) и отвѣта Бделиклеона (т.-е. Клеонюненавистника—этотъ переводъ однако не передаетъ непристойнаго смысла имени) мною вынужены.

³⁾ Ср. ниже, стр. 188, пр. 4.

⁴⁾ Въ подлинникѣ непередаваемая игра словъ: ἀνός—намекъ на ἀρρήν (см. стол. къ этому мѣсту), а χοῦρίδιον значить тоже, что τὸ γυναικείον αἰδοῖον. Ср. крайне непристойный, но весьма комичный разговоръ между Дикэополисомъ и Мегаряниномъ въ «Харянияхъ», 715, сл. На обыкновеніе взывать при случаѣ къ τὰ ἐρωτικά судей указываетъ также извѣстный рассказъ о процессѣ Фрины. Объ этомъ см. Athen. XIII, с. 59, р.

окаемъ кождѣмъ гнѣва. Такъ не велика-ли эта власть, и не ставитъ-ли она въ ничто богатыхъ?... Παίδων τοίνυν δοκιμαζομένων αἰδοῖα παρέσθαι θεῶσθαι¹⁾. Предстанетъ-ли подсудимымъ Загръ²⁾, мы его не выпустимъ правымъ, пока онъ не скажетъ самое лучшее мѣсто изъ „Нюбы“³⁾; окончатъ-ли благополучно дѣло игрокъ на флейтѣ, онъ долженъ въ концѣ съ ремнемъ на губахъ⁴⁾ въ благодарностъ судьямъ сыграть маршъ отступленія. Помолвить-ли умирающій отецъ свою единственную дочь за кого нибудь, мы, не взирая на завѣщаніе, не взирая на приложенныя къ нему печати, гордо покоящіяся въ раковинахъ, отдаемъ ее за того, кто убѣдитъ насъ мольбами⁵⁾. И это только мы дѣлаемъ безъ всякой отвѣтственности, а изъ другихъ властей—ни одна⁶⁾. Когда совѣтъ и народъ затрудняются рѣшить какое нибудь важное дѣло, они постановляютъ виновниковъ этого затрудненія передать судьямъ⁷⁾. Здѣсь Евваэль⁸⁾ и другой льстивый витія Брось—

590, сл. (ср. Plut. De Vitis decem oratorum, IX, 272, W.), гдѣ Аэний приводитъ свидѣтельство Гермиппа, который передаетъ, повидимому, собственные слова Гиперида, зашпавшаго Фрину. Считать этотъ рассказъ вымысломъ (какъ желаетъ Blass, Attische Beredsamkeit, 3-te Abth., Leipzig, 1880, S. 5), нѣтъ основанія. Доводъ, «что если бы рассказанное о Фринѣ было справедливо, то объ этомъ говорили бы комики и Аэний приводилъ бы мѣста изъ нихъ», едва ли покажется кому-нибудь сильнымъ. Слова комика Посидиппа въ «Ефесянкѣ» (ар. Ath. l. c., с. 60, р. 340, ср. Meineke, Fragmenta, IV, 517): τὴν Ἥλιασαν εἶλε περὶ τοῦ σφύρατος допускаютъ различныя толкованія. Какъ бы то ни было, убѣдилъ ли Гинеридъ судей, показавъ грудь Фрины, или сама Фрина, плача и пожимая каждому изъ судей руки (какъ рассказываетъ Посидиппъ), и въ томъ и другомъ случаѣ характеръ аэниакаго суда выступаетъ одинаково рельефно.

¹⁾ Объ этого рода докимазіи мы ничего не знаемъ. См. Hegmann, Lehrbuch, I, 459 f. Какъ падыя были до подобныхъ зрѣлищъ аэниане, легко можно видѣть изъ Платонова «Хармида» 155, D; ср. Анаг. Od. XVII (Rose), 32, сл.

²⁾ По объясненію схолиаста, извѣстный въ то время трагическій актеръ.

³⁾ До насъ дошли отрывки изъ двухъ трагедій, носившихъ имя «Нюбы»—Эсхила и Софокла. О какой изъ двухъ говоритъ Аристофанъ, неизвѣстно.

⁴⁾ Ремень надѣвали на губы игроки на флейтѣ для того (поясняетъ схолиастъ къ этому мѣсту), ὅπως ἂν σφύρατον τὸ πνεῦμα πεμπόμενον ἤδεῖαν τὴν φωνὴν τοῦ αὐλοῦ ποίησιν.

⁵⁾ Блѣдными словами «не взирая» я передаю весьма сильныя κλάειν μακρὰ τὴν κεφαλὴν εἰπόντες, что приблизительно соответствуетъ русскому «пославъ къ чорту». Раковины употреблялись вмѣсто футляра къ печатямъ для большей ихъ сохранности.

⁶⁾ Объ этомъ см. Hegmann, Lehrbuch, I, 457 f.

⁷⁾ Это бывало при внесеніи новыхъ законовъ (см. выше, стр. 178) и при εἰσαγγελίαι, т.-е. при доносахъ законодательнымъ собраніямъ объ особо важныхъ, преимущественно считавшихся опасными для государства, преступленіяхъ. Если преступленіе оказывалось незначительнымъ, то законодательныя собранія караи его собственной властью, налагая на преступника денежную пеню; въ противномъ случаѣ отдавали дѣло на разсмотрѣніе гелиастовъ. Hegmann, Lehrbuch, I, 510 f.

⁸⁾ Риторъ—сикофантъ. Ср. Acharn. 710; Hols. fr. 7, В. О немъ кромѣ Аристо-

пить¹⁾ увѣряютъ, что „никогда не выдадутъ васъ, но будутъ сражаться за толпу“²⁾. Въ народномъ собраніи никто еще не провелъ рѣшенія, не пообѣщавъ предварительно судьямъ, что они будутъ распущены тотчасъ же, какъ окончатъ разсмотрѣніемъ одно только дѣло³⁾. Самъ всепобѣждающій крикомъ Клеонъ на однихъ только насъ не точитъ зубы, но старательно охраняетъ и отмахиваетъ отъ насъ мухъ... Но я чуть-чуть не позабылъ о томъ, что всего слаще. Когда я прихожу домой съ получкой, всѣ меня привѣтствуютъ, радуясь деньгамъ. Дочь умываетъ меня, умащаетъ мнѣ ноги, ласкается, цѣлуетъ называетъ „папенькой“ и вмѣстѣ съ тѣмъ выуживаетъ изъ моего рта языкомъ три обола⁴⁾. Женка тоже ластится ко мнѣ, приноситъ кашу и, сѣвъ возлѣ меня, потчуетъ: „Скушай этого, отвѣдай того“. Ото всего этого я въ восхищеніи, и мнѣ нѣтъ нужды засматривать въ глаза ни тебѣ, ни ключарю, въ ожиданіи пока онъ подастъ обѣдъ, проклиная меня и ворча, что ему, пожалуй, скоро придется заварить для меня другую кашу. Вотъ какимъ обладаю я сокровищемъ, оплотомъ противъ бѣдъ, защитой отъ стрѣлъ... Такъ не велика-ли моя власть? Меньше-ли чѣмъ нибудь она власти Зевсовой, если про меня говорятъ тоже, что про Зевса? Если мы шумимъ, то всякій прохожій говоритъ: „Охъ, какъ гремитъ судъ, царь Зевесъ!“, а если я пушу молнію, то богатые и знатные въ ужасѣ щелкаютъ языкомъ какъ κικεχόδοσι με⁵⁾. Да и ты самъ меня боишься больше всѣхъ, клянусь Деметрой, боишься. А я пусть погибну, если тебя боюсь!“

Все, что Аристофанъ говоритъ здѣсь о своеобразностяхъ аэинскаго суда, отражавшихъ настроеніе судей, и о самомъ этомъ настро-

фана упоминаетъ также комикъ Кратинъ (Thressae, fr. 14 M.) и Платонъ (Peisandros, fr. 9 M.). Ср. Meineke, Historia Critica Comicorum Graecorum, p. 180.

¹⁾ Въ подлинникѣ κολακίονος ἀσπίδοποβλής — намекъ на Клеонима, котораго Аристофанъ затрогиваетъ весьма часто какъ лгуна, хвастуна, льстеца и труса.

²⁾ Вѣроятно, обычное завѣреніе риторомъ въ преданности охлократіи. Ср. въ «Осахъ» же, 666.

³⁾ Ср. Equites, 50. Чѣмъ меньше въ каждое засѣданіе рѣшалось дѣлъ, тѣмъ за меньшее число занятыхъ часовъ судья получалъ три обола; въ благодарность ораторамъ, предлагавшимъ распустить судъ тотчасъ по рѣшеніи одного дѣла, судьи отплачивали тѣмъ, что въ народномъ собраніи поддерживали ихъ предложенія.

⁴⁾ Бѣдныя аэиняне носили деньги во рту. Ср. въ «Осахъ» же, 791; Eccl. 818, Aves, 508 и др.

⁵⁾ Въ подлинникѣ πομπήουσι. Этотъ, непередаваемый по русски, глаголъ значилъ: свистѣть, издавать ласкающій звукъ (въ обращеніи съ дѣтьми, съ животными) или произносить льстивыя восклицанія. По объясненію схолиаста (къ нашему мѣсту), аэиняне ἐπομπήουσι при видѣ молніи, — вѣроятно, что бы ласкающимъ звукомъ умилостивить Зевса.

ени, подтверждается и изъ другихъ источниковъ. Авторъ трактата „Объ Афинскомъ государствѣ“ свидѣтельствуетъ о необходимости, для успѣшнаго окончанія дѣла, встрѣчать судей у входа, умолять ихъ и пожимать руки ¹⁾). Сократъ укоряетъ своихъ соотечественниковъ за то, что у нихъ въ обычаѣ умаливать судей потоками слезъ, приводить съ собою, для внушенія къ себѣ состраданія, дѣтей, родственниковъ и приближенныхъ, однимъ словомъ, творить удивительныя вещи, и что этими жалостными представленіями они дѣлаютъ изъ государства по-смѣшище ²⁾). О томъ же обычаѣ говорятъ Ксенофонтъ, Андокидъ и Лизій ³⁾). Исократъ сѣтуетъ, что въ его время на богатство стали смотрѣть какъ на величайшее преступленіе, въ которомъ необходимо всячески оправдываться, чтобы остаться цѣлымъ, что гораздо страшнѣе стало даже только казаться богатымъ, чѣмъ совершать открытыя несправедливости, такъ какъ послѣднія караются легко, а богатство влечетъ конечную гибель; что лишенныхъ имуществъ стало больше, чѣмъ наказанныхъ за преступленія ⁴⁾); что никому не живется легко и спокойно, но весь городъ переполненъ воплемъ вслѣдствіе того, что одни вынуждены изображать и оплакивать свои нужды и бѣдность, другіе — множество всякаго рода поборовъ ⁵⁾). Отъ Лизія мы слышимъ, что ораторы часто добивались обвинительнаго приговора указаніемъ судьямъ на то, что если они оправдаютъ подсудимаго, то въ государственной кассѣ не хватитъ денегъ для раздачи имъ жалованья ⁶⁾). Но всего живѣе подтверждаютъ свидѣтельство Аристофана о соціальной борьбѣ

¹⁾ De Rep. Ath. I, 18 (Dind.).

²⁾ Plato, Apol. 34, B, сл.

³⁾ Xenoph. Memor. IV, 4, 4; Andoc. De Myst. 148—149; Lys. De Vulnere, 20.

⁴⁾ Isocr. De Permut. (XV), 160: πολὺ γὰρ δεινότερον καθέστηκε τὸ δοκεῖν εὐπορεῖν ἢ τὸ φανερώς ἀδικεῖν· οἱ μὲν γὰρ ἢ συγγνώμης ἔτυχον ἢ μικροῖς ἐζημιώθησαν, οἱ δ' ἄρδην ἀπόλλυνται, καὶ πλείους ἂν εὖροιμεν τοὺς ἐκ τῶν ὄντων ἐκπεπτωκότας ἢ τοὺς δίκην ὑπὲρ τῶν ἀμαρτημάτων δεδωκότας. Ср. ibid. 164: οὕτω γὰρ ἡ πόλις ἐν τῇ παρόντι χαίρει τοὺς μὲν ἐπιεικεῖς πιέζουσα καὶ ταπεινοὺς ποιοῦσα, τοῖς δὲ πονηροῖς ἐξουσίαν διδοῦσα καὶ λέγειν καὶ ποιεῖν ὅτι ἂν βουληθῶσιν.

⁵⁾ Isocr. De Pace (VIII), 127—128: τὸ δὲ πλῆθος ἡμῶν, οὐ κήδεσθαι φασιν, οὕτω διακείμενον ὥστε μηδένα τῶν πολιτῶν ἡδέως ζῆν μηδὲ βραθύμας, ἀλλ' ὄδυρμῶν μεστήν εἶναι τὴν πόλιν. οἱ μὲν γὰρ τὰς πενίας καὶ τὰς ἐνδείας ἀναγκάζονται διεξιέναι καὶ θρηνεῖν πρὸς σφᾶς αὐτοὺς (въ судахъ, очевидно), οἱ δὲ τὸ πλῆθος τῶν простаγμάτων καὶ τῶν λειτουργιῶν καὶ τὰ κακὰ τὰ περὶ τὰς συμμορίας καὶ τὰς ἀντιδόσεις· ἃ τοιαύτας ἐμποεῖ λύπας ὡστ' ἄλγιον ζῆν τοὺς τὰς οὐσίας κекτημένους ἢ τοὺς συνεχῶς πενομένους.

⁶⁾ Lys. c. Epicrat., 1: ἐνθυμείσθαι δὲ χρῆ ὅτι πολλάκις ἠκούσατε τούτων λεγόντων, ὅποτε βούλοιντό τινα ἀδικῶς ἀπολέσαι, ὅτι, εἰ μὴ καταψηφιεῖσθε ὡν αὐτοὶ κελεύουσιν, ἐπιλείπει ὑμᾶς ἡ μισθοφορά. Подобнымъ же доводомъ ораторы уѣждали и совѣтъ давать ходъ εἰσαγγελίαι. Lys. Contra Nicom. 22.

въ Аѳинахъ слова Хармида въ Ксенофоновомъ „Пирѣ“¹⁾: „Всѣ согласны въ томъ (говорить онъ), что лучше быть спокойнымъ, чѣмъ боятся, быть свободнымъ, чѣмъ рабомъ, лучше заставлять за собою ухаживать, чѣмъ самому ухаживать, и лучше пользоваться довѣріемъ отечества, чѣмъ быть въ подозрѣніи. Когда я былъ богатъ, то опасался, какъ бы кто не сдѣлалъ въ моемъ домѣ подкопъ, не взялъ моихъ денегъ и не доставилъ мнѣ самому какойнибудь непріятности. Я долженъ былъ ухаживать за сикофантами, такъ какъ зналъ, что могу скорѣе отъ нихъ потерпѣть зло, чѣмъ имъ его сдѣлать. Кромѣ того, государство на меня постоянно возлагало какіенибудь расходы, а выѣхать въ другую страну я не имѣлъ права. Теперь же, послѣ того, какъ я лишился загородныхъ имѣній, а городская земля мнѣ ничего не стала давать, и продано все, что было въ домѣ, я сладко сплю въ растяжку, у государства я сталъ въ довѣріи, мнѣ уже никто не угрожаетъ, но я самъ угрожаю другимъ, и какъ свободному человѣку, мнѣ можно жить и въ государствѣ и внѣ его предѣловъ. Когда я прохожу, богатые передо мною встаютъ и уступаютъ дорогу. Вообще, теперь я подобенъ тиранну, а тогда былъ совершеннымъ рабомъ. Прежде я платилъ подать народу, а теперь государство прокармливаетъ меня, давая мнѣ деньги... Когда у меня было большое имущество, я постоянно терялъ чтонибудь, то по волѣ государства, то по случайности, а теперь я не только не теряю ничего, такъ какъ мнѣ нечего терять, но всегда надѣюсь получить чтонибудь“.

Чувства, воодушевлявшія законодательныя собранія, не могли быть лучшими: въ Аѳинахъ творила судъ и давала законы одна и таже толпа. Фукидидъ, Платонъ, Аристотель, Исократъ, Демосеенъ и Аристофанъ единогласно свидѣтельствуютъ, что успѣхъ могли имѣть только тѣ ораторы, которые умѣли льстить толпѣ²⁾; Платонъ и Аристофанъ добавляютъ, что особенно убѣдительно были рѣчи молодыхъ витій, извѣстныхъ угодиливостью педерастамъ³⁾; подобное же слышимъ мы

¹⁾ Xenoph. Sympos. IV, 29—32.

²⁾ Thuc. II, 65, 5—6 (см. выше, стр. 61); Plato, Gorg. 462 C, слѣд.; De Rep. 492, B—493, E и др. Aristot. Pol. IV, 4, 1292a, 10—27; ibid. V, 11, 1313b, 39—1314a, 10 (см. выше, стр. 22, сл., 60), Isocr. De Pace (VIII) 3, сл., 14 и др. De Permut. (XV), 133, сл.; Demosth. Olynth. III, 22 и др.; Aristoph. Equites, 47, слѣд., passim и др.

³⁾ Plato, Sympos., 192, A: καὶ γὰρ τελεωθέντες μόνοι ἀποβαίνουσιν εἰς τὰ πολιτικά ἄνδρες οἱ τοιοῦτοι (οἱ χαίρουσι συγκατακείμενοι καὶ συμπλεγμένοι τοῖς ἀνδράσι). Aristoph. Nubes, 1072—1077; Equites, 875; Acharn. 681; Eccl. 112—113:

λέγουσι γὰρ καὶ νεανίσκων ὄσοι
πλείστα σποδοῦνται δυνατωτάτους εἶναι λέγειν.

отъ Софокла и отъ комика Платона ¹⁾). Мы узнаемъ также, что главнымъ побужденіемъ посѣщать народное собраніе были платимыя за эти посѣщенія деньги. „Давайте (говорить хоръ въ „Бабьемъ Собраніи“ ²⁾) постараемся прогнать тѣхъ, которые идутъ сюда изъ города. Прежде, когда можно было получить только одинъ оболъ ³⁾, они сидѣли и болтали возлѣ продавщицъ вѣнковъ ⁴⁾, а теперь стали ужъ очень назойливы. Не то было, когда правилъ нами добрякъ Миронидъ ⁵⁾. Тогда никто не дерзалъ заботиться о государствѣ изъ-за денегъ. Всякій приходилъ въ собраніе, неся въ мѣшкѣ питье, хлѣбъ, двѣ головки чеснока и три оливки. А теперь только и думаютъ о томъ, чтобы получить три обода,—словно навозники“. Посылка никогда не бывавшаго на войнѣ Клеона во главѣ отряда на Сфактерію ему на зло и на смѣхъ, „чтобы избавиться отъ великаго зла Клеона“ ⁶⁾, избраніе Агиррія полководцемъ въ признательность за предложенное и проведенное имъ повышеніе платы участникамъ въ народномъ собраніи съ одного обода до трехъ и за превращеніе раздачи театральныхъ денегъ въ правильное распредѣленіе части государственныхъ доходовъ между гражданами ⁷⁾, высшія почести, оказанныя памяти Евбула за изданный по его на-

¹⁾ Soph. fr. 865 (D):

οἱ γὰρ γύνανδροι καὶ λέγειν ἠσκηκότες.

Stob. Flor., II, 3. Meineke, Fragmenta, II, 2, p. 680:

ἦν γὰρ ἀποθάνη

εἰς τις πονηρός, δὴ ἀνέφουσαν ῥήτορες·

οὐδεὶς γὰρ ἡμῖν ἴδιος ἐν τῇ πόλει,

ὅστις ἐπικαύσει τὰς κεφαλὰς τῶν ῥητόρων.

κεκολλόπευκας· τοιγαροῦν ῥήτωρ ἔσει.

²⁾ Aristoph. Eccles. 300—310. Ср. ibid. 185, сл.

³⁾ Первоначальная плата за посѣщеніе народнаго собранія была одинъ оболъ за тѣмъ, по предложенію Агиррія, ее повысили до трехъ. См. ниже, пр. 7.

⁴⁾ Въ подлинникѣ ἐν τοῖς στεφανώμασι. При переводѣ я руководствуюсь указаніемъ Meineke, ad Phœnec. Ἀγαθοὶ fr. 2 (Fragmenta II, 1, p. 253), гдѣ ἐν τοῖς στεφανώμασι Мейнеке передаетъ: in ea fori parte ubi flores et corollae veneunt. Что вѣнками торговали продавщицы, слѣдуетъ заключить изъ Aristoph. Thesmoph. 458 и Plut. Agat. 6.

⁵⁾ Миронидъ—старшій современникъ Перикла. Онъ былъ отправленъ посломъ въ Спарту во время битвы при Саламинѣ (Plut. Arist. с. 10) вмѣстѣ съ Ксантинномъ, отцомъ Перикла; за тѣмъ, въ четвертый годъ восьмидесятой олимпіады (456 г.), былъ полководцемъ при Энофитѣ—тогда на вершинѣ своей славы. Thuc. I, 105. 108. IV. 95. Diog. XI, 79, 81. Böckh, Staatshaushaltung, I, 289.

⁶⁾ Thuc. IV, 27—28.

⁷⁾ Объ Агиррія см. Xenoph. Hell. IV, 8, 31; Diod. XIV, 99; Andocid. De Myster. 133; Нагрос. Ἀγύρριος; Aristoph. Eccl. 184; Plut. 176. См. Böckh, Staatshaushaltung, I, 284 f. 288 f. 384 f.; II, Anm. des Herausg. 65.

стоянію во время крайняго безденежья въ государствѣ законъ, грозившій смертїю всякому, кто предложитъ потратить театральныя деньги на военныя нужды ¹⁾); заявленіе Демада, что раздача денегъ народу — клей демократіи ²⁾, и успокоившій аѳинянь, требовавшихъ денегъ на посылку вспомогательнаго флота возмущившимся противъ Александра союзникамъ, отвѣтъ того же демагога: „У васъ есть деньги. Я позаботился, чтобы каждый изъ васъ получилъ на Хояхъ по полмины; если же вы предпочитаете ихъ тратить теперь, то доставайте на Хояхъ изъ собственнаго кармана“ ³⁾ — краснорѣчивѣ всякихъ другихъ свидѣтельствъ говорить о настроеніи аѳинскихъ законодательныхъ собраній. Совѣтъ въ частности заявилъ о своихъ нравственныхъ качествахъ во время заговора Четырехсотъ, уступивъ заговорщикамъ власть за причитавшееся до конца года жалованье ⁴⁾. Говорятъ (подтверждаетъ въ свою очередь продажность аѳинскихъ законодателей авторъ трактата „Объ аѳинскомъ государствѣ“ ⁵⁾), что въ Аѳинахъ всякій можетъ устроить свои дѣла, если придетъ въ совѣтъ или въ народное собраніе съ деньгами въ рукахъ. Я вполне согласенъ, что въ Аѳинахъ можно многого добиться за деньги, и притомъ тѣмъ большаго, чѣмъ больше данъ денегъ“. Аристофанъ былъ поэтому совершенно правъ, вложивъ въ уста своему идеальному демагогу колбаснику рѣчь ⁶⁾, въ которой тотъ заявляетъ, что подкупилъ весь совѣтъ, раздавъ каждому изъ его членовъ кишинецу и чесноку на оболъ.

¹⁾ Aeschin. Contr. Ctesiph. 25; Plut. Praec. reip. ger. XV, 176W; Harpocr. εὐβουλος, θεωρικά; schol. ad Aesch. Or. II, 2; schol. ad Demosth. Olynth. I, 1 (Oratores Attici, rec. Mullerus, Paris, Didot, 1848, II, p. 410, 528). Ср. Böckh, l. c. I, 183, 225 f., 285 и др.

²⁾ Plut. Quaest. Plat. X, 4, p. 77, W: ὡς Δημάδης κόλλαν ὀνομάζων τὰ θεωρικά τῆς δημοκρατίας. Böckh, l. c. I, 206 f.

³⁾ Plut. Praec. reip. ger. XXV, p. 189W., сл., Böckh. l. c. I, 206 f. Хои — второй день Аноестеріевъ, праздника въ честь Вакха. Hermann, Lehrbuch, II, 301, f.

⁴⁾ Thuc. VIII, 69, 3. Въ краткихъ словахъ Фукидида дѣлая трагедія. Даже Гротъ, History of Greece, VII, p. 281, не смотря на все свое пристрастіе къ аѳинской демократіи, называетъ этотъ поступокъ совѣтниковъ «a meannes, which almost branded them as accomplices and dishonoured the expiring hour of the last democratical authority». Ср. выше, стр. 184, пр. 6.

⁵⁾ De. Rep. Ath. III, 3 (Dind): λέγουσι δὲ τινες, ἦν τις ἀργύριον ἔχων πρόσιη πρὸς βουλὴν ἢ δῆμον, χρηματίζεται. ἐγὼ δὲ τούτοις ὁμολογήσαιμ' ἂν ἀπὸ χρημάτων πολλὰ διαπράττεσθαι Ἀθήνησι, καὶ ἔτι ἂν πλείω διαπράττεσθαι, εἰ πλείους ἐπέβιδουσαν ἀργύριον. Само собою разумѣется, что судьи точно также были подкупны. Diod. XIII, 64; Plut. Coriol. 14; Aristot. Ath. Rep. fr. 72 (Fragmenta Historicorum graecorum coll. Müllerus, Paris, Didot, 1848, II, p. 127); Schol. ad Aesch. c. Tim. 87. По единоголосному указанію всѣхъ этихъ свидѣтельствъ, судей впервые подкупилъ извѣстный изъ процесса Сократа — Анитъ.

⁶⁾ Aristoph. Equites, 622—680.

„Стоить послушать (такъ начинается свою рѣчь этотъ демагогъ колбасникъ), что происходило въ совѣтѣ, куда я помчался вслѣдъ за Паслагонцемъ ¹⁾). Онъ тамъ раздражался громовыми словами, кричалъ о всадникахъ ²⁾ всякіе ужасы, металъ въ нихъ молніи, называлъ ихъ заговорщиками самымъ убѣдительнымъ образомъ. Совѣтъ, слушая его, заполонился ложью, сталъ смотрѣть кисло и понурилъ голову. Увидавъ, что совѣтъ принимаетъ слова Паслагонца и вводится въ обманъ его лжесплетеніемъ, я повелъ такую рѣчь: „Боги, покровители лжи, обмана, плутней, подлости и низости, рынокъ, на которомъ я воспитывался съ дѣтства, дайте мнѣ смѣлость, бойкій языкъ и наглый голосъ“. Когда я говорилъ это, съ правой стороны возлѣ меня какой-то развратникъ пустилъ громъ. Я привѣтствовалъ это хорошее предназначеніе ³⁾, ударилъ изо всѣхъ силъ задомъ въ перегородку ⁴⁾, разломалъ ее, и заоралъ во всю глотку: „О совѣтники, я пришелъ съ добрыми словами и хочу сообщить вамъ благоую вѣсть: съ тѣхъ поръ какъ разразилась война, никогда еще не были такъ дешевы корюшки“ ⁵⁾. Совѣтники тотчасъ же развеселились и увѣнчали меня за эту благоую вѣсть. Въ краткихъ словахъ сообщилъ я имъ свое тайное предложеніе—захватить у гончаровъ всѣ горшки, чтобы вынудить оставшихся безъ посуды торговцевъ давать на одинъ оболъ какъ можно больше корюшекъ ⁶⁾. Совѣтники зарукоплескали и стали на меня смотрѣть, разинувъ ротъ. Паслагонецъ, замѣтивъ это и зная какимъ рѣчамъ всего больше радуется совѣтъ, подаль слѣдующее мнѣніе: „Совѣтники (сказалъ онъ), мнѣ кажется, что въ благодарность за сообщенное намъ хорошее извѣстіе должно богинѣ принести въ жертву сто быковъ“. Совѣтъ опять склонился на его сторону. Увидавъ себя побѣжденнымъ бычачьимъ навозомъ, я въ свою очередь одолѣлъ Паслагонца двумястами быковъ; кромѣ того, по моему предложенію, со-

¹⁾ Подъ этимъ именемъ выступаетъ Клеонъ во «Всадникахъ».

²⁾ Всадники принадлежали къ наиболѣе зажиточнымъ гражданамъ Афинъ и были поэтому обыкновенно на сторонѣ умѣренной демократіи или даже олигархіи и враждебно относились къ выжимавшимъ изъ нихъ деньги демагогамъ. Ср. Müller Strübing, Aristophanes etc., S. 118.

³⁾ Чиханье, бурчанье въ животѣ и под. считалось хорошимъ предназначеніемъ. Odys. XVII, 541. Нупп. in Merc. 295. Xen. Anab., III, 2, 9 и др.

⁴⁾ Перегородка, отдѣлявшая то мѣсто, гдѣ засѣдали совѣтники (а также и судьи). Она охранялась стрѣлками (см. слѣд. стр. пр. 2) и переходить за нее не дозволялось.

⁵⁾ Ἀφύαι—собственно не корюшки, а неизвѣстный намъ видъ мелкой рыбы, которая, какъ видно изъ свидѣтельства Хризиппа, ар. Athen. VII, с. 23, р. 285, и частыхъ упоминаній о ней Аристофана, была обычной пищей незажиточныхъ афинянъ.

⁶⁾ При переводѣ этого мѣста я слѣдую толкованію Диндорфа.

вѣтъ даль объѣтъ принести въ жертву Артемидѣ тысячу козъ, если завтра снѣтки ¹⁾ будутъ по оболу за сотню. Тогда совѣтъ опять перешелъ на мою сторону. Пафлагонецъ, услыжавъ мои слова, вышелъ изъ себя и понесъ такой вздоръ, что его стали выпроваживать пританы и стрѣлки ²⁾. Совѣтники стояли и кричали о корюшкахъ, а Пафлагонецъ умолялъ ихъ подождать нѣсколько, пока будетъ извѣстно, что скажетъ глашатай, пришедшій изъ Лакедемона для переговоровъ о мирѣ. Но совѣтники всѣ, какъ одинъ, заголосили: „Теперь говорить о мирѣ? Послѣ того, глупецъ, какъ враги узнали, что у насъ стали дешевы корюшки! Не нуждаемся въ переговорахъ. Пусть идетъ война!“³⁾, приказали пританамъ распустить совѣтъ и стали перепрыгивать черезъ перегородку. А я тѣмъ временемъ побѣжалъ на рынокъ, скупилъ весь бывшій тамъ чеснокъ и кишинецъ и вернувшись сталъ раздавать неимущимъ совѣтникамъ эту приправу къ корюшкамъ даромъ, чтобы только угодить имъ. Они всѣ осыпали меня похвалами и радостными восклицаніями, такъ что я пришелъ сюда, подкупивъ всѣхъ совѣтниковъ кишинецомъ по оболу на каждаго“.

Кромѣ борьбы въ народномъ собраніи, совѣтѣ и судѣ, въ Аѣинахъ (какъ и во всѣхъ другихъ государствахъ Греціи) шла подпольная борьба между различными политическими партіями, особенно усилившаяся во времена Пелопоннесской войны, когда своею жесточенностью она далеко оставила позади себя всякую другую борьбу.

„Во время Пелопоннесской войны (говоритъ Фукидидъ ³⁾) пришла въ движеніе вся Еллада вслѣдствіе повсемѣстныхъ раздоровъ между представителями народа и олигархами... Среди этихъ волненій въ государствахъ появилось много зла, которое всегда бывало и всегда будетъ, пока останется человѣческая природа такою, какъ теперь, но которое выступаетъ то больше, то меньше, и разнообразится видами, смотря по тому, какой въ каждомъ данномъ случаѣ принимаютъ оборотъ событія. Въ мирное время и при благоденствіи, какъ города, такъ и отдѣльные люди имѣютъ болѣе честныя намѣренія, вслѣдствіе того, что не попадаютъ въ подневольную необходимость; но война, лишая обычнаго въ повседневной жизни довольства, становится суро-

¹⁾ Τρίγιδες, точно также какъ ἀφραί, неизвѣстный родъ мелкой рыбы.

²⁾ Пританы — предсѣдатели совѣта (о нихъ Hermann, Lehrbuch, I, 484 f.), они же начальники надъ стрѣлками; стрѣлки — наемные полицейскіе, обыкновенно изъ скивовъ. Ср. неподражаемо художественное изображеніе такого скива стрѣлка вмѣстѣ съ пританомъ въ Theophrastiaz. 980, слѣд.

³⁾ Thus. III, 82—83. Что свидѣтельство Фукидида относится также и къ Аѣинамъ, очевидно изъ II, 65 и особенно изъ VIII, 66.

вымъ учителемъ и настраиваетъ чувства толпы сообразно съ обстоятельствами. Итакъ, въ государствахъ поднялись междоусобицы. Правительства ¹⁾, волновавшіяся повже, умудренныя опытомъ, превосходили прежнія въ измышленіяхъ плановъ, въ хитрости нападеній, въ изобрѣтательности мщеній. Извращено было по произволу привычное значеніе словъ примѣнительно къ поступкамъ ²⁾. Безарасудная смѣлость стала считаться дружелюбною храбростью, предусмотрительная медлительность—благовидною трусостью, скромность—покровомъ малодушія, вниманіе во всякое дѣло—лѣтностью во всемъ. Безумная порывистость вмѣнялась въ мужество, а на осторожное обдумываніе смотрѣли какъ на красивый предлогъ къ уклончивости. Поносившій другихъ былъ неизмѣнно надежнымъ, возражавшій ему—подозрительнымъ; удачно строившій возни считался умнымъ, тотъ, кто ихъ предусматривалъ, еще проникательнѣе, а кто ухитрялся такъ, чтобы въ нихъ вовсе не нуждаться—разрушителемъ сотоварищества и трусомъ передъ противникомъ. Вообще хвалили того, кто предупреждалъ злодѣяніями, и того, кто побуждалъ къ нимъ не думавшихъ о нихъ. Даже родственное чувство было пересилено духомъ партіи, болѣе готовымъ рѣшаться на все безъ оглядки: подобныя сообщества устраиваются не по существующимъ законамъ ради государственной пользы, но вопреки установленнымъ изъ-за корысти. Довѣріе другъ къ другу скрѣплялось не столько божественнымъ закономъ, сколько обоюднымъ беззаконіемъ. Добрыя предложенія врага принимались со всею предосторожностью только тогда, когда на его сторонѣ былъ перевѣсъ, а не по благородству. Отметить считалось болѣе желательнымъ, чѣмъ не потерпѣть обиды. Если уговоръ и скрѣплялся клятвами, то, вслѣдствіе того, что ихъ давали только тогда, когда обѣ стороны были въ безвыходной крайности, онѣ оставались въ силѣ лишь до того мгновенія, пока ни та, ни другая не имѣла ни откуда помощи; но при удобномъ случаѣ тотъ, кто отказывался раньше, едва замѣчалъ беззащитность противника, отомщалъ ему съ тѣмъ большимъ наслажденіемъ, что пользовался его довѣріемъ и не былъ открытымъ врагомъ, принимая при этомъ въ расчетъ какъ безопасность, такъ и то, что

¹⁾ Этими словомъ я перевожу τὰ τῶν πόλεων — выраженіе, обнимающее собою все, относящееся до государственной жизни города и не находящее соответственнаго въ русскомъ языкѣ. Переводить это выраженіе въ данномъ случаѣ черезъ «города» кажется мнѣ неумѣстнымъ, такъ какъ въ одномъ и томъ же городѣ τὰ τῆς πόλεως можетъ волноваться не одинъ разъ; на эти неоднократныя волненія въ различныхъ городахъ и указываетъ адъѣс Фукидидъ.

²⁾ Смъ дальнѣйшимъ ср. стр. 70, пр. 1.

коварствомъ побѣды надъ врагомъ приобрѣтала славу умнаго чело-
вѣка: люди охотнѣе даютъ себя называть ловкими плутами, чѣмъ
добрыми простаками; послѣдняго они стыдятся, первымъ восхищают-
ся ¹⁾. Причина всего этого—жажда власти изъ-за корысти и често-
любія, заставляющихъ страстно желать побѣды въ борьбѣ. Тѣ, кото-
рые стояли во главѣ городовъ, отдавая будто бы предпочтеніе то об-
щей равноправности, то умѣренному господству лучшихъ, и прикры-
ваясь этими красивыми именами, служили общественному благу только
на словахъ, а на дѣлѣ приносили его въ жертву личнымъ цѣлямъ.
Въ стремленіи одолѣть другъ друга всѣми способами, они дерзали на
ужаснѣйшія злодѣянія и придумывали еще болѣе страшныя отмщенія, не
соображаясь ни съ справедливостью, ни съ государственною пользою,
но руководствуясь каждый разъ тѣмъ, что было угодно той или другой
сторонѣ, и, когда достигали власти или несправедливымъ осужденіемъ,
или открытою силою, были тотчасъ же готовы удовлетворить жажду
побѣды. Совѣсть никто не ставилъ ни во что, но въ большей славѣ
были тѣ, которые, умѣя красно говорить, достигали цѣли ненавистнымъ
способомъ. Граждане, не принимавшіе участія въ борьбѣ, уничтожа-
лись или за то, что не приносили помощи, или изъ зависти къ ихъ
спокойной жизни.

Такимъ образомъ, въ Елладѣ наступилъ развратъ во всѣхъ ви-
дахъ, и то простодушіе, которое больше всего свойственно благород-
ству, было осмѣяно и исчезло. Возобладало недовѣрчивое, враждебное
настроеніе другъ къ другу и для его прекращенія не было ни силь-
наго слова, ни грозной клятвы. Разсчитывая въ непредвидѣнныхъ
случайностяхъ больше на свою сообразительность, чѣмъ на чью либо
твердость, всѣ думали скорѣе о способахъ не попасть въ бѣду, чѣмъ
могли довѣриться. Перевѣсъ бывалъ по большей части на сторонѣ
людей менѣе сильнаго ума: опасаясь своей неспособности и прони-
цательности противниковъ, они, чтобы не быть побѣжденными ихъ
словами и предупрежденными изворотливостью въ козняхъ, присту-
пали къ дѣлу рѣшительно; а тѣ, въ своемъ самомнѣніи воображая,
что могутъ все предусмотрѣть и что нѣтъ нужды дѣйствовать тамъ,
гдѣ можно взять умомъ, не принимали мѣръ предосторожности и тѣмъ
легче погибали“.

---

¹⁾ Ср. съ этимъ Plato, Theaet., 176, D: τῷ οὖν ἀδικοῦντι καὶ ἀνόσια λέγοντι ἢ πρᾶττοντι μακρῷ ἀριστῷ ἔχει τὸ μὴ συγχωρεῖν δεινῷ ὑπὸ πανουργίας εἶναι. ἀγάλλονται γὰρ τῷ ὀνειδεῖν, καὶ οἴονται ἀκοῦειν, ὅτι οὐ λήροί εἰσι, γῆς ἄλλως ἀχθη, ἀλλ' ἄνδρες, οἴους δεῖ ἐν πόλει τοὺς σωθησομένους. Одинаково глубокое проникновеніе въ сердца людей.

Послѣ всего сказаннаго мною о настроеніи аѳинской демократіи, невозможно сомнѣваться, что какъ законная, такъ и незаконная борьба всего менѣ велась въ интересахъ государства и всего болѣе въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ и партій. Главнымъ средствомъ той и другой было ловкое слово. Кто обладалъ имъ, тотъ при достаточномъ нахальствѣ могъ быть властелиномъ законодательной и судебной трибуны ¹⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ человѣкомъ въ государствѣ. Не безъ глубокаго основанія поэтому, хотя и не безъ горькой ироніи, говоритъ Платонъ, что софисты—люди царственные ²⁾ и что науку о счастливой жизни слѣдуетъ искать въ искусствѣ составлять рѣчи, или гдѣ нибудь около. „Это искусство (поясняетъ онъ ³⁾)—часть искусства чарователей и не во многомъ уступаетъ ему. Чарователи заговариваютъ змѣй, пауковъ, скорпіоновъ и другихъ звѣрей, или же болѣзани, а составители рѣчей заговариваютъ и укрощаютъ судей, законодателей и другой сбродъ“. При высококомъ умственномъ развитіи аѳинянь, при ихъ широкомъ знакомствѣ черезъ театръ съ лучшими образцами поэтической риторики, а чрезъ народное собраніе, совѣтъ и судъ—съ лучшими образцами риторики законодательной и судебной ⁴⁾, обяательно дѣйствовать могла лишь особенно выдающаяся рѣчь. Краснорѣчіе второй половины V вѣка было поэтому неутомимо въ изысканіи средствъ производить сильное впечатлѣніе ⁵⁾. Протагоръ плѣнялъ воззваніемъ къ общепринятымъ воззрѣніямъ ⁶⁾ и привычнымъ волненіямъ ⁷⁾, примѣрами ⁸⁾, сказаніями ⁹⁾, выдержками изъ поэтовъ ¹⁰⁾, особеннымъ грамматическимъ образованіемъ

¹⁾ Ср. Isocr. De Pace (VIII), 121: ἡ ἐπὶ τοῦ βήματος δυναστεία. Ср. также выше, стр. 177, пр. 6.

²⁾ Plato, Phaedr. 267, C—D.

³⁾ Plato, Euthyd. 289 E, слѣд. Ср. Xenoph. Memor. II, 6, 13.

⁴⁾ Ср. выше, стр. 89, сл., 174, сл. Isocr. De Permut. (XV), 295: χρὴ γὰρ μηδὲ τοῦτο λαυθάνειν ὑμᾶς, ὅτι πάντων τῶν δυναμένων λέγειν ἢ παιδεύειν ἢ πόλις ἡμῶν δοκεῖ γυγνῆσθαι διδάσκαλος и пр.

⁵⁾ Подробно о риторикѣ софистовъ я буду говорить при изложеніи жизни и ученія каждаго изъ нихъ, а въ настоящемъ случаѣ ограничусь лишь краткими указа- ніями.

⁶⁾ Plato, Protag. 328, C., 340, E.

⁷⁾ Plato, Theaet. 162, D—приемы, недозволительные въ діалектикѣ, но умѣстные въ δημηγορία. Протагоромъ были составлены готовыя воззванія къ различнымъ чув- ствамъ, такъ называемыя общія мѣста. Cic. Brut. XII, 46; De Oratore III, с. 27, 106, сл.

⁸⁾ Plato, Protag. 327, A, D, E. 328, A.

⁹⁾ Ibid. 328, C.

¹⁰⁾ Ibid. 339, A, слѣд.

словъ ¹⁾—разставляя всѣ паруса рѣчи, по выраженію Гипсія ²⁾; Горгіей очаровывалъ противопоставленіями, подборомъ однозвучныхъ словъ, симметрическимъ расположеніемъ періодовъ ³⁾ и, наоборотъ, свободнымъ сочетаніемъ предложеній ⁴⁾, ироніей ⁵⁾, переходомъ отъ насмѣшливаго тона къ важному и отъ важнаго къ насмѣшливому ⁶⁾, поэтическими эпитетами и метафорами ⁷⁾; Продикъ поражалъ слухъ различіемъ сходныхъ по значенію словъ и дѣйствовалъ на сердце обращеніемъ къ возвышеннымъ чувствамъ ⁸⁾; Гипсій—обиліемъ изысканныхъ образовъ ⁹⁾; Полъ—сугубословіемъ, мыслесловіемъ, образословіемъ ¹⁰⁾; Евенъ—подпоказаніями, косвенными похвалами и порицаніями ¹¹⁾; а искусствомъ рѣчей жалобно воющихъ и увлекающихъ къ состраданію старости и бѣдности особенно торжествовала сила оратора Халкидонскаго—Θραζιμαχα, который то вдругъ воспламенялъ

¹⁾ Plato, Phaedr. 267, C: Πρωταγόρεια δέ, ὡ Σώκρατες, οὐκ ἦν μέντοι τοιαύτ' ἄττα;—Ὁρθοπέαιά γέ τις, ὡ πατήρ, καὶ ἄλλα πολλὰ καὶ καλά. Подъ ὀρθοπέαια, какъ увидимъ въ главѣ о Протагорѣ, слѣдуетъ подразумѣвать своеобразную теорію Протагора впервые имъ введеннаго грамматическаго различенія именъ по родамъ. Объ этомъ Aristot. Rhet. III, 5, 1407b, 5, сл.; Soph. Elench. XIV, 137b, 17, сл.; Aristoph. Nubes, 656—691.

²⁾ Plato, Protag. 337, C, слѣд. Образцы Протагорова краснорѣчія у Plato, Protag. 320, C, слѣд.; 334, A, сл.; 350, C, сл.; Theaet. 162, D, сл.; 166, A, сл.

³⁾ Cic. Orat. c. 52, 175: paria paribus adjuncta (πάρια) et similiter definita (παρόμοια) itemque contrariis relata contrarie (ἀντίθετα)—Gorgias primus invenit.

⁴⁾ Philostr. Vitae Sophist., p. 201: Γοργίας... ἤρξε ἀποστάσεων καὶ προσβολῶν. Объясненіе этихъ словъ у Foss, De Gorgia Leontino, Halis, 1828, p. 51, слѣд.

⁵⁾ Aristot. Rhet. III, 7, 1408b, 20.

⁶⁾ Ibid. 18, 1419b, 3, сл.

⁷⁾ Ibid. 1, 1402a, 26. Dionys. Hal. de Lys. c. 3, p. 458. Образецъ Горгіева краснорѣчія сохранился въ фрагментѣ произнесенной имъ «Надгробной» рѣчи, Foss, l. c. p. 69. Ср. также въ Платоновомъ «Ширѣ» рѣчь Агаѳона (194, E—197, E), составленную по правиламъ Горгіевой риторики. Исократъ (Panath., 2) свидѣтельствуетъ, что фигуры Горгіевой риторики заставляли зрителей отъ восторга шумѣть.

⁸⁾ Plato, Charm. 163, D: καὶ γὰρ Προδίκου μυρία τινὰ ἀκίκοα περὶ ὀνομάτων διαφοῦντος. Ср. Cratyl. 384, B; Euthyd. 277, E. Образцы этого различенія именъ у Plato, Protag. 337, A, 341, A, сл. Другіе образцы Продикова краснорѣчія, но безъ различенія именъ, можно видѣть у Ксенофонта въ разсказѣ о Геркулесѣ на распутии (Memor. II, 1, 21, слѣд.) и въ dialogѣ «Аксиохъ»—въ рѣчи о горестяхъ жизни (366 D, слѣд.) и роскошнѣйшей декламациі о безсмертіи души (ibid., 369, E, сл.).

⁹⁾ Plato, Protag. 337, C.

¹⁰⁾ Plato, Phaedr. 267, C: Τὰ δὲ Πύλου πῶς φράσσομεν αὐ μουσεῖα λόγων, ὡς διπλασιολογίαν καὶ γυμολογίαν καὶ εἰκονολογίαν и пр. Образецъ у Plato, Gorg. 448, C.

¹¹⁾ Plato, Phaedr., 267, A: τὸν δὲ κάλλιστον Πάριον Εὐηρόν εἰς μέσον οὐκ ἄγομεν, δὲς ὑποδήλωσιν τε πρῶτος εὔρε καὶ παρεπαίνους; οἱ δ' αὐτὸν καὶ παραψόγους φασὶν ἐν μέτρῳ λέγειν, μνήμης χάριν.

гнѣвъ толпы, то опять укрощать его словно чарами, и быть одинаково силенъ какъ опутывать клеветою, такъ и снимать ее ¹⁾.

Но одного искусства произносить рѣчи для счастливой жизни въ Аѳинахъ было недостаточно; въ такой же и даже въ большей мѣрѣ необходимо было умѣнье вести споры. Плавный ораторъ, „звенѣвшій непрерывно какъ мѣдъ, пока его не перебивали, но онѣмѣвавшій тотчасъ же, какъ только къ нему прикасались вопросомъ“ ²⁾, могъ быть побѣдителемъ въ законодательныхъ собраніяхъ, гдѣ борьба велась исключительно длинными рѣчами ³⁾; но не могъ рассчитывать на успѣхъ въ судѣ, гдѣ часто дѣло сводилось къ тому, чтобы ловко поставить вопросъ и изворотливо отвѣтить на предложенный ⁴⁾. Постоянною школою диалектической ловкости были въ Аѳинахъ театръ и судъ ⁵⁾; повтому до извѣстной степени могъ ее приобрести собственными средствами всякій аѳинянинъ. Но тѣ, которые желали быть въ ней особенно сильными, должны были обращаться къ ея специальнымъ преподавателямъ. Хотя приемы еристимики были обстоятельно разработаны лишь младшими софистами ⁶⁾, а окончательно сформулированы только Аристотелемъ ⁷⁾, тѣмъ не менѣе и всѣ старшіе со-

¹⁾ Ibid. 267, C—D: τῶν γε μὲν οἰκτρογῶν ἐπὶ γῆρας καὶ πενίαν ἐλκομένων λόγων κεκρατημένα. τέχνη μοι φαίνεται τὸ τοῦ Χαλκηδονίου σθένος. ὀρτῖσαι τ' αὐ πολλοὺς ἅμα δεῖνός ἀνὴρ γέγονε, καὶ πάλιν ὑργισμένους ἐπάδων κηλεῖν ὡς ἐφη: διαβάλλειν τε καὶ ἀπολύσασθαι διαβολὰς ὁθενδὲ κράτιστος.

²⁾ Plato, Protag. 329, A.

³⁾ Plato, Soph. 268, B: τίνα οὖν ἀποφαινόμεθα τὸν μακρολογώτερον εἶναι;—Δημολογικόν. Ср. Prot. 336, B.

⁴⁾ Образцы искусства ставить на судѣ вопросы даютъ Платонъ, Apol., 24, B, слѣд.; Lys. Adv. Frument. 5; Contra Eratosth. 25, сл.; Contra Agorat. 30; Isaeus, De Pagnii heredit. 5. Отъ Сократа мы слышимъ (Apol. 25, D, слѣд.), что тяжущимся сторонамъ καὶ ὁ νόμος κελεύει ἀποκρίνεσθαι и что нежелающихъ отвѣчать заставляли отвѣчать судья (ibid. 27, C); самый законъ приводитъ Демосоевъ, Contra Steph. II, 10: τοῖν ἀντιδίκοιν ἐπάναγκες εἶναι ἀποκρίνασθαι ἀλλήλοισ τὸ ἐρωτώμενον, μαρτυρεῖν δὲ μή. Ср. кромѣ указанныхъ мѣстъ изъ «Апологія», Лизія и Изэя, приведенный ниже рассказъ о тяжбѣ между Кораксомъ и Тизіемъ (стр. 198) и Aristoph. Acharn. (655—658):

ὁ δὲ νεανίας ἑαυτῷ σπουδάσας εὐνηγορεῖν
ἔς τάχος παίει, εὐνάπτων στοργγύλοισ τοῖς ῥήμασι.
κᾶτ' ἀνεκκύσας ἐρωτᾷ, σκανδάληθρ' ἰστάς ἐπῶν,
ἄνδρα Τιθωνῶν σπαράττων καὶ ταραττων καὶ κικῶν.

См. ниже, стр. 202.

⁵⁾ См. выше, стр. 89, сл.; 192.

⁶⁾ См. выше, стр. 38.

⁷⁾ Aristoph. Soph. Elench. XXXIV, 183b, 34, сл.: ταύτης δὲ τῆς (ἐριστικῆς) πραγματείας οὐ τὸ μὲν ἦν τὸ δ' οὐκ ἦν προεξεργασμένον, ἀλλ' οὐδὲν παντελῶς ὑπῆρχεν. Эти слова слѣдуетъ однако понимать въ болѣе скромномъ смыслѣ, чѣмъ какъ же-

фисты, на ряду съ искусствомъ произносить длинныя рѣчи, учили также предлагать вопросы и давать отвѣты ¹⁾. Для вооруженія учениковъ риторическою ловкостью софисты, кромѣ сообщенія правилъ риторики, которыя они излагали въ особыхъ руководствахъ (τέχναι) ²⁾, устраивали такъ называемыя ἐπιδείξεις ³⁾ — произносили образцовыя рѣчи, которыя молодые люди заучивали, чтобы потомъ имъ подражать; для упражненія въ эристикѣ Протагоръ ввелъ состязанія (ἀγῶνες) ⁴⁾, состоявшія въ томъ, что ученики совместно обсуждали какойнибудь вопросъ общаго свойства ⁵⁾, опровергая одинъ другаго ⁶⁾. Нѣкоторые изъ софистовъ, впрочемъ, просто давали заучивать составленные ими вопросы и отвѣты ⁷⁾.

ладъ бы самъ Аристотель. Его заслуга исключительно въ томъ, что онъ подвѣзъ приемы эристики къ определеннымъ правиламъ; основанія для этой формулировки были даны Кораксомъ, Тизиемъ, Зенономъ, Сократомъ и въ особенности Платономъ въ диалогѣ «Евондеи».

¹⁾ Plato, Protag. 329, B: Πρωταγόρας δ' ὁδ' ἰκανὸς μὲν μακροὺς λόγους καὶ καλοὺς εἰπεῖν... ἰκανὸς δὲ καὶ ἐρωτηθεὶς ἀποκρίνασθαι κατὰ βραχὺ καὶ ἐρόμενος περιμεῖναι τε καὶ ἀποδείξασθαι τὴν ἀπόκρισιν, ἢ ἄλλοις ἐστὶ παρεσκευασμένα. Ibid. 384, E; слѣд.; Theaet. 167, D — E. Что Протагоръ свое искусство примѣнялъ главнымъ образомъ въ судахъ, видно изъ Theaet., 178, E — A. О Горгіи см. Gorg. 447, C: καὶ γὰρ αὐτῷ (Γοργίᾳ) ἐν τοῦτ' ἦν τῆς ἐπιδείξεως ἐκέλευε γοῦν νῦν δὴ ἐρωτᾶν ὃ τί τις βούλοιο τῶν ἔνδον ὄντων, καὶ πρὸς ἅπαντ' ἔφη ἀποκρινεῖσθαι. Ibid. 458, D; Meno 70, B, сл. О Горгіевой макрологіи и брахулогіи см. Gorg. 449, B—C; Phaedr. 267; B; 269, B. Искусствомъ отвѣчать на всѣ вопросы хвалится также Полъ и Гиппій. Gorg. 482, A. Hipp. Major, 287, A — B, Minor, 363, C, 364, D. Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ видно, что софисты учили отвѣчать на вопросы; что они преподавали также и искусство ставить вопросы, это засвидѣтельствовано Аристотелемъ. См. прим. 7; ср. также Plato Cratyl. 390, E: οἱ ἥρωες ῥητόρες τινες καὶ ἐρωτητικοὶ συμβαίνουσιν, ὥστε ῥητόρων καὶ σοφιστῶν γένος γίνεταὶ τὸ ἥρωικὸν φθλον.

²⁾ Plato, Phaedr. 261, B, слѣд.; De Rep. 499, B (см. выше, стр. 24); Aristot. Rhetor. I, 1, 1354a, 12 и др. (см. ниже, стр. 197); Isocr. Contra Soph. (XIII) 19, (выше, стр. 34).

³⁾ Plato, Soph. 217, E; Gorg. 447, A, слѣд.; Euthyd. 275, A; Crat. 384, B. Hipp. Min. 363, D, Maj. 282, B; Isocr. Panath. (XII), 271 и мн. др.

⁴⁾ Diog. Laert. IX, 52: Πρωταγόρας... πρῶτος... λόγων ἀγῶνας ἔθετο. Среди сочиненій Протагора Диогенъ (ib. 55) упоминаетъ: Τέχνη ἐριστικῶν, Ἀντιλογιῶν δύο.

⁵⁾ Ibid. 53: καὶ πρῶτος κατέδειξε πρὸς τὰς θέσεις ἐπιχειρήσεις. О θέσει см. Cic. Top. XXI, 79; Ep. ad. Att. IX, 4; Quintil. Institut. Or. III, c. 5, 5; X, c. 5, 10.

⁶⁾ Plato, Theaet. 167, E: ἀδικεῖν δ' ἐστὶν ἐν τῷ τοιοῦτῳ (говоритъ Протагоръ), ὅταν τις μὴ χωρὶς μὲν ὡς ἀγωνιζόμενος τὰς διατριβὰς ποιῆται, χωρὶς δὲ διαλεγόμενος καὶ ἐν μὲν τῷ παιζῆ τε καὶ σφάλλῃ καθ' ὅσον ἀν ἐύνηται, ἐν δὲ τῷ διαλέγεσθαι ἵπουδάξῃ τε καὶ ἐπανορθοῖ τὸν προσδιαλεγόμενον. Нельзя сомнѣваться, что на состязаніяхъ, которыя устраивалъ Протагоръ, онъ руководствовался именно этими приемами.

⁷⁾ Aristot. Soph. Elench. XXXIV, 183a, 36, сл.: καὶ γὰρ τῶν περὶ τούτους ἐριστικῶν λόγους μισθορνούωντων ὅμοια τις ἦν ἢ παιθευσις τῇ Γοργίου πραγμάτων. Логосъ γὰρ οἱ μὲν ῥητορικοὺς οἱ δὲ ἐρωτητικοὺς εἰδοσαν ἐκμανθάνειν, εἰς οὓς πλειστάκις ἐμπίπτειν ψήθησαν ἑκάτεροι τοὺς ἀλλήλων λόγους.

На только что указанную практическую сторону еристики необходимо обратить внимание, чтобы понять, каким образом въ Афинахъ могъ существовать особый классъ учителей искусства спорить. Мы знаемъ, правда, что словесныя состязанія происходили не въ однихъ только судахъ и законодательныхъ собраніяхъ, но также и на улицахъ предъ лицомъ толпы ¹⁾ и даже на Олимпійскихъ играхъ: отъ Гипсія мы слышимъ, что онъ каждую Олимпиаду въ храмѣ Зевса предлагалъ задавать себѣ вопросы всякому желающему и всегда оставался побѣдителемъ ²⁾; подобнымъ же искусствомъ хвалятся Горгіи и Поль ³⁾. Возможно поэтому, что софисты между прочимъ подготовляли и такихъ тщеславныхъ борцовъ; на эту сторону софистическаго воспитанія, быть можетъ, намекаетъ и Аристотелево опредѣленіе еристики, какъ искусства спорить ради славы ⁴⁾. Но едва-ли можно думать, что рукоплеканія уличныхъ слушателей и награда на Олимпійскихъ играхъ могли быть главною цѣлью всѣхъ тѣхъ, которые обучались у еристиковъ. Связь еристики съ судебнымъ искусствомъ (хотя и очевидную ⁵⁾, но до сихъ поръ изъ новыхъ изслѣдователей никѣмъ, на сколько мнѣ извѣстно, не отмѣченную) ставитъ на видъ Платонъ, изображая представителей еристики, Еввидема и Діонисодора, непобѣдимыми на судѣ борцами ⁶⁾ и заявляя, что софистамъ никто не сталъ бы давать денегъ, еслибы они не учили препираться о томъ, что справедливо и несправедливо, законно и незаконно ⁷⁾; она же подтверждается и тѣми свѣдѣніями, которыя мы имѣемъ о первомъ судебномъ руководствѣ, составленномъ сиракузяниномъ Коракомъ и разработанномъ ученикомъ послѣдняго, Тизіемъ. Руководство это было обязано своимъ происхожденіемъ тому, что по низверженіи въ Сиракузахъ династіи Гелоновъ и водвореніи демократіи (465 г. ⁸⁾), возбуждены были лицами, у которыхъ тиранны отобрали имущество, процессы о возвращеніи этихъ

¹⁾ См. напр. Plato, Euthyd. 271, A, сл.

²⁾ Plato, Hipp. Minor, 363, D—364, A.

³⁾ Plato, Gorg. 447, C, 462, A; см. пред. стр. пр. 1.

⁴⁾ См. выше, стр. 31.

⁵⁾ Самый характеръ судебной процедуры, основанной на преніяхъ, указываетъ на эту связь.

⁶⁾ Plato, Euthyd. 271, C—272, A. См. выше, стр. 178, пр. 3. Ср. также Plato, Phaedr. 261, C—E (см. выше, стр. 133, пр. 3). De Rep. 499, A: Οὐδέ γε λόγων, ἢ μακάριε, καλῶν τε καὶ ἐλευθέρων ἰκανῶς ἐπήκοοι γεγόνασιν, οἷων ζητεῖν μὲν τὸ ἀληθές εὐντηταμένως ἐκ παντὸς τρόπου τοῦ γινῶναι χάριν, τὰ δὲ κομψὰ τε καὶ ἐριστικὰ καὶ μηδαμῶς ἄλλοσε τείνοντα, ἢ πρὸς δόξαν καὶ ἔριν, καὶ ἐν δίκαις καὶ ἐν ἰδίαις συνουσίαις πόρρωθεν ἀσπαζομένους.

⁷⁾ Plato, Soph. 232, B. См. выше, стр. 26, прим. 1.

⁸⁾ Объ этомъ см. Grote, History of Greece, V, p. 86, sq.; VI, 386, sq.

имущество, а между тѣмъ сицилійцы были, по выраженію Цицерона, очень остры въ спорахъ и для вѣрнаго успѣха на судѣ нужна была особая ловкость; правила этой ловкости и далъ впервые въ своемъ руководствѣ Кораксъ ¹⁾. О томъ, каковы были эти правила и въ какомъ духѣ примѣнялись, мы узнаемъ отъ Аристотеля и Платона.

Первый, говоря въ свой „Риторикъ“ о правдоподобномъ, указываетъ на то, что какъ еристика вводитъ въ заблужденіе, не опредѣляя въ какомъ отношеніи, въ сравненіи съ чѣмъ и съ какой стороны утверждается чтѣнибудь, точно также и въ риторикѣ обманъ можетъ достигаться вслѣдствіе того, что правдоподобность можетъ быть условная и безусловная. „На отождествленіи той и другой основано руководство Коракса. Пусть (сказано въ этомъ руководствѣ) слабосильный несправедливо обвиняется въ нанесеніи побоевъ; онъ можетъ въ оправданіе указать на свою слабость: не вѣроятно, что онъ — слабый, могъ наносить побои. Пусть, съ другой стороны, въ томъ же преступленіи обвиняется человѣкъ сильный, дѣйствительно нанесшій побои; онъ можетъ въ оправданіе указать на свое сильное тѣлосложение: не вѣроятно, чтобы онъ могъ нанести побои, такъ какъ на судѣ это должно показаться вѣроятнымъ. Точно также и во всѣхъ другихъ случаяхъ необходимо, чтобы на человѣка либо падало подозрѣніе, либо не падало. Правдоподобна можетъ быть какъ виновность, такъ и невинность; но одна правдоподобность безусловная, а другая условная. Отождествлять ту и другую значитъ слабое слово дѣлать сильнымъ. Отъ того люди и вознегодовали на это Протагорово обѣщаніе, что оно имѣетъ дѣло съ ложью, а не съ истиной, съ тѣмъ, чтѣ только кажется. Кажущееся имѣетъ цѣну только въ двухъ искусствахъ — риторикѣ и еристикѣ, а больше нигдѣ“ ²⁾.

Почти тоже говоритъ Платонъ о руководствѣ Тизія. „Искусные въ риторикѣ люди (слышимъ мы въ діалогѣ „Фѣдръ“ отъ Сократа ³⁾) утверждаютъ, что для желающаго быть въ ней сильнымъ вовсе не нужно знать истины о справедливыхъ или несправедливыхъ дѣлахъ или людяхъ, — все равно, по природѣ-ли бываютъ послѣдніе такими или становятся вслѣдствіе воспитанія. Вѣдь въ судахъ объ истинѣ всего этого никто рѣшительно нисколько не заботится, а только о томъ,

---

¹⁾ Cicero, Brutus, XII, 46: itaque ait Aristoteles, cum sublatis in Sicilia tyrannis res privatae longo intervallo iudiciis repeterentur, tum primum (quod esset acuta illa gens et controversa natura), artem et praecepta Siculos Coracem et Tisiam conscripsisse. Grote, l. c. V, p. 89.

²⁾ Aristot. Rhet. II, 24, 1402a, 3, слѣд.

³⁾ Plato, Phaedr. 272, D, слѣд.

чтобы было убедительно. Убедительно то, что правдоподобно; поэтому на правдоподобное долженъ обращать вниманіе тотъ, кто желаетъ говорить сообразно съ искусствомъ. Даже о томъ, что дѣйствительно было сдѣлано, иногда не слѣдуетъ говорить, если сдѣланное не правдоподобно, но всегда нужно говорить правдоподобное, какъ при обвиненіи, такъ и при защитѣ; да и вообще въ рѣчахъ слѣдуетъ исключительно стараться о правдоподобіи, распрощавшись съ истиной. Соблюденіе этого правила во всякаго рода рѣчахъ составляетъ все ораторское искусство.—Ты, Сократъ (отвѣчаетъ Фѣдръ), излагаешь то самое, что утверждаютъ люди, выдающіе себя за искусниковъ въ рѣчахъ... Ты безъ сомнѣнія до точности произошелъ всего Тизія.—Такъ пусть же скажетъ намъ Тизій, подразумѣваетъ-ли онъ подъ правдоподобнымъ чтонибудь иное, а не то, что кажется толпѣ?—Что же иное?—Вотъ, насколько помнится, какое мудрое изобрѣтеніе изложилъ въ своемъ руководствѣ Тизій. Если человѣкъ малосильный, но мужественный, нападетъ на сильнаго, но трусливаго, съ цѣлью отнять у него одежду или чтонибудь другое, то ни тотъ, ни другой не должны говорить правду. Трусъ станетъ доказывать, что на него напалъ мужественный не одинъ; а мужественный будетъ возражать, что они были одни, но въ оправданіе воспользуется тѣмъ, что „какъ же мнѣ было такому поднять руки на такого“. Между тѣмъ первый, конечно, не сознается въ своей трусости, но попытается лгать какънибудь и этимъ можетъ дать противнику случай обличить себя. И относительно всего другаго въ руководствѣ Тизія даются такіе же совѣты“.

Еристическій характеръ правилъ, преподаваемыхъ Коракомъ и Тизіемъ (названныхъ Аристотелемъ и Платономъ риторическими, а не еристическими, очевидно потому только, что Коракасъ и Тизій были извѣстны какъ риторы, а не какъ софисты) не можетъ подлежать сомнѣнію; они были принаровлены къ веденію судебныхъ преній и не давали указаній на то, какъ составлять и располагать рѣчи. Особенно ясно выступаетъ этотъ ихъ характеръ изъ преданія о возникшей между Коракомъ и Тизіемъ тяжбѣ, которую тотъ и другой вели согласно правиламъ ими же составленнаго руководства. Тизій, научившись отъ Корака риторическому искусству, самъ выступилъ учителемъ риторики и, полагаясь на свою ловкость вести судебныя дѣла, не пожелалъ заплатить своему учителю условленнаго вознагражденія. Коракасъ потребовалъ Тизія къ суду. Скажи мнѣ, Коракасъ (обратился къ своему бывшему наставнику Тизій), чего я объявляю себя учителемъ?—Искусства убѣждать кого угодно (отвѣчалъ Коракасъ). Но если ты выучилъ меня этому искусству, то вотъ я тебя убѣждаю ни-

чего съ меня не брать; если же ты меня не выучилъ убѣждать, то и въ этомъ случаѣ я тебѣ ничего не долженъ, такъ какъ ты не научилъ меня тому, чему обѣщаль. На это Коракасъ возразилъ: „Если, научившись отъ меня искусству убѣждать, ты убѣждаешь меня съ тебя ничего не брать, то ты долженъ мнѣ отдать вознагражденіе, такъ какъ ты умѣешь убѣждать; если же ты меня не убѣждаешь, то ты опять таки долженъ заплатить мнѣ деньги, такъ какъ я тобою не убѣжденъ не брать съ тебя денегъ. Судьи вмѣсто приговора сказали: У плохаго ворона плохія и яйца. Какъ воронята готовы пожрать своихъ родителей, точно также и вы здѣсь пожираете другъ друга“¹⁾.

Изъ „дурныхъ яицъ“ Коракса вышелъ не одинъ только Тизій. Коракасово руководство было широко распространено въ Греціи. Мы имѣемъ прямыя указанія на то, что на немъ были воспитаны Горгіи, Фразимахъ, риторы Θεοδορῆς и Антифонть (Рамнузіискій)²⁾. Всѣ остальные софисты и риторы слѣдовали несомнѣнно указанному Коракасомъ направленію; относительно Протагора это засвидѣтельствовано Аристотелемъ³⁾. Разсчитывать на успѣхъ софисты и риторы могли, заботясь не о томъ, чтобы переимѣнить это направленіе, выражавшее общую въ то время нравственную точку зрѣнія⁴⁾, а о томъ, чтобы превзойти Коракса и Тизіа въ измышленіи риторическихъ и еристическихъ уловокъ.

Когда Коракасъ и Тизій составляли свое руководство, Зенонъ только вступалъ на философское поприще, Протагоръ занимался

---

¹⁾ Proleg. in Hermog. p. 6. Sext. Emp. adv. Math. II, 96, сл. Ср. Cicero, De Orat. III, c. 21, 81: quare Coracem istum veterem patiamur nos quidem pullos suos excludere in nido, qui evolent clamatores odiosi et molesti. Подобное же слышимъ мы о тяжбѣ между Протагоромъ и его ученикомъ Еваеломъ. Diog. Laert. IX, 56; Quint. Instit. Or. III, 1; Apul. Floril. IV, 18. Разказы, однако, не тождественны, и возможно, что и тотъ и другой равно правдивы: сходство можетъ быть объяснено одинаковостью обстоятельствъ дѣла и одинаковостью руководства, указаніямъ котораго въ томъ и другомъ случаѣ слѣдовали тяжущіяся стороны. Считать эти разказы вымысломъ не вижу основанія.

²⁾ На связь риторики Горгіа съ Тизіевой указываютъ Philostr., Vitae Soph. p. 192 и Plato, Phaedr. 267, A: Τισίαν δὲ Γοργίαν τ' ἐάσωμεν εἶδειν, οἱ πρὸ τῶν ἀληθῶν τὰ εἰκότα εἶδον ὡς τιμητέα μᾶλλον. О преемствѣ между риторикой Тизіа, Фразимаха и Θεοδορα, ср. Aristot. Soph. Elench. XXXIV, 183b, 29, сл.: οἱ δὲ νῦν εὐδοκίμοι οὐντες παραλαβόντες παρὰ πολλῶν οἶον ἐκ διαδοχῆς κατὰ μέρος προαγαγόντων οὕτως ἠϋθέκησαι, Τισίας μὲν μετὰ τοὺς πρώτους, Θερασύμαχος δὲ μετὰ Τισίαν, Θεόδωρος δὲ μετὰ τοῦτου, καὶ πολλοὶ πολλὰ συνενηνόησαι μέρη. Антифонть воспользовался правилами Коракасова руководства въ первой рѣчи первой тетралогіи, 4—8. Ср. Blass, Attische Beredsamkeit, I, Leipz., 1868, S. 142 f.

³⁾ См. выше, стр. 197.

⁴⁾ См. выше, стр. 21, сл.; 96, сл.

переноской тяжести, а Сократу было всего четыре года: диалектики и философской эристики еще не существовало. Ни Коракас и Тизий, ни ближайšie ихъ преемники—старšie софисты, не имѣли въ своемъ распоряженіи богатаго запаса готовыхъ словесныхъ ухищреній. Протагоръ, Горгій и Гипсий, хотя и учили искусству отвѣчать ¹⁾—последніе два даже на всякіе вопросы ²⁾, не скрывали своего отвращенія отъ диалектическихъ тонкостей ³⁾, и въ области отвлеченной мысли были плохими эристиками: всѣ они оказывались безсильными предъ испытующимъ обличеніемъ Сократа. Младšie софисты, напротивъ, унаслѣдовали отъ Зенона, Сократа и старшихъ софистовъ богатый запасъ выработанныхъ диалектикой и эристикой приѣмовъ и могли поэтому сдѣлать эристику особымъ ремесломъ. Встрѣчу двоякаго рода теченій—практическаго, шедшаго отъ потребностей судебной и законодательной дѣятельности ⁴⁾ и философскаго, шедшаго отъ Гераклита, Зенона и Сократа, создана была та своеобразная, на половину философская, на половину практическая эристика, представителей которой Платонъ изображаетъ въ діалогахъ „Евдедемъ“ и „Софистъ“. Въ первомъ мы видимъ послѣдователей Протагора ⁵⁾, во второмъ—подражателей Сократу ⁶⁾.

¹⁾ См. выше, стр. 195, пр. 1 и 7.

²⁾ См. выше, стр. 195, пр. 1; стр. 196.

³⁾ Plato, Protag. 334, E; 348, B, сл.; 368, E; De Rep. 386, B, сл.; Hipp. Maj. 301, C; 304, A—B; Minor 369, B—C.

⁴⁾ О связи законодательной дѣятельности съ судебной см. выше, стр. 178.

⁵⁾ См. выше, стр. 122, пр. 1.

⁶⁾ Гротъ (History of Greece VIII, p. 165), указывая на данное Платономъ въ этомъ діалогѣ опредѣленіе слову софистъ, замѣчаетъ, что оно подходит къ самому Сократу, «говоря интеллектуально» (intellectually speaking), лучше чѣмъ къ какому-нибудь другому намъ извѣстному лицу. Сходство между Сократомъ и изображеннымъ Платономъ софистомъ, по Гроту (Plato, II, p. 428 sq.), во первыхъ въ томъ, что тотъ и другой охотится за богатыми юношами; во вторыхъ въ томъ, что тотъ и другой бесѣдуетъ въ небольшомъ кругу слушателей о разнообразныхъ вещахъ, о которыхъ не имѣетъ истиннаго знанія; въ третьихъ въ томъ, что тотъ и другой ἐναντιοποιοῦνός и εἴρων—заставляетъ слушателей противорѣчить самимъ себѣ и ихъ пронзивируетъ. Я не понимаю, что значать слова «говоря интеллектуально»; но для меня очевидно то, что разница между Сократомъ и изображеннымъ Платономъ софистомъ не менѣе велика, чѣмъ сходство. Софистъ гоняется за богатыми юношами, чтобы отъ нихъ нажитья; Сократъ бесѣдуетъ не только даромъ, но даже себѣ въ ущербъ, такъ какъ въ этихъ бесѣдахъ проводитъ все время и вслѣдствіе этого живетъ въ крайней бѣдности (Plato, Apol. 23, B). Софистъ беретя разсуждать обо всемъ безъ исключенія, между прочимъ и о «вещахъ божественныхъ»—небѣ, землѣ и проч. (Plato, Soph. 232, B слѣд.; см. выше, стр. 26, пр. 1); Сократъ разсужденія «о божественныхъ вещахъ» сильно отсвѣтываетъ и ограничивается бесѣдами только о дѣлахъ человѣческихъ (Xen. Mem. I, 1, 11, сл. и др.). Софистъ выдаетъ себя за знающаго все рѣшительно (Soph., 268 A: ὡς εἰδὼς ἐσχημάτισται, см. выше, стр. 28, пр. 5); Сократъ неизмѣнно выдаетъ себя за

Въ какомъ положеніи въ Афинахъ были тѣ, которые либо не имѣли достаточной риторической и діалектической ловкости, либо не желали ихъ примѣнять въ демократической борьбѣ всѣхъ противъ

ничего незнающаго (Plato, Apol., 20 С. сл.; Theaet 150 С. сл.; Hipp. Min. 372 В; Gorg. 506, А и мн. др.). Сократъ заставляетъ слушателей противорѣчить самимъ себѣ съ цѣлью очистить ихъ душу отъ мѣшающихъ приобритенію знанія ложныхъ мнѣній и направить этимъ на путь истиннаго знанія (Plato, Theaet. 150, В, слѣд.) или что для Сократа одно и то же—на путь добродѣтели (Arist. Eth. Nic. VI, 13, 1144b, 17 и 28; Xen. Memor. III, 9, 5 и др.); софистъ дѣлаетъ это ради тщеславія (въ еристическихъ состязаніяхъ) или же съ цѣлью вооружить посредствомъ еристическихъ упражненій учениковъ необходимою въ практической жизни діалектической ловкостью—не только не справляясь съ требованіями нравственности, но даже обыкновенно вопреки имъ. Иронія Сократа происходитъ отъ глубокаго разлада между его убѣжденіями и убѣжденіями толпы, иронія софиста—отъ сознанія чисто внѣшняго діалектическаго превосходства. Однимъ словомъ, Сократъ похожъ на изображеннаго Платономъ софиста такъ же, какъ собака на вола (Plato, Soph. 230, E—231, А; см. выше, стр. 26, пр. 3): при сходствѣ внѣшняго облика, характеры совершенно различны; средства дѣятельности одни и тѣ же, но ея цѣли прямо противоположны. Внѣшнее сходство объясняется тѣмъ, что Платонъ въ «Софистѣ» изображаетъ еристовъ обличителей—подражателей Сократу—тѣхъ самыхъ, появленіе которыхъ Сократъ предсказываетъ въ «Апологіи» (39, С, сл.). Сопоставляя изображеннаго имъ софиста съ очистителемъ души, Платонъ излагаетъ методъ этого очищенія (ibid. 230, В, сл.) въ такихъ чертахъ и выраженіяхъ, которыя несомнѣнно указываютъ на приемы Сократа. (Лучшимъ поясненіемъ къ только что указанному мѣсту изъ «Софиста» могутъ служить приведенные Ксенофонтомъ (Memor. III, 6; IV, 2 и 3) разговоры Сократа съ Главкономъ и Еввидеомъ). Что Сократъ дѣйствительно вызвалъ появленіе особаго рода еристовъ, объ этомъ мы имѣемъ самыя положительныя свидѣтельства. Самъ Сократъ въ «Апологіи» (23, С) заявляетъ, что юноши, принадлежащіе къ богатѣйшимъ семействамъ и слушающіе его, имѣя свободное время, охотно наблюдаютъ, какъ онъ испытываетъ людей, и часто сами, подражая ему, стараются испытывать другихъ. На то же самое очевидно намекаетъ Ксенофонтъ въ разсказѣ о томъ, какъ юноша Еввидемъ, послѣ того какъ сталъ ученикомъ Сократа, началъ и самъ кое-чему подражать изъ того, чѣмъ тотъ занимался (Mem. IV, 2, 40). Сократъ бесѣдовалъ со всѣми одинаково охотно; въ числѣ его учениковъ были какъ богатые, такъ и бѣдные, и то, что богатымъ служило лишь средствомъ развлечения, бѣдными было обращено въ способъ жизни. Какъ восторгались молодые люди діалектикой и какіе плоды она имъ обыкновенно приносила, лучше всего можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Сократа въ «Филебѣ» и «Государствѣ». «Юноша, вкусившій въ первый разъ того, какъ въ рѣчахъ попеременно все становится то единымъ, то многимъ, радуется (читаемъ мы въ «Филебѣ», 15, D, сл.), словно обрѣлъ какое сокровище мудрости, приходитъ отъ удовольствія въ восторгъ и охотно крушитъ всякое утвержденіе, то поворачивая его въ одну сторону и смѣшивая во едино, то опять развивая и раздѣляя, и такимъ образомъ вводитъ въ недоумѣніе прежде и больше всего самого себя, а потомъ и ближняго, кто бы онъ ни былъ—юноша, старецъ или сверстникъ—не щадя ни отца, ни матери и никого изъ слушателей, даже почти и другихъ животныхъ, не только людей». «Не въ томъ ли должна состоять крайняя осторожность (спрашиваетъ Сократъ Главкона въ «Государствѣ», 539, В), что бы молодые люди не вкушали діа-

всѣхъ, лучше всего можно видѣть изъ слѣдующихъ свидѣтельствъ Аристофана, Платона и Ксенофонта.

Аристофанъ (въ „Ахарнѣнахъ“) рисуеъ картину привлеченныхъ къ суду старцевъ ¹⁾. „Мы, дряхлые старики (говорятъ они), горько жалуемся на государство. Не покоите вы насъ, стариковъ, какъ мы того заслужили своими морскими побѣдами, но подвергаете бѣдствіямъ. Вы призываете стариковъ передъ судъ, отдаете на посмѣяніе молодымъ риторамъ насъ, людей дряхлыхъ, глухихъ, отрубившихъ свой вѣкъ, для которыхъ Посейдонъ охранитель — ихъ посохъ ²⁾. Едва бормоча, стоимъ мы у ораторскаго камня, не видя ничего, кромѣ помраченія правды. А молодой риторъ, изощрившійся въ искусствѣ обвинять, такъ насъ и бьетъ, такъ и подхватываетъ своими закругленными словами, стрѣляетъ въ насъ вопросами, разставляетъ западни изъ словъ, рветъ и мечетъ бѣднаго Тисеона ³⁾, пока, сбитый

лектики? Вѣдь я думаю, ты замѣчалъ, что дѣтшки, вкусивъ впервые разсужденій, пользуются ими ради забавы, чтобы противорѣчить, и подражая тѣмъ, которые обличаютъ, сами начинаютъ обличать другихъ и радуются, подобно щенятамъ, что словами тянутъ и рвутъ всякаго, кто подойдетъ къ нимъ близко... Послѣ же того, какъ они обличаютъ многихъ и сами будутъ обличены многими, они сильно и скоро приходятъ въ такое состояніе, что не признаютъ ничего изъ того, что признавали прежде, а чрезъ это и сами становятся презрѣнными въ глазахъ прочихъ людей и навлекаютъ позоръ на все касающееся философіи». Сила діалектики Сократа была не менѣе велика, чѣмъ у учениковъ желаніе ему подражать. Мнѣ поэтому кажется безспорнымъ, что никто въ такой мѣрѣ не способствовалъ размноженію въ Аѣнахъ еристиковъ, какъ Сократъ. Но хотя Сократъ былъ родоначальникомъ особаго, самаго распространеннаго рода еристиковъ, было бы совершенно неосновательно предполагать (какъ это дѣлаетъ Sidgwick, Journal of Philology, 1872, vol. IV, p. 288, sq.), будто онъ былъ родоначальникомъ всей вообще еристивки; сказанное мною въ предыдущей и настоящей главахъ объ ея происхожденіи не оставляетъ въ этомъ, думаю, никакого сомнѣнія. Столь же неосновательно отождествлять дѣятельность Сократа съ дѣятельностью его послѣдователей—еристиковъ обличителей. Предпринятое Сократомъ испытующее обличеніе людей не могло пересилить господствующаго теченія и потому принесло плоды какъ разъ противоположные тѣмъ, которые онъ надѣялся видѣть: орудіе, которымъ онъ боролся противъ практическаго субъективизма, было обращено послѣднимъ въ свою пользу, и вмѣсто «ручныхъ собакъ» изъ учениковъ Сократа выходили «хищные волки» (Plato, Soph. 230, E—231, A).

¹⁾ Aristoph. Acharn., 642—672.

²⁾ Въ подлинникѣ непередаваемая игра словъ: Ποσειδών ἀσφάλειος — намекъ на ποσὶ и ἀσφάλεια. Посейдонъ не только богъ моря, но и земледержецъ (γαῖηόχος). Стариковъ однако не столько держитъ земля, сколько поддерживаетъ посохъ.

³⁾ Тисеонъ, сынъ троянскаго царя Лаомедонта, былъ похищенъ Эосъ, которая выпросила для него у Зевса безсмертіе, но позабыла выпросить вѣчную юность. Когда Тисеонъ состарѣлся такъ, что «не могъ двинуть и поднять ни одного члена», Эосъ заперла его навсегда въ спальнѣ. Non. Num. in Venerem, 218—238. По другому сказанію, Тисеонъ былъ превращенъ въ кузнечика (схол. къ нашему мѣсту).

съ толпу, тотъ, шатаясь, не отойдетъ должникомъ. Всклиываетъ, плачетъ старикъ, жалуется своимъ друзьямъ: „Я долженъ теперь отдать то, что сколотилъ на гробъ!...“ Пристойно ли губить у песочныхъ часовъ бѣднаго старика, много разъ потрудившагося въ потѣ лица, заслуженнаго предъ государствомъ мараеонскаго война? Когда мы были при Мараеонѣ, мы преслѣдовали, а теперь насъ преслѣдуютъ и берутъ въ плѣнъ нивуда негодные люди. Есть-ли справедливость въ томъ, чтобы согбенный старецъ, подобный *Θυκιδиду* ¹⁾, палъ въ скиеской пустынѣ ²⁾ жертвой этого Кефисодема ³⁾, всегда готоваго на обвиненія болтуна? У меня сердце сжалось отъ горя и я отеръ слезу, когда увидалъ, какъ этотъ старецъ въ конецъ спутанъ стрѣлками“.

Въ діалогъ „Горгій“ Каликль говоритъ Сократу ⁴⁾: „Ты, Сократъ, не заботишься о томъ, о чемъ долженъ былъ бы заботиться, и такую благородную природу души, какъ твоя, украшаешь дѣтскимъ вздоромъ. Ты не способенъ ни самъ предложить въ судѣ правильной рѣчи и одѣнать правдоподобной и убѣдительною, ни выступить съ смѣлымъ рѣшеніемъ на защиту другаго. Не позорно-ли... кажется тебѣ быть въ такомъ положеніи, въ какомъ, по моему мнѣнію, находишься ты и другіе, такъ далеко заходящіе въ философіи? Вѣдь еслибы тебя или другаго въ родѣ тебя кто-нибудь отвелъ въ тюрьму, утверждая, что ты совершилъ преступленіе, хотя бы на дѣлѣ ты не былъ ни въ чемъ виновенъ, будь увѣренъ, ты не анализъ бы, что съ собою дѣлать, у тебя закружилась бы голова, ты стоялъ бы съ разинутымъ ртомъ, не находя, что сказать, а когда бы ты предсталъ предъ судѣ, пусть даже твой обвинитель былъ бы самымъ слабымъ и ничтожнымъ, ты бы погибъ, еслибы онъ захотѣлъ наказать тебя смертію ⁵⁾. Въ чемъ

¹⁾ Различныя догадки о томъ, кто былъ этотъ *Θυκιδιδης*, знаменитый ли соперникъ Перикла, или какой-нибудь другой, см. у Ribbeck, *Die Acharner des Aristophanes*, Leipz. 1864, S. 235f.; Müller Strübing, *Aristophanes und die historische Kritik*, S. 320 f.

²⁾ Вмѣсто: «среди погибели и бѣдствій, такъ какъ скиескія пустыни перемолнены звѣрями» — поясняетъ схолиастъ.

³⁾ О Кефисодемі намъ ничего неизвѣстно.

⁴⁾ Plato, *Gorg.* 485, E—486, C.

⁵⁾ Cp. *Antiph. De Caede Herod.* 2—3: οὐ δὲ με δεῖ σωθῆναι μετὰ τῆς ἀληθείας εἰκόντα τὰ γινόμενα, ἐν τούτῳ με βλάπτει ἢ τοῦ λέγειν ἀδυναμία. πολλοὶ γὰρ ἤδη τῶν οὐ δυναμένων λέγειν ἀπιστοὶ γινόμενοι τοῖς ἀληθέσιν, αὐτοῖς τούτοις ἀπίωντο, οὐ δυνάμενοι δηλῶσαι αὐτά: πολλοὶ δὲ τῶν λέγειν δυναμένων πιστοὶ γινόμενοι τῷ ψεύδεσθαι, τούτῳ ἐσώθησαν, διότι ἐψεύσαντο и пр. *Isocrat. De Permut.* (XV), 136: καίτοι πόσους οἶε διὰ τὰς τούτων (τῶν ῥητόρων) ψευδολογίας τοὺς μὲν συμφοραῖς περιπεπτακέναι, τοὺς δ' ἀτίμους εἶναι.

же тутъ мудрость, Сократъ, „если искусство, завладѣвъ даровитымъ человѣкомъ, дѣлаетъ его худшимъ“,—неспособнымъ оказать себѣ помощь и спасти отъ великихъ опасностей ни себя, ни другихъ, такъ что враги разграбляютъ его имущество, а самъ онъ живетъ въ городѣ словно безчестный? Да такому (хоть и грубо сказать) можно безнаказанно дать плюху“.—„Я очень хорошо знаю (отвѣчаетъ Сократъ) ¹⁾, что меня можно не только ограбить, но даже убить безнаказанно. Я былъ бы глупъ, еслибы думать, что не могу потерпѣть въ этомъ городѣ всякую неправду; но утѣшаюсь тѣмъ, что погибну не отъ хорошаго, а отъ дурнаго человѣка“.

А вотъ разсказъ Ксенофонта, глубоко трагическій при всей его простотѣ ²⁾: „Однажды Сократъ разговаривалъ съ Критономъ, жаловавшимся, что трудно жить въ Афинахъ тому, кто желаетъ заниматься своимъ дѣломъ. „Теперь (говорилъ онъ) меня таскаютъ по судамъ не потому, что обижены мною чѣмъ-нибудь, но полагая, что я скорѣе отдамъ деньги, чѣмъ стану путаться“. Сократъ на это отвѣчалъ: „Скажи мнѣ, Критонъ, держишь-ли ты собакъ, чтобы онѣ отгоняли волковъ отъ твоихъ овецъ?“—„Даже многихъ, отвѣчалъ Критонъ, такъ какъ мнѣ выгоднѣе держать ихъ, чѣмъ не держать.“—„Такъ почему же бы тебѣ не держать и человѣка, который имѣлъ бы желаніе и способность отражать отъ тебя тѣхъ, кто пытается дѣлать тебѣ неприємности?“—„Да я бы съ большимъ удовольствіемъ, еслибы не боялся, что онъ обратится противъ меня же.“—„Какъ, развѣ тебѣ не ясно, что отъ такого человѣка, какъ ты, гораздо пріятнѣе получать пользу угождая, чѣмъ досаждая? Будь увѣренъ, что здѣсь найдутся такіе люди, которые сочтутъ за большую честь пользоваться твоею дружбой“. Послѣ этого они находятъ Архедема, весьма способнаго оратора и дѣльца, но человѣка бѣднаго. Онъ былъ не изъ такихъ, чтобы обогащаться всякимъ способомъ, но любилъ добро и находилъ, что всего легче наживаться отъ сикофантовъ. Зная это, Критонъ всякій разъ, какъ получалъ съ поля хлѣбъ, масло, вино, шерсть или что-нибудь другое изъ полезнаго въ жизни, удѣлялъ часть Архедему, звалъ, когда приносилъ жертву, и оказывалъ другія подобныя заботы. Въ свою очередь и Архедемъ, считая домъ Критона своимъ убѣжищемъ, весьма хлопоталъ о его благосостояніи. При первомъ же удобномъ случаѣ открываетъ онъ множество преступленій, совершенныхъ досаждав-

¹⁾ Plato, Gorg. 508, E, сл., 521, C, слѣд. Отвѣтъ Сократа я привожу не въ переводѣ, а въ изложеніи.

²⁾ Xenoph. Memor. II, 9.

шими Критону сикофантами и многихъ враждебно-настроенныхъ противъ нихъ лицъ, и требуетъ одного изъ этихъ донощиковъ передъ народный судъ, съ тѣмъ, чтобы тотъ наложилъ на него какое-нибудь наказаніе или же заставилъ уплатить пеню. Тотъ, зная за собою множество преступнаго, дѣлалъ все, чтобы отвязаться отъ Архедема. Архедемъ однако не отставалъ до тѣхъ поръ, пока донощикъ не оставилъ Критона въ покоѣ и самому ему не уплатилъ денегъ. Послѣ этого и другихъ такихъ же успѣховъ Архедема, подобно тому, какъ къ пастуху, имѣющему хорошую собаку, и другіе пастухи стараются ставить поближе свои стада, чтобы этою собакою воспользоваться, точно также и къ Критону многіе друзья стали обращаться съ просьбой сдѣлать Архедема и ихъ сторожемъ. Архедемъ охотно исполнялъ желанія Критона, и не только самъ Критонъ, но и его друзья стали жить въ покоѣ⁴.

Эта картина плачущихъ старцевъ „среди помраченія правды“ подстрѣденныхъ словами ловкаго судейскаго дѣльца, это свидѣтельство о полной возможности давать безнаказанно своимъ ближнимъ плюхи, грабить и убивать, и этотъ разсказъ о необходимости человеку держать человека-собаку для отраженія людей-волковъ, какъ и вообще все, что было мною со словъ древнихъ сказано о настроеніи афинской демократіи, не соответствуетъ ни тѣмъ поэтическимъ Афинамъ¹⁾, гдѣ въ самомъ воздухѣ посѣяна мудрость и насаждена гармонія, гдѣ вѣнчанная благоухающими розами Киприда посылаетъ любовь въ помощницы мудрости и для содѣйствія всякой добродѣтели, и гдѣ поэтому преступникъ не можетъ найти себѣ мѣста²⁾, ни идеалу человеческого достоинства, ни грезамъ о спасительномъ будто бы для этого достоинства царствѣ равенства и свободы. Не слѣдуетъ однако забывать разницы между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что подсказываетъ наше сердце. Исполняютъ-ли люди когда-нибудь данный имъ Побѣдителемъ міра³⁾ завѣтъ любить ближняго какъ самого себя — какъ желаетъ вѣрить современная этика прогресса⁴⁾, — этотъ вопросъ всякій можетъ рѣшать по своему. Но пока завѣтъ любви не исполненъ, до тѣхъ поръ жизнь, откуда бы мы ни стали смотрѣть на нее — съ вершины-ли идеальнаго философскаго и религіознаго міровоззрѣнія, или

¹⁾ Сходную съ предложенною мною оцѣнку афинской демократіи даетъ J. Schwarcz, *Die Demokratie*, I, Leipzig. 1877—1882. Сколь ни блестящи отдѣльныя части этого труда, въ общемъ его нельзя признать ни строго основательнымъ, ни безпристрастнымъ. Мнѣ пришлось съ нимъ познакомиться уже тогда, когда настоящая глава была въ печати; поэтому я имѣлъ возможность имъ воспользоваться лишь въ незначительной мѣрѣ.

²⁾ Eurip. *Medea* 824—845 и далѣе.

³⁾ Ioann. XVI, 33.

⁴⁾ Spencer, *The Data of Ethics*, p. 242, sq.

съ точки зрѣнія равнодушнаго ко всему высокому естествовѣдѣнію, — повсюду будетъ представлять одно и тоже поприще неустанной борьбы, гдѣ сильный тѣснить слабого ¹⁾; до тѣхъ поръ и слова „равенство и свобода“ могутъ имѣть въ человѣческомъ обществѣ только ограниченный смыслъ: равенство возможно лишь передъ закономъ и блюдущей законъ властью; свобода лишь въ томъ случаѣ, если эта власть стоитъ на стражѣ закона твердо и неусыпно. Обольстительное для отвлекающаго воображенія народовластіе на дѣлѣ не что иное, какъ чередованіе гнета отрѣзняющихъ одна другую партій, послушныхъ каждый разъ произволу сильнѣйшаго вождя. И какъ бы въ послѣдніе заносчивой самоувѣренности человѣческаго достоинства, весь пережитой историческій опытъ свидѣтельствуетъ убѣдительно, что самая жестокая тиранія возникаетъ на почвѣ разнузданной свободы ²⁾ и самыя отвратительныя себялюбивыя страсти выводятся наружу измыщленнымъ братствомъ ³⁾. Въ государствѣ съ неизбежнымъ порядкомъ и съ неустанно блюдущей законы властью возможно вмѣстѣ съ Пиндаромъ ⁴⁾ сомнѣваться, восходятъ-ли люди на высокую стѣну путемъ правды или извилистыми тропами обмана; но тамъ, гдѣ всякій жаждетъ замѣнить собою законъ и гдѣ поэтому нѣтъ никакого постоянного закона, гдѣ всякій на перебой другому стремится ко власти и гдѣ поэтому нѣтъ никакой твердой власти, гдѣ, однимъ словомъ, го-

¹⁾ Ср. выше, стр. 160, пр. 1.

²⁾ См. выше, стр. 61; стр. 165, пр. 2. Аристотель былъ поэтому совершенно правъ, что ἡ δημοκρατία ἢ τελευταία τυραννίς ἐστίν (Pol. V, 10, 1312b, 6 и друг.).

³⁾ Ср. Sadre, Histoire du Communisme, ou réputation historique des utopies socialistes, 5-ше éd. Paris, 1856 (дѣльное, ясное, безпристрастное изслѣдованіе). Въ Афинахъ во времена охлократіи, точно такъ же какъ во Франціи во времена демократическихъ движеній въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ концѣ прошлаго, были въ ходу и коммунистическія теоріи. Доказательствомъ служатъ «Государство» Платона и Аристофановы «Бабье Собраніе» и «Богатство». Нелѣпости коммунизма представлены въ первой изъ этихъ комедій съ неоставляющею ничего желать ясностью. Заслуживаютъ для правильной оцѣнки коммунизма также вниманія слѣдующія разсудительныя замѣчанія, направленные Аристотелемъ противъ Платона (Polit. II, 5, 1263b, 15, слѣд.): εὐπρόσωπος μὲν οὖν ἡ τοιαύτη νομοθεσία καὶ φιλόανθρωπος ἀν εἶναι δόξειεν ὁ γὰρ ἀκροώμενος ἀσμενος ἀποδέχεται, νομίζων ἔσσεσθαι φιλίαν τινὰ θαυμαστὴν πᾶσι πρὸς ἀπαντας, ἄλλως τε καὶ ὅταν κατηγορῇ τις τῶν νῦν ὑπαρχόντων ἐν ταῖς πολιτείαις κακῶν ὡς γινομένων διὰ τὸ μὴ κοινὴν εἶναι τὴν οὐσίαν, λέγω δὲ δίκας τε πρὸς ἀλλήλους περὶ συμβολαίων καὶ ψευδομαρτυρίων κρίσεις καὶ πλουσίων κολακείας. ὧν οὐδὲν γίνεται διὰ τὴν ἀκοινωνησίαν ἀλλὰ διὰ τὴν μοχθηρίαν, ἐπεὶ καὶ τοὺς κοινὰ κερτημένους καὶ κοινωνοῦντας πολλὰ διαφερομένους μᾶλλον ὀρώμεν ἢ τοὺς χωρὶς τὰς αὐσίας ἔχοντας ἢ ἀλλὰ θεωροῦμεν ὀλίγους τοὺς ἐκ τῶν κοινωπιῶν διαφερομένους πρὸς πολλοὺς συμβάλλοντες τοὺς κερτημένους ἰδίᾳ τὰς κτήσεις.

⁴⁾ (См. выше, стр. 94, пр. 1.

сударемъ бываетъ „многоголовый звѣрь“¹⁾,—тамъ на поставленный Пиндаромъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: на высокую стѣну люди восходятъ либо насиліемъ, либо извилистыми тропами обмана²⁾. Проницательные и опытные сами хорошо знаютъ и легко находятъ излучины обмана; для людей неопытныхъ и непроницательныхъ нужны ловкіе и искусные проводники. Въ Аэинахъ, гдѣ народовластіе водворялось всею ихъ исторіей, во времени его полнаго разцвѣта появился цѣлый разрядъ такихъ проводниковъ. Этими проводниками были софисты³⁾.

---

¹⁾ Ср. Plato, De Rep. 493, A, сл.; 496, D; 588, C, сл.; Euthyd. 290, A; Theaet. 176, D.

²⁾ Ср. Thuc. III, 82, 4, сл. (См. выше, стр. 190, сл.). Plato, Theaet. 173, A—B: ἔξ ἀπάντων τούτων ἔντονοι καὶ δριμεῖς γίγνονται (демократическіе дѣятели), ἐπιστάμενοι τὸν δεσπότην λόγῳ τε θωπεύσαι καὶ ἔργῳ χάρισασθαι, μικροὶ δὲ καὶ οὐκ ὀρθοὶ τὰς ψυχὰς. τὴν γὰρ αἰξὴν καὶ τὸ εὐθὺ τε καὶ τὸ ἐλεύθερον ἢ ἐκ νέων δουλεία ἀφήρηται, ἀναγκάζουσα πράττειν σκολιά, μεγάλους κινδύνους καὶ φόβους ἔτι ἀπαλαῖς ψυχαῖς ἐπιβάλλουσα, οὓς οὐ δυνάμενοι μετὰ τοῦ δικαίου καὶ ἀληθοῦς ὑποφέρειν, εὐθὺς ἐπὶ τὸ ψευδὸς τε καὶ τὸ ἀλλήλους ἀνταδικεῖν τρεπόμενοι πολλὰ κάμπτονται καὶ συγκλῶνται, ὥσθ' ὑγιές οὐδὲν ἔχοντες τῆς διανοίας εἰς ἀνδρας ἐκ μεираκίων τελευτῶσι, δεινοὶ τε καὶ σοφοὶ γεγονότες, ὡς οἴονται.

³⁾ Какъ сильно было, особенно въ молодыхъ аэинянахъ, желаніе взобраться «на высокую стѣну», всего лучше можно видѣть изъ разговоръ Сократа съ Алкивиадомъ (Plato, Alcib. I и II), Евандемомъ (Xenoph. Memog. IV, 2 и 3) и Главкономъ (ibid. III, 6). Послѣдній желалъ стать во главѣ государства, не имѣя еще и двадцати лѣтъ отъ роду, и неоднократно порывался взобраться — правда, не на высокую стѣну, а на ораторскую трибуну, чтобы оттуда руководить аэинянами, но каждый разъ бывалъ стаскиваемъ при общемъ хохотѣ, пока Сократъ его не отвадилъ отъ этихъ попытокъ.

ДОПОЛНЕНИЯ, ПОПРАВКИ И ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
12	15	сверху Clem. Alex. I, 280	Clem. Alex. Strom. I, 280
—	16	> II, 2, p. 16	II, 1, p. 16
—	8	снизу Гермесь	Гермесъ
17	16	сверху σεσόφισμένος	σεσοφισμένος
—	30	> Aristoph. Nub. 206 и пр.	Aristoph. Nubes 206 (хитрая штука); Aves 431, Plut. 160 (ухищрение); Ra- nae 17, 871 (хитрые слова), 1102
22	1, 2, 3 и 4	сн. 47, 48, 51, 50	1, 2, 3, 4, 5
27	12	снизу Элеать	Елеець
25	5	> Эвондемъ	Евондемъ
—	19	сверху ими самихъ	ими самими
31	4	> тщеславной наживы	тщеславія и наживы
—	12 и 13	сн. διατριβαίς	διατριβαίς и вмѣсто ἐπὶ τὸ σλῆδ. ἐπὶ τὸ
38	16	снизу Къ слову «теоріями» слѣдуетъ сдѣлать примѣчаніе: Ср. особенно Plut. Them. II: μάλλον οὖν ἂν τις προσέχοι τοῖς Μνησιφίλου τὸν Θεμιστοκλέα τοῦ Φρεαρίου ζηλωτὴν γενέσθαι λέγουσιν, οὔτε ῥήτορος ὄντος, οὔτε τῶν φυσικῶν κληθέντων φιλοσόφων, ἀλλὰ τὴν τότε καλουμένην σοφίαν, οὐσαν δὲ δεινότητα πολιτικῆν, καὶ δραστήριον σύνεσιν, ἐπιτήδευμα πεπονημένου καὶ διασώζοντος ὡς περ αἴρεσιν ἐκ διαδοχῆς ἀπὸ Σόλωνος· ἦν οἱ μετὰ ταῦτα δικανικαῖς μίξαντες τέχναις, καὶ μεταγατόντες ἀπὸ τῶν πράξεων τὴν ἀσκήσιν ἐπὶ τοῖς λόγοις, σοφισταὶ προσηγορεύθησαν.	
61	6	снизу стр. 53, пр. 5 и слѣд.	стр. 54, пр. 1 и слѣд.
62	19	сверху другихъ вѣшалъ	другихъ душилъ
63	9	снизу кимаринзевъ	камаринянь
66	2	> χειρον	χειρον
69	1	> Pericl. XI	Pericl. IX
76	1	сверху къ словамъ «по природѣ» должно сдѣлать сноску: Ср. Xenoph. Memog. IV, 4, 14: καὶ ὁ Ἰππίας, Νόμους δ' ἔφη, ὡ Σώκратες, πῶς ἂν τις ἠγήσαστο σπουδαῖον πράγμ' εἶναι ἢ τὸ πείθεσθαι αὐτοῖς, οὓς γε πολλάκις αὐτοὶ οἱ θέμενοι ἀποδοκιμάσαντες μετατίθενται. Ср. также Plato, Theaet. 160, C.	
76	4	сверху къ словамъ «въ одолѣніи силой» слѣдуетъ въ сноскѣ прибавить: См. ниже, стр. 82, слѣд. См. также главу V.	

II

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
77	23	сверху къ половинѣ V вѣка	къ концу V вѣка
—	10	снизу πείθομαι	πείθομαι
79	4	> оргіями,	оргіями (Aristot. Poet. IV, 11—12 Sus.)
83	5	сверху «Говорятъ—будто	«Скажетъ ли кто—что на небесахъ
86	2	снизу этому хору	этому хору въ «Антигонѣ»
87	18	> 1706	1077
88	7	> Коркѹра	Κερκϋρα
—	4	> Aves, 549; Nubes	Aves 549, 1253, сл.; Nubes
89	3	> Ion	Io
95	3	> См. особ. Protag. 349, E: Φέρε. Ср. особ. Protag. 333, C: ἀρά-τί σοι δοκεῖ ἀδικῶν ἀνθρώπος σωφρωνεῖν, διτι ἀδικεῖ (спрашиваетъ Сократъ у Протагора); Αἰσχουνοῖμην ἂν ἔγωγ', ἔφη (Протагоръ), τοῦθ' ὁμολογεῖν, ἐπεὶ πολλοὶ γέ φασι τῶν ἀνθρώπων.	
96	5	снизу Hipp. Minor	Hipp. Major
97	14	> съ ученіемъ Апостола	съ ученіемъ Евангелія (Math. XV, 19) и Апостола
101	11	сверху до V вѣка	до второй половины V вѣка
—	12	> > >	до этого времени
102	1	> съ V вѣка	со второй половины V вѣка
113	9	снизу Демокрита и Филолая	Демокрита, Филолая и Архелая.
—	1	> οὐ νόμω.	οὐ νόμω, послѣдній совершенно въ духѣ софистовъ (Diog. Laert. II, 17) ἔλεγε... καὶ τὸ δίκαιον εἶναι καὶ τὸ αἰσχρὸν οὐ φύσει ἀλλὰ νόμω.
117	23	снизу Гераклитова ученія;	Гераклитова ученія (Plato, Theaet 152, D, сл.);
119	18	> Ξενοφάνην	Ξενοφάνην
122	10	> ἀεὶ	ἀεὶ
131	14	> стр. прим.	стр. 133, прим. 3.
136	12	> τιγε	τιν'
141	13	> выше, прим.	выше, прим. 3.
147	—	> ὁ μὲν	ὁ μὲν
—	1	> ἀπαθές ὑπὸ	ἀπαθές ὑπὸ
150	29	> Демокрита.	Демокрита (Diog. Laert. IX, 53; Philostr. Vitae Soph. I, 10, 1; Clemens, Strom. I, 301; Galen Hist. Phil. c. 2).
—	13	снизу возраста. Подробнѣе	возраста. Предполагать обратное, т.-е. что Демокритъ усвоилъ Протагорову теорію, вѣтъ никакого основанія. Подробнѣе
152	5	снизу самое большое	самое большее
154	15	> Κορίνθιος	Κορύνθιος
157	16	> на отвращеніе	■ на отвращеніе
160	18	> Selbstgefühl	Selbstgefühl
—	1	> 4	1
162	2	сверху lectotem	lectorem
—	11	> Spinosa	Spinoza

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Следуетъ читать.</i>
166	3	сверху αἰσχρόν	αἰσχρόν. Tacit. Dialog. 5: quid est tutius quam eam exercere artem, qua semper armatus praesidium amicis, opem alienis, salutem periclitantibus, invidis vero et inimicis metum et terrorem ultro feras, ipse securus et quadam velut perpetua potentia ac potestate munitus? eloquentia, praesidium simul ac telum, qua propugnare pariter, et incessere, sive in judicio, sive in senatu, sive apud principem possis.
167	16	снизу ἠναγκασμένον ὑπηρετεῖν	ἠναγκασμένον ὑπηρετεῖν
172	2	сверху πολὺ	πολὺ
—	9	снизу τί ἐστὶ	τί ἐστὶ
—	14	> Athen. XX, 71	Athen. X, с. 71, р. 449, E
173	10	> ἁρμονίας	ἁρμονίας
—	19	сверху αἰδοῖοσι	αἰδοῖοσι
174	20	снизу тебя будутъ называть, какъ Гиппократовыхъ дѣтей,	ты будешь подобенъ Грппократовымъ дѣтямъ и тебя будутъ называть
175	14	сверху κῶλη	κῶλη
183	21	> κατ'εχόδασι με	κατ'εχόδασι με
184	11	снизу βουλευθῶσιν.	βουλευθῶσιν. Ср. также приведенныя на стр. 54 свидѣтельства Аристотеля, Платона и Еврипида.
192	15	снизу Phaedr. 267, C—D	Phaedr. 266, C—D
196	17	> Гелоновъ	Гелона
203	4	сверху βῆδαго старика	сѣдаго старика

5 ✓

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

122 598 742

